

Институциональные особенности модернизации аграрного сектора в России (вторая половина XIX — начало XX в.)

Н. А. Розинская

МОНОГРАФИЯ

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет

Н. А. Розинская

**Институциональные
особенности модернизации
аграрного сектора в России
(вторая половина XIX —
начало XX в.)**

Москва
2025

УДК 338.43
ББК 65.32
Р64

Розинская Н. А.

Институциональные особенности модернизации аграрного сектора в России (вторая половина XIX — начало XX в.). — М.: Экономический факультет МГУ, 2025. — 360 с. — URL: <https://www.econ.msu.ru/elibrary/is/bef/#top>

ISBN 978-5-907690-87-5

В работе исследуется институциональная специфика аграрного сектора дореволюционной России и роль основных институтов аграрного сектора в процессе модернизации сельского хозяйства и социально-экономической системы страны в целом. В фокусе внимания автора находится аграрный переворот, рассматриваемый как комплекс институциональных, технологических и социальных изменений в аграрном секторе. Сравнительный анализ процесса аграрной модернизации в различных странах позволил выявить критерии завершенности аграрного переворота. В работе оценивается уровень развития аграрного сектора России и соответствие российской действительности исследуемого периода выявленным критериям завершенности аграрного переворота на различных уровнях: макроуровне, региональном уровне и микроуровне. Большое внимание в работе уделяется влиянию экспорта зерна на социально-экономическое развитие страны, встроенности крестьянских хозяйств в рыночные отношения и проблемам дифференциации крестьянства.

УДК 338.43
ББК 65.32

ISBN 978-5-907690-87-5

© МГУ имени М. В. Ломоносова,
Экономический факультет, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Теоретические и исторические основы исследования институциональных особенностей аграрных преобразований	37
1.1. Теоретические концепции аграрной трансформации при переходе от традиционного общества к «обществу современного экономического роста»	37
1.2. Концепция институционального конструктора	58
1.3. Исторический опыт аграрного перехода от традиционного общества к «обществу современного экономического роста»: институциональные страновые особенности.....	73
1.4. Используемые в работе статистические источники по аграрным преобразованиям в Российской империи	107
Глава 2. Основные характеристики перехода России от традиционного общества к «обществу современного экономического роста» на рубеже XIX–XX вв.....	119
2.1. Оценки процесса трансформации социально-экономической системы в России на основе агрегированных показателей.....	119
2.2. Оценка процесса аграрной трансформации в России в региональном разрезе	138
2.3. Микроанализ крестьянского хозяйства на примере регионов Российской империи	169
2.4. Влияние экспорта зерна на социально-экономическое развитие России в исследуемый период	192
Глава 3. Анализ институциональных особенностей аграрного переворота в России на рубеже XIX–XX вв.....	238
3.1. Эволюция прав собственности податного населения на землю и институциональная основа крестьянского землевладения	238

3.2. Сравнительный анализ (не)рыночного поведения крестьянских и частновладельческих хозяйств.....	256
3.3. Дифференциация крестьянства после Аграрной реформы П. А. Столыпина	274
Заключение.	314
Библиография	320

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент историческая наука находится на том этапе, когда появилась возможность с помощью количественных методов разрешить многие дискуссионные вопросы, проверяя выдвинутые различными учеными гипотезы. Особенно это относится к экономической истории, в рамках которой накоплен огромный статистический материал. Если в ряде других стран, прежде всего Западной Европы и Северной Америки, процесс использования количественных методов начался в 70-е гг. XX в. и с начала XXI в., по сути, стал преобладать в историко-экономических науках, то в России, если не считать попыток отдельных авторов в 90-е гг. применять количественные методы¹, этот процесс начинает набирать силы только сейчас.

Несмотря на огромное количество исследований эволюции аграрного сектора дореволюционной России, в настоящее время остаются дискуссионными большое количество вопросов. Одни из этих вопросов имеют значение только для исторических наук, другие — для понимания процессов, происходящих сегодня. Многие из этих вопросов сильно политизированы и являются серьезной проблемой для консолидации общества. Исходя из значимости нахождения консенсуса по драматичным периодам нашей истории, представляется важным вернуться к наиболее дискуссионным вопросам и, применяя не использовавшиеся ранее количественные методы, попытаться найти аргументы в пользу той или иной версии.

Одним из таких значимых для нашей страны вопросов является дискуссия о воздействии событий начала XX в. на долгосрочный экономический рост. Существуют две противоположные точки зрения: одни считают, что сворачивание рыночных отношений после Октябрьской революции дало возможность России в кратчайшие сроки провести мо-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. АН СССР, Отделение истории. М.: Наука, 1987; Бородин Л. И. Математические модели в исторических исследованиях: *deus ex machina?* // Математическое моделирование исторических процессов. М.: Изд-во Мосгорархив, 1996. С. 6—30; Разумов Л. В. Расслоение крестьянства Центрально-промышленного района в конце XIX — начале XX века. Опыт количественного анализа по данным земской статистики. М., 1996.

дернизацию и превратиться в мощную индустриальную державу¹; другие утверждают, что экономический рост перед Первой мировой войной был настолько быстрым, что, не случись революция, Россия смогла бы приблизиться по экономическим показателям к ведущим мировым державам без всех тех испытаний, к которым привел социалистический эксперимент².

Одним из важнейших аргументов последних было утверждение, что после столыпинской реформы ускорились бы процесс модернизации аграрного сектора, формирование рыночных отношений, т.е. рынков земли и труда: рост доли частной собственности на землю, сделок с землей, наемного труда, в том числе из-за социально-экономической дифференциации. Усиление экономических стимулов сделало бы сельское хозяйство более эффективным, повысило бы производительность труда в аграрном секторе, а вытесненные из него лишние рабочие руки мигрировали бы в города, формируя рынок рабочей силы для промышленности. Именно такого рода процессы можно было наблюдать в Англии, Германии, в определенной степени во Франции и в других странах, где переход к рыночным отношениям начался намного раньше, чем в России. В литературе данный процесс — процесс трансформации аграрного сектора в странах Западной Европы — получил название «аграрная революция», или «аграрный переворот».

В связи с этим встает вопрос: имела ли место аграрная революция / аграрный переворот в России — процесс, результатом которого должен был стать значительный рост производительности труда и земли? На этот вопрос нет однозначного ответа в литературе. И одной из причин этого является то, что, несмотря на ряд дискуссий о хронологических рамках и сути аграрной революции / аграрного переворота, ни к концу советского периода, ни к настоящему времени в российском историческом сообществе не пришли к консенсусу относительно понятий «аграрная революция» и «аграрный переворот». В статье позднесоветского периода это признает авторитетный исследователь аграрного сектора России

¹ Попов В. В. Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 3(15). С. 35–65; Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // The Economic History Review. NewSeries. 1999. Vol. 52, No. 2. P. 209–235.

² Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 61–74; Markevich A., Harrison M. Russia's Home Front, 1914–1922: The Economy. A chapter for multi-volumes project McDonald, D., Steinberg, J., and Heywood, A. (Eds.) Russia's Great War and Revolution, 1914–1922: the Centennial Reappraisal. Slavica, 2018.

В. В. Кабанов. Рассмотрев дискуссии и различные трактовки термина «аграрная революция», он пишет: «“Перегрузки” понятия (аграрная революция. — *Прим. авт.*) происходят, вероятно, потому что мы просто не знаем, что такое аграрная революция»¹. В постсоветский период истории отошли от формальных схем, которые сдерживали развитие теории, попытались переосмыслить понятие «аграрная революция» / «аграрный переворот» и определить, когда она произошла в России. Результаты этих дискуссий были изложены в работе Д. А. Сафонова, где он так же, как и ранее в 1989 г. В. В. Кабанов, делает вывод об отсутствии убедительной концепции по данному вопросу и необходимости дальнейших исследований².

Аграрная революция / аграрный переворот являлась основой для устойчивого экономического роста в странах Западной Европы, поэтому важно понять, насколько специфическими были проблемы, которые мешали реализации аграрной революции / аграрного переворота в России. Понимание этих причин поможет сфокусироваться и на том, что разделяет различные эпохи в истории нашей страны, и, кроме того, увидеть преемственность и лучше понять настоящее.

Учитывая, что сравнения с другими странами будут плодотворны только в случае, если используемая терминология будет обозначать схожие явления, представляется важной теоретической задачей рассмотреть процессы, происходившие в дореволюционной России, с точки зрения концепции аграрной революции / аграрного переворота так, как она понимается для объяснения социально-экономических процессов в странах Западной Европы.

Выбор в качестве основных вопросов анализа в данной работе проблем эффективности и рыночности крестьянских хозяйств и влияния экспорта зерна на модернизацию экономики связан с тем, что именно с помощью этих факторов можно выявить соответствие или несоответствие завершенности аграрной революции / аграрного переворота и в определенной степени выявить причины этого явления.

Кроме перечисленных выше дискуссионных вопросов, расходятся оценки и степени развития аграрного сектора в исследуемый период как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Многие дореволюционные авторы (народники, марксисты), советские авторы и ряд запад-

¹ Кабанов В. В. Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 28–44.

² Сафонов Д. А. Аграрная революция: российское прочтение // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019.

ных исследователей писали о кризисе в сельском хозяйстве¹. С 1970-х гг. появляются работы в западной литературе, оспаривающие эту точку зрения², а после перестройки появляются и в российской литературе³. Неоднозначность оценок во многом связана с тем, что в тот период шли серьезные трансформационные процессы в российской экономике в целом и в аграрном секторе в частности, а также со значительными региональными различиями. Одни авторы обращали больше внимания на рост производства, перевозок сельскохозяйственной продукции, экспорта, другие — на бедность крестьян, архаичность применяемых технологий, проблему малоземелья и т.д., причем в различных губерниях как позитивные, так и негативные тенденции развивались с разной степенью интенсивности. В связи с такой полярностью мнений представляется интересным проверить ряд наиболее дискуссионных гипотез, выдвигаемых различными сторонами.

Кроме того, прикладное значение имеет исследование домашних хозяйств, интерес к которому остается актуальным и на современном этапе. В современных условиях для ученых остаются важными вопросы потенциала и стратегии домашних хозяйств в переходной экономике.

Прикладное значение для понимания современной экономики имеет также исследование экспорта зерна и его влияние на экономический рост, так как проблема «ресурсного проклятья» по-прежнему актуальна в России и ряде других стран.

Последнее, что хотелось бы отметить: более глубокое понимание процессов, имевших место в дореволюционной России, будет способствовать

¹ Постников В. Е. Южнорусское крестьянское хозяйство. М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1891; Хромов П. А. Экономика России периода промышленного капитализма. Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра полит. экономии. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1963; Чупров А. И. Речи и статьи: Т. 1—3; Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / науч. ред. А. А. Белых, пер. с англ. А. В. Белых; Российская акад. народного хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. М.: Изд. дом Дело, 2015; Robinson G. T. Rural Russia under the Old Regime. Berkeley & L. A., Uni. of California press, 1972.

² Simms J. The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View // *Slavic Review*. 1977. Vol. 36, No. 3. P. 377—398; Hoch S. On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53, No. 1. P. 41—75.

³ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVII — начало XX века / Российская акад. наук, Ин-т Российской истории. М.: Новый хронограф, 2010; Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Вите — Столыпина. 2-е изд., исправл. и дополн. СПб.: Алетейя, 2016.

преодолению жесткого схематизма, долгое время преобладавшего в исторической науке¹.

Используемая терминология

Ниже приводятся определения терминов в том варианте (из огромного многообразия определений), в котором данные термины будут использоваться в работе.

Традиционное общество — общество, которое в большой степени регулируется обычаями. Сохранение традиций является в нем более высокой ценностью, чем развитие. Общественный уклад в нем характеризуется жесткой сословной иерархией, существованием устойчивых социальных общностей, особым способом регуляции жизни общества, основанном на традициях, обычаях².

Общество «современного экономического роста» — общество, в котором долгосрочные темпы роста производства устойчиво превышают темпы роста населения. (На протяжении тысячелетий было иначе: эти темпы примерно совпадали, и жизненный уровень людей почти не повышался.) Первым это явление обнаружил и описал американский экономист С. Кузнец³.

Модернизация социально-экономической системы — переход от традиционного общества к обществу «современного экономического роста».

Аграрная революция — институциональные изменения системы землевладения, которые ведут к внедрению технологических инноваций, что, в свою очередь, значительно — в 2 и более раз — повышает производительность земли и труда. Это приводит к принципиальным социально-экономическим изменениям. (История термина и дискуссии о его сути будут рассмотрены в п. 1.1, там же предложено решение для устранения терминологической путаницы.)

Аграрный переворот — то же самое, что аграрная революция. Термин возник при переводе с английского термина «agrarian revolution» по аналогии с переводом термина «industrial revolution», который иногда переводили как «промышленный переворот», а иногда как «промышленная революция».

¹ Кузнецов И. А. Аграрная революция 1917 года в России: стоит ли изучать экономическую историю, забыв о печальном конце? // Крестьяноведение (Russian Peasant Studies). 2019. Т. 4, № 1. С. 22–43.

² URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/49424> (дата обращения: 17.05.2023).

³ Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread, 1966.

Аграрная эволюция — институциональные и/или организационные изменения в способах производства продукции в аграрном секторе, которые могут сопровождаться технологическими изменениями⁴.

Степень разработанности темы

На сегодняшний день как в российской, так и в зарубежной литературе существует огромное количество работ, посвященных общим и специфическим проблемам аграрного сектора дореволюционной России. Наиболее фундаментальными трудами, которые стали основой для данного исследования, являются работы П. И. Ляшенко, А. С. Нифонтова, А. М. Анфимова, Б. Н. Миронова, И. Д. Ковальченко, П. Н. Зырянова, А. В. Островского, М. А. Давыдова⁵.

Рассматривая названные работы в качестве отправной базы для исследований, связанных с эволюцией аграрного сектора в дореволюционной России, важно отметить, что их авторы, как правило, используют агрегированные данные. Данные на уровне уездов или микроданные применяются ими преимущественно иллюстративно, без применения количественных методов. Подход данной работы иной. Во-первых, рассматривается ряд вопросов на менее агрегированном уровне, а именно на уровне отдельных

⁴ Термин «аграрная эволюция» применительно к изучению российского сельского хозяйства был подвергнут жесткой критике со стороны ряда исследователей аграрного сектора (см., например: Литошенко Л. Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923).

⁵ Ляшенко П. И. Очерки аграрной эволюции России. СПб., 1908; Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1909; Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. По материалам ежегодной статистики урожая Европейской России. М., 1974.; Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980; Его же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России 1881–1904. М., 1984; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Наука, 1982; Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988; Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг. Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1992; Мионов Б. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010; Мионов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014, 2015; Мионов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019; Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX века. СПб., 2013; Давыдов М. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте — Столыпина. СПб.: Алетейя, 2016.

губерний, уездов и отдельных домохозяйств; во-вторых, проводится количественный анализ этих данных, что позволяет проверить ряд гипотез и представить подтверждения/опровержения по вопросам, которые до сих пор являются дискуссионными.

В данном разделе среди обобщающих работ рассматриваются те, где поднимался вопрос аграрной революции / аграрного переворота, а среди работ, посвященных отдельным проблемам, преимущественно будут рассматриваться работы тех авторов, которые использовали статистический и эконометрический анализ для проверки своих гипотез. Это позволит продемонстрировать, что именно было сделано к настоящему моменту в данной области.

В дореволюционной и советской литературе термин «аграрная революция» не получил широкого распространения. В тех работах, где он употреблялся, прежде всего у В. И. Ленина, термин «аграрная революция» использовался для обозначения процесса революционного перераспределения земли в пользу крестьян, поэтому сам В. И. Ленин чаще использует термин «крестьянская аграрная революция»¹. Вслед за В. И. Лениным и другие советские авторы под аграрной революцией понимали, прежде всего, изменения в землевладении после 1917 г.²

Стоит отметить, что в 1900 г. вышла работа К. Каутского «Аграрный вопрос», которую В. И. Ленин высоко оценил. В работе были описаны стадии перехода к интенсивному («современному» в терминологии Каутского) землепользованию применительно к странам Западной Европы, и автором используется именно термин «аграрный переворот» для обозначения этого перехода³.

Среди публикаций дореволюционного периода стоит выделить работу Н. П. Огановского, который, не употребляя термин «аграрная революция / аграрный переворот», по сути, изложил теорию этого вопроса. В первом томе своей работы «Закономерности аграрной эволюции» он выделяет три фазы аграрной эволюции: доземледельческая, земледельческая экстенсивная и земледельческая интенсивная. При анализе перехода от второй

¹ Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 17. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1964. С. 57–137; Его же. Аграрный вопрос и критики Маркса // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 17. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1964. С. 95–268.

² Кабанов В. В. Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 28–44.

³ Каутский К. Аграрный вопрос. Харьков, 1900. С. 26–30. URL: https://vk.com/doc-170974443_572192242?hash=8mvAhhISY8qFMG9qmhAQhpGjBmiO86tafQZAbr5TZjP (дата обращения: 17.05.2023).

фазы к третьей Н. П. Огановский описывает механизм аграрного переворота, который имел место в странах Западной Европы, и выделяет характерные черты этого процесса. Во втором томе он излагает аграрную историю России со времен Киевской Руси и исследует, насколько эволюция аграрного сектора в России соответствовала трем перечисленным выше фазам¹.

Примерно в это же время похожие идеи высказывает А. Н. Челинцев². В работе 1910 г. он также выделяет этапы сельскохозяйственной эволюции и, не используя термин «аграрная революция / аграрный переворот», показывает механизм и критерии перехода сельского хозяйства от экстенсивного трехполья к интенсивной плодосменной системе земледелия³. Особенно интересной в этой работе является попытка выявить в европейской части Российской империи регионы, соответствующие этим этапам сельскохозяйственной эволюции. Используя статистические данные по количеству земель под паром, количеству земель под техническими культурами, процент травосеяния, уровень развития животноводства, А. Н. Челинцев показывает, насколько тот или другой регион близок или далек от перехода к интенсивным формам земледелия. Он рассматривает регионы России как растянутые в пространстве этапы аграрной эволюции⁴. В качестве главных причин перехода к интенсивному хозяйству А. Н. Челинцев называет рост плотности населения и углубление специализации (разделения труда), связанное с ростом уровня урбанизации, но тогда встает вопрос, почему в Китае XII–XIII вв., где присутствовали эти признаки, не произошел описываемый А. Н. Челинцевым переход.

Тем не менее идеи Челинцева очень интересны, по сути, он пытается ответить на тот же вопрос, который ставится в данной работе, делает в этом направлении первые очень важные шаги и показывает пути дальнейшего исследования данного вопроса. К огромному сожалению, работы Н. П. Огановского и А. Н. Челинцева не оказались востребованными ни тогда, ни после революции, и высказанные ими тезисы не получили дальнейшего развития.

¹ Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. В 3 т. Т. 1. Саратов, 1909.

² Челинцев А. Н. Очерки по сельскохозяйственной экономии. III. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельско-хозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. URL: <http://elibrary.ru/books/free/0380/380774/8/#zoom=z> (дата обращения: 15.03.2022).

³ Здесь Челинцев ссылается на работу Бруцкуса и выражает солидарность с его взглядами по вопросам систем хозяйствования (Челинцев А. Н. Указ. соч. С. 11).

⁴ Челинцев А. Н. Указ. соч. С. 12.

На современном этапе в русскоязычной литературе работ, посвященных аграрной революции / аграрному перевороту, очень мало. В ряде произведений, где в названии присутствует термин «аграрная революция» или «аграрный переворот», под этим процессом подразумевается перераспределение земли после Октябрьской революции 1917 г.¹ Среди них стоит выделить фундаментальный труд А. Н. Медушевского, который, помимо изложения теории «аграрной революции» в ленинском ее понимании, затрагивает проблемы прав собственности на землю и дает развернутый анализ институциональной основы землевладения², что представляется очень интересным.

Среди работ, где под термином «аграрная революция / аграрный переворот» понимаются процессы, имевшие место в странах Западной Европы при переходе к обществу «современного экономического роста», в литературе можно выделить только работы В. А. Писемского и Г. Д. Гловели. В. А. Писемский в своей статье ставит интересные вопросы: «а) в чем, собственно, состоял переворот, революция и б) был ли аграрный переворот только в Англии? И если да, то почему так вышло. А если нет, то почему он не обозначен в структуре учебников применительно к другим странам». Отвечая на эти вопросы, автор дает собственное определение аграрного переворота как перехода «от феодального (со всеми его признаками) типа собственности на землю к частно-буржуазной собственности» и предлагает его типологизацию³. Г. Дж. Гловели, опираясь на работу Н. П. Огановского, также обращает внимание на недостаточную разработанность понятия «аграрный переворот»⁴. Таким образом, можно сделать вывод,

¹ Сафонов Д. А. Аграрная революция: российское прочтение // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019; Кузнецов И. А. Аграрная революция 1917 года в России: стоит ли изучать экономическую историю, забыв о печальном конце? // Крестьяноведение (Russian peasant studies). 2019. Т. 4, № 1. С. 22–43; Романченко В. Я. К вопросу об этапах крестьянской и аграрной революции в России // Гуманитарные науки. История. 2020. № 3 (55); Саблин В. А. Европейский Север России в аграрной революции 1917–1921 годов // Вестник земельно-лесного дела. 1918. № 10. С. 22–28; Иванов А. А. Крестьянство Поволжья в аграрной революции 1917–1922 гг.: новые источники, современные публикации // Вестник Чувашского университета. 2005. № 3. С. 22–387.

² Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века. Москва — Берлин, 2015.

³ Писемский В. А. Проблемы феодальной земельной собственности в преподавании курса экономической истории // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 1. С. 150–156.

⁴ Гловели Г. Дж. Н. П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Историко-экономические исследования. URL: <https://>

что в российской историографии существуют пробелы по данному вопросу.

В современной западной историографии под «аграрной революцией» обычно понимаются процессы, которые имели место в Англии XVI—XVIII вв. С одной стороны, данный подход в целом соответствует подходу классиков марксизма¹. Но, с другой стороны, в отличие от К. Маркса эти авторы концентрировались не на социальных последствиях, а на институциональных, технологических и экономических. Поэтому в англоязычной литературе под термином «аграрная революция» понимается скачок в росте производительности труда, способствовавший росту урбанизации, развитию рынка труда и, соответственно, индустриальной революции².

В отличие от России, на Западе данный термин не является дискуссионным. Г. Ван Дер Вее в своем учебнике, выдержавшем несколько изданий и переведенном на русский язык, пишет о второй аграрной революции в США, Японии и странах Западной Европы, подразумевая, что нет необходимости объяснять, что такое первая аграрная революция и когда она была³.

Таким образом, в российской литературе, в отличие от западной, до сих пор остаются открытыми вопросы, касающиеся сути и временных рамок аграрной революции в России. В данной работе делается попытка заполнить этот пробел.

В определенной степени вопрос об аграрной революции связан с вопросом о развитии капитализма в аграрном секторе дореволюционной России. Эта тема была одной из наиболее дискуссионных как до революции, так и после нее. Дискуссия по данному вопросу выросла из попыток некоторых теоретиков доказать, что Россия может миновать капиталистическую стадию. Для опровержения этого тезиса марксисты и либералы использовали статистические данные для иллюстрации развитости капиталистических отношений в дореволюционной России, которые, по их мнению, выражались, прежде всего, в появлении буржуазных клас-

publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/214157842.pdf (дата обращения: 18.05.2023).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. Т. 23. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960.

² Overton M. *Agricultural Revolution in England 1500–1850*. Cambridge, 2002.

³ Ван Дер Вее Г. *История мировой экономики 1945–1990*. М.: Наука, 1994. Гл. 3. С. 70. URL: https://www.phantastike.com/economy/history_world_economy/djvu/view/ (дата обращения: 19.06.2023).

сов в деревне¹. Чаще всего данные брались из работ земских статистиков, где уже были сделаны группировки и посчитаны средние величины. В тех работах, где использовался количественный анализ, авторы вручную считали коэффициенты только парных регрессий, коэффициенты корреляции и базовые описательные статистики². Дискуссия того периода о дифференциации крестьян рассмотрена в данном параграфе ниже.

В послевоенный период советские ученые по этому вопросу разделились на тех, кто считал, что аграрный сектор оставался полуфеодальным и капиталистические отношения не стали в нем преобладающими³, и тех, кто оспаривал эту точку зрения. Последние, в частности С. М. Дубровский, доказывали, что капиталистические отношения были развиты и преобладал прусский путь развития в сельском хозяйстве⁴. Здесь важно то, как авторы определяли капитализм. Чаще всего предполагалось, что переход к капитализму означает расслоение населения и преобладание наемного труда. И здесь, конечно, было трудно обойтись без точного определения того, какой уровень неравенства и какая доля наемного труда достаточны, чтобы делать вывод о том, что переход произошел. Из-за невозможности провести количественный анализ данный вопрос так и оставался дискуссионным.

¹ Мнение авторов по данному вопросу со временем менялось, например, В. И. Ленин в работе 1899 г. «Развитие капитализма в России» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 3. 5-е изд. М.: Политиздат, 1971. С. 1–609) настаивал на том, что капитализм в деревне развивается быстрыми темпами, в работах 1906–1908 гг. он пишет о том, что развитость капиталистических отношений была переоценена (Ленин В. И. Пересмотр аграрной программы рабочей партии // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 12. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. С. 239–270; Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг. // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 16. 5-е изд. М.: Политиздат, 1973. С. 193–413), но в последующих работах вновь можно найти поддержку точки зрения о развитости капиталистических отношений в сельском хозяйстве (Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т.: т. 47. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. С. 226–232).

² Черненко Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. М.: Типография русского товарищества, 1905; Кущенко Г. А. Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям — 1882 и 1911 гг. / Оцен.-стат. бюро Черниговского губ. земства. Чернигов: Изд. Чернигов. губ. зем. управы, 1916; Крестьянское хозяйство по переписям 1899–1911: Епифан. уезд. Ч. 1. Тула: Тул. губ. зем. управа, 1916.

³ Анфимов А. М. Сельское хозяйство в годы Первой мировой войны (до февральской революции 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1956; Его же. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. М., 1980; Его же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. М., 1984.

⁴ Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.

Единственной работой по проблеме рыночности аграрного сектора в дореволюционный период, где использовался статистический анализ, была работа И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова «Всероссийский аграрный рынок», где авторы с помощью коэффициентов корреляции между временными рядами цен на различные виды зерна пытались показать формирование аграрного капиталистического рынка в России к началу XX в.⁵ Но стоит отметить, что в работе нет указания на проверку временных рядов на стационарность, что является необходимой предпосылкой для корреляционного или регрессионного анализа. Следовательно, без дополнительных исследований сложно безусловно доверять сделанным в работе выводам.

Таким образом, в литературе нет ответа на вопрос, когда произошел аграрный переворот (аграрная революция) в России, понимаемый как переход от традиционного общества к обществу «современного экономического роста». В данной работе предлагается вариант ответа: во-первых, формулируются критерии завершенности аграрного переворота и, во-вторых, доказывается, что, исходя из этих критериев, аграрный переворот не завершился в подавляющем большинстве регионов России в дореволюционный период.

Данное исследование не претендует на всеобъемлющий анализ всех проблем и аспектов модернизации аграрного сектора России. В нем исследуются те аспекты эволюции аграрного сектора, которые непосредственно связаны со сформулированными критериями и, соответственно, которые необходимо рассмотреть для ответа на вопрос о завершенности аграрного переворота. В связи с этим в данном параграфе будут рассматриваться работы, во-первых, посвященные отдельным характеристикам крестьянских хозяйств, а именно — эффективности крестьянских хозяйств, их инертности и уровню дифференциации. Важность подобного подхода отмечал еще Ленин: «...детальные данные о крестьянском хозяйстве, — особенно важные для нас потому, что именно в вопросах крестьянского хозяйства лежит центр тяжести современного аграрного вопроса...»⁶ Во-вторых, будут рассмотрены работы, в которых исследуются особенности российского экспорта зерна и его влияние на модернизационные процессы.

Стоит обратить внимание, что нами не предполагается создание альтернативной существующим теории крестьянского хозяйства или ис-

⁵ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 5. 5-е изд. М.: Политиздат, 1967. С. 192.

черпывающее исследование рынка зерна. Целью исследования является проверка сформулированных к настоящему моменту гипотез с использованием количественных методов, которые ранее были недоступны ученым-аграрникам.

Работы, в которых используются статистические данные для исследования крестьянских хозяйств, появились в конце 70–80-х гг. XIX в. Это было связано с накопившимися к этому моменту данными, собранными земскими статистиками, которые начинали обследования крестьянских хозяйств по мере того, как в различных регионах (всего 34 губернии европейской части России) появлялись земства после закона 1864 г.

К этому моменту сформировались две программы статистических исследований. Одна из них, сложившаяся в Московской губернии, исходила из задачи выявления факторов благосостояния крестьянства и концентрировалась на хозяйственно-экономических аспектах его деятельности. Другая, получившая наибольшее распространение в Черниговской губернии, своей целью видела прежде всего определение доходности земли для правильного налогообложения. В большинстве губерний старались не отдавать приоритет одной из этих целей и собирали материал для решения обеих задач¹. Собранный земскими статистиками материал стал основой для большого количества работ по крестьянскому хозяйству.

Прежде всего это были работы самих земских статистиков². В частности, В. И. Орлов, А. П. Шликевич, который первый применил комбинационные таблицы, В. Г. Громан, Ф. А. Щербина, В. Арнольд, Н. А. Каблуков и др. подробно исследовали соотношение размеров хозяйственных затрат с личными, вычислив сравнительное значение различных источников дохода и влияние размеров хозяйства на это соотношение. В своем иссле-

¹ Лёвин С. В. Методология земских статистических работ. 2014. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Методология-земских-статистических-работ-Владимирович/c2d68e92d6c7163b662afa1c486d7744bd7c8eb9>

² Орлов В. И. Об организации земских статистических работ в Московской губернии. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1881; Шликевич А. П. Что дают и что могут дать подворные переписи // Земский сборник Черниговской губернии. 1890. № 3–4. С. 9–68; Громан В. Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем хозяйстве. Библиогр. работ В. Г. Громана и о В. Г. Громане. Т. 55 / под ред. Е. Г. Ясина, В. В. Иванова. М.: Центральный экономико-математический институт, 1991. С. 217–227; Щербина Ф. А. Крестинские бюджеты. Воронеж: Вольное экономическое общество, 1900; Арнольд В. Ф. Общие черты агрономической техники и сельскохозяйственной экономики крестьянских хозяйств Херсонского уезда. Херсон, 1902; Его же. Политико-экономические этюды. Одесса: Издание Е. П. Распопова, 1904; Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России: Очерки по экономии землевладения и земледелия. М., 1907.

довании они пытались выявить причины разорения или укрепления крестьянских семей.

Несмотря на то что главной задачей земских статистиков было описание текущего положения крестьян, в работах статистиков того периода есть ряд выводов, которые представляют несомненный интерес. Сначала Ф. А. Щербина, а затем и другие исследователи обнаруживают, что при сравнении абсолютных величин по мере увеличения количества земли в хозяйствах товарность хозяйства снижается; по мере того как растут доходы от земледелия при увеличении количества земли, снижаются доходы от промысловой деятельности; при увеличении размеров хозяйства растет значение хозяйственных расходов, что говорит об относительно постоянном уровне потребностей¹.

С точки зрения количественного анализа стоит выделить исследования В. Арнольда, который дал интерпретацию параметров уравнения парной линейной регрессии и активно использовал построение линейных моделей для выявления связей между параметрами².

Для анализа факторов, влияющих на доходы крестьянина, исследователи использовали комбинационные таблицы и на их основе считали коэффициенты регрессии. Но так как до появления первых ЭВМ еще было далеко, то вручную можно было посчитать только парные регрессии. Иными словами, у исследователей не было возможности посчитать влияние одного фактора на другой, рассматривая при этом все другие факторы как неизменные (множественная регрессия). Исследователи сами понимали ограниченность данного анализа. Так, Н. Н. Черненко, один из основоположников теории крестьянского хозяйства, входящий в плеяду наиболее талантливых земских статистиков, писал: «Земская статистика, получившая широкое развитие в последние десятилетия, дала богатые материалы для уяснения современного состояния нашего крестьянского хозяйства... Нужно, однако, сознаться, что *научная* разработка этих... материалов шла вперед далеко не соответствующим темпом развития, — настолько не соответствующим, что нередко может возникнуть сомнение, положено ли хотя бы серьезное начало такой разработке»³. И далее автор отмечает, что для решения этой проб-

¹ Щербина Ф. А. Крестинские бюджеты. Воронеж: Вольное экономическое общество, 1900. С. 186–189.

² Арнольд В. Ф. Политико-экономические этюды. Одесса: Издание Е. П. Распопова, 1904.

³ Черненко Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. М.: Типография русского товарищества, 1905. С. 7.

лемы необходимо не просто использовать статистические наблюдения, но подвергать их анализу¹.

Так как статистический и эконометрический анализ находился на начальном этапе своего развития, то земские статистики, пытаясь найти причинно-следственные связи между различными факторами и явлениями, создавали комбинационные таблицы с различными главными факторами (в современной интерпретации — независимыми переменными), пытаясь понять, какой из них важнее.

Определение главного фактора имело принципиальное значение для выводов о том, какую необходимо проводить политику по отношению к крестьянству. Если главным фактором, влияющим на благосостояние крестьян, считать землю, то из этого следует вывод о необходимости наделения малоземельных крестьян землей; если главный фактор — рабочая сила, то благосостояние крестьянской семьи циклично и зависит от периода, в котором находится семья с точки зрения ее величины и доли в ней работников; если главный фактор капитал, то для благосостояния надо увеличивать эффективность за счет внедрения новых видов севооборота, нового сельскохозяйственного инвентаря, оборудования, машин, за счет более эффективных форм управления хозяйством.

Большинство статистиков, понимая несовершенство существующего на тот момент статистического анализа, не делали каких-либо далеко идущих выводов, а ограничивались скрупулезным описанием крестьянских хозяйств с помощью различных классификаций.

Собранные данные и исследования земских статистиков в конце XIX — начале XX в. начинают использовать теоретики и политики для анализа эволюции аграрного сектора в целом, эволюции крестьянского хозяйства и разработки политических программ². Данные исследователи использовали статистику и выводы из работ земских статистиков в качестве иллюстрации к своим концепциям. Используя фрагментарные данные, полученные из этих работ, они делали выводы, к которым пришли на основе

¹ Черненко Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. М.: Типография русского товарищества, 1905. С. 8.

² Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 3. 5-е изд. М.: Политиздат, 1971; Маслов С. Л. Крестьянское хозяйство: Очерки экономики мелкого земледелия. М., 1915; Чернов В. М. Марксизм и аграрный вопрос. СПб., 1906; Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1908; Его же. Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910; Его же. Община. Переселение. Статистика. М., 1915; Его же. Вопросы экономики крестьянского хозяйства. М., 1918; Чупров А. И. Мелкое земледелие в России и его основные нужды. СПб., 1907; Его же. Речи и статьи. Т. 2: Аграрный вопрос. М., 1909.

дедукции, логического анализа, интуиции, а не эмпирического количественного анализа.

Достаточно активно и плодотворно земская статистика использовалась представителями организационно-производственной школы. А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров и А. В. Чаянов искали способы увеличения доходности крестьянских хозяйств, повышения уровня мотивации крестьянской деятельности¹. Здесь стоит выделить работу А. Н. Челинцева, который, по сути, сформулировал программу организационно-производственной школы и поставил новые вопросы, которые раньше не поднимались в работах по крестьянскому хозяйству. Но несмотря на сделанные новации и детальность исследования, работа была скорее описательной, чем аналитической.

В настоящем исследовании проводится проверка ряда гипотез, выдвинутых представителями организационно-производственной школы: об инертности крестьянских хозяйств, о влиянии размера семьи на доходы крестьянского хозяйства, о разделении крестьян на шесть групп по имущественно-хозяйственному признаку. Необходимость проверки выводов, к которым пришли представители организационно-производственной школы, связана с тем, что использование комбинационных таблиц, регрессионный анализ того уровня, на котором он находился в тот период, не позволяли корректно выявить направление причинно-следственной связи. О невозможности зафиксировать в качестве неизменных второстепенные факторы уже говорилось выше; кроме того, не учитывался фактор двусторонней причинно-следственной связи. Например, при доказательстве влияния размера семьи на доходы домохозяйства нельзя не предполагать, что возможно и обратное влияние: чем выше уровень благосостояния, тем — при заданном типе демографического поведения — больше будет семья. Но в тот период уровень развития эконометрического анализа и отсутствие каких-либо вычислительных машин не позволяли решить эту проблему.

К отдельной группе можно отнести тех ученых, которые писали о необходимости институциональных преобразований и особенно о необходимости устранения общины. Наиболее ярким представителем этой группы был А. А. Кофод, который общину рассматривал как основное

¹ Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его интересы // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 120–125 (статья написана в 1917 г.); Его же. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920; Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Его же. Что такое аграрный вопрос? М., 1917; Его же. Природа крестьянского хозяйства. М., 1918; Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919.

препятствие для модернизации аграрного сектора¹. В развитие идей данных исследователей в работе анализируется институциональная система Российской империи с точки зрения эволюции прав собственности крестьян на землю. Рассматривается эволюция российского законодательства, выделяются периоды усиления и ослабления ограничений крестьянских прав собственности на землю, связанные с реформированием общины, а также с реформированием правовых отношений крестьян с государством и/или дворянством.

Таким образом, в литературе конца XIX — начала XX в. материалы бюджетных обследований использовались для исследования уровня благосостояния крестьян, структуры потребления, дифференциации крестьянских хозяйств и для выявления общих закономерностей развития крестьянского хозяйства². Вопросы эффективности крестьянских хозяйств либо не ставились, либо были вторичными. И главное, в силу технологической ограниченности авторы того времени могли разрабатывать гипотезы и высказывать предположения, но не представлять точных доказательств своим догадкам. Именно поэтому долгое время большинство вопросов, над которыми работали ученые и политики в конце XIX — начале XX в., оставались и остаются дискуссионными, что делает необходимым проверку их гипотез с использованием современных методов количественного анализа.

Бюджетные исследования активно использовались учеными-аграрниками сразу после Октябрьской революции. Особенно актуальными становятся вопросы, связанные с изменениями в крестьянских хозяйствах после институциональных перемен 1917 г. В этот период исследователей волнуют вопросы, касающиеся жизни крестьян в новых условиях, поэтому авторы работ о крестьянских хозяйствах пытаются найти ответы на вопросы не о том, что было с крестьянством до революции, а о том, что с ним происходит в новых условиях и как, исходя из этого, двигаться дальше. Таким образом, в них обычно ставились задачи, отличные от рассматриваемых в данной работе³.

¹ Кофод А. А. Крестьянские хутора на надельной земле. Т. 1. СПб., 1905; Его же. Хуторское расселение. СПб., 1907; Его же. Русское землеустройство. СПб., 1914.

² Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900; Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 3. 5-е изд. М.: Политиздат, 1971; Бруцкус Б. Д. Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы. Пг.: Кооперация, 1924; Чаянов А. В. Бюджетные исследования. История и методы. М., 1929; Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907; Кауфман А. А. Вопросы экономики крестьянского хозяйства. М., 1918.

³ Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; Чаянов А. В. Бюджетные исследования. История и методы. М., 1929;

Особняком стоят работы, написанные эмигрировавшими после революции учеными¹. Дальше всех в использовании количественных методов в тот период продвинулся С. Н. Прокопович. Он очень хорошо понимал описанные выше ограничения регрессионного анализа и критиковал предшественников за некорректную интерпретацию коэффициентов регрессии. Здесь особый интерес представляет дискуссия С. Н. Прокоповича и А. Н. Челинцева об использовании количественных методов. Не подвергая сомнению целесообразность эмпирического анализа, С. Н. Прокопович и А. Н. Челинцев по-разному оценивали полезность имевшегося в их распоряжении статистического инструментария. Отголоски этой дискуссии сохраняются в научной литературе до настоящего времени².

Стараясь преодолеть эти проблемы, С. Н. Прокопович использовал то, что сейчас называется коэффициентом частичной корреляции, т.е. корреляционную связь двух факторов, очищенную от влияния третьего фактора. Он называет его аналитическим коэффициентом и показывает его принципиальное отличие от обычного коэффициента корреляции. Но дальше этого из-за технологических ограничений С. Н. Прокопович пойти не смог, хотя отлично понимал необходимость рассмотрения того, что сейчас называется множественной регрессией.

Выводы С. Н. Прокоповича, сделанные на основе анализа данных по пяти регионам³, принципиально отличаются от выводов представителей организационно-производственной школы. Это еще раз доказывает необходимость их проверки с использованием появившихся на современном этапе возможностей.

В советское время учеными также использовались данные бюджетных исследований крестьянских хозяйств дореволюционной России. Основными вопросами, волновавшими исследователей в этот период, остаются состоятельность различных групп крестьянства, соотношение про-

Литошенко Л. Н. Одна из задач бюджетных исследований // Вестник статистики. 2019. Кн. 4–7. М., 1919. С. 52; Литошенко Л. Н. Статистика крестьянских бюджетов // Вестник статистики. 1924. Кн. XVIII. № 7–9. С. 186–188.

¹ Анцыферов А. Н. О законе земельной ренты // Труды V Съезда Русских академических организаций в эмиграции. София, 1930; Бруцкус Б. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922; Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924.

² Крамар А. А. А. Н. Челинцев как ведущий представитель организационно-производственной школы: дис. ... канд. эконом. наук. М., 2005. С. 122.

³ Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924. С. 18.

изводственных и потребительских моментов в крестьянском хозяйстве, структура хозяйства, показатели доходно-расходных потоков домашних хозяйств, структура потребления и др.¹ Особый интерес для настоящей работы представляют исследования под руководством И. Д. Ковальченко. В работе И. Д. Ковальченко и его коллег отмечается, что хотя исследование крестьянского хозяйства является одной из центральных проблем советской историографии, «неясных вопросов едва ли осталось меньше, если не стало больше»². Авторы с помощью ЭВМ применяют методы, которые раньше были недоступны: множественную регрессию и факторный анализ. На данных бюджетных исследований Воронежской и Пензенской губерний они пытаются проверить ранее сформулированные гипотезы и приходят к следующему выводу: «...производственно-экономический строй крестьянского хозяйства... с одной стороны... определялся воздействием закономерностей, присущих товарно-капиталистическим отношениям, и был по своей сути объективно буржуазным, а с другой стороны, общий производственный уровень крестьянского хозяйства, его доходность и положение крестьян существенно отличались в разных типах крестьянских хозяйств»³. Представляется, что сделанный вывод во многом обусловлен идеологическим давлением, и именно с этим связана некоторая расплывчатость формулировки, притом что авторами был проведен достаточно подробный и всесторонний анализ крестьянских бюджетов. Однако несмотря на предвзятость выводов, в работе сделан серьезный шаг вперед по сравнению с предыдущими исследованиями. В этой работе учитывается опыт анализа Ковальченко и его коллег для исследования крестьянских хозяйств на других данных и с использованием более продвинутых эконометрических методов.

В зарубежных работах, посвященных аграрным проблемам в период модернизации в России, чаще всего авторы исследуют место общины в экономической деятельности крестьян, ее трансформацию при переходе

¹ Черноморский М. Н. Крестьянские бюджеты и выборочные переписи как источник по социально-экономическому развитию деревни // Труды МГИАИ. 1955. № 7; Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988; Разумов Л. В. Расслоение крестьянства Центрально-промышленного района в конце 19 — начале 20 века. Опыт количественного анализа по данным земской статистики. М., 1996.

² Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 3.

³ Там же. С. 103.

к рыночным отношениям¹. Двумя другими наиболее интересующими исследователей темами являются изменения уровня доходов и потребления крестьян в предреволюционной России² и столыпинская реформа³. Многие из этих авторов используют количественные методы, но никто из них не ставил и соответственно не проводил исследования по вопросам, рассмотренным в данной работе.

В зарубежной литературе, посвященной крестьянским хозяйствам в различных странах, использовалась концепция А. В. Чаянова для объяснения поведения крестьян по аналогии с российскими крестьянами. Использование зарубежными авторами теории Чаянова подробно рассмотрено в статье И. Г. Чаплыгиной⁴, в которой ряд выводов этих авторов

¹ Harrison M. Chayanov and the Economics of the Russian Peasantry // *Journal of Peasant Studies*. 1975. Vol. 2, No. 4. P. 389–417; Atkinson D. The end of the Russian land commune, 1905–1930. Stanford, Calif.: Stanford univ. press, 1983. 457 p.; Bohac R. D. Peasant inheritance strategies in Russia // *Journal of interdisciplinary history*. 1985. Vol. XVI, No. 1. Summer. P. 23–42; Worobec C. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1995; Kingston-Mann E. Peasant Communes and Economic Innovation: A Preliminary Inquiry. Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921. Eds. Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 23–51; Nafziger S. Land Redistributions and the Russian Peasant Commune in the 19th Century. Mimeo. Department of Economics, Yale University, 2005.

² Gregory P. Grain Marketings and Peasant Consumption, Russia, 1885–1913 // *Explorations in Economic History*. 1980. Vol. 17, No. 2. P. 135–164; Gregory P. Before command: an economic history of Russia from emancipation to the first five-year plan. Princeton, Princeton University Press, 1994; Wheatcroft St. G. Crisis and Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia // *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921* / Kingston-Mann E., Mixer T. (eds.). Princeton, NJ, 1991; Moon D. The Russian Peasantry, 1600–1903. London: Longman, 1999; Hoch S. Did Russia's Emancipated Serfs Really Pay Too Much for Too Little Land? Statistical Anomalies and Long-Tailed Distributions // *Slavic Review*. 2004. No. 63.2. P. 247–274.

³ Worobec C. D. The Post-Emancipation Russian peasant commune and the Stolypin reforms: Peasant attitudes, 1906–1914 // *Land commune and the Stolypin reforms: Peasant community in Russia: Communal forms in imperial and early soviet society* / Red. Roger Bartlett. New York: St. Martine's press, 1990. P. 219–236; Pallot J. Land Reform in Russia, 1906–1907. Oxford: Clarendon Press, 1999; Williams S. F. Liberal Reform in an Illiberal Regime. The Creation of Private Property in Russia, 1906–1915. Stanford: Hoover Institution Press, 2006; Kopsidis M., Bruisch K., Bromley D. W. Where is the backward Russian peasant? Evidence against the superiority of private farming, 1883–1913 // *Journal of Peasant Studies*. 2015. No. 42(2). P. 425–447.

⁴ Чаплыгина И. Г. Развитие идей А. Чаянова в зарубежной экономической науке второй половины XX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-idey-a-chayanova-v-zarubezhnoy-ekonomicheskoy-nauke-vtoroy-pолоviny-xx-veka> (дата обращения: 05.08.2023).

сопоставляется с выводами, полученными на основе данных о российских крестьянах.

Следующий пласт работ, который необходимо охарактеризовать, касается проблемы дифференциации крестьянства. Если вопросы эффективности, товарности крестьянского хозяйства и влияющих на это факторов можно было исследовать прежде всего на основе бюджетных обследований, то для анализа проблемы дифференциации исследователями помимо бюджетных обследований использовались также другие источники. Среди них — земские переписи, переписи, проводимые правительством, и конские переписи.

В российской историографии можно выделить несколько этапов в развитии дискуссии о дифференциации крестьянства. Дискуссия велась в конце XIX в. между так называемыми народниками, которые считали, как уже упоминалось выше, что в России возможен некапиталистический путь развития¹, и представителями других направлений (марксисты, либералы), доказывавшими, что в России развиваются капиталистические отношения и, в частности, идет процесс расслоения крестьянства на тех, кто разоряется, и тех, кто нанимает разоряющихся². Все эти авторы использовали материалы земских статистиков для иллюстрации своих выводов, но сами количественные методы не применяли.

Для политических деятелей решение вопроса о дифференциации крестьянства являлось важнейшим аргументом для обоснования их программы будущего развития России. Народники считали, что община, способствуя сокращению неравенства, может стать основой будущего справедливого общества. Марксисты и либералы обращали внимание на рост роли рыночных отношений в крестьянском хозяйстве, которые способствовали росту неравенства. При этом представители этих двух направлений по-разному оценивали последствия расслоения крестьянства. Для марксистов это был процесс формирования классов капиталистического общества, кроме того, они обращали внимание на обнищание крестьян и рост пауперизации, что, с их точки зрения, должно было способствовать усилению классовой борьбы и созданию предпосылок для социалистической революции. Либералы считали, что процесс дифференциации создает сти-

¹ Воронцов В. П. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики: в 2 т. М., 1892; Даниэльсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного развития. СПб., 1893; Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1899.

² Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 3. 5-е изд. М.: Политиздат, 1967; Бруцкус Б. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922; Его же. Очерк аграрной политики иностранных государств и России. Пг., 1918.

мулы для роста производительности труда и интенсификации аграрного сектора, т.е. оценивали его скорее положительно, так как это способствовало экономическому развитию.

В этот же период и сразу после революции на тему дифференциации крестьян выходит ряд работ статистиков, основанных на проводимых ими региональных обследованиях¹. Эти исследования были гораздо менее идеологизированы, чем современные им работы политиков, и несмотря на то что статистические методы в тот период были не так развиты, как на современном этапе, эти исследования представляют неоспоримую ценность для современных ученых, так как давали достаточно подробное описание и качественную классификацию хозяйств по различным признакам.

Особенно интересными среди работ того периода, посвященных дифференциации крестьянства, являются исследования, основанные на повторных переписях, так как это позволяло увидеть динамику процесса расслоения крестьянства. Динамические переписи были введены уже упоминавшимся земским статистиком Н. Н. Черненковым². Наиболее интересными среди исследований по повторным переписям можно назвать работы Г. А. Кущенко и А. И. Хрящевой³.

В этих работах подробно рассматривались структурные изменения, произошедшие с крестьянскими хозяйствами в исследуемый период, связанные с распадом или вымиранием семей, с выселением/вселением, разделением на несколько отдельных домохозяйств или, наоборот, соединением в одно. В работах показано, что число хозяйств, подверженных такого рода изменениям, за исследуемый период выросло. Авторы пытаются определить причины этого явления по каждому виду изменений и показать влияние этих изменений на хозяйственные процессы и уровень благосостояния семьи. Среди общих выводов наибольший интерес представляет тезис о том, что семейный раздел не является обязательным для каждой крестьянской семьи и что разделы крестьянских хозяйств не так часты, как это принято думать. Авторы приходят к выводу,

¹ Постников В. Е. Южно-русское крестьянское хозяйство. М., 1891; Щербина Ф. Крестьянские бюджеты. Воронеж: Императорское вольное экономическое общество, 1900; Воробьев К. Я. Аграрный вопрос в Симбирской губернии. Симбирск, 1917; Баскин Г. И. Дифференциация и типы крестьянского хозяйства // Сборник избранных трудов Г. И. Баскина по Самарской губернии: Юбилейное издание. Самара, 1925. Вып. IV. С. 61–131.

² Черненков Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. Саратов, 1900.

³ Кущенко Г. А. Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям 1882 и 1911. Чернигов, 1916; Крестьянское хозяйство по переписям 1899–1911. Епифановский уезд. Ч. 1. Цифровая, Ч. 2. Текстовая. Тула, 1916.

что с точки зрения имущественной дифференциации крестьянские хозяйства тяготеют к среднему уровню за счет вымирания самых бедных семей и разделов среди самых богатых, т.е. они, по сути, опровергают процесс формирования буржуазных классов в деревне¹. Анализ, представленный в настоящей работе, подтверждает тезис об отсутствии тенденции разделения крестьянства на два буржуазных класса, но, с другой стороны, анализ данных по 27 губерниям Европейской России показал, что, во-первых, процесс дифференциации усиливался и, во-вторых, скорее происходило колебание вокруг среднего уровня, но не стремление к этому уровню, т.е. имущественная дифференциация не переходила в социально-классовую.

Наиболее важной частью работ по повторяющимся переписям являются собранные статистические данные, оцифровка которых может дать бесценный материал для анализа эволюции крестьянского хозяйства при использовании современных количественных методов.

После революции, когда вновь встал вопрос дальнейшего развития сельского хозяйства, дискуссия о дифференциации крестьянских хозяйств вновь обострилась². А. В. Чаянов, развивая свою теорию крестьянского хозяйства и основываясь на данных динамических переписей, утверждал, что на дифференциацию влияют не только экономические причины, которые по мере развития рыночных отношений усиливают неравенство, но и биологические, т.е. количество членов крестьянской семьи и соотношение в семье едоков и работников. По мере того как взрослеют дети, работников становится больше и уровень жизни семьи повышается. Однако затем, когда сыновья создают свои собственные семьи, где появляются дети, происходит дробление, и вновь возникают маленькие хозяйства, благосостояние которых оказывается ниже среднего. Таким образом, биологический фактор влиял на неравенство не односторонне, а циклически, способствуя как росту дифференциации, так и ее сокращению³.

В то время, когда в советской России боролись две точки зрения — марксистская и неонародническая⁴, уехавшие в эмиграцию российские

¹ Кушенко Г. А. Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям 1882 и 1911. Чернигов, 1916. С. 12, 25; Хрящева А. И. Крестьянское хозяйство по переписям 1899–1911. Епифановский уезд. Ч. 2. Текстовая. Тула, 1916. С. 96, 212–231.

² Макаров Н. П. Оборот земли в крестьянском хозяйстве. М., 1918; Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924.

³ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989.

⁴ Данный термин по отношению к теории организационно-производственной школы предложил Л. Н. Литовченко, и в дальнейшем термин получил распространение в ли-

экономисты-аграрники представляли третью точку зрения¹. В частности, Прокопович, как уже отмечалось, критиковал теорию Чаянова и других представителей организационно-производственной школы, а также марксистов. Указывая на ошибки в расчетах своих оппонентов, он считал, что важнейшая задача — не столько выявление направления изменений в общине, сколько анализ причин изменений в крестьянском хозяйстве².

В советское время (после коллективизации) и в постсоветский период вопрос о дифференциации крестьян редко рассматривался отдельно³, чаще в рамках дискуссии о путях развития капитализма в России — прусском или американском, либо в связи со столыпинской реформой⁴, либо в общих работах, посвященных аграрному сектору Российской империи.

Начиная с 1980-х гг., по мере того как получали все большее применение количественные методы, интерес к вопросу дифференциации крестьянских хозяйств увеличился, так как у исследователей появляется возможность, используя огромный статистический материал, собранный в том числе и земскими статистиками, проверить гипотезы, сделанные предшествующими исследователями⁵. Особенно здесь можно выде-

тературе (Литошенко Л. Н. Критика советской аграрной политики. М.: Дело, 2022. С. 39).

¹ Бруцкус Б. Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы. Пг., 1924; Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924.

² Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924.

³ Миронов Б. Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности // Проблемы аграрной истории: (XIX — 30-е годы XX в.). Ч. 2. Минск, 1978. С. 106–115.

⁴ Тюкавин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001; Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX века: материалы сов.-амер. симпозиумов / отв. ред. И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков. М.: Наука, 1991; Кабытов П. С. П. А. Столыпин и Самарское крестьянство // Черный перелом. Самара, 1992; Анфимов А. М. Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. № 4. С. 112–121; Его же. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002; Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа: мифы и реальность // История СССР. 1991. № 2. С. 52–72; Зырянов П. Н. Столыпин и судьбы русской деревни // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 120; Кара-Мурза С. Г. Столыпин — отец русской революции. М., 2002.

⁵ Бородин Н. П. Соотношение капиталистической и отработочной систем в помещичьих имениях Черноземного центра в 80–90-х годах XIX века (По материалам земской статистики) // История СССР. 1990. № 2. С. 31–43; Ковальченко И. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2. С. 52–72; Рафи-заде И. Об изучении социальной дифференциации Закавказского крестьянства

лить исследование ученика И. Д. Ковальченко Л. В. Разумова, которое интересно подробнейшей библиографией исследований крестьянского хозяйства и используемых статистических источников и их сравнением. Работа вышла уже в постсоветский период и, соответственно, свободна от идеологического давления. Однако с точки зрения методов анализа продвижения вперед не было. Автор с помощью корреляционного анализа данных земской статистики по пяти губерниям Центрально-промышленного района показывает специфику расслоения крестьянства в этих губерниях и пытается выявить факторы, наибольшим образом влияющие на этот процесс¹.

На сегодняшний момент проанализирована лишь небольшая часть существующих статистических источников — опубликованных и неопубликованных. Наиболее исследованными являются военно-конские переписи (Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914), именно их в своих работах использовали Ковальченко, Бородин и Островский для анализа дифференциации крестьянства. Стоит, однако, отметить, что многие историки критикуют данный подход как односторонний².

Поскольку использована лишь малая часть существующих статистических материалов, представляется необходимым дальнейшее расширение статистических источников для анализа проблемы дифференциации крестьян.

В англоязычных изданиях представлен достаточно полный обзор работ, где используются современные количественные методы для исследования истории России, в частности, качественный обзор можно найти в вышедших недавно работах С. Гуриева и др. и А. Грег³. В данном пара-

в конце XIX в. (по материалам бюджетного обследования). *Круг идей: новое в исторической информатике*. М., 1994. С. 134–150; Хелимский Е. Факторный анализ данных переписи 1917 г. о крестьянском хозяйстве // *Круг идей: развитие исторической информатике*. Труды II конференции ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С. 430–437.

¹ Разумов Л. В. Расслоение крестьянства Центрально-промышленного района в конце XIX — начале XX века. Опыт количественного анализа по данным земской статистики. М., 1996.

² Mironov B. The Russian Peasant Commune After the Reforms of the 1860s // *Slavic Review*. 1985. No. 44.3. P. 438–467; Lindert P., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution // *The Journal of Economic History*. 2014. Vol. 74, No. 3. P. 767–798.

³ Zhuravskaya E., Guriev S., Markevich A. New Russian Economic History // *Journal of Economic Literature*. 2021. November 13. URL: <https://ssrn.com/abstract=3962960> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3962960>; Gregg, A. (2023). Cliometrics, the Russian

графе будут рассмотрены только те из них, которые касаются исследуемых в работе проблем.

В западной литературе одной из первых работ, где рассматривалось крестьянское хозяйство, была книга Дж. Робинсона «Сельская Россия при старом режиме»¹. Позже выходит ставшая широко известной работа А. Гершенкрона «Экономическая отсталость в исторической перспективе»². Важным этапом в изучении российского крестьянства стала работа Т. Шанина «Неудобный класс...»³. Если в первых двух работах авторы концентрировались на доходах и причинах бедности крестьян, то Т. Шанин уделяет большое внимание процессам дифференциации крестьянских хозяйств. Используя обширный статистический материал, опубликованный к этому времени, в том числе результаты динамических переписей⁴, он приходит к выводу, что тенденция поляризации крестьянского общества «испытывает на себе влияние целого ряда внешних факторов, порождающих разнонаправленную мобильность. И поэтому в ряде случаев их действие могло гаситься или даже меняться на противоположное»⁵. Т. Шанин активно использует графический анализ, который позволяет проследить изменения структуры имущественного неравенства. В настоящем исследовании будет использоваться этот метод с вовлечением дополнительных статистических источников.

Вопроса неравенства крестьян в Российской империи в своей работе касаются П. Линдерт и С. Нафziger, которые специально рассматривают неравенство среди крестьян в 1904 г. и приходят к выводу, что до рево-

Empire, and the Soviet Union. In: Diebolt, C., Hauptert, M. (eds) Handbook of Cliometrics. Springer, Berlin, Heidelberg. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-642-40458-0_101-1.

¹ Robinson G. T. Rural Russia under the Old Regime. Berkeley & L. A., Uni. of California press, 1972.

² Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе: пер. с англ. А. В. Бельх. Российская акад. народного хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. М.: Дело, 2015.

³ Shanin T. The Awkward class: Political sociology of peasantry in a developing society: Russia, 1910–1925. Oxford, 1972.

⁴ До революции было проведено всего три динамические переписи, т.е. повторные переписи в одних и тех же уездах. Основная часть динамических исследований, на которые ссылался Шанин, была проведена советскими статистиками (Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925: пер. А. В. Соловьева; под ред. А. М. Никулина. М.: Дело (РАНХиГС), 2019. С. 130).

⁵ Шанин Т. Неудобный класс: Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925: пер. А. В. Соловьева; под ред. А. М. Никулина. М.: Дело (РАНХиГС), 2019. С. 244.

люции 1905 г. неравенство среди крестьян, владевших общинной землей, было относительно низким, в то время как неравенство среди крестьян, владевших индивидуальными участками, было намного выше¹. Это интересная работа, но она не охватывает период с 1904 по 1913 г. и, кроме того, анализ основывается на данных только губернии европейской части Российской империи.

Среди трудов, которые посвящены непосредственно проблеме дифференциации российского крестьянства, стоит отметить работы Г. Лове и С. Мерла², а также работы, основанные на анализе земской статистики по отдельным губерниям. В частности, Д. Филд, используя данные земской статистики, показывает рост неравенства среди крестьян Полтавской губернии³.

На современном этапе для рассмотрения вопросов, связанных с экономической историей различных регионов Российской империи, и для анализа проблемы неравенства в дореволюционной России ученые обращаются к бюджетным обследованиям⁴. В частности, Р. Джонсон использует статистику по Костромской губернии для проверки гипотезы Чаянова о воздействии жизненного цикла семьи на уровень дифференциации крестьян и приходит к выводу о неоднозначности этого процесса. В его работе так же, как и в работе Филда, используются данные только по одной губернии.

Таким образом, на сегодняшний день нет исследования, которое рассматривало бы не только европейские, но и другие регионы России и охватывало бы период с конца XIX в. до 1913 г. Кроме того, нет однозначной оценки степени неравенства крестьянства, и данная работа

¹ Lindert P., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution // The Journal of Economic History. 2014. Vol. 74, No. 3. P. 782.

² Lowe H. Differentiation in Russian Peasant Society: Causes and Trends, 1880–1905 // Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / ed. by Roger Bartlett. Palgrave Macmillan UK, 1990. P. 165–195; Merl S. Socio-economic Differentiation of the peasantry. In: Davies R. W. (eds) From Tsarism to the New Economic Policy. Studies in Soviet History and Society. London: Palgrave Macmillan, 1990.

³ Field D. The Polarization of Peasant Households in Prerevolutionary Russia: Zemstvo Censuses and Problem of Measurement // Research in Economic History Supplement 5. 1989. P. 477–505; Johnson R. Family Life Cycles and Economic Stratification: a Case Study in Rural Russia // Journal of social history. 1997. Spring. P. 705–731.

⁴ Field D. The Polarization of Peasant Households in Prerevolutionary Russia: Zemstvo Censuses and Problem of Measurement. Research in Economic History Supplement 5. 1989. P. 477–505; Johnson R. Family Life Cycles and Economic Stratification: a Case Study in Rural Russia // Journal of social history. 1997. Spring. P. 705–731.

направлена на то, чтобы восполнить эти пробелы в историографии, связанные в том числе и с определенной переоценкой или недооценкой исследователями уровня дифференциации в крестьянском обществе.

Помимо работ, посвященных крестьянским хозяйствам, для данного исследования необходимо было проанализировать работы, посвященные экспорту зерна, так как экспорт аграрной продукции во многих странах (Голландия, Англия, США, Дания, Германия) играл важнейшую роль в процессе аграрного переворота и способствовал переходу к интенсивному земледелию.

Дискуссия о влиянии экспорта на развитие экономики имеет давнюю историю и до сих пор остается актуальной. Современные исследования по данному вопросу можно разделить на две группы. В первую следует включить работы, посвященные роли промышленного экспорта или же экспорта товаров аграрного сектора с относительно высокой долей добавленной стоимости (колбасы, сыры, вино и т.д.). В данных исследованиях не ставится под сомнение благотворное влияние такого рода экспорта на экономическое развитие и рассматриваются механизмы этого влияния, причинно-следственные связи, методы стимулирования такого экспорта и т.д.¹

Вторую группу представляют исследования о влиянии экспорта товаров с низкой добавленной стоимостью (зерно, какао-бобы, медь, нефть) на развитие экономики и особенно индустриального сектора. В постсоветской России вопрос влияния сырьевого экспорта на экономическое развитие стал одним из центральных в связи с той ролью, которую играет нефтегазовый экспорт в экономике современной России. В литературе широко обсуждаются проблемы, связанные с «ресурсным проклятием»

¹ Bernard A.B., Jensen J.B. Exceptional Exporter Performance: Cause, Effect, or Both? // *Journal of International Economics*. 1999. No. 47(1). P. 1–25; Bernard A.B., Jensen J.B. Exporting and Productivity in the USA // *Oxford Review of Economic Policy*. 2004. No. 20 (3). P. 343–57; Baldwin R. Trade and Growth: Still Disagreement about the Relationships // *Organisation for Economic Co-operation and Development, Economics Department Working Paper ECO/WKP*. 2000. October; Giles J.A., Williams C.L. Export-led Growth: A Survey of the Empirical Literature and Some Non-causality Results. P. I // *Journal of International Trade & Economic Development*. 2000. No. 9(3). P. 261–337; Giles J.A., Williams C.L. Export-led Growth: A Survey of the Empirical Literature and Some Non-causality Results. P. II // *Journal of International Trade & Economic Development*. 2000. No. 9(4). P. 445–470; López R.A. Trade and Growth: Reconciling the Macroeconomic and Microeconomic Evidence // *Journal of Economic Surveys*. 2005. No. 19(4). P. 623–648; Wagner J. Export Intensity and Plant Characteristics: What Can We Learn from Quantile Regression? // *Review of World Economics*. 2006. No. 142(1). P. 195–203.

и «голландской болезнью»¹. Но ни в одной из этих работ не рассматривалось «аграрное измерение» ресурсного проклятия, в частности гипотеза о наличии ресурсного проклятия, связанного с экспортом зерна, в дореволюционной России.

Вопрос влияния зернового экспорта на развитие экономики интересовал исследователей еще в XIX в., в период, когда ряд европейских стран находились в процессе перехода от традиционного общества к обществу «современного экономического роста». Одним из первых этот вопрос поднял немецкий экономист Ф. Лист в работе 1841 г. «Национальная система политической экономии»². В России такого рода идеи появляются в работах Д. И. Менделеева, который в работе 1905 г. «Заветные мысли» писал: «...каждая страна теряет, отправляя сырье и получая переделанные продукты, всю ценность перевозки и все выгоды, зависящие от постоянства заработка на фабрично-заводских делах, не зависящих от почвы и погоды»³.

Для Российской империи в тот период проблема экспорта зерна была особенно актуальна, так как страна в конце XIX в. оставалась глубоко аграрной: около 85% населения жило в деревне⁴, и зерно оставалось важнейшей составляющей продовольственного баланса. Поэтому основными исследовательскими вопросами того периода было изучение факторов, влияющих на цены на различные виды зерна, и соответствие произведенного количества зерна необходимым потребительским нормам. Еще одним важным для российских экономистов вопросом было изменение товарности зерна, т.е. динамика роста доли зерна, поступающего на внутренний или внешний рынок. В рамках рассмотрения последнего вопроса поднималась проблема экспорта зерна и его влияние на экономику⁵. Но из-за неразвитости эконометрических методов в тот период ко-

¹ Sachs J., Warner A. Sources of Slow Growth in African Economies // Journal of African Economies. 1997. Vol. 6, No. 3; Ross M. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics. 2001. Vol. 53, No. 3; Mehlum H., Moene K., Torvik R. Institutions and the Resource Curse // Economic Journal. 2006. Vol. 116. January; Bjørnland H. C., Thorsrud L. A. Boom or Gloom? Examining the Dutch Disease in Two-speed Economies // The Economic Journal. 2016. No. 126(598). P. 2219–2256.

² Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005.

³ Менделеев Д. И. Заветные мысли, 1905. URL: http://az.lib.ru/m/mendeleeew_d_i/text_1905_zavetnye_mysli.shtml (дата обращения: 07.04.2023).

⁴ Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд. 1. С. 61.

⁵ Кулябко-Корецкий Н. Г. Районы хлебной производительности Европейской России и Западной Сибири. СПб., 1903; Ляшенко П. И. Очерки аграрной эволюции России. СПб., 1908; Брошниковский А. К. Условия сбыта русских хлебов за границу. Пг., 1914; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922.

личественно проверить гипотезу о влиянии экспорта зерна на экономику не представлялось возможным.

Следующим этапом в развитии данной дискуссии можно считать публикацию работ А. Гершенкрона, где он рассматривает этапы и факторы индустриализации в Российской империи в конце XIX — начале XX в. и приходит к выводу, что, несмотря на негативное влияние на благосостояние крестьян, экспорт зерна был одним из источников индустриализации того периода, т.е. положительно влиял на рост промышленного производства¹. Долгое время именно эта точка зрения оставалась общепринятой, хотя количественных доказательств у нее не было.

Версию о положительном влиянии зернового экспорта на экономическое развитие в своих работах развивает советский историк Т. М. Китанина, которая утверждала, что хлебный экспорт являлся одним из источников роста промышленности Российской империи, так как он способствовал балансировке платежного баланса и устойчивости валютного курса. Компенсируя затраты на импорт и выплату внешних долгов, вывоз зерна создавал устойчивость валютного курса и таким образом способствовал привлечению необходимых для ускоренной модернизации иностранных инвестиций². Ее выводы базировались тоже на логических построениях и дедуктивном анализе.

Затем фокус исследователей опять сместился на вопросы, связанные с ценообразованием. На этот раз дискуссия велась о степени интегрированности России в мировой зерновой рынок. Авторы исследовали вопросы, как железные дороги влияли на рыночные цены на рынке зерна, в какой степени экспорт зерна из России воздействовал на мировой зерновой рынок, как экономика Российской империи реагировала на изменение цен на зерно на мировых рынках и др.³ Вопрос о влиянии зернового экспорта на экономику в этих работах не ставился, но следует отметить, что результатом исследования Б. Н. Миронова, где используется регрессионный анализ, является вывод о негативном влиянии экспорта зерна на урбанизацию и развитие промышленности в исследуемый период. В данной

¹ Gerschenkron A. *Agrarian Policies and Industrialization: Russia 1861–1917* // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. 6. P. II. Cambridge: The University Press, 1965. P. 778.

² Китанина Т. М. *Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

³ Metzger J. *Railroad Development and Market Integration: The Case of Tsarist Russia* // The Journal of Economic History. 1974. Vol. 34, No. 3. P. 529–550; Миронов Б. Н. *Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.)*. Л.: Наука, 1985; Goodwin B., Grennes T. *Tsarist Russia and the World Wheat Market* // *Exploration in Economic History*. 1998. No. 35. P. 405–430.

работе этот вывод будет подтвержден с использованием других данных и более современных методов анализа временных рядов.

В настоящее время, пытаясь найти ответ на важнейшие для российской экономики вопросы — как сильно она страдает от сырьевой зависимости и как эти проблемы можно решить, экономисты и экономические историки, обращаясь к опыту прошлого, выдвигают различные гипотезы возможного влияния хлебного экспорта на экономику. В современной российской литературе при обсуждении данного вопроса исследователи сфокусировались на проблеме влияния зернового экспорта на уровень благосостояния населения. Ряд экспертов вслед за А. Гершенкроном считают, что экспорт зерна снижал уровень потребления крестьян, которые вынуждены были продавать зерно для выплаты достаточно высоких налогов. Но, в отличие от А. Гершенкрона, они утверждают, что снижение потребления основной массы населения вело к стагнации спроса на промышленные товары и тем самым тормозило развитие индустриального сектора экономики¹. Представители другой группы ученых опровергают эту точку зрения. Они полагают, что независимо от роста экспорта потребление росло, позитивно влияя на развитие промышленности². Поднималась эта проблема и в западной литературе³, но однозначный ответ получен не был.

Среди работ, где утверждается, что экспорт зерна негативно влиял на модернизацию, стоит отметить работу Г. Г. Попова и Е. И. Чибисовой. Авторы считают, что рост экспорта хлеба негативным образом сказывался на инвестициях в обрабатывающую промышленность, так как экспорт трудоемких товаров из страны провоцировал отток из нее капитала в страны, специализирующиеся на выпуске капиталоемких товаров, поскольку экспорт трудоемкой продукции снижает спрос на капитал. Поэтому, с точки зрения авторов, хлебный экспорт России имел негативные последствия в долгосрочной перспективе, замедля модернизацию⁴.

¹ Нефедов С. А. О причинах русской революции. М., 2010; Чистяков Ю. Ф. Россия на мировом продовольственном рынке: прошлое и настоящее. Екатеринбург: Институт экономики. УрО РАН, 2013.

² Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. СПб.: Алетей, 2016; Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революция в имперской России. М., 2010.

³ Plaggenborg S. Who paid for the industrialisation of tsarist Russia? // *Revolutionary Russia*. 1990. No. 3(2). P. 183–210.

⁴ Попов Г. Г., Чибисова Е. И. Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи. За или против неоклассических теорем внешней торговли? // *Terra Economicus*. 2016. Т. 14, № 3. С. 87–100.

В данной работе была произведена проверка различных гипотез о влиянии хлебного экспорта на развитие промышленности в Российской империи в период 1870—1913 гг., когда наблюдались активный рост зернового экспорта и быстрое развитие промышленности. Были найдены и оцифрованы не использовавшиеся ранее для количественного анализа данные и впервые применены методы регрессионного анализа, которые позволили доказать негативное влияние экспорта зерна на динамику экономического развития.

ГЛАВА 1

Теоретические и исторические основы исследования институциональных особенностей аграрных преобразований

1.1. Теоретические концепции аграрной трансформации при переходе от традиционного общества к «обществу современного экономического роста»¹

Теоретической основой данной работы является сложившаяся в мировой научной литературе система взглядов и представлений о традиционном обществе, его основных характеристиках и механизмах перехода традиционного общества к обществу «современного экономического роста».

Вопрос о причинах и механизмах перехода к обществу «современного экономического роста» (которое также в отдельных теоретических системах называют индустриальным, капиталистическим обществом) является одним из центральных в экономической истории. На эту тему написано множество работ, но в данном параграфе будут рассматриваться только те, которые имеют непосредственное отношение к предмету настоящей работы и оказали определенное влияние на выработку концепции автора.

Это, прежде всего, работы таких выдающихся мыслителей, как К. Маркс, Т. Веблен, К. Поланьи, С. Кузнец и Д. Норт. Кроме этих авторов будут рассмотрены работы ученых, концентрировавших свое внимание на роли модернизации аграрного сектора при переходе к современным социально-экономическим системам, которые назывались по-разному, что не меняло сути вопроса.

Концепции, посвященные стадиям экономического развития, можно разделить на две группы. Среди теорий, где определенные социально-эко-

¹ Основные положения данного параграфа составляют статью, которая принята для публикации в журнале «Вопросы политической экономии» в октябрьском номере 2024 г.

номические системы являются последовательными стадиями развития (К. Бюхер, К. Маркс, У. Ростоу) или где различные социально-экономические системы представляют собой сочетания институтов, но при этом могут не являться этапами эволюционного процесса и, более того, могут быть присущи различным технологическим уровням, наиболее известной является концепция американско-венгерского ученого К. Поланьи¹, менее известная, но не менее интересная концепция российского экономиста В. Попова².

Термины «традиционное общество» и «общества современного типа» / «современного экономического роста» будут использоваться в соответствии с определениями, разработанными различными авторами, которые пытались сформулировать главные различия традиционного общества и общества современного типа. Прежде всего, это критерии из классической работы У. Ростоу, который одним из первых продемонстрировал отличие традиционного общества от всех последующих стадий развития. Используются также критерии С. Кузнеця, Дж. Эдвардса, анализирующих процесс перехода к современной социально-экономической системе. Согласно критериям названных авторов, можно считать, что общество трансформировалось из традиционного в общество современного типа, если были выполнены следующие условия:

- появление мотивированного на зарабатывание прибыли класса предпринимателей;
- возникновение финансовых институтов для аккумуляции финансов;
- значительное расширение сферы внутренней и внешней торговли;
- появление нового типа предприятий, использующих новые методы производства³;
- одновременный рост ВВП на душу населения и рост населения, сопровождающийся структурными изменениями в экономической системе⁴;

¹ Поланьи К. Великая трансформация = The great transformation: Полит. и экон. истоки нашего времени: пер. с англ. А. А. Васильева [и др.]; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002.

² Попов В. В. Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 3(15). С. 35–65.

³ Rostow W. W. The Process of Economic Growth. Oxford, 1953. P. 4.

⁴ Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven and London: Yale University Press, 1966. P. 1.

- высокий уровень урбанизации, при котором структура экономики изменилась таким образом, что доля аграрного сектора в экономике стала меньше половины;
- коммерциализация аграрного сектора;
- развитая региональная специализация¹;
- конкурентные отношения превратились в основу функционирования экономики, существуют развитые рынки факторов производства (в неявном виде эти критерии присутствуют практически у всех авторов).

Еще одним автором, чьи идеи широко использовались в данной работе, является К. Поланьи. В отличие от предыдущих авторов американско-венгерский экономист не рассматривал исторический процесс как череду определенных стадий развития. Он выделяет три вида формы обмена — взаимность, перераспределение, рыночный обмен — и показывает, что все социально-экономические системы делятся на три группы в зависимости от того, какая из форм обмена преобладает². Поланьи подчеркивает, что, во-первых, в каждом обществе существуют элементы всех трех видов обмена, но в разной пропорции, и, во-вторых, уровень развития социально-экономических систем не связан с преобладанием той или иной формы обмена. Кроме того, он считает, что рыночная форма обмена не только не является высшей формой, но и, более того, выступает отклонением от нормального развития³.

Процесс перехода от традиционного общества к рыночному был назван К. Поланьи «великой трансформацией». И здесь, в определенной степени вслед за К. Марксом, К. Поланьи уделяет большое внимание социальным последствиям этого процесса. Но в отличие от К. Маркса он считает, что общество должно не уничтожить рыночные отношения, но сократить роль рынка и взять экономические институты под социальный и/или политический контроль. Процесс ограничения власти рынка он назвал «сдвоенным движением»: с одной стороны, саморегулирующийся рынок, поддерживаемый классами собственников и торговцев, а с другой стороны, самозащита общества социальными силами, которые стремятся защитить народ, его землю и его культуру. «Сдвоенное движение» американский экономист определяет следующим образом: «Сдвоен-

¹ Edwards R. Economic Growth: Song China and England. 2015. P. 68.

² Поланьи К. Великая трансформация = The great transformation: Полит. и экон. истоки нашего времени: пер. с англ. А. А. Васильева [и др.]; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002.

³ Там же.

ное движение может быть персонифицировано как действие двух организационных принципов в обществе, причем каждое из них устанавливает для себя специфические институциональные цели, пользуясь поддержкой определенных социальных сил и применяя свои собственные отличительные методы. Один из них — принцип экономического либерализма, целью которого является установление саморегулирующегося рынка, опирающегося на поддержку торговых классов и широко использующего принципы свободной торговли; другой — это принцип социальной защиты, имеющий в качестве своей цели сохранение человека и природы, а также производственных организаций, опирающийся на варьирующуюся поддержку тех, кто прежде других подвергается разрушительным действиям рынка, прежде всего, но не только, это рабочий и земельный класс, использующий защитительное законодательство и различного рода ассоциации для реализации своих целей»¹.

Важным аспектом теории «сдвоенного движения» является тезис о необходимости соответствия скорости перемен скорости адаптации к переменам. Следует отметить, что этот тезис не должен трактоваться как осуждение перемен вообще. Применительно к России можно сказать, что проблема была не в Столыпинской реформе как таковой, а в темпах перехода к рыночной системе. В странах Западной Европы, где переход к рыночной системе начался раньше, данный процесс занимал, например, почти 300 лет в Нидерландах или Англии, более 100 лет в других странах Западной Европы.

Одной из главных задач К. Поланьи было показать, что рыночно контролируемая экономика, в которой труд и природные богатства являлись товарами, была ошибкой, и вследствие этого каждое общество, где рыночная экономика играет основную роль, рано или поздно будет заменено обществом с социально контролируемой экономикой.

Пытаясь объяснить истоки тех проблем, с которыми общества сталкиваются в процессе «великой трансформации», американский ученый проводит разделение между рынком как одним из институтов экономической системы, с одной стороны, и рыночной экономикой — с другой. Он на огромном историческом материале показывает, что рынок как институт существовал всегда, а вот рыночная система — явление уникальное в мировой истории². То есть процесс перехода от традиционного общества,

¹ Поланьи К. Великая трансформация = The great transformation: Полит. и экон. истоки нашего времени: пер. с англ. А. А. Васильева [и др.]; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Алетея, 2002.

² Там же.

для которого было характерно формирование рынков земли, труда и капитала, должен завершиться тем, что общество научится эти рынки контролировать. К. Поланьи поднимает важные и интересные проблемы, его теория является глубокой и оригинальной, но он так же, как и Н. П. Огановский с А. Н. Челинцевым, оставляет за рамками своего исследования вопросы источника развития, мотивации отдельных личностей и социальных групп работать больше или качественнее.

Эти вопросы, которые очень тесно связаны с проблемой прав собственности, пытаются решить представители институционального направления, как старого, так и нового институционализма. В частности, Д. Норт рассматривал институты как механизм создания мотивации для определенной деятельности; и главное, важнейшим вопросом, занимавшим Д. Норта в течение всей его научной деятельности, был вопрос об источниках экономического развития¹. Для ответа на этот вопрос он считает необходимым рассмотреть рынок как институциональный феномен. Норт отмечает, что само существование рынка предполагает наличие двух условий: четко определенных прав собственности и институтов, гарантирующих исполнение этих прав. И здесь Норт соглашается с Поланьи в том, что в таком виде рынок практически никогда в истории не существовал и что в разных обществах существовали различные механизмы решения этих проблем и, соответственно, можно говорить о большом разнообразии институциональных систем, подлежащих анализу. Наличие издержек на выявление и защиту прав собственности — транзакционных издержек — ведет к необходимости использования неценового механизма аллокации ресурсов, и, соответственно, общества отличаются сочетанием ценовых и неценовых механизмов. Отвечая на «вызов» К. Поланьи, Д. Норт согласился с принципиальной разницей обществ рыночных и нерыночных и, используя инструменты неоклассической теории, в частности концепцию транзакционных издержек, смог сформулировать более точно данные различия и предложил инструментарий для анализа.

Норт показал, что для понимания конкретной социально-экономической системы необходимо определить структуру прав собственности данного общества и исследовать, как она менялась. Решение этих двух задач позволит понять поведение экономических агентов, изменения в аллокации ресурсов и распределении доходов. То есть, определив структуру и величину транзакционных издержек, можно выделить основания для при-

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

нятия решений индивидами, фирмами и правительствами и в конечном счете определить направление развития общества и причины его успехов и провалов.

В качестве примера Д. Норт приводит описанные К. Поланьи обряды дарения и показывает, что суть этих обрядов заключается в формировании социальных связей, которые повышают доверие и, соответственно, снижают трансакционные издержки, делая возможной торговлю в рамках данной социальной конструкции¹.

Именно положения теории Д. Норта о причинах институциональных изменений наравне с идеями К. Поланьи дают ключ к исследованиям социально-экономических проблем дореволюционной России.

В упомянутых выше теориях значительное внимание уделяется механизму перехода от одного этапа к другому. Так как при переходе к современной социально-экономической системе наиболее видимые изменения происходили в индустриальном, торговом и финансовом секторах, то особое внимание ученые уделяли именно этим сферам экономики. Для данной работы наибольший интерес представляют концепции, где рассматриваются процессы трансформации аграрного сектора.

Одним из первых, кто описал переход к интенсивному земледелию и связал это с общественным прогрессом, был немецкий экономист Иоганн Генрих фон Тюнен. Он «первым выделил паровое трехполье, травосеяние и плодосмен как три последовательные ступени прогресса, направленного к интенсификации земледелия»².

В России в конце XVIII – XIX в. также поднимался вопрос о переходе к интенсивному земледелию. Прежде всего здесь стоит назвать агрономов-экономистов А. Т. Болотова, И. М. Комова, К. А. Левшина и практиков сельского хозяйства Д. М. Полторацкого, И. И. Самарина, которые первыми поставили в России вопрос о различных системах земледелия³. В дореформенный и особенно пореформенный периоды учеными-агрярами (М. Г. Павлов, М. П. Преображенский, Я. А. Ливновский, С. М. Усов) и представителями сельскохозяйственной экономики (А. П. Любодовский, А. Н. Шишкин, А. С. Ермолов, И. А. Стебут,

¹ North D. C. Markets and other systems in history: The challenge of Karl Polanyi // Journal of European Economic History. 1977. Vol. 6, No. 3. P. 712.

² Гловели Г. Дж. Н. П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Историко-экономические исследования. Вопросы политической экономики. 2017. № 2. С. 40. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/214157842.pdf> (дата обращения: 18.05.2023).

³ Крохалев Ф. С. История учения о системах земледелия в России: автореф. дис. ... докт. эконом. наук. М., 1958. С. 5.

А. И. Скворцов, А. В. Фортунатов) активно разрабатывались такие вопросы, как этапы аграрного развития, экономическая эффективность систем земледелия в различных природных и экономических условиях и др.¹

Подход Тюнена и русских ученых можно охарактеризовать как технологический, в то время как многих исследователей в тот период интересовали прежде всего социально-экономические отношения. Первым мыслителем, давшим развернутое социально-экономическое обоснование изменениям в сельском хозяйстве, был К. Маркс. Процесс перехода к капиталистическим отношениям в сельском хозяйстве он назвал аграрной революцией и показал механизм этого перехода на примере Англии — страны, где впервые этот переход совершился. В его работах можно проследить эволюцию данного термина.

В работах 1840-х гг. термин «аграрная революция» использовался для обозначения смены помещичье-феодальных отношений буржуазными, отмены крепостничества. Первая страна, которую К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают с точки зрения возможности аграрной революции, — это Польша. В «Дебатах по польскому вопросу» К. Маркс пишет: «Великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морем могут избавиться от патриархально-феодального варварства только посредством аграрной революции, превращающей крепостных или обязанных повинностями [frohnpflichtigen] крестьян в свободных землевладельцев...»² Но в работах 1850-х гг. они уже видят в этой роли Россию: «Чем больше я размышляю над историей, тем яснее мне становится, что поляки — *une nation foutue*³, которая нужна, как средство, лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию...» — пишет Энгельс в письме Марксу⁴.

Развернутое описание механизма аграрной революции Маркс дает в «Капитале», где аграрной революции уделяется большое внимание и как самостоятельному явлению, и как историческому и логическому предшественнику переворота промышленного. В «Капитале» он обращает внимание на то, что первоначальной причиной изменений является изменение в правах собственности: «Приблизительно к 1750 г. исчезают йомены,

¹ Крохалев Ф. С. История учения о системах земледелия в России: автореф. дис. ... докт. эконом. наук. М., 1958. С. 13–15.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. Т. 5. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 352.

³ Проклятая нация.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. Т. 27. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 241.

а в последние десятилетия XVIII столетия исчезают всякие следы общинной собственности земледельцев. Мы оставляем здесь в стороне чисто экономические пружины аграрной революции. Нас интересуют ее насильственные рычаги. Во время реставрации Стюартов земельные собственники провели в законодательном порядке ту узурпацию, которая на континенте совершилась везде без всяких законодательных околичностей. Они уничтожили феодальный строй поземельных отношений, т.е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, “компенсировали” государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право...”¹ То есть появление частной собственности в сельском хозяйстве стало отправной точкой последующих изменений, о которых Маркс пишет дальше: «Земля, несмотря на уменьшение числа лиц, обрабатывающих ее, приносила теперь столько же или даже еще больше продукта, чем раньше, так как революция в отношениях земельной собственности сопровождалась улучшением методов обработки, расширением кооперации, концентрацией средств производства и т.д., и так как сельскохозяйственные наемные рабочие не только принуждались к более интенсивному труду, но и все более и более сокращалась та область производства, в которой они работали на самих себя. Таким образом, с высвобождением части сельского населения высвобождаются также его прежние средства существования»².

Таким образом, К. Маркс показал, что в основе аграрной революции лежали изменения прав собственности, которые, несмотря на тяжелые последствия для крестьян, в конечном счете ведут к повышению эффективности в сельском хозяйстве, формированию рынка труда, что создает условия для промышленной революции.

Последователи К. Маркса сконцентрировали свое внимание на социальной составляющей аграрной революции — на процессе обезземеливания крестьян, в результате которого исчезает слой крестьянства и появляются фермеры и наемные рабочие. Работы в этом направлении имели скорее политический, чем теоретический характер. Исключением здесь можно назвать работу К. Каутского, которая была написана, во-первых, для выработки отношения к появляющимся аграрным программам и, во-вторых, чтобы на фактическом материале доказать правоту Маркса. Он объяснял свое обращение к проблемам аграрного сектора необходи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. Т. 23. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 734.

² Там же. С. 755.

мостью выработки теоретических положений в этой области: «...развитие сельского хозяйства обнаружило такие явления, которые кажутся несовместимыми с учением Маркса. Таким образом, аграрный вопрос стал представлять высокий интерес и с теоретической точки зрения»¹. В своей работе германский социал-демократ ставит целью показать «основные тенденции, управляющие внешними явлениями», при этом его особенно интересует «роль докапиталистических и некапиталистических форм сельского хозяйства, входящих в состав капиталистического общества»². На основе данных по Англии, Германии, Франции и США К. Каутский анализирует изменения, происходящие в тот период в аграрном секторе этих стран. Он выделяет как технологические изменения — переход от трехполья к плодосменному севообороту, внедрение машин, так и экономические — углубление капиталистических отношений, появление конкурентов на мировых рынках. Но главными, с его точки зрения, последствиями, так же как и у К. Маркса, являются социальные, касающиеся судьбы крестьянства: «Таким образом, совершающийся в сельском хозяйстве переворот освящает для них всех травлю, в которой они подвергаются беспощадному преследованию до тех пор, пока все не попадают от изнеможения, за исключением немногих безжалостных счастливых, которым по трупам погибших удастся пробраться в ряды преследующих, в ряды крупных капиталистов»³.

Во второй половине XIX в. в России также появляются мыслители, которые увязывают этапы в развитии аграрного сектора с социально-экономическими институтами, в частности было показано, что именно пережитки крепостничества в российской деревне консервируют отсталые формы земледелия. Здесь, прежде всего, следует назвать А. В. Советова и А. Н. Энгельгардта, которые первыми в русской литературе обратили внимание на роль институциональных факторов. По словам советского историка Ф. С. Крохалева, А. В. Советов был первым, кто в своем труде 1867 г. «О системах земледелия» проследил связь изменения систем земледелия с общественно-экономическими условиями⁴. А. Н. Энгельгардт был скорее практиком, чем теоретиком, но он также в опубликован-

¹ Каутский К. Аграрный вопрос: пер. с нем. И. Андреева и В. Либина; ред. Д. Протопопова. Харьков: Знание, 1900. С. 1. URL: https://vk.com/doc-170974443_572192242?hash=8mvAhhISY8qFMG9qmhAQhpGjBmiO86tafQZAbr5TZjP (дата обращения: 17.05.2023).

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 248.

⁴ Крохалев Ф. С. История учения о системах земледелия в России: автореф. дис. ... докт. эконом. наук. М., 1958. С. 21.

ной в 1888 г. работе «О хозяйстве в Северной России и применении в нем фосфоритов» обращает внимание на связь социально-экономических условий и систем земледелия¹.

Если в работах А. В. Советова и А. Н. Энгельгардта намечается взаимосвязь институционального и технологического подходов, то в работах представителей интересов крупного землевладения наблюдается возврат к «тюненизму». Наиболее ярким представителем этого подхода был А. П. Людоговский, который на основе изучения эволюции аграрного сектора в Англии и Германии предложил следующую схему развития сельского хозяйства: 1) пастбищная система; 2) переложная система; 3) зерновая система; 4) улучшенная зерновая; 5) плодосменная; 6) вольное хозяйство². А. П. Людоговский и его последователи конца XIX — начала XX в. — И. А. Стебут, А. С. Ермолов, А. И. Скворцов и др. — своей задачей считали найти оптимальную форму хозяйствования с точки зрения повышения эффективности сельского хозяйства.

Значительный шаг в развитии теории систем хозяйствования в сельском хозяйстве был сделан российскими учеными-агрярами Н. П. Огановским и А. Н. Челинцевым, которые пытались создать теорию аграрного развития, аграрной эволюции. Ни Огановский, ни Челинцев не использовали термин «аграрная революция / аграрный переворот», но, по сути, описали ее основные технико-экономические характеристики.

Огановский рассматривает две группы систем земледелия — экстенсивную и интенсивную. К экстенсивным системам относятся переложная (включающая залежную и подсечную), паровая зерновая (включающая двупольную и трехпольную), а также улучшенная зерновая с подсевом травы. Среди интенсивных систем земледелия можно выделить плодосменную, промышленную (включает культивирование огородных, технических и садовых культур) и вольную³. Характеризуя различия между двумя группами, он писал: «1) В экстенсивных системах плодородие почвы восстанавливается естественным путем — путем отдыха почвы от посева. Чем экстенсивнее система, тем этот отдых продолжительнее, т.е. тем обширнее территория отдыхающей пашни (залежи, подсеки, пара). При нормальной переложной системе только одна пятая часть пашни находится под посевом; четыре пятых отдыхают. Maximum посева при перелогe — третья часть пашни.

¹ Крохалев Ф. С. О системах земледелия. М., 1960. С. 162–163.

² Там же. С. 203–204.

³ Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Саратов: Электро-Типо-Литография Б. Л. Рабинович, 1909. С. 177–178.

Когда этот *maximum* достигнут, начинается переход в следующую — двупольную систему полеводства, при которой отдыхающая площадь пашни уже равняется занятой посевами. В истории земледелия двуполье играет небольшую роль и быстро сменяется трехпольем, при котором уже две трети заняты посевом.

Наконец, когда начинается подсев трав, площадь отдыхающей пашни сокращается, *minimum*, до одной четвертой...

Когда площадь отдыхающей пашни сокращается до *minimum*'а, наступает переход к интенсивным системам. При интенсивных системах плодородие почвы восстанавливается и развивается преимущественно искусственным путем — удобрением...

2) При экстенсивных системах в севообороте преобладают почти исключительно злаковые культуры. Переход к интенсивным системам составляет подсев кормовых трав... Плодосмен имеет целью, как и удобрение, развивать плодородие почвы.

Таким образом, экстенсивные системы отличаются от интенсивных отсутствием забот о плодородии почвы и однообразием культуры. Отсюда вытекает третье отличие, наиболее важное с точки зрения эволюции.

3) Экстенсивные системы развивают производительность земли вширь... Когда процесс развития производительности земли вширь закончен... начинается развитие производительности земли вглубь, при помощи удобрений, т.е. стремление добиться увеличения продуктов посредством увеличения урожайности. И действительно, урожайность при интенсивных системах растет сравнительно очень быстро. Тогда как при перелоге и трехполье, на наиболее плодородных почвах она редко достигает высоты 50 пудов с десятины, нормальная урожайность европейских стран при плодосмене, круглым счетом, около 100 пудов, и эта урожайность постоянно и неуклонно повышается. Исчезают скачки урожайности, ее быстрые падения и подъемы, и вместе с ними исчезают и голодовки»¹.

Далее Огановский показывает, что интенсивные системы земледелия тесно связаны с интенсивными системами животноводства. «Но вот наступает эпоха интенсивных систем: пары и выгоны почти отсутствуют; вместо них человек засеивает кормовыми травами часть пашни, которые, вместе с отбросами других растений, преимущественно корнеплодов, дают богатую пищу скоту на круглый год... Скот запирается в стойло, и вместе с тем начинается эра качественного улучшения скота. Улучшаются породы, увеличиваются мясистость, молочность и другие полезные каче-

¹ Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Саратов: Электро-Типо-Литография Б. Л. Рабинович, 1909. С. 179–181.

ства... Подобно тому, как в экстенсивных системах полеводства человек заботится лишь об увеличении количества посевов, мало думая об увеличении урожайности, в экстенсивных системах скотоводства человек стремится к увеличению количества скота, мало думая о его продуктивности. В интенсивных системах полеводства и скотоводства, наоборот, главное внимание устремляется на урожайность земли и продуктивность скота»¹. Теперь закон «убывающего плодородия» человеку не страшен².

Примерно так же описывает эволюцию сельского хозяйства А. Н. Челинцев. Он, как и Огановский, выделяет следующие критерии, которые лежат в основе разделения систем хозяйствования / стадий развития в аграрном секторе: «1) способы поддержания плодородия, изменения коих соединены с 2) переменами в доле пахоты относительно естественных кормовых угодий и в использовании пахоты и с 3) положением, ролью и экономической формой нерабочего скотоводства. Наращение соответствующих экономических перемен в местности ведет к такой смене этих признаков, что сельское хозяйство последовательно переживает свои системы: залежную, паровую, травопольную и вольную (считая плодосменную систему наиболее интенсивной разновидностью травопольной)»³.

Отличие от других авторов того периода, которые описывали системы хозяйствования⁴, работы Н. П. Огановского и А. Н. Челинцева интересны тем, что они анализируют причины перехода от экстенсивных форм хозяйствования к интенсивным, т.е. причины аграрной революции. Оба автора одной из главных причин называют увеличение плотности населения, но по ряду других факторов, влияющих на процесс перехода, у авторов различные точки зрения. Огановский в качестве важнейшего фактора выделяет влияние природы⁵, Челинцев же критикует эту точку зрения, пытаясь доказать, что решающими являются экономические факторы — плотность населения и уровень урбанизации, который способствует углублению раз-

¹ Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Саратов: Электро-Типо-Литография Б. Л. Рабинович, 1909. С. 181.

² Там же. С. 294.

³ Челинцев А. Н. Очерки по сельскохозяйственной экономии. III. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. С. 17. URL: <http://elibrary.ru/books/free/0380/380774/8/#zoom=z> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ Бруцкус Б. Д. К критике учений о системах хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1909. № 9. С. 8–86.

⁵ Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Саратов: Электро-Типо-Литография Б. Л. Рабинович, 1909. С. 163–170.

деления труда¹. Относительно влияния разделения труда Н. П. Огановский обращает внимание на принципиальное отличие эволюции промышленности, где разделение труда играет ключевую роль, способствуя упрощению операций, от эволюции сельского хозяйства, где развитие связано с концентрацией различных видов деятельности в одном хозяйстве и усложнением этих видов деятельности².

При этом ни один из авторов не рассматривает права собственности как институт, влияющий на мотивацию перехода к интенсивным формам. После К. Маркса вопрос об изменении прав собственности в качестве причины аграрной революции будет обсуждаться в западной литературе в послевоенный период.

Если предыдущие авторы пытались найти закономерности эволюции в рамках сельского хозяйства, то С. Н. Булгаков попытался найти связь между развитием аграрного сектора и индустриального. Он в своей работе «Капитализм и земледелие» на основе анализа развития сельского хозяйства в развитых в тот период странах приходит к выводу, что промышленному перевороту должны предшествовать кардинальные изменения в сельском хозяйстве³. Более того, С. Н. Булгаков считает, что без изменений в правах собственности на землю и вытеснения мелких собственников из аграрного сектора промышленный переворот в Англии был бы невозможен. В качестве подтверждения он приводит специфику развития Франции, где остались мелкие землевладельцы, что, с точки зрения Булгакова, тормозило промышленное развитие Франции: «В начале века отсутствие обширного пролетариата помешало Франции стать рядом с Англией и потягаться с нею за промышленную супрематию; через несколько десятков лет это было уже поздно. Та же самая причина в Средние века не позволила выдержать более победоносно надвигающуюся конкуренцию Германии»⁴.

Помимо С. Н. Булгакова примерно в тот же период вопрос о связи аграрной революции и промышленного переворота поднимал французский историк Ж. П. Манту. В работе 1906 г., посвященной английской

¹ Челинцев А. Н. Очерки по сельскохозяйственной экономике. СПб.: Тип. «Сел. Вестн», 1910. С. 132–133. URL: <http://elib.cnshb.ru/books/free/0380/380774/8/#zoom=z> (дата обращения: 15.03.2022).

² Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Саратов: Электро-Типо-Литография Б. Л. Рабинович, 1909. С. 183.

³ Булгаков С. Н. Капитализм и земледелие: в 2 т. Т. 2. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1900.

⁴ Там же. С. 180–181.

промышленной революции, он подробно останавливается на факторах, предшествующих промышленному перевороту, и, в частности, исследует социально-экономическую ситуацию в аграрном секторе как предпосылку промышленного переворота¹. Однако, в отличие от С. Н. Булгакова, Ж. П. Манту не приходит к однозначному выводу о том, что для промышленного переворота обязательно необходима трансформация в сельском хозяйстве. Он приводит пример Франции как доказательство того, что без изменений в аграрном секторе крупная промышленность все равно бы развивалась, правда гораздо медленнее: «В стране, где масса земледельцев осталась бы привязанной к земле, подъем крупной промышленности происходил бы, несомненно, менее стремительно, но, тем не менее, он имел бы место: доказательством может служить пример Франции»².

В западной историографии так же, как и классики марксизма, под аграрной революцией понимали процессы, которые имели место в Англии XVI—XVIII вв. Но в отличие от Маркса авторы концентрировались не на социальных последствиях, а на институциональных, технологических и экономических. Поэтому в англоязычной литературе под термином «аграрная революция» понимается скачок в росте производительности труда, способствовавший росту урбанизации, развитию рынка труда и, соответственно, индустриальной революции³.

Несмотря на то что авторы по-разному оценивали начало и конец аграрной революции, у них не было разногласий относительно самого механизма аграрной революции. С их точки зрения, институциональные изменения, способствовавшие четкому определению прав собственности на землю⁴ (в Англии это были «революция йоменов» или «огораживания») и коммерциализации крестьянских хозяйств, приводили к более эффективному использованию земли, что вело к росту факторной производительности⁵.

¹ Манту П. Ж. Промышленная революция XVIII столетия в Англии: опыт исследования. Стер. изд. 1937 г. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 105–149.

² Там же. С. 148.

³ Overton M. Agricultural Revolution in England 1500–1850. Cambridge, 2002. 258 p.

⁴ В Швеции, например, один из братьев мог выкупить долю других по заниженной цене (The Agrarian History of Sweden, 4000 BC to AD. 2000. P. 122).

⁵ Розинская Н. А. Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7, № 3. С. 50–63; Розинская Н. А. Истоки современного экономического роста: Европа или Азия // Экономическая история. Саранск. 2016. № 2. С. 48–55.

Главная характеристика и результат аграрной революции — рост выпуска продукции¹. Концепция аграрной революции означает не просто увеличение объема производства, но и повышение производительности факторов производства: труда и земли².

Одним из важнейших последствий роста выпуска продукции с гектара земли является сокращение необходимого населения в аграрном секторе. «В целом можно говорить о том, что к 1800 г. обширным территориям Северной Европы удалось снизить объемы труда, требующиеся для производства одного гектолитра зерна, с 6–8 человеко-дней (что являлось нормой в XVI в.) до 4–5, в то время как собираемость урожая с одного гектара увеличилась с 8–10 гектолитров до 12–15... С начала XVI в. (в выращивании зерновых культур занято 50% населения) и до 1800 г. (в производстве зерна занято уже 30% населения) происходит снижение рабочего времени, уделяемого сельскому хозяйству, с 75% до примерно 50%, поскольку растет число ремесленников, промышленных и транспортных рабочих, трудящихся прочих категорий — они заполняют собой промежуточные звенья сельской экономической жизни, используют возможности, предоставляемые набирающей зрелость рыночной системой, и закладывают основы для промышленной революции, события, которое скорее продолжило собою процесс экономического роста Европы, а не инициировало его»³.

В Европе отмеченный «межотраслевой сдвиг» производственных ресурсов домохозяйств произошел вследствие рыночных изменений, открывших для этих домохозяйств новые благоприятные возможности. Произошел переход от практики *контактов* домохозяйств с рынком, когда имела место продажа производимой продукции в целях увеличения разнообразия потребляемых семьей товаров, к *ориентации* на рынок, при которой продажа производимой продукции и своего труда становится основой всей экономики домохозяйства. Я. де Фрис подчеркивал, что этот переход не был следствием принуждения со стороны каких-либо институтов, хотя и они время от времени играли достаточно важную роль в процессе изменений. В свою очередь, ориентация на рынок, приводившая к зависимости от него, вызвала изменения в потребительском поведении домохозяйств⁴.

¹ Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // The Economic History Review. New Series. 1999. Vol. 52, No. 2. P. 211.

² Ibid. P. 217.

³ Де Фрис Я. Революция трудолюбия; потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. М.: Издательский дом «Дело», 2016. С. 160–161.

⁴ Там же. С. 143.

Несколько упрощая, можно охарактеризовать подход англоязычных экономистов как технологически экономический: при анализе аграрной революции делается акцент на изменениях в правах собственности, технологических сдвигах, росте производительности факторов — труда и земли¹.

Один из важнейших вопросов, который пока остается без ответа, — насколько аграрная революция / аграрный переворот является обязательной предпосылкой для индустриальной революции. В современной литературе наиболее глубоко этот вопрос исследовался в работах Б. Милановича, который обращал внимание на трудности перехода к обществу «современного экономического роста» без необходимых изменений в аграрном секторе. «В обществе, где 90 процентов населения живет в сельской местности, и все фермеры обрабатывают свои собственные (небольшие) землевладения, и нет безземелья, как вы проводите индустриализацию?»² — задается вопросом исследователь. По его мнению, при отсутствии безземелья крестьяне вовсе не стремятся переезжать в города и работать за зарплату. Более того, политические партии, которые претендуют на представительство интересов крестьянства, склонны еще больше ограничивать мобильность рабочей силы, в законодательном порядке гарантируя крестьянам определенный минимум имущества (например, приусадебный участок, дом, скот и инвентарь), который нельзя было отчуждать ни в случае невозврата кредита, ни в случае просроченных налогов. Именно такая ситуация, отмечает сербско-американский исследователь, была типичной для стран Юго-Восточной Европы — Греции, Болгарии и Сербии. Эти аграрные страны характеризовались преобладанием небольших по размерам крестьянских хозяйств и, что очень важно, отсутствием безземелья. «Все они демонстрировали медленное или остановленное капиталистическое развитие и нерешительную урбанизацию. Причина была проста: у фермеров не было стимула переходить от самозанятости к наемному труду. И кто предпочел бы перейти от роли собственного босса и зависеть, возможно, только от стихий, чтобы стать

¹ Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (from Sung China to the United States): Selected Counterfactuals // *Journal of Globalization Studies*. 2010. Vol. 1. No. 1, May. P. 6–28; Overton M. *Agricultural Revolution in England 1500–1850*. Cambridge, 2002; Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // *The Economic History Review*. New Series. 1999. Vol. 52, No. 2. P. 209–235.

² Mijatović B., Milanović B. The real urban wage in an agricultural economy without landless farmers: Serbia, 1862–1910 // *Economic History Review*. 2021. Vol. 74, Issue 2. May. P. 424–448.

наемным работником, работающим шесть дней в неделю круглый год на “сатанинских мельницах”?»¹

Ссылаясь на работу Фрэнсиса Фукуямы «Политический порядок и политический упадок», Б. Миланович задается вопросом о взаимосвязи промышленного развития и демократизации. По его мнению, Ф. Фукуяма, объяснявший замедленное промышленное развитие Греции политическим клиентелизмом, вызванным преждевременной демократизацией (переход к широкой электоральной демократии произошел до того, как могли быть сформированы программные, а не клиентелистские политические партии), не увидел главного: проблема на самом деле имеет экономическое происхождение и заключается в отсутствии у крестьян стимула для переезда в города.

В Англии, отмечает Б. Миланович, крестьян пришлось буквально прогонять с земли через огораживания; во Франции процесс был гораздо более затянутым и занял столетие; в Германии, Польше и Венгрии «помогли» крупные поместья, принадлежащие знати, и последующее безземелье. Наконец, в России это произошло в результате насильственной коллективизации.

Предположим вслед за Б. Милановичем что Октябрь 1917 г. не произошел и что Россия после Февральской революции стала парламентской демократией. В этом гипотетическом сценарии парламентское большинство в послереволюционный период принадлежало бы эсерам (напомним, именно эта партия получила большинство на реальных выборах в Учредительное собрание, впоследствии разогнанное большевиками). Эсеры реализовали бы свою аграрную программу, ориентированную на запросы крестьянства (в реальности, как известно, «за них» это сделали большевики). После раздела между крестьянами помещичьих и ряда других земель большинство крестьян стали бы мелкими земельными собственниками; проблема безземелья ушла бы с политической повестки (возможно, временно — в зависимости от комплекса экономических и особенно демографических факторов).

В условиях преобладания мелкой крестьянской земельной собственности и политической власти прокрестьянской партии (или коалиции таких партий — вспомним, что российские эсеры в 1917 г. начали распа-

¹ Mijatović B., Milanović B. The real urban wage in an agricultural economy without landless farmers: Serbia, 1862–1910 // *Economic History Review*. 2021. Vol. 74, Issue 2. May. P. 424–448. В российской историографии об инерционности крестьянского мышления по разным поводам писали Чаянов и Кондратьев. Правда, ни тот, ни другой не ставили задачи проанализировать последствия этого феномена для экономики.

даться на правых и левых) индустриализация, с точки зрения Милановича, была бы *политически невозможна*. Крестьяне, пишет он, были бы «вполне счастливы оставаться на своей земле; эсеры, чье парламентское большинство зависит от крестьянства, могли бы принять законы, аналогичные тем, которые были приняты в Сербии в конце XIX в., гарантируя крестьянскую собственность от кредиторов или государства. Зачем в этих условиях крестьянам переезжать в Москву или Санкт-Петербург, чтобы стать наемными рабочими, если они не получают гораздо более высокую заработную плату — что крайне маловероятно, — чем их чистая прибыль от ведения сельского хозяйства?.. Могут ли быть введены высокие экспортные пошлины на российское/украинское зерно, чтобы обеспечить экономию, которую можно было бы инвестировать в промышленное развитие (политика, которой придерживаются перонисты в Аргентине)? Трудно представить, что партия (эсеры), которая зависела бы не от промышленного пролетариата, а от крестьянства, сделала бы это... Для промышленного развития вам нужны безземельные крестьяне, ищущие работу в городе. Но в обществе, где крестьяне владеют фермами, а их партии контролируют правительство, нет ни стимула, ни желания переезжать в города»¹.

Как было показано выше, подход Б. Милановича вполне согласуется с выводами, сделанными в начале XX в. (т.е. в тот самый период, альтернативную версию истории которого излагает сербско-американский ученый) С. Н. Булгаковым и Ж. П. Манту.

Если оценивать подход Милановича в терминах теорий развития, то на первый взгляд он описывает модель, полностью противоположную модели У. А. Льюиса, которая, как известно, основывается на посылке о бесконечном предложении рабочей силы. Миланович исходит из обратного: новое предложение рабочей силы из села стремится к нулю. Но важно отметить, что Б. Миланович, как и У. А. Льюис, исходит из признания фундаментальной важности притока / отсутствия притока рабочей силы из села в город и вслед за Льюисом рассматривает факторы, влияющие на такой приток либо его отсутствие.

Таким образом, можно сделать несколько парадоксальный вывод, что западный экономист косвенно оправдывает аграрную политику периода коллективизации, фактически утверждая, что добровольно крестьяне

¹ Миланович Б. Что делать, если крестьяне не хотят переезжать в города? URL: https://branko2f7.substack.com/p/the-plight-of-late-industrializers?utm_source=post-email-title&publication_id=371309&post_id=97120025&isFreemail=true (дата обращения: 27.03.2024).

от земли никогда бы не отказались и в промышленных рабочих не превратились, и, более того, подтверждает этот тезис с помощью количественного анализа на данных Сербии. О том, что обилие земли тормозило модернизацию, писал и Огановский в уже упомянутой работе. Кроме того, он так же, как и А. Н. Челинцев, считал, что похожий эффект имеет экспорт зерна¹.

На настоящий момент в российской литературе, как уже отмечалось, нет консенсуса относительно того, что такое аграрный переворот и когда он произошел в России. Идеи Н. П. Огановского и А. Н. Челинцева, к сожалению, остались без развития, что во многом было связано с идеологизацией данного вопроса.

В марксистской литературе под аграрной революцией понималось решение аграрного вопроса путем ликвидации помещичьей собственности. Ленин писал: «...“крестьянская” аграрная революция, т.е. победа крестьянского восстания в капиталистической стране. Все эти перемены одинаково “трудны” в смысле повседневного спокойного развития. И крик об утопичности именно и только национализации свидетельствует прежде всего о непонимании необходимой и неразрывной связи между экономическим и политическим переворотом. Нельзя конфисковать помещичьи земель (программное требование, признаваемое как большевиками, так и меньшевиками), не уничтожив помещичьего (а вместе с тем и октябристского, нечисто помещичьего) самодержавия»².

Вслед за В. И. Лениным в советской литературе под аграрной революцией понималось решение аграрного вопроса, который заключался в ликвидации помещичьего землевладения. В рамках дискуссии 1920-х гг. была сформулирована концепция Покровского — Крицмана, которая была изложена М. Н. Покровским на II Всероссийском съезде пролеткультов 18 ноября 1921 г.: «В Российской революции никто ничего не поймет, пока твердо не усвоит, что у нас происходят две революции, а не одна: одна революция — мировая, часть мировой пролетарской революции, которая теснейшим образом связана с интернациональным пролетарским движением, от него не может быть отделена, дышит его идеологией... Словом, это та революция, которая ведет свое начало от Маркса... Другая, крестьянская революция тянется с конца XVIII века... в течение 150 лет кре-

¹ Rozinskaya N., Arkhina A., Artamonov D. Impact of grain export on the Russian Empire's industrial development in the late nineteenth and early twentieth centuries // *Scandinavian Economic History Review*. 2024. P. 1–20. URL: <https://doi.org/10.1080/03585522.2024.2373759>

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 17. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. С. 169–170.

стьянин боролся за право свободно распоряжаться прибавочным продуктом своего труда»¹.

Так как школа М. Н. Покровского была разгромлена и его концепция отвергнута, в 1960-е и 1970-е гг. делаются очередные попытки дать определение аграрной революции, не выходя за рамки марксистской парадигмы. Критикуя теорию М. Н. Покровского, В. П. Данилов предложил идею двух этапов Октябрьской революции в аграрном секторе: «Это было бы верно, если бы революция в деревне ограничилась ликвидацией помещичьего землевладения, если бы на ее первом этапе, когда на передний план выдвинулись особенно наболевшие задачи борьбы за уничтожение остатков крепостничества, не решались также задачи социалистического характера, если бы за этим не последовал новый этап, когда со всей остротой разгорелась классовая борьба внутри самого крестьянства, когда начался великий поход деревенской бедноты во главе с городскими рабочими против кулачества, против сельской буржуазии»². П. Н. Першин в своем исследовании аграрной революции в России ограничивается периодом 1918 г. и в первую очередь обращает внимание на создание коммун³.

В 1970–1980-е гг. советские авторы продолжили обсуждение аграрной революции в России, в частности Э. М. Шагин возвращается к ленинской интерпретации аграрной революции: «...аграрная революция — это ломка всех крепостнических пережитков в деревне...»⁴ В. В. Кабанов пытался термин «аграрная революция» наполнить позитивным смыслом. Он писал, что традиционное «толкование сужает смысл крестьянских устремлений: дает лишь негативную часть программы, то есть то, что нужно устранить, и не вскрывает ее конструктивного содержания»⁵. Главным достижением

¹ Покровский М. Н. Доклад на II съезде пролеткультов // Бюллетень II Всероссийского съезда пролеткультов. 1921. № 1. С. 41–42; Крицман Л. Героический период великой русской революции. М. — Л., 1926. С. 31.

² Данилов В. П. Изучение истории советского крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962. С. 452–453; Его же. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. URL: http://www.patriotica.ru/history/danilov_rev.html (дата обращения: 01.06.2020).

³ Першин П. Н. Аграрная революция в России: историко-экономическое исследование: в 2 кн. Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918 гг.). М.: Наука, 1966.

⁴ Шагин Э. М. Вопросы теории и истории аграрной революции в России в современной советской историографии // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы. М., 1986. С. 34–35.

⁵ Кабанов В. В. Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 28–44.

аграрной революции, с его точки зрения, было создание в деревне системы мелких и средних производителей.

В постсоветский период историки отошли от формальных схем и попытались переосмыслить понятие «аграрная революция» / «аграрный переворот» и определить, когда она произошла в России. Результаты этих дискуссий были изложены в уже упоминавшейся работе Д. А. Сафонова, где сделан вывод об отсутствии убедительной концепции по данному вопросу и необходимости дальнейших исследований¹.

Практически все исследователи, писавшие об аграрной революции, даже если сам этот термин не использовался, так или иначе затрагивали проблематику перехода от традиционного (аграрного) общества к современной социально-экономической системе. Это факт не случаен, поскольку, во-первых, сам этот переход является одной из центральных проблем экономической истории, а во-вторых, преобразование традиционного общества неизбежно затрагивает его аграрную основу. Соответственно, теоретическое осмысление аграрной революции предполагает определение условных начальной и конечной точек перехода.

Таким образом, можно сделать вывод, что существовало три различных теоретических подхода к определению аграрной революции: технологический, социальный и экономический.

Технологический был характерен в Европе для исследований И. Тюннена и его последователей, в том числе и в России, а также для Н. П. Огановского и А. Н. Челинцева. Схожесть подходов этих авторов можно объяснить тем, что в российском аграрном секторе во второй половине XIX в. начались процессы трансформации, сходные с теми, которые имели место в Германии в первой половине XIX в. Авторы отражали проблемы переходного периода, когда менялся технологический уклад, проблемы, которые необходимо было решать в тот период в данной стране, авторы указывали на прогрессивные изменения и их позитивные последствия.

Социальный подход связан, прежде всего, с именем К. Маркса и далее развивался его последователями. Технологические и институциональные изменения представителями данного подхода рассматривались через призму последствий этих процессов для трудящихся масс и, прежде всего, для крестьянства.

Экономический подход характерен для большинства современных западных экономистов и экономических историков, в том числе Р. Аллена, М. Овертона, С. Р. Томпсона. Последние, анализируя технологические,

¹ Сафонов Д. А. Аграрная революция: российское прочтение // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019.

институциональные и социальные изменения в аграрном секторе, отдают приоритет анализу производительности труда, эффективности экономики, модернизационным процессам, которые стали, с их точки зрения, следствием трансформации аграрного сектора.

Среди последних особенно выделяются работы Б. Милановича, который ставит очень важный вопрос, насколько индустриализация зависит от процессов, происходящих в сельском хозяйстве, т.е. возможен ли значительный рост промышленности без аграрной революции. Сам Б. Миланович на примере Сербии доказывает, что данная зависимость существует и что незавершенность аграрной революции тормозит развитие промышленности.

Таким образом, данная работа опирается на определение института, предложенное Т. Вебленом и получившее развитие в работах Д. Норта, на тезисы Норта об источниках экономического роста, на обоснованные им принципы применения количественных методов как для анализа исторических процессов, так и выявления институциональных особенностей социально-экономических систем.

1.2. Концепция институционального конструктора¹

Институциональная теория рассматривает общество как систему взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом институтов. В настоящей работе нами используется наиболее распространенное определение институтов, данное Д. Нормом: институты — это формальные и неформальные правила вместе с механизмами обеспечения их исполнения². Данное определение института наилучшим образом подходит для целей нашего анализа в силу особого внимания, уделяемого Д. Нормом проблеме мотивации. Именно мотивация поведения, порожденная институтами, является, с нашей точки зрения, основным критерием для деления институтов на две основные группы, лежащие в основе формирования различий между традиционным обществом и обществом развития: институты стабильности и институты развития³.

¹ Основные положения данного параграфа составляют статью, которая принята для публикации в журнале «Научные исследования экономического факультета» в декабрьском номере 2024 г.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 3.

³ Розинская Н. А. Институты стабильности и институты развития // Ежегодная научная конференция Новой экономической ассоциации «Междисциплинарные иссле-

Институты стабильности — институты, основной целью которых является поддержание определенного жизненного уровня членов общества и особенно их социального статуса, т.е. существующего социального порядка. Важнейшей ценностью здесь является стабильность. Главная функция институтов стабильности — поддерживать существующие в обществе связи и привычную, считающуюся нормой социальную иерархию. Примером здесь могут служить поддержка слабых членов общества социальными структурами, к которым они принадлежат, — племенем либо семьей. Институты стабильности различными способами сдерживают конкуренцию, ограничивают оборот основного фактора производства — земли. Институтами стабильности можно назвать такие институты, как семья, род, ремесленные цеха, купеческие гильдии, вассалитет (форма коллективной ответственности), королевские привилегии, институты перераспределения (помощи) — община, приход, церковь и т.д.

Институтами развития предлагается называть институты, создающие мотивацию для экономической деятельности, выходящей за рамки простого воспроизводства (стоит отметить, что мотивацию для простого воспроизводства создают и институты стабильности, например наличие семьи и необходимость ее обеспечить очевидным образом стимулируют человека работать). Институты, мотивирующие людей к тому, чтобы повышать свою производительность и эффективность, чтобы быть максимально успешными в экономическом и социальном плане. Ключевой функцией данных институтов является развитие конкуренции.

К числу институтов развития относятся частная собственность, кредитная система, конкуренция, прибыль, свободные или слабо регулируемые рынки факторов производства, развитая система образования, институты, способствующие вертикальной и горизонтальной мобильности, и др.¹

Институты стабильности определяют основные характеристики общества, в котором они преобладают: чаще всего, хотя и не обязательно, такое общество является аграрным; члены общества стараются избегать изменений, которые воспринимаются как опасность для сложившейся социальной иерархии, писанные и неписанные законы в таком обществе способствуют социальному и поведенческому конформизму; отсутствуют свободные рынки труда, земли и капитала; обычно предполагается невысокая социальная ценность образования; система подвержена законам мальтузианской ловушки.

дования экономики и общества»: сборник. 10–11 декабря 2013 г. М.: ООО «МАКС Пресс», 2014. С. 62–72.

¹ Там же.

Напротив, преобладание институтов развития определяет иные характеристики обществ: это общества, динамично развивающиеся, рассматривающие изменения и определенную неустойчивость как цену, заплаченную не только за фактическое улучшение жизни, но и за саму возможность такого улучшения; нормой является поощрение конкуренции, которая рассматривается как движущая сила прогресса; стимулируются индивидуализм и желание выделиться, добиться индивидуального успеха; существуют относительно свободные рынки труда, земли и капитала; обычно, хотя и не обязательно, это общества урбанизированные; данные социально-экономические системы не являются заложниками мальтузианской ловушки.

Предполагается, что в любом обществе существуют и взаимодействуют друг с другом как институты стабильности, так и институты развития. Различные социально-экономические системы складываются из различных базовых наборов институтов, и, в зависимости от того, какие именно институты преобладают, можно говорить, относится ли данная социально-экономическая система к традиционному обществу или к обществу развития¹.

Термины «конкурентные общества» или «общества развития» кажутся нам более подходящими, чем часто встречающийся термин «индустриальное общество». Целый ряд современных обществ (например, страны с господствующей эгалитарной идеологией — Иран, Куба, Северная Корея и др.), являющихся индустриальными, не характеризуются преобладанием институтов развития. Самым ярким примером, пожалуй, здесь может служить СССР: будучи мощной индустриальной державой, СССР не был «конкурентным обществом», хотя институты развития (в том числе способствующие конкуренции) в нем очевидным образом присутствовали: достаточно вспомнить конкурс в наиболее престижные вузы в 1970—1980-е гг. С другой стороны, советские экономические институты были встроены в институты социальные и политические, что служит, как показал К. Поланьи, характерным признаком традиционного общества. На наш взгляд, СССР следует считать обществом, находившимся в процессе перехода от традиционного к современному конкурентному обществу: институты стабильности (эгалитарная идеология, институт прописки, коллективные хозяйства и многие другие) в нем превалировали, на протяжении десяти-

¹ Розинская Н. А. Институты стабильности и институты развития // Ежегодная научная конференция Новой экономической ассоциации «Междисциплинарные исследования экономики и общества»: сборник. 10—11 декабря 2013 г. М.: ООО «МАКС Пресс», 2014. С. 62—72.

летий более-менее успешно ограничивая «разрушительное» действие институтов развития.

Для картины мира традиционного общества, где преобладают институты стабильности, характерен отказ от идеи развития в пользу концепции неизменности, цикличности жизни. Важнейшее значение имеет поддержание существующего порядка: всякое изменение несет риск нестабильности и угрожает общественному статусу сложившихся социальных групп. Как известно, в древних обществах обычай мог быть поколеблен только ссылкой на более старый обычай. Отличным примером отношения к нововведениям является один из законов кодекса Драконта. В соответствии с этим законом, если житель Афин хотел предложить новый закон, то он должен был прийти на народное собрание, где можно было это сделать, с веревкой на шее, и в случае, если собрание отказывалось принять данный закон, повеситься на этой веревке. Риск лишиться жизни сильно сокращал количество желающих менять законы¹.

Напротив, в обществе «современного экономического роста» институты развития преобладают над институтами стабильности; если ослабевают институты развития, общество начинает стагнировать. Примером этого является социально-экономическая история Венеции в XVI–XVIII вв. и Голландии в XVII–XVIII вв. Можно сказать, что там реализовалась «мечта Чичикова»: вчерашние активные предприниматели вложили деньги в более-менее надежные активы (прежде всего в землю) и сосредоточились на поддержании своего респектабельного (условно — аристократического) статуса.

Важно подчеркнуть, что, хотя в обществе развития институты развития превалируют, институты стабильности в нем не исчезают, но продолжают играть весьма важную роль. Более того, как показал К. Поланьи, устойчивость самой общественной ткани зависит от их своевременного возникновения в случае, если старые институты стабильности разрушились².

Выше говорилось об обществе как о системе взаимосвязанных и взаимозависимых институтов. Представляется, что ключевыми в этом определении являются именно взаимосвязанность и взаимозависимость. Исходя из этого, предлагается рассматривать социально-экономическую

¹ Розинская Н. А. Институты стабильности и институты развития // Ежегодная научная конференция Новой экономической ассоциации «Междисциплинарные исследования экономики и общества»: сборник. 10–11 декабря 2013 г. М.: ООО «МАКС Пресс», 2014. С. 62–72.

² Поланьи К. Великая трансформация = The great transformation: Полит. и экон. истоки нашего времени: пер. с англ. А. А. Васильева [и др.]; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. 311 с.

систему как институциональный конструктор/пазл. В традиционном обществе стабильное состояние общества (когда «пазл сходится») обеспечивается комплементарностью институтов друг другу, географической среде и технологическому уровню. Это не означает, что в таком обществе совсем нет институтов развития (или уж во всяком случае — зародышей таких институтов). Они есть, но они надежно заблокированы прочно сцепленными между собой институтами стабильности, поэтому на их долю достается лишь роль «крота истории» (Маркс), который, как известно, роет очень медленно.

Там, где социально-экономическая система была эффективна с точки зрения соответствия (комплементарности) институтов друг другу, технологическому уровню и географическим и климатическим особенностям (т.е. там, где «пазл сходился»), она демонстрировала большие успехи, чем другие. Примеры работы механизма соответствия/несоответствия институциональной системы остальным факторам можно увидеть в эволюции обществ, развивавшихся за счет экспансии в период их подъема: Рима, Арабского халифата, Османской империи, Испании XIV–XVI вв.

Ослабление институтов стабильности и усиление институтов развития приводило к упадку традиционных обществ. Это было отмечено еще Марксом, который писал о том, что некоторые институты (например, ростовщичество) разъедают ткань докапиталистических обществ: «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния»¹, тогда как капитализму они, говоря современным языком, вполне комплементарны. Классическим примером данного явления служит кризис древнегреческого полиса².

Комплементарность институтов может нарушиться в результате сильного внешнего шока (демографического, природно-климатического, военно-политического и т.д.). Их «сцепление» оказывается недостаточным для того, чтобы заблокировать развитие существующих и возникновение новых институтов. Яркие исторические примеры — природно-климатические изменения в Нидерландах в позднее Средневековье³, сопровождавшаяся самоистреблением аристократии война Алой и Белой Розы в Ан-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 25. Ч. II. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 144.

² Розинская Н. А. Институты стабильности и институты развития // Ежегодная научная конференция Новой экономической ассоциации «Междисциплинарные исследования экономики и общества»: сборник. 10–11 декабря 2013 г. М.: ООО «МАКС-Пресс», 2014. С. 62–72.

³ Van Bavel B., van Zanden J. The Jump-Start of the Holland Economy during the Late-Medieval Crisis, 1350–1500 // The Economic History Review. 2004. Vol. 57, No. 3.

глии XV в., поражения Пруссии от Наполеона в первом десятилетии XIX в. и России в Крымской войне 1853–1856 гг.

В силу терминологического сходства развиваемой здесь концепции «конструктора институтов» («институционального пазла») с концепцией «институциональной матрицы» С. Г. Кирдиной¹ необходимо сделать ряд замечаний, касающихся различий между двумя теоретическими подходами. С. Г. Кирдина ведет речь о системе институтов, присущих определенным обществам в течение всего периода существования этих обществ и комплиментарных более-менее неизменной материальной инфраструктуре. Она выделяет общества с коммунальной инфраструктурой, требующей единого управления, и некоммунальной, допускающей обособление отдельных элементов и их самостоятельное функционирование. К первому типу С. Г. Кирдина относит Россию, а также страны Азии, Африки, Латинской Америки, ко второму — европейские страны и бывшие англосаксонские переселенческие колонии (США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию). При этом о переходе той или иной страны от одной институциональной матрицы к другой (и даже о самой возможности такого перехода) речь не идет.

Напротив, наш подход исходит, во-первых, из превалирования институтов стабильности практически во всех обществах в досовременный период, а во-вторых, из того, что «конструктор»/«пазл», в отличие от «матрицы», не представляет собой данность, из которой невозможно вырваться. Наибольший интерес как раз представляет именно переход от традиционного общества, где преобладают институты одного типа, к обществу развития, где начинают преобладать другие институты.

Превалирующие в обществе институты задают господствующую мотивацию деятельности его членов, которая может быть направлена на поддержание своего статуса (в традиционном обществе) либо на максимизацию своего дохода (прибыли) и подъем по социальной лестнице (в обществе развития). Конечно, в рамках традиционного общества всегда существовали индивиды и социальные группы, ориентированные на максимизацию дохода (прибыли). Часто это были представители определенных религиозных либо этнических групп, по какой-либо причине не имевшие доступа к традиционным занятиям и связанному с ними статусу — евреи в европейских странах, армяне в Османской империи, китайцы в доколониальных и колониальных обществах Юго-Восточной Азии и т.д. История и литература дают немало примеров похожей мотивации и у выходцев

¹ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию. Изд. 3-е, перераб., расш. и ил. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 467 с.

из традиционных социальных слоев. Тем не менее такая мотивация оставалась мотивацией меньшинства, зачастую готового — опять вспомним гоголевского Чичикова — при накоплении определенной (достаточной для поддержания статуса) денежной суммы поскорее вернуться к традиционному образу жизни («прикупить землишку» и оставить ее детям). Победа институтов развития означает, что мотив прибыли проникает в толщу общества, представляя собой пример перехода количества в качество. В силу аграрного характера подавляющего большинства традиционных обществ особую важность имеет изменение господствующей мотивации именно в аграрной сфере.

В научной литературе, как и в обычной речи, понятия «развитие» и «рост» обычно имеют позитивную коннотацию, будучи противопоставлены однозначно негативным «застою» и «деградации». На наш взгляд, однако, из этого не следует делать вывод о «позитивности» либо «негативности» институтов, считать одни институты злом, а другие — добром в зависимости от того, способствуют ли они современному экономическому росту, как это делается целым рядом исследователей. У Норта, например, есть институты эффективные и неэффективные¹, у Д. Асемоглу и Д. Робинсона — инклюзивные и экстрактивные². Из отечественных авторов хотелось бы остановиться на концепции Т. Натхова, чья классификация институтов может показаться похожей на классификацию, предложенную нами, так как похожи названия институтов³. В частности, Т. Натхов, рассматривая институты с точки зрения теории транзакционных издержек, выделяет эволюционные и консервативные институты. Первые снижают транзакционные издержки, а вторые увеличивают их, снижая скорость экономического развития либо вовсе его блокируя. Такой подход отличается от того, что предлагается в данной работе. Во-первых, цели общества заключаются не только в обеспечении экономического роста, но и в сохранении и воспроизводстве себя, для чего ему необходимы такие консервативные институты, как, например, семья, и большинство людей явно не готово считать подобные институты «плохими». Во-вторых, низкие издержки социального взаимодействия — высокий уровень межличностного

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

² Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты: пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ, 2015.

³ Натхов Т. Классификация институтов и социальный контракт. URL: hse.ru/data/785/069/1236/Text.pdf (дата обращения: 07.06.2024).

доверия и безопасности, низкая неопределенность и т.д., которые обычно считаются способствующими современному экономическому росту, в традиционном обществе обеспечиваются как раз институтами стабильности, что, однако, совсем не означает готовности такого общества к развитию рыночной конкуренции.

В природе человека (во всяком случае, в природе очень значительного числа — почти наверняка большинства — людей) заложено стремление к стабильности условий своего существования. Одним из отражений этого стремления служит хорошо известный в микроэкономике принцип избегания риска (*risk aversion*). Многие люди сильнее боятся потерять имеющееся, чем хотят приобрести дополнительное¹. Более того, можно предположить, что стремление к стабильности усиливается в человеке с возрастом. Если это так, то общественная потребность в институтах стабильности должна меняться под воздействием происходящих в данном обществе демографических изменений. Иными словами, в современном обществе, характеризующемся относительным старением населения, можно ожидать не только сохранения институтов стабильности, но, возможно, даже их своеобразного ренессанса.

Наличие и глубокая укорененность в обществе институтов стабильности не означают отказа такого общества от развития и даже, как показывает пример стран Азии, могут в течение длительного времени сочетаться с высокими темпами экономического роста. Социально-экономическая динамика, продемонстрированная в XX в. Японией, а в XX–XXI вв. — Китаем, Южной Кореей, ОАЭ и рядом других азиатских стран, и наличие в этих обществах интенсивной конкуренции позволяют в соответствии со сформулированными выше критериями отнести их к обществам развития. С другой стороны, сохраняющиеся институты стабильности в этих странах видны, что называется, невооруженным глазом.

Создателем теории, обосновавшей важность институтов стабильности для поддержания существования общества, можно по праву назвать К. Поланьи, хотя он и не использовал сам термин «институты стабильности». В своих работах американско-венгерский ученый показывает, как институты рыночной системы в своем логическом развитии (свободные рынки факторов производства) приводят к системе, в рамках которой обязательно появляются ограничивающие рынок институты. В его концепции «двойного движения» фактически идет речь о своего рода «самообороне» институтов стабильности от наступления рыночных сил. Он подчерки-

¹ Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 4. С. 31–42.

вает, что скорость перемен должна соответствовать скорости адаптации общества к этим переменам — иначе возникает риск коллапса. В истории существуют многочисленные примеры социальных конфликтов при переходе от традиционного общества к обществу «современного экономического роста». И чем меньше времени было отведено обществу для перехода, тем глубже и ожесточеннее были конфликты. В Англии модернизация длилась 300 лет, в Европе — 100 лет, в России пытались уложиться в 25 лет. Разрушение старых институтов стабильности либо не должно быть ускоренным, либо должно сопровождаться созданием новых (защитных) институтов стабильности, соответствующих рождающейся системе. Например, при насильственном ускоренном разрушении общинных связей их следовало бы заменять другими видами связей: системой социального страхования, неформальными профессиональными или непрофессиональными организациями и т.д.¹

Во всех социально-экономических системах мы находим как институты стабильности, так и институты развития, что способствует формированию противоречия между стабильностью общества и его развитием (эффективностью). В традиционных обществах ослабление институтов стабильности и усиление институтов развития приводили к их упадку. Для современного общества, в котором институты развития преобладают, очень важным является поддержание баланса между стабильностью и развитием (эффективностью), позволяющее избежать как застоя, так и саморазрушения.

На наш взгляд, правильнее не противопоставлять друг другу концепцию, рассматривающую общество как институциональный конструктор, и различные теории стадий общественного развития. С одной стороны, «общество развития» (оно же общество «современного экономического роста») исторически и логически следует за традиционным. Нет ни одного примера полного обратного превращения «общества развития» в традиционное, тогда как примеров перехода от традиционного к «обществу развития» много. Трудно поэтому спорить с тезисом, что общество «современного экономического роста» представляет собой следующую стадию развития по сравнению с обществом традиционным. С другой стороны, примеры Венеции и Голландии показывают, что частичное «обратное движение» возможно, причем даже без насильственной (связанной обычно с политической революцией) ломки институтов: институты развития могут, если использовать аналогию из мира ботаники, в какой-то период активно расти и даже казаться доминирующими «цветами» на каком-то гео-

¹ Попов В. В. Стратегии экономического развития. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2011.

графическом «поле», но затем «забываться» меньше бросающимися в глаза, но тем не менее очень мощными «злаками» — институтами стабильности. Есть и примеры «обратного движения», связанного с насильственными (революционными) изменениями: самыми яркими представляются Исламская революция в Иране в 1979 г. и гражданская война в Афганистане, закончившаяся приходом к власти Талибана.

Можно выделить следующие принципиальные отличия традиционного общества и общества «современного экономического роста».

Первое отличие — преобладающие институты. В традиционном обществе институты стабильности преобладают над институтами развития.

Второе отличие традиционного общества от общества «современного экономического роста» — динамика ВВП на душу населения.

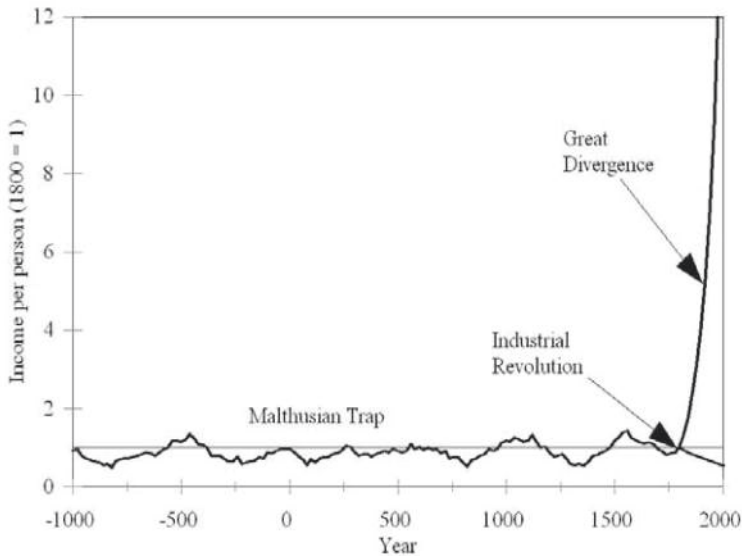

Рис. 1.1. Изменение дохода на душу населения

Источник: Clark G. A Farewell to Alms. Princeton University Press, 2007. P. 2.

Как видно из рис. 1.1, до 1800 г. среднедушевой доход менялся, но не было восходящего тренда. Это было связано с тем, что годовой уровень технического прогресса до 1800 г. был значительно ниже 0,05%, приблизительно 1,5% от современного уровня. Так как в традиционном обществе спорадический технический прогресс, повышая уровень благосостояния, способствовал росту численности населения, увеличение выпуска за счет

производительности труда и технических нововведений поглощалось вызванным им ростом населения. И таким образом, повышение доходов на душу населения началось только после индустриальной революции, когда увеличение выпуска за счет технического прогресса начало обгонять рост населения.

Третье отличие названных выше двух систем — способы достижения лидерства. Лидеры традиционных обществ следовали в соответствии со следующей схемой: достижение политического превосходства — экономическое превосходство — потеря лидерства. Эта схема была характерна до XVII в. В период до XVII в. отдельные страны сначала добивались политического могущества и богатели, используя политическое давление на те народы или территории, которые они завоевали, затем теряли политическое могущество, не выдержав испытания товарно-денежными отношениями (появление институтов развития). Достижение лидерства обществами развития происходит по другой схеме: экономическое превосходство — политическое — потеря лидерства из-за снижения экономической эффективности и появления более эффективных конкурентов. После XVII в. первичной стала необходимость достижения определенного уровня благосостояния, что способствовало росту политического могущества. Потеря лидерства в этом случае была связана с недостаточной эффективностью экономики (появление институтов стабильности). Институциональная система консервативна, а технологии меняются, таким образом, те системы, которые наиболее эффективны на определенном этапе, на следующем этапе уступают свое место лидера другим, так как не готовы быстро меняться.

Четвертое отличие — различные движущие силы: рост населения в традиционных обществах, который способствовал росту ВВП, а главное, изменениям в институциональных системах и в технологиях при определенном уровне плотности населения.

Р. Камерон выделяет четыре демографических волны в Европе: IX–XIV, XV–XVII, XVIII–XX вв., после Второй мировой войны началась новая демографическая волна¹.

В обществах развития движущей силой является рост технологий. Здесь технический прогресс способствует росту ВВП на душу населения и изменению в институциональных системах.

¹ Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней: пер. с англ. Е. Н. Шевцовой // Экономическая история: Док., исслед., пер.: Сер. М.: РОС-СПЭН, 2001. С. 29–30.

К. Перес выделяет пять технологических волн: промышленная революция с 1771 г., эпоха пара и железных дорог с 1829 г., эпоха стали и электричества с 1875 г., эпоха нефти, автомобиля и массового производства с 1908 г., эпоха информации и телекоммуникаций с 1971 г.¹

Пятое отличие — источники богатства: в традиционном обществе основными источниками богатства являются различные ренты: политические, социальные (статус, привилегии, монополии); в современном обществе — экономические доходы (прибыль, зарплата), зависящие от эффективности в конкурентной борьбе.

Шестое отличие — основное противоречие, которое в терминах институтов стабильности и развития можно сформулировать следующим образом. В традиционном обществе главное противоречие — между властью, которая обеспечивалась родовитостью, с одной стороны, и богатством, которое претендовало на власть, — с другой; основное противоречие современного общества — между социальной справедливостью и эффективностью.

И наконец, седьмое отличие — основные факторы производства: земля — в традиционном обществе, капитал — в современном обществе.

Несмотря на то что во всех традиционных обществах существуют общие принципы ведения хозяйственной деятельности, среди них можно выделить различные типы социально-экономических систем. Стоит особенно отметить, что различные социально-экономические системы традиционной модели хозяйствования не обязательно были стадиями или этапами экономического развития. Они могли сменять друг друга в разной последовательности и соответствовать как одинаковым, так и различным технологическим уровням развития. Критерием классификации предлагается взять преобладающие в данном обществе права собственности на основной фактор производства в традиционном обществе — землю. Согласно этому критерию, можно выделить пять групп:

- общество охотников, собирателей и кочевники: земля принадлежит целому сообществу, которое совместно эксплуатирует его ресурсы;
- социально-экономические системы, основанные преимущественно на государственной собственности на землю (Древний Египет, Древняя Индия, Китай (древний, периодически в Средневековье), Россия (XV–XVIII вв.), Турция (XV–XIX вв.);

¹ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания: пер. с англ. Ф. В. Маевского, науч. ред. пер. С. Ю. Глазьев, В. Е. Дементьев. Акад. народного хоз-ва при Правительстве Российской Федерации, Центр эволюционной экономики. М.: Дело, 2011. С. 34.

- социально-экономические системы, где преобладала частно-муниципальная (полисная) форма собственности на землю (Древняя Греция, Древний Рим);
- социально-экономические системы, основанные на условной собственности на землю (средневековая Франция, средневековая Япония);
- социально-экономические системы, с преобладанием частной собственности на землю (Вавилон, Киевская Русь, Северо-Западная Европа).

Современные общества можно разделить на группы в соответствии с формой владения основным фактором производства — капиталом. Каждой из этих социально-экономических систем соответствует определенное соотношение институтов развития и институтов стабильности. Например, модели финансирования корпораций: англосаксонская, германская, японская.

В каждой группе складывается определенная система институтов, соответствующих форме земельной собственности или собственности на капитал, характерная для данной группы.

Таким образом, стадийное развитие запускается ростом либо населения, либо уровня технологий; институциональные системы не обязательно выстраиваются в стадии или этапы.

Во всех социально-экономических системах мы находим как институты стабильности, так и институты развития, что способствует формированию противоречия между стабильностью общества и его развитием. На современном этапе поддержание баланса между стабильностью и развитием — пожалуй, одна из самых важных задач.

Традиционное общество и общество «современного экономического роста» («общество развития») — две абсолютно разные социально-экономические системы, которые функционируют по совершенно различным экономическим законам, и соответственно к ним нельзя применять общие теоретические конструкции, модели и т.д. Часто в литературе можно встретить примеры, когда, доказывая некое положение для общества «современного экономического роста», используют примеры из обществ традиционных. Стоит отметить, что эти общественные системы различны именно с экономической точки зрения. С социальной или политологической точки зрения между ними может быть много общего. Например, теория элит может быть применена и к обществам развития, и к традиционным обществам.

Еще один теоретический аспект, который хотелось бы обсудить в данном параграфе, — механизм трансформации социально-экономических систем.

Прежде всего, стоит отметить, что во многих случаях этот механизм запускается государством, реагирующим на вызов, причем чаще всего — на внешний вызов. Так, в Западной Европе период модернизации начинается с появления национальных государств, которые активно конкурируют между собой и последовательно разрушают институты стабильности, создавая институты развития¹. Именно государство в странах Западной Европы устраняет один из ключевых институтов стабильности — цеховую систему, которая постепенно заменяется конкуренцией. Единственным исключением была Голландия, где цеховая система начала разрушаться естественным путем, во-первых, из-за появления новых отраслей, в которых в силу их достаточно позднего возникновения отсутствовало цеховое регулирование, и, во-вторых, из-за активного притока мигрантов, которые не имели возможности встроиться в достаточно консервативную цеховую систему и поэтому действовали в условиях конкуренции².

Помимо того, что государство, разрушая цеха, запускает механизм конкуренции, именно государство создает условия для формирования рынков факторов производства и, прежде всего, рынка земли. Именно формирование рынка земли, важнейшим условием для существования которого было четкое регулирование прав собственности на землю, стало условием формирования рынка труда, а в определенной степени и рынка капитала³, без которых модернизация социально-экономических систем была бы затруднительна.

Важно отметить, что государство, реализуя ту или иную политику в области институциональных преобразований, часто проявляет себя как институт «нетерпеливый». Это связано с несколькими факторами. Во-первых, в ситуации внутреннего либо внешнего политического давления, а именно такая ситуация вызывает необходимость преобразований, у государства просто нет времени на терпеливое выращивание качественных институтов: требуется каким угодно образом здесь и сейчас создать, например, способную защитить страну армию и современную военную промышленность. Такое положение дел особенно характерно для догоняющего развития. Во-вторых, государство, располагая административ-

¹ Розинская Н. А. Институты стабильности и институты развития // Ежегодная научная конференция Новой экономической ассоциации «Междисциплинарные исследования экономики и общества»: сборник. 10–11 декабря 2013 г. М.: ООО «МАКС Пресс», 2014. С. 62–72.

² Розинская Н. А. Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия // Журнал институциональных исследований, 2015. Т. 7, № 3. С. 50–63.

³ Ходжсон Д. М. 1688 год и все такое: права собственности, Славная революция и подъем британского капитализма // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 63–92.

ным аппаратом принуждения, часто склонно преувеличивать силу этого аппарата. В-третьих, срок, необходимый для укоренения общественного института, обычно больше, чем срок нахождения на какой-то конкретной должности задействованного в преобразовательной работе государственного чиновника, заинтересованного в представлении быстрого результата и ожидаемом после этого карьерном росте.

В силу названных причин во многих странах догоняющего развития, в том числе в России, процессы вытеснения одних институтов другими происходили в ускоренном темпе, и было нарушено сформулированное К. Поланьи правило о необходимости соответствия скорости перемен скорости адаптации общества к этим переменам. В терминах институтов стабильности и институтов развития можно сказать, что в дореволюционной России институты развития начали формироваться слишком быстро и общество не успевало адаптироваться, так как разрушенные институты стабильности традиционного общества не были заменены другими институтами стабильности, комплементарными новой социально-экономической системе. Именно это несоответствие привело к драматическим событиям начала XX в.

Напротив, в целом ряде азиатских стран картина была иной. В результате внешнего воздействия и/или целенаправленной политики государства там также была нарушена «старая» комплементарность институтов («нарушен пазл»), что позволило институтам развития возникнуть и/или начать активно развиваться. При этом по целому ряду внутри- и внешнеполитических причин политическая власть на протяжении всего периода преобразований или значительной его части оставалась прочной, способной к более-менее последовательному «институциональному творчеству». Такое творчество включало не только выращивание либо импорт институтов развития, но и защиту важных для устойчивости общества институтов стабильности, обеспечение их сцепки с возникающими институтами развития, а при необходимости — замену одних институтов стабильности другими (например, взятие на себя патерналистским государством функций поддержки семей, выполнявшихся в традиционном обществе родом, племенем или общиной).

С. Кузнец в своей ставшей классической работе 1966 г.¹ выделил следующие важнейшие критерии перехода к обществу «современного экономического роста»: 1) экономический рост должен быть выше, чем прирост населения; 2) значительное снижение смертности; 3) рост эффективности в аграрном и промышленном секторах; 4) сокращение доли сельского

¹ Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven, 1966.

хозяйства и рост промышленности; 5) отраслевая структура неаграрного сектора меняется в пользу сектора услуг, и происходит переход от мелких предприятий к крупным; 6) изменение модели потребления; 7) изменения в сфере транспорта и услуг; 8) секуляризация сознания.

Кузнец отмечает, что сокращение доли аграрного сектора в ВВП имеет критическое значение для перехода к современному экономическому росту, но он не исследует те факторы, которые ведут к этому сокращению, т.е. механизм аграрной революции / аграрного переворота, который приводит к переходу от аграрного общества к обществу «современного экономического роста».

Рассмотрение характеристик социально-экономической системы с точки зрения институтов развития и стабильности позволило выявить две базовые модели функционирования общественных систем — традиционное общество и общество «современного экономического роста». Две базовые модели социально-экономических систем формируются в зависимости от того, преобладают ли институты стабильности либо институты развития. Следовательно, социально-экономические системы, где преобладают институты стабильности, можно назвать обществами неконкурентными или традиционными, а системы с преобладанием институтов развития — конкурентными обществами (обществами развития, модернизированными обществами).

Таким образом, социально-экономические системы следует рассматривать не просто как совокупность институтов, но как их систему, как институциональный конструктор, или институциональный пазл, предусматривающий различные способы сочетания как институтов стабильности, так и институтов развития. Для устойчивости общества необходимо соответствие институтов (как элементов институционального конструктора) друг другу, технологическому уровню, климатическим и географическим условиям.

1.3. Исторический опыт аграрного перехода от традиционного общества к «обществу современного экономического роста»: институциональные страновые особенности

1.3.1. Примеры успешной ранней модернизации

В XV–XVI вв. в Европе формируются централизованные государства, которые начинают конкурировать между собой за население (на-

логоплательщиков) и природные ресурсы. Важнейшим результатом этой конкуренции выступает процесс появления институтов развития, который начался в Голландии. Если в Голландии возникновение такого рода институтов было результатом географических, климатических условий и внешних шоков, то в таких странах, как Португалия, Испания и Англия, процесс развития частично был связан с внешними шоками (чума, резкое изменение цен на ресурсы и факторы производства), но также и с деятельностью государства, которое на определенных этапах способствовало усилению институтов развития (прежде всего, более четко определяя права собственности, кроме того, стимулируя мореходство, судостроение, торговлю) и ослаблению институтов стабильности (устранение региональных различий и ограничений, корпоративных (цеховых) привилегий и др.).

Если в Англии под воздействием внешних шоков, географических и политических событий появился социальный слой, мотивированный к созданию и усилению институтов развития, то в Португалии и Испании те же внешние шоки, но в других социально-политических условиях, привели к совершенно иной конфигурации институциональной системы, системы, где усилились именно институты стабильности.

Далее коротко будут рассмотрены эти четыре исторических кейса сквозь призму концепции институтов развития и институтов стабильности: два кейса успешного перехода от традиционного общества к обществу «современного экономического роста», причем будет обосновываться тезис, что Голландия это сделала раньше, чем Англия; И два кейса, когда начавшееся развитие не привело к модернизации, и этот процесс был отложен до XX в.

Голландия была первой страной, осуществившей переход от традиционного общества, где преобладали институты стабильности, к обществу современного типа, где преобладают институты развития.

В современной литературе по-прежнему принято считать, что современная экономическая система родилась в Англии. Тот факт, что промышленная революция произошла в Англии, является главным аргументом в пользу данного тезиса. Считается, что именно Англия первая совершила переход от традиционного общества к обществу современного типа на рубеже XVIII и XIX вв. Об этом в своих работах, посвященных переходу к обществу современного типа, писали У. Ростоу, С. Кузнец, Р. Аллен, Дж. Голдстоун, авторы Кембриджской экономической истории Европы Нового и Новейшего времени, и др.

В 1997 г. вышла работа “The First Modern Economy, Success, Failure and Perseverance of the Dutch Economy” («Первая современная экономика,

успех, провалы и устойчивость голландской экономики»), где авторы доказывают, что Голландия была первой страной, в которой появилось общество современного типа¹. Реакцией на работу Дж. де Вриса и А. ван дер Вуда стали несколько статей, где обсуждалась их идея², но несмотря на то что принципиальной критики не прозвучало, данная концепция не получила широкого распространения. В последующих работах по экономической истории по-прежнему Англия рассматривается как первая страна современного типа.

В работах, авторы которых поддержали идею Дж. де Вриса и А. ван дер Вуда, доказывается, что Голландия была первой страной в Европе, где были сформированы такие институты развития, как: высокая степень защищенности прав собственности, система представительских институтов, эффективная система управления государственным долгом, развитый внутренний рынок, высокоэффективное сельское хозяйство, диверсификация экономики и высокий уровень разделения труда и др.

Для обоснования своей гипотезы де Врис и ван дер Вуд используют в работе следующие критерии отнесения общества к современному типу:

«— всеобъемлющие и достаточно свободные рынки, как товаров, так и факторов производства (земли, труда и капитала);

— производительность аграрного сектора достаточна для поддержания сложной социальной и профессиональной структуры с высоким уровнем разделения труда;

— государственная политика, обеспечивающая права собственности, свободу передвижения и контрактов и в то же время не пренебрегающая заботой о материальных жизненных условиях своих граждан; и

— технологический и организационный уровни, достаточные для устойчивого развития и поддержания разнообразия материальной культуры, необходимой для рыночно ориентированного потребителя»³. В своей достаточно обширной работе авторы, последовательно исследуя климатические, географические, демографические факторы, анализируя все секторы экономики Голландии, социальную структуру и уровень жизни населения, приходят к выводу, что в Голландии уже в XVI–XVII вв. сформировалась

¹ De Vries J., Van der Woude A. *The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy 1500–1815*. Cambridge University Press, 1997.

² Koot G. *The Little Divergence and the Birth of the first Modern Economy, or when and why did northwestern Europe become much richer than southern and eastern Europe*. 2013. URL: <http://www1.umassd.edu/euro/resources/worldconomy/4.pdf>

³ De Vries J., Van der Woude A. *The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy 1500–1815*. Cambridge University Press, 1997. P. 693.

социально-экономическая система, отвечающая перечисленным выше критериям.

Уязвимым местом аргументации голландских авторов можно считать то, что критерии отнесения общества к современному они сформулировали сами и сами же проверяли соответствие этим критериям Голландии. Поэтому предлагается рассмотреть более широкий набор критериев, основанный на классических работах, посвященных переходу от традиционного общества к современному. Ставится также задача, используя данные более ранних периодов (де Врис и ван дер Вуд в основном анализируют Голландию XVII–XVIII вв.), сравнить последовательность появления и усиления институтов развития, а также разрушения ряда институтов стабильности в Голландии и Англии и подтвердить тезис о том, что при успешности модернизации в обеих странах первой перешла к обществу современного типа все-таки Голландия.

Для обоснования предложенных тезисов взяты критерии перехода от традиционного общества, разработанные различными авторами, пытавшимися сформулировать главные различия традиционного общества и общества современного типа. Прежде всего, это критерии из классической работы У. Ростоу, который одним из первых продемонстрировал отличие традиционного общества от всех последующих стадий развития¹. Используются также критерии С. Кузнеця, Дж. Эдвардса и Д. Норта², анализирующих процесс перехода к современной социально-экономической системе. Как уже отмечалось, с точки зрения большинства из них, первой страной, преодолевшей этот барьер, была именно Англия. Мы, используя их критерии, во-первых, попробуем показать, что это была Голландия и, во-вторых, выявить механизмы, которые запустили процесс формирования институтов развития.

Используя определение, данное Ростоу, и несколько расширив его, можно сказать, что общество трансформировалось из традиционного в общество современного типа, если были выполнены следующие условия: появилась социальная группа, мотивированная на зарабатывание прибыли; сформировались относительно свободно функционирующие рынки факторов производства; структура экономики изменилась таким образом, что доля аграрного сектора в экономике стала меньше половины; темпы

¹ Rostow W. W. The Process of Economic Growth. Oxford, 1953. P. 4–5.

² Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

роста ВВП стали превышать темпы роста населения; конкурентные отношения превратились в основу функционирования экономики.

Обобщая изложенное выше, можно сделать вывод, что общество современного типа — это общество, где преобладают институты развития — частная собственность с четко закрепленными правами собственности, кредитная система, конкуренция, свободные или слабо регулируемые рынки факторов производства, развитая система образования, вертикальная и горизонтальная мобильность и др. Данные институты заставляют людей повышать свою производительность, чтобы быть успешными в экономическом и социальном плане, а традиционное общество — это общество, где преобладают институты стабильности — институты, способствующие поддержанию определенного жизненного уровня, существующих статуса, социальных связей и социальной иерархии. Пример — поддержка слабых членов общества социальными структурами, к которым они принадлежат, — племенем, семьей, государством¹.

Важнейшими факторами, способствовавшими быстрому экономическому развитию Голландии в тот период, было формирование институтов развития, которые запустили трансформацию социально-экономической системы. Появились относительно свободно функционирующие рынки факторов производства — труда, земли и капитала, возникла институциональная инфраструктура для этих рынков, и, главное, стала развиваться конкуренция.

Уже к началу XV в. в Нидерландах сформировалось, в терминах Норта, «базисное естественное государство»² с устойчивыми институтами публичного права. Это заложило основу для постепенного перехода экономической системы Голландии к безличным отношениям³, что, по мнению Норта, являлось необходимым условием перехода к современному обществу или, в терминах Норта, к «обществу открытого доступа»⁴.

¹ Подробнее об институтах развития и институтах стабильности см.: Розинская Н. А. Институты стабильности и институты развития // Междисциплинарные исследования экономики и общества / под ред. А. Аузана, П. Минакира, Л. Тутова. М.: Макс-пресс, 2014.

² Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

³ Переход от личных отношений в экономической деятельности к безличным отношениям является по Д. Нарту ключевым показателем перехода к современному обществу.

⁴ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

В Голландии достаточно рано начали развиваться институты, основанные на контрактных, в терминологии Норта — безличных отношениях. Феодальные (личные) отношения были развиты слабо, и владение землей не являлось привилегией какого-либо сословия. Необходимость дренажных работ увеличивала наделы в частной собственности и вела к развитию рынка земли. То есть природно-климатический фактор способствовал формированию таких институтов развития, как частная собственность и рынок земли. Этот фактор также способствовал развитию товарно-денежных отношений: для того чтобы купить зерно/хлеб, которые земля не производила в достаточном количестве из-за низкой плодородности, необходимо было что-то произвести и продать.

Если говорить об институтах стабильности, то в Голландии изначально они были слабее, чем в других регионах, включая Англию: менее развитые община и вертикальные личные связи способствовали тому, что практически отсутствовали общинные, сословные или статусные ограничения на куплю-продажу земли. Таким образом, Голландия в этот период была намного ближе к переходу к современному обществу, или по Норту — «обществу открытого доступа», чем другие европейские государства.

Одним из важнейших критериев перехода к обществу современного типа является уровень урбанизации, так как городская среда в большей степени создает мотивацию для формирования институтов развития.

В Голландии в начале XVI в. проживало 275 тыс. человек (в Англии в 1541 г. — в 10 раз больше, 2,8 млн человек), 140 тыс. из которых проживали в городах и 135 тыс. в сельской местности¹. Городов с населением более 2500 человек в этот период насчитывалось около 40. К середине XVII в. население увеличилось почти в три раза. Особенно быстро стали расти города в конце XVI в. после поражения Южных Нидерландов (Фландрия и Брабант) в войне с Испанией, когда огромное количество жителей этих регионов вынуждено было бежать от религиозных преследований и ужасов войны. Большинство этих людей вместе со своими деньгами, знаниями, торговыми связями эмигрировало в Голландию, в том числе в Амстердам, что явилось одним из важнейших драйверов для развития городов Северных Нидерландов. Самые крупные города насчитывали: Амстердам в 1637 г. — 145 тыс. человек населения; Гауда в 1540 г. — 6 тыс.; Энкхей-

¹ Van Zanden J. Taking the measure of the early modern economy: Historical national accounts for Holland in 1510/14 // *European Review of Economic History*. 2002. Vol. 6, No. 2. P. 134.

зен в 1600 г. — около 30 тыс.; Лейден в 1622 г. — почти 45 тыс.; Гарлем в 1622 г. — почти 40 тыс. человек¹.

Таким образом, уже с начала XVI в. Голландия опережает Англию по уровню урбанизации. И что еще более важно, высокий уровень урбанизации способствовал изменению структуры экономики: доля занятых в аграрном секторе в 1700 г. в Голландии была меньше половины — 40% — и продолжала уменьшаться. В Англии в этот период доля занятых в аграрном секторе составляла 56%².

В XVIII в. темпы урбанизации в Голландии падают, и даже можно говорить о некоторой дезурбанизации, в то время как Англия именно в этот период динамично приближается к показателям современной экономики. Тем не менее в 1650 г. городское население Голландии по численности превосходило совокупное городское население Британских островов и Скандинавии, вместе взятых.

Следующий важный критерий по Эдвардсу — уровень коммерциализации аграрного сектора³, то, что Норт называл «безличными отношениями».

Необходимо отметить, что, исследуя критерий коммерциализации сельского хозяйства (уровень товарности), нужно говорить и о коммерциализации хозяйств горожан, так как в тот период горожане очень часто имели огороды, подсобные хозяйства, свиней и даже коров. Поэтому предлагается рассматривать коммерциализацию, или уровень рыночной ориентации всего общества, как сельского, так и городского.

Бурный рост коммерческой деятельности начался в Голландии во второй половине XV в. Это было связано, во-первых, с природно-климатическими проблемами, начавшимися еще в XIV в., — повышением уровня моря и затоплением полей в зимний период. Начавшиеся регулярные наводнения не позволяли крестьянам выращивать зимние культуры, как они это делали раньше, и крестьяне, чтобы выжить, вынуждены были переориентироваться на другие виды деятельности: рыболовство, скотоводство, добычу торфа и т.д., что вело к необходимости активнее включаться как во внутреннюю, так и во внешнюю торговлю. Природный шок способствовал трансформации аграрного общества и росту неаграрной активности в сельской местности. Интересно отметить, что в классическом традиционном обществе такого рода проблемы обычно вели к голоду и сокращению на-

¹ Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. М.: Книга по Требованию, 2013. С. 13.

² Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 122.

³ Edwards R. Economic Growth: Song China and England. Tamkang University, 2015. P. 68.

селения, здесь же сокращение обрабатываемых земель привело к интенсификации экономической активности и росту конкурентоспособности голландской экономики, показателем чего стало увеличение населения¹. Институты развития оказались более сильными, чем институты стабильности, которые не позволяли обычно в традиционных обществах выходить за рамки существующих видов деятельности.

Второй причиной роста коммерциализации голландского общества стало повышение жизненного уровня горожан (ряд авторов связывают это с сокращением населения после Великой чумы), рост среднего класса и, соответственно, увеличение с его стороны спроса на продукцию аграрного сектора: мясо, сыр, молоко, свежую рыбу и др.

Чтобы оценить уровень коммерциализации голландского хозяйства начала XVI в. и сравнить его с английским уровнем, Джессика Дижман рассчитала следующие параметры для обеих стран: уровень урбанизации; доля городского труда, занятого в ориентированных на рынок видах деятельности; доля труда в аграрном секторе, участвующего в несельскохозяйственной деятельности; доля сельского труда, работающего на рынок. Результаты ее исследования приведены в табл. 1.1.

Таблица 1.1

**Уровень рыночно ориентированной деятельности
в Голландии и Англии в начале XVI в. (в %)**

	1	2	3 = 1 × 2	4 = 100% - 1	5	6 = 4 × 5	7 = 100% - 1	8	9 = 3 × 7 × 8	10 = 3 + 6 + 9
Голландия	45	92–97	41–44	55	59	32	41	60–80	14–18	87–94
Англия	15–20	89–94	13–19	80–85	20–30	16–26	70–80	20–40	1–20	57–71

Примечания:

1 — городское население как доля от общей численности;

2 — доля занятых в рыночно ориентированной деятельности от общего числа горожан;

3 — доля горожан, занятых в рыночно ориентированной деятельности, от общей численности населения (1×2);

4 — доля сельского населения (100% — 1-й столбец);

¹ Van Bavel B., van Zanden J. The Jump-Start of the Holland Economy during the Late-Medieval Crisis, 1350–1500 // The Economic History Review. 2004. Vol. 57, No. 3. P. 507–508.

5 — доля сельского населения, занятого в несельскохозяйственной деятельности;

6 — доля сельского населения, занятого в несельскохозяйственной деятельности, от общей численности населения (4×5);

7 — доля сельского населения, занятого в аграрных видах деятельности (100% — 5-й столбец);

8 — доля сельского населения, занятого в аграрных видах деятельности, ориентированных на рынок;

9 — доля сельского рыночно ориентированного населения, занятого в аграрных видах деятельности, от общего количества населения ($4 \times 7 \times 8$);

10 — общая доля занятых в рыночно-ориентированных видах деятельности ($3 + 6 + 9$).

Источник: Dijkman J. Shaping Medieval Markets. The Organisation of Commodity Markets in Holland, 1200–1450. BRILL. Leiden-Boston, 2011. P. 317–342.

Таким образом, уровень коммерциализации в Голландии в XVI в. — 87–94% — был намного выше, чем в Англии — 57–71%.

Основой для столь высокого уровня коммерциализации аграрного сектора была развитая специализация, в том числе и в сельском хозяйстве, что, и по Кузнецу, и по Эдвардсу, является еще одним критерием перехода от традиционного общества.

Специализация во многом была связана с тем, что регионы, составляющие Нижние земли, отличались большим разнообразием и по уровню экономического развития, и с институциональной точки зрения (права собственности на землю и степень свободы крестьян), и, кроме того, наблюдались значительные отраслевые различия. В определенной степени это являлось результатом значительной децентрализации в управлении: существовало огромное количество местных правил и законов, и к унификации прибегали, только если к этому вынуждали обстоятельства.

Так, в некоторых губерниях сельское хозяйство оставалось на достаточно примитивном уровне. В Гендерланде и в Дренте в XVI в. еще существовали феодальные порядки: сеньориальные права землевладельцев, крепостная зависимость крестьян, крестьянские земли находились в общинной собственности, денежное хозяйство было развито слабо. Производившееся здесь зерно в основном потреблялось внутри губерний, на продажу выращивали лен, также занимались коневодством и свиноводством для продажи сала в Голландию. Одной из самых бедных провинций оставался Оверэйсел. Несмотря на то что здесь основная часть крестьян была свободной и владела землей, ее положение было весьма жалким, так как доходы от ведения хозяйства здесь были относительно низкими.

В экономически более развитых регионах — Зеландии, Голландии, Утрехте, Фрисландии и др. — вторая половина XVI – XVII в. были пери-

одом бурного развития сельского хозяйства. Крестьяне в основной массе здесь были свободными и владели землей на праве частной собственности. Удовлетворяя быстро растущий в этот период спрос городского населения, крестьяне активно занимаются разведением крупного рогатого скота, что было основой для маслоделия и производства сыра. Уже тогда появляются известные и сейчас сорта сыра, такие как эдамский, гаудский, тминный, кантский и др. Производство сыра, будучи в технологическом отношении гораздо сложнее других видов сельскохозяйственной деятельности, являлось одним из важнейших источников дохода в аграрном секторе.

Кроме крупного рогатого скота, сельские жители занимаются овцеводством для поставок шерсти на текстильные мануфактуры и свиноводством, продукты которого играли важную роль в рационе моряков. Помимо животноводства, достаточно доходной отраслью было коневодство: фризские и утрехтские породы лошадей очень высоко ценились, что значительно обогащало жителей этих губерний.

Еще в Средние века в Голландии начинают развиваться овощное и цветочное хозяйство. Своего расцвета эти отрасли достигают в XVII в. Особенно бурно развивается цветочное хозяйство и, в частности, разведение луковичных, что отразилось даже на развитии финансового рынка, спровоцировав первую известную в истории финансовую пирамиду — тюльпаноманию.

Что касается выращивания зерновых культур, то нигде, кроме Зеландии, которая являлась главной хлебопроизводящей республикой Нидерландов, эта отрасль не являлась преобладающей. Зато активно разводились технические растения: марена, лен, конопля, рапс. Выращивание рапса заложило основы маслосеменной промышленности, наряду со сливочным маслом рапсовое стало важным источником дохода сельских жителей.

Высокая степень специализации и коммерциализации общества создавала условия для формирования рынков факторов производства — важнейших институтов развития. Рынок земли в Голландии начал формироваться достаточно рано. Это было связано с тем, что основная масса крестьян обладали личной свободой и владели землей фактически на основе частной собственности. В то же время в Англии для заключения большинства сделок с землей требовалось разрешение местного лорда. Существование системы майората довольно долго ограничивало рынок земли. Только в 1882 г. Закон лорда Кэрнса (Lord Cairns' Act) и ряд последующих законов расширили такие права собственников в области распоряжения недвижимым имуществом, как право сдавать, обменивать, продавать це-

ликом и даже частями¹. В Голландии, в отличие от Англии, практически не существовало общинных, сословных или статусных ограничений на куплю-продажу земли. Доля фермерской собственности в Голландии в начале XVI в. оценивается в 40–50%, горожане владели 20–30% земли, 5–10% принадлежало дворянам, а остальная часть — различным религиозным организациям².

Большую роль в развитии рынка земли сыграла Реформация церкви. Как и в других странах, в частности в Англии, Реформация в Нидерландах способствовала переходу большого количества земли из монастырской собственности в частную, что увеличивало мощь зажиточных земельных собственников, производящих продукцию на рынок. В этот период в Голландии начинает активно развиваться такой важнейший институт развития, как ипотека³, поскольку из-за роста цен на сельскохозяйственную продукцию земля становится привлекательным объектом инвестирования для горожан.

Помимо рынка земли идет процесс становления и рынка рабочей силы. В основе раннего формирования рынка труда также лежал фактор личной свободы крестьян: они могли свободно перемещаться и менять виды экономической деятельности, подстраиваясь под внешние обстоятельства.

Под давлением климатических проблем, ведущих к сокращению пригодных для возделывания земель, сельские жители уходили в моряки, поденщики, грузчики, рыбаки, обслуживая интересы торговли и флота. Этому также способствовала политика, проводимая городами по отношению к деревне, ограничивавшая развитие там ремесла и промыслов⁴.

Все это способствовало тому, что уже в начале XVI в. большинство крестьян превращаются в наемных рабочих. Часть из них перемещается в города, часть остается работать по найму в деревне.

¹ Бруцкус Л. Д. Очерк аграрной политики иностранных государств и России. Вольное экономическое общество. Петроградский отдел Лиги аграрных реформ. Петроград: Типография В. Ф. Кишбаума, 1918.

² De Vries J., van der Woude A. The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy 1500–1815. Cambridge University Press, 1997. P. 532–533.

³ Ibid. P. 547.

⁴ Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках: пер. с нем. Н. М. Сергаль, О. К. Рыковской; под ред. и со вступ. статьей проф. Я. Я. Зутиса. М.: Изд-во иностр. лит., 1949, 2013.

В целом по экономике доля наемного труда в Голландии уже в XVI в. преобладала, тогда как в Англии доля наемного труда в этот период была не более четверти¹.

Помимо внутренних причин роста сельского хозяйства, таких как рост и развитие городов, развитие денежных отношений, рост торговли, развитие специализации регионов, существовали общеевропейские события, которые способствовали высокоинтенсивному развитию сельского хозяйства и экономики Республики Соединенных провинций в целом. Важнейшее из них — «революция цен».

Открытие рудников драгоценных металлов (прежде всего — серебра) в Южной Америке способствовало тому, что в течение XVI в. приток американского золота в Европу увеличился более чем в два раза; приток серебра — больше чем в три раза. Это вело к общему повышению цен в Европе. Однако цены повышались неравномерно. Самый высокий уровень инфляции наблюдался в Испании, где цены увеличились в 4,5 раза, что серьезно подрывало конкурентоспособность испанских товаров на европейском рынке и особенно — по сравнению с голландскими товарами, рост цен на которые был гораздо меньше, чем в Испании. А так как Испания еще со времен Карла V была важнейшим рынком сбыта для нидерландских товаров, то голландцы активно использовали свои ценовые конкурентные преимущества. Кроме того, приток золота и серебра в Европу способствовал концентрации богатства и первоначальных капиталов для создания крупных предприятий как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Таким образом, можно сказать, что в Республике Соединенных провинций в XV–XVI вв. совершается аграрная революция / аграрный переворот. То есть происходит комплекс институциональных, технологических и социальных изменений в аграрном секторе: формируются четкие права собственности на землю (феодалная система собственности трансформируется в частную); происходит переход от трехполья к плодосменному севообороту и соединение растениеводства (земледелия) с животноводством; растет производительность и эффективность аграрного сектора. И как следствие всего этого появляются относительно свободные рынки земли и труда.

В Англии, как известно, аграрная революция / аграрный переворот имели место в XVI–XVIII вв. В этот период шло формирование институтов развития и постепенное ослабление или полное устранение институтов стабильности (прежде всего системы открытых полей).

¹ Van Bavel B., van Zanden J. The Jump-Start of the Holland Economy during the Late-Medieval Crisis, 1350–1500 // The Economic History Review. 2004. Vol. 57, No. 3. P. 594.

В начале XVI в. Англия была небольшой, типичной аграрной страной с населением в 3–3,5 млн человек (что 4 раза меньше, чем во Франции). Промышленность была менее развита, чем на континенте, а торговый флот Англии значительно уступал голландскому. Но примерно с XVII в. в Англии начинается период бурного экономического роста. Из табл. 1.2 видно, что еще в Средние века Англия сильно уступала по уровню подушевого ВВП государствам Северной Италии, с XV в. ее обгоняет и Голландия. Но с XVII в. темпы экономического роста Англии начинают ускоряться, что в XVIII в. приведет к промышленной революции.

Таблица 1.2

**ВВП на душу населения в ведущих странах Западной Европы
в 1–1800 гг.**

Страна	1	730	1300	1348	1400	1500	1600	1700	1800
Англия	600	-	892	919	1205	1134	1167	1540	2200
Голландия	600	-	-	876	1195	1454	2662	2105	2609
Северная Италия	800	-	1588	1486	1716	1503	1336	1447	1336
Испания	600	-	864	907	819	846	892	814	916

Источник: Проект А. Мэддисона. URL: <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data.htm> (дата обращения: 18.11.2021).

Это может быть объяснено особенностями исторического развития Англии после чумы 1346–1353 гг., когда там складываются предпосылки для формирования институтов развития.

Политические события XV в. были той исторической случайностью, внешним шоком, которые иногда, по мнению Д. Асемоглу, меняют траекторию пути развития¹. Этими политическими событиями были победа Франции в Столетней войне и гражданская война, получившая название «Война Алой и Белой розы» (1455–1485). Поражение в Столетней войне способствовало тому, что английские короли перестали ассоциировать себя с территориями на континенте и стали прежде всего королями Англии, т.е. из феодальных монархов они все больше превращались в политических лидеров национального государства. Как уже говорилось, вторая половина XV в. — это период появления в Европе централизованных го-

¹ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты: пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ, 2015.

сударств, которые начинают активно конкурировать друг с другом, и Англия вступает в эту борьбу.

Результатом второго политического события — гражданской войны — были изменения в социальной структуре общества. Война велась очень жестоко: победители сражений не брали в плен аристократов из противоположного лагеря, а убивали их. Учитывая тот факт, что на протяжении 30 лет побеждала то одна, то другая сторона, по окончании войны было уничтожено большое количество аристократических фамилий. В результате сокращения количества претендентов из самых аристократических родов на высшие позиции в государстве у менее родовитых дворян появился шанс войти в политическую элиту. Те дворяне, которые выжили во время Войны роз, начали яростно бороться за близость к правительству, за расширение своей власти в государстве. Стоит отметить, что их было гораздо больше, чем вакантных мест, освободившихся из-за гибели представителей высшей аристократии, и, соответственно, далеко не все из них могли достичь цели. Так как благородство крови (аристократическое происхождение) в той ситуации не могло быть основой конкуренции (те, кто выступил на политическую арену в тот момент, не могли похвастаться принадлежностью к высшей аристократии), то экономическое благосостояние становится важным конкурентным преимуществом. Представители неродовитого дворянства начали активно искать возможности, чтобы разбогатеть, и постепенно вовлекались в рыночные отношения. Таким образом, в результате гражданской войны возникла новая социальная группа — джентри.

Джентри, или «новое дворянство», начали активно заниматься повышением эффективности своих хозяйств, их деятельность все больше ориентируется на прибыльность имений. Именно появление этой мотивированной на развитие социальной группы в совокупности с изменением цен на шерсть положило начало процессу огораживания. Трудно сказать, было ли это достаточным условием для создания условий для экономического роста, но в первой половине XVI в. происходит еще ряд событий, которые запускают развитие рынков факторов производства.

В результате ряда проблем в семейной и личной жизни короля Англии Генриха VIII (1509–1547)¹ Англия становится протестантской страной. Так как не все монастыри и представители церкви готовы были перейти из католицизма в протестантизм, корона проводит секуляризацию зе-

¹ Генрих VIII был женат на Екатерине Арагонской, у них было несколько детей, но никто не выжил, кроме дочери Марии. Так как Папа отказал в праве на развод, Генрих объявил себя главой Церкви.

мель. Часть отобранных у церкви земель остается в собственности короля, но достаточно большая часть продается, что способствует развитию рынка земли и усиливает класс джентри. Результатом всех описанных выше событий является процесс, который получил в литературе название «аграрная революция».

Аграрная революция в Англии началась в XVI в. и продолжалась до конца XVIII в., т.е. длилась почти 300 лет. Английская аграрная революция является предметом многочисленных исследований. Для данной работы важны следующие выводы.

Технологически аграрная революция означала внедрение передовых севооборотов в сельском хозяйстве и объединение животноводства с растениеводством, что способствовало росту производительности труда в сельском хозяйстве. Теперь, для того чтобы прокормить то же самое население страны, нужно было меньшее количество людей в аграрном секторе. С правовой точки зрения аграрная революция предполагала устранение майоратов¹ и четкое определение прав собственности на землю.

Рост производительности труда и определение прав собственности вели к замене малых и средних крестьянских хозяйств крупными, результатом чего стало, во-первых, исчезновение крестьянства с исторической сцены к середине XVIII в. и, во-вторых, формирование рынка труда. Однако стоит отметить, что процесс формирования рынка труда тормозился рядом законодательных актов. Статут о ремесленниках 1562 г., Закон о бедных 1601 г., Акт об оседлости 1662 г., Спинхемленд 1795 г. препятствовали формированию рынка труда, поддерживая такие институты стабильности, как цеха, пособия для бедных, ограничения на горизонтальную мобильность и др. Принятие этих законодательных актов подтверждает гипотезу К. Поланьи о том, что общество пытается защитить себя от рыночных институтов, которые основаны на неопределенности и нестабильности. Тем не менее формирование рынка труда в Англии шло быстрее, чем в других странах Европы.

Помимо того, что формировался рынок труда, увеличившиеся масштабы сельскохозяйственного производства позволили использовать сельскохозяйственные машины. Сельскохозяйственная техника заметно улучшилась в этот период. Развитие аграрного сектора создавало спрос на производство промышленных товаров в городах, для населения которых, в свою очередь, требовалось больше сельскохозяйственных продуктов, что создавало спрос для продукции аграрного сектора.

¹ Ходжсон Д. М. 1688 год и все такое: права собственности, Славная революция и подъем британского капитализма // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 63–92.

Экономический рост второй половины XVI в. позволил Англии бросить вызов сначала политическому лидеру — Испании, а затем и экономическому лидеру того периода — Голландии.

Помимо рынков труда и земли в Голландии и Англии формируются и рынки капитала, что является важным условием перехода к обществу «современного экономического роста». В этом вопросе Голландия также опережает Англию. В XV в. мощный толчок развитию рынка капитала в Голландии дала торговля. Относительно современный рынок капиталов появляется в Голландии в XVII в. Для финансирования роста торговли и упорядочения денежного обращения в 1609 г. был создан Банк Амстердама. В Европе в тот период уже существовали подобного рода расчетные банки в Генуе, Венеции, Барселоне. Однако, в отличие от южноевропейских банков, чьей основной целью было избежание кризиса ликвидности, для амстердамского банка главной задачей было снизить вызванные хаосом в денежной системе транзакционные издержки торговых операций.

Помимо расчетной и депозитной функций, банк осуществлял учет векселей и выдавал кредиты. Официально кредиты выдавались только под залог драгоценных металлов (не акций), что позволяло банку держать процентную ставку на достаточно низком уровне. Кроме того, система стопроцентного резервирования вселяла уверенность вкладчиков банка в его надежности, что обеспечивало стабильный курс банковских денег, а это, в свою очередь, способствовало бурному росту торговли.

Еще в 1561 г. была создана Амстердамская товарная биржа. С 1608 г. на бирже проводятся не только товарные, но и валютные сделки, а с появлением акций Ост-Индской и Вест-Индской компаний — сделки с ценными бумагами, т.е. начинает формироваться фондовый рынок. Так как проведенные сделки с акциями регистрировались в реестре акционеров не чаще чем раз в месяц, ценные бумаги начинают приобретать с поставкой в будущем, т.е. идет формирование рынка фьючерсных контрактов (первых деривативов). Кроме того, купцы начинают выдавать кредиты под залог акций, акции, соответственно, становятся возможным покупать в кредит. Это ведет к взаимопроникновению фондового и кредитного рынков, т.е. к формированию полноценного рынка капитала.

Таким образом, реализуется одно из важнейших условий современной экономики по Ростоу — появление финансовых институтов для аккумуляции финансовых средств.

Следовательно, можно утверждать, что в Голландии в XVII в. уже функционировали относительно свободные рынки земли, труда и капитала. О полноценном рынке капитала в Англии можно говорить только после Славной революции 1688 г., когда разделение королевских и государственных

ных финансов способствовало снижению процентной ставки. В 1694 г. появился Банк Англии, которому дали ряд привилегий, в том числе управлять государственным долгом, также в этот период появляются региональные банки¹. В 1698 г. фондовая биржа отделяется от торговой, основанной Томасом Грешемом в 1571 г.; в 1721—1742 гг. наблюдается значительный рост страхового бизнеса. Бурно развивается банковская система: в 1750 г. в Лондоне было около 30 частных банков, в 1770 г. — уже около 50, в 1800 г. — около 70. В провинции количество банков увеличивалось еще более высокими темпами: в 1750 г. было только 12 банков, а в 1810 г. — более 700. Вексельные брокеры способствовали переливу капитала из сельских в индустриальные регионы, которые активно нуждались в деньгах. Все это вело к появлению инвесторов и долгосрочного кредитования.

В сформировавшейся рыночной среде с развитыми товарными и факторными рынками в обеих странах появляется новый слой — мотивированный на зарабатывание прибыли класс предпринимателей (важнейший критерий по Росту). Особенно стоит отметить, что в основе данного процесса лежала быстро растущая в XV—XVI вв. социально-экономическая дифференциация в аграрном секторе.

В Голландии благодаря росту спроса городов для возникавшего класса росли возможности для инвестирования (например, в строительство мельниц, в новые виды кораблей для рыбной ловли, лесопилки) в условиях отсутствия или относительно слабого развития таких средневековых институтов, как сеньюральные или городские привилегии, государственное регулирование цен и торговли.

Рыболовство, и в частности добыча сельди, было отраслью, где наиболее широко распространялось предпринимательство. До появления новых кораблей, способных уходить далеко в море и создававших возможности значительного увеличения дохода, рыбная ловля была прибрежной и велась собственниками маленьких рыболовческих судов. Как правило, их финансирование производилось брокерами. По мере появления инноваций и новых форм организации рыбной ловли добыча сельди требовала все больших вложений. Брокеры постепенно превращались во владельцев новых судов и вертикально интегрированных рыболовческих компаний, а бывшие рыбаки — владельцы небольших судов — в наемных рабочих. Похожие процессы шли в также в текстильной, пивоваренной, сыродельной и других отраслях.

¹ Cassis Y. *Capitals of Capital. A History of International Financial Centres, 1780—2005*. Cambridge University Press, 2006.

Конкурентные отношения становятся основой функционирования экономики. Наличие рынков факторов производства способствовало перестройке институциональной системы голландской промышленности. Цеховой строй, являющийся основой системы институтов стабильности в средневековом городском обществе, трансформировался в систему с постепенно развивающейся конкурентной средой.

Одной из главных целей цеховой организации, предполагающей жесткую и подробную регламентацию процесса производства, было стремление избежать конкуренции и при этом сохранить качество товаров. Кроме того, цеховая система обеспечивала социальную защищенность ее членов. Историки, исследующие социально-экономическую систему Нидерландов XVI в., утверждают, что в тот период в голландских городах существовало «общество всеобщего благосостояния» (*welfarestate*), т.е. имелись институты, обеспечивающие систему социальной защиты. Цеховые организации осуществляли регулярные выплаты своим членам в случае продолжительной болезни, травмы, потери трудоспособности, природных бедствий, вдовам, если муж был членом цеха, и т.д.¹ Таким образом, цеховая система, с одной стороны, обеспечивала определенный уровень благосостояния, предотвращала расслоение общества и, следовательно, социальную напряженность, но, с другой стороны, являлась институтом, препятствующим техническому прогрессу и развитию экономики в целом.

Однако с середины XVI в. цеховая система начинает разрушаться. Прежде всего, это происходит под влиянием двух факторов. Во-первых, появление новых отраслей: винокурения, сахарной и табачной промышленности (в страну начали завозиться колониальный сахар и табак), фаянсовой, бумажной промышленности и др. Некоторые из этих отраслей формируются в рамках свободного рынка, в других возникают гильдии. Но эти новые гильдии уже сильно отличаются от средневековой степени своего влияния на жизнь в городе, и, главное, они предполагают больше внутренней конкуренции между членами одного цеха.

Во-вторых, цеховая система приходит в упадок из-за появления в городах мигрантов. В связи с военными действиями и испанским террором в Южных Нидерландах в Амстердам, Лейден, Гарлем, Гауду и другие города Северных Нидерландов переезжают в большом количестве торговцы и ремесленники, преимущественно из среднезажиточных и богатых слоев населения. Они привозят с собой знания, профессиональный опыт и деньги. Местные власти и население встречают их доброжелательно,

¹ Van Leeuwen M. Guilds and middle-class welfare, 1550–1800: provisions for burial, sickness, old age, and widowhood // *Economic History Review*. 2012. No. 1. P. 65.

причем не только из-за человеколюбия или чувства солидарности со своими единоверцами, но и в силу экономических соображений. Достаточно быстро становится понятно, что, если вновь прибывшим разрешить заниматься ремеслом и торговлей, то это даст мощный толчок для развития экономики и роста доходов за счет налогообложения Республики Соединенных провинций, так как регионы, из которых они переселялись (Фландрия и Брабант), были достаточно высокоразвитыми. Особенно от эмиграции выиграл Амстердам, куда после разгрома Антверпена стали стекаться коммерсанты со всей Европы: не только южные нидерландцы, но также евреи, итальянцы, португальцы и др.

Иммигранты способствовали появлению в Северных Нидерландах совершенно новых отраслей промышленности и, кроме того, обогатили старые отрасли лучшими средствами производства и новыми методами работы. В ряде отраслей это привело к полному перевороту в производстве¹.

Если в тех регионах, где мигранты проживали раньше, они могли совершенствовать свое ремесло лишь довольно медленно, то здесь они могли вести дела с более широким размахом, так как за счет роста торговли значительно расширился рынок сбыта. Это способствовало появлению в Голландии первых относительно крупных предприятий не только в торговле, но и в промышленности, прежде всего — в новых отраслях суконной промышленности, где в этот период уже начинают использоваться машины. Фабрика по производству кружев в самом начале XVIII в. насчитывала более 600 ленточных ткацких станков. Рабочие ткацкой фабрики в Амстердаме в 1682 г. работали на 110 станках. В Утрехте шелковая фабрика насчитывала 500 рабочих. В Амстердаме на шелковой фабрике применяли первые шелкокрутильные машины. Важно отметить, что в Европе хлопчатобумажная промышленность появляется именно в Голландии. В 1678 г. в Амстердаме была устроена первая в Европе ситценабивная фабрика.

Все эти изменения способствовали бурному росту экономики, и, главное, происходит одновременный рост ВВП на душу населения и рост населения (табл. 1.3). Темпы роста ВВП превышают темпы роста населения, что С. Кузнец назвал главным показателем «современного экономического роста».

¹ Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках: пер. с нем. Н. М. Сергаль и О. К. Рыковской; под ред. и со вступ. ст. проф. Я. Я. Зутиса. М.: Изд-во иностр. лит., 1949 (20-я тип. Союзполиграфпрома), 2013. С. 145.

Таблица 1.3

**Темпы роста ВВП, населения и ВВП на душу населения
в Голландии в XVI–XVIII вв.**

GDP	Population	Per capita	GDP
1512–1565	1,11	0,65	0,46
1565–1620	1,36	0,97	0,39
1620–1670	0,29	0,58	–0,29
1670–1750	0,00	–0,14	0,14
1750–1806	0,11	–0,09	0,19

Источник: van Leeuwen B., Luiten van Zanden J. The origins of ‘modern economic growth’? Holland between 1500 and 1800 (with an addendum on the years 1348–1500). 2009. URL: <http://www.basvanleeuwen.net/bestanden/VanZandenVanLeeuwen21July2009Conference.pdf>

Каковы бы ни были причины, экономический рост был для того периода достаточно высоким: производительность труда в аграрном секторе к началу XVI в. выросла на 30%¹. Что особенно важно, экономический рост сопровождался структурными изменениями в экономике. В XVI в. в первичном секторе создавалось 30% ВВП, из них 19% — в сельском хозяйстве; промышленность была наиболее крупным сектором экономики с долей 39%; услуги составляли 30% ВВП², т.е. мы видим структуру современной рыночной экономической системы. Что касается Англии, то ей удалось достичь подобных показателей темпов экономического роста и структуры экономики только в XVIII–XIX вв.³

Доля занятых в аграрном секторе в 1700 г. в Голландии была меньше половины — 40% — и продолжала уменьшаться. Для сравнения: в Англии в этот период доля занятых в аграрном секторе составляла 56%⁴.

¹ Van Bavel B., van Zanden J. The Jump-Start of the Holland Economy during the Late-Medieval Crisis, 1350–1500 // The Economic History Review. 2004. Vol. 57, No. 3. P. 503–532.

² Van Zanden J. Taking the measure of the early modern economy: Historical national accounts for Holland in 1510/14 // European Review of Economic History. 2002. Vol. 6, No. 2. P. 131–163.

³ Clark G. The Macroeconomic Aggregates for England, 1209–2008 // Research in Economic History, 2010. P. 51–140. URL: <http://www.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark/research.html> (дата обращения: 22.04.2015).

⁴ Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.: очерки по макроэкономической истории: пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 122.

Из изложенного выше видно, что в Голландии уже в начале XVIII в. институты развития преобладали над институтами стабильности. И следовательно, можно утверждать, что именно Голландия была первой страной, совершившей переход от традиционного общества к обществу «современного экономического роста».

Можно сказать, что Голландия была в шаге от промышленной революции, однако она не смогла этот шаг сделать первой. Тот факт, что промышленная революция произошла в конце XVIII в. в Англии, а не в Голландии, объясняется многими факторами: наличием в Англии научной среды и духа научного эксперимента¹, высокой заработной платой и запасами дешевого каменного угля² (следует отметить, что от Лондона до Манчестера расстояние примерно такое же, как от Амстердама до бельгийских каменноугольных шахт), специфической демографической структурой общества³ и др.

Несомненно, все эти факторы сыграли огромную роль в рождении промышленной революции. Голландцы, однако, также сыграли немалую роль в том, что в Англии произошла промышленная революция. В конце XVII — начале XVIII в. в Англию приезжает большое количество голландских финансистов и предпринимателей, и именно они активно участвуют в формировании рынка капитала в Англии. Их переезду во многом способствовали политические события. Если бы не Славная революция в Англии, эти предприниматели, оставшись у себя на родине, в поисках приложения своих капиталов, весьма вероятно, добрались бы до бельгийского каменного угля, дав старт промышленному перевороту на континенте. Мировая экономическая история могла в результате пойти иначе.

Из изложенного выше можно сделать следующие выводы. Во-первых, институты развития (частная собственность на землю, рынки факторов производства), появившиеся в Голландии раньше, чем в других европейских странах, способствовали модернизации этой страны, позволили ей перейти к современному экономическому росту раньше Англии и долгое время оставаться экономическим лидером, несмотря на то что индустриальная революция произошла в Англии до того, как это явление имело место в Голландии.

¹ Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500—1850. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

² Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

³ Clark G. A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton University Press, 2007.

Во-вторых, институциональная система соответствовала (была комплементарна) политической системе, уровню технологий, а также климатическим и географическим условиям как в Голландии, так и в Англии, что способствовало успешности модернизации в обеих странах и делало развитие достаточно устойчивым.

В-третьих, примеры развития Голландии и Англии демонстрируют, что модернизация начинается в аграрном секторе, именно процесс, который получил название «аграрная революция» или «аграрный переворот», становится отправной точкой и основой модернизации всей системы. Именно рост производительности труда и земли в сельском хозяйстве является основным источником трудовых и в определенной степени финансовых ресурсов для перехода к обществу «современного экономического роста»¹.

Один из важнейших выводов, который является принципиальным для данной работы, состоит в том, что успешными оказались те страны, где институты развития запустили модернизацию сельского хозяйства и привели к аграрному перевороту, результатами которого были появление рынков земли и труда и значительный рост продуктивности сельского хозяйства, что дало толчок стабильному экономическому росту всей экономики.

Таким образом, формирование в Голландии и Англии таких институтов развития вело к расхождению траекторий развития этих стран с другими странами Европы. Особенно это хорошо видно на примере Португалии и Испании, которые на определенном этапе имели много схожих черт с Голландией и Англией соответственно.

1.3.2. Примеры несостоявшейся ранней модернизации: Португалия, Испания

В отличие от Голландии Португалия, несмотря на ряд схожих черт и преимуществ в развитии на более ранних этапах, не смогла перейти к современному экономическому росту вплоть до второй половины XX в. Во многом это можно объяснить тем, что на определенном этапе геополитическая обстановка и внешние шоки способствовали усилению институтов стабильности и ослаблению институтов развития.

¹ Попов В. В. Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 3(15). С. 35–65.

Португалия и Голландия — две небольшие прибрежные страны, расположенные одна на юго-западной, другая на северо-западной оконечности Европы. Помимо размера и географического положения эти страны исторически имеют и другие общие черты. Длинная береговая линия в обеих странах способствовала раннему развитию навигации, мореплавания, рыбных промыслов. В свою очередь, это способствовало тому, что одной из важнейших отраслей промышленности достаточно рано и там, и здесь становится судостроение. Появляются сильные торговые и военные флотилии.

В аграрном секторе жители обеих стран вынуждены решать проблему относительно неплодородной земли. Зерна не хватало, его приходилось импортировать, что означало зависимость от внешних поставок. Для получения средств для закупки зерна за рубежом приходилось искать возможности экспорта. В результате в Голландии и Португалии формируется специализация на экспортной продукции сельского хозяйства — продукции животноводства в случае Голландии и виноделия в Португалии.

В социальной сфере тоже было много общего: ранняя отмена крепостного права, развитое местное самоуправление в период Средних веков, значительная роль городов, наличие сильного торгового сословия.

Во внешнеполитической сфере обе страны в определенные периоды входили в Испанскую империю и при этом имели тесные контакты с Англией, ища в ней защиту от испанской агрессии.

Конечно, главное — эти две небольшие страны, имея в период Средневековья население менее 1 млн человек (табл. 1.4), смогли создать огромные колониальные империи при столь небольших собственных людских ресурсах. И Португалия, и Голландия, каждая в свое время, проводили успешную внешнюю экспансию, активно зарабатывали на работорговле и плантационных хозяйствах в колониях.

Таблица 1.4

**Численность населения Португалии и Нидерландов
в 1–1700 гг. (тыс. чел.)**

Страна	1 г.	1000 г.	1500 г.	1600 г.	1700 г.
Португалия	400	600	1000	1100	2000
Голландия	200	300	950	1500	1900

Источник: Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.: очерки по макроэкономической истории: пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 564.

Однако, несмотря на значительную схожесть этих двух стран, уже в Средние века проявились различия, которые на первый взгляд не были сильно значимыми, но, как убедительно было продемонстрировано в работе Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Дж. А. Робинсона, даже небольшие отличия со временем и при воздействии внешних шоков ведут к различным траекториям социально-экономического развития¹.

В обоих государствах во второй половине XIV — начале XV в. происходят важные структурные изменения.

В Португалии после ряда успешных реформ первой половины XIV в. наблюдается экономический и культурный подъем. Рост внешней и внутренней торговли в XIV в. усиливает монетизацию хозяйственной жизни страны. Все большее количество земель используется под экспортные товары (под виноградники и оливковые рощи) за счет уменьшения площади под зерновыми культурами. Можно сказать, что Португалия в этот период интегрировалась в европейскую экономику. Однако бурно развивающиеся товарно-денежные отношения, не сбалансированные институтами стабильности, вели к разорению многих дворян и обогащению торговой верхушки горожан, росту зависимости от цен и денежных доходов. В результате трансформации традиционного уклада и усиления рыночной составляющей в 1380-х гг. разразился социально-политический кризис, которым попыталась воспользоваться Кастилия, чтобы присоединить к себе Португалию. Португальцы смогли противостоять экспансии, однако кризис имел ряд серьезных последствий.

Так как основной силой, выступающей за независимость Португалии и противостоящей Кастилии, были горожане, их статус после войны несколько меняется. Одержав победу, немало горожан получили земли, конфискованные у дворян, поддержавших кастильского короля. И теперь многие из них, особенно городская верхушка, предпочитали жить на доходы от земли, а не от ремесла и торговли или же участвовать в военных экспедициях, завоевывая новые земли и богатства. Кроме того, война с могущественным соседом и необходимость дельнейшего отстаивания своей независимости привели к разрыву большинства существовавших до этого связей с Испанией и развороту Португалии в сторону Атлантики. Усиливаются торговые и военные связи с Фландрией и Англией, а также возрастает интерес к поиску путей к богатствам Африки. Стоит отметить, что эти тенденции, с одной стороны, активно стимулировали мореплава-

¹ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты: пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ, 2015. С. 89–93.

ние и дальние экспедиции, а с другой — способствовали увеличению импорта и тормозили развитие собственной промышленности, за исключением судостроения.

Голландия в XIV в., как говорилось в предыдущем параграфе, также переживала структурные изменения, но здесь это было связано с внешним шоком: повышением уровня моря и затоплением полей в зимний период и ростом жизненного уровня горожан, что вело к увеличению численности среднего класса.

Таким образом, в обоих государствах в первой половине XV в. имел место социально-экономический подъем. Уже к началу XV в. в обеих странах сформировались, в терминах Норта, «базисные естественные государства» с устойчивыми институтами публичного права. Более того, Португалия в вопросах централизации, играющей важнейшую роль для перехода к «инклюзивным институтам» с точки зрения авторов «Почему одни страны богатые, а другие бедные...»¹, продвинулась даже дальше Голландии. Португалия была первой в построении государственных институтов и в мореходстве, в том числе из-за близости к арабскому миру и возможности использовать достижения исламской науки. В 1415 г. португальцами была захвачена крепость Сеута. Захват этого небольшого кусочка земли на севере Африки стал отправной точкой для Великих географических открытий, и португальцы в этот процесс внесли один из самых весомых вкладов.

В первой трети XV в. португальцы открыли Азорские и Канарские острова и остров Мадейра, где очень скоро начали создаваться сахарные плантации. Двигаясь вдоль африканского берега и обогнув мыс Бохадор, они обнаружили огромные возможности для обогащения. Первоначально целями экспедиций было выяснить, насколько сильны мусульмане в Северной Африке, и найти мифическое царство Пресвитера Иоанна (последнее якобы находилось за исламскими землями и обладало сказочными сокровищами). Однако по мере того, как португальцы открывали для себя возможности обогащения за счет торговли добытыми в Африке богатствами (золото, слоновая кость, красный перец и др.) и живым товаром — черными рабами для сахарных, хлопковых, кофейных плантаций, их цели трансформировались из сугубо военных (противостояние исламу) в коммерческие, где армия скорее нужна была для защиты торговых интересов.

¹ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты: пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ, 2015. С. 112–118, 159.

Товары из Западной Африки доставлялись в Португалию, а оттуда реэкспортировались во Фландрию, где с 1445 г. существовала португальская торговая фактория. В 1482 г. была создана Португальская Гвинейская компания, которая получила монопольное право торговли с этим африканским регионом. В 1487 г. португальцы под командованием Бартоломеу Диаша достигли мыса Доброй Надежды и вышли в Индийский океан, подтвердив существование морского пути в Индию вокруг Африки. Первым достиг Индии по новому маршруту Васко да Гама в 1498 г. Установив контроль над морским путем в Индию, португальцы смогли подорвать морскую торговлю арабов в Индийском океане, а также серьезно потеснить генуэзцев и венецианцев на рынках Западной Европы.

К середине XVI в. Португалией была создана сеть опорных точек и маршрутов, консолидированных друг с другом, она позволяла контролировать торговлю, не допускать конкурентов и, соответственно, получать огромные прибыли. Португальские короли, будучи главными инициаторами первых экспедиций, получали от торговой деятельности огромные доходы. Государство монополизировало торговлю некоторыми товарами, в частности рабами, а остальные облаживало очень высокими налогами. Кроме того, корона часто выступала как предприниматель, вкладывая деньги в отдельные торговые экспедиции. Доходы от заморской торговли составляли до 70% от общего объема государственных доходов¹.

Эпоха Мануэла I Счастливого (1495–1521) считается золотым веком Португалии. За 20 с небольшим лет португальцам удалось создать торговую империю, вытеснить своих главных конкурентов — мусульман и венецианцев — и стать главными поставщиками специй в Европу.

Экспансионистская политика и создание колониальной империи также имели для португальской социально-экономической системы негативные последствия. Внешняя торговля становится основой экономики страны. Это ведет к тому, что экономическая жизнь теперь максимально концентрируется в портовых городах на побережье океана. Именно туда поступают колониальные товары для реэкспорта и импортные товары для внутреннего потребления. Зависимость от импорта растет и расширяется, распространяясь на новые и новые товары, которые раньше производились внутри страны. Собственная промышленность стагнирует из-за обилия дешевых импортных товаров, за исключением судостроения — единствен-

¹ Amaral L. History of Portugal // EH.Net Encyclopedia, edited by Robert Whaples. March 16. URL: <http://eh.net/encyclopedia/economic-history-of-portugal/> (дата обращения: 19.05.2015).

ной отрасли, на которую создание империи оказало позитивное влияние. За исключением прибрежных городов вся остальная территория превращается в отсталую периферию.

В середине XVI в. на новые земли и участие в торговле в этих землях начали претендовать помимо Испании, с которой Португалия к этому моменту договорилась о сферах влияния (Тордесильясский договор 1494 г.), также Голландия, Англия и Франция. И если две последние страны в этот период еще не были готовы к широкой экспансионистской деятельности, то голландцы начали реально теснить португальцев и подрывать их монопольные позиции в торговле с Индией и остальной Азией. Голландия успешно громит Португалию на море, вытесняет с торговых путей, отбрасывает важнейшие порты.

Это способствовало тому, что со второй половины XVI в. в Португалии начинаются экономические трудности. Цены на колониальные товары начали снижаться из-за роста конкуренции со стороны других стран, а затраты на содержание фортов, крепостей, колониальной администрации возрастали. Денег в бюджете перестало хватать, чему также способствовали раздачи королевских привилегий и затраты на предметы роскоши со стороны элиты и королевского двора. Все это еще больше усугубляло и без того непростую ситуацию в экономике страны. И после неожиданной смерти бездетного короля Себастьяна проблемы выливаются в полномасштабный социально-политический кризис, который заканчивается присоединением в 1580 г. Португалии к ее могущественному соседу — Испанской империи. Аджемоглу назвал Великие географические открытия и расширение международной торговли одними из основных внешних шоков, которые способствовали расхождению в развитии западноевропейских стран. Но если в Португалии эти процессы привели к консервации отсталости, то Голландия стала одним из главных бенефициаров роста мировой торговли.

Это было во многом связано с тем, что в Голландии достаточно динамично происходило становление рынков земли и труда, т.е. шла аграрная революция / аграрный переворот. Институциональные и технологические изменения способствовали значительному росту производительности труда в сельском хозяйстве и, как следствие, появлению излишков рабочей силы и высвобождению трудовых ресурсов. Крестьяне были вынуждены покидать села и перебираться в города. Это вело к социальным переменам в обществе, так как бывшие сельские жители формировали рынок рабочей силы. Наличие рынков факторов производства способствовало перестройке институциональной системы голландской промышленности. Цеховой строй трансформировался в систему с постепенно развива-

ющейся конкурентной средой¹, подробно это было описано в предыдущем параграфе.

Ирония ситуации заключалась в том, что торговля, которая сделала Голландию мировым экономическим лидером, становится в XVIII в. в изменившейся ситуации одной из важнейших причин упадка голландской промышленности и смещения Голландии другими странами с первых позиций.

Таким образом, Голландия в XVIII в., как и ранее Португалия, теряет монопольное положение и уступает в конкурентной борьбе поднимающимся новым державам. Но важно отметить, что в отличие от Португалии, где и после обретения независимости от Испании социально-экономическое положение не улучшилось (Португалия оставалась отсталой аграрной страной с архаичной социально-экономической системой вплоть до XX в.), Голландия, даже потеряв монопольное положение в международной торговле, не перестала быть одной из самых развитых и богатых стран Европы².

В экономической литературе существуют различные концепции, с помощью которых можно дать объяснение отличий в развитии этих двух изначально довольно схожих стран — Португалии и Голландии. Например, в соответствии с теорией Л. Харрисона, которая в целом следует традиции М. Вебера, главной объясняющей причиной является культурный капитал³. Для Португалии была характерна жесткая приверженность католицизму, вплоть до изгнания представителей других религий, прежде всего арабов и евреев. Напротив, в Голландии победил стимулирующий экономическое развитие протестантизм, связанный с толерантным отношением к иным религиозным конфессиям (первоначально кроме католиков), что способствовало притоку специалистов и капиталов в страну.

Для объяснения столь различных путей развития этих двух стран также можно использовать концепцию Д. Норта. В своей последней работе он рассматривает Голландию как одну из стран, где сложились предпосылки для перехода к «обществу открытого доступа»⁴.

¹ Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках: пер. с нем. Н. М. Сергаль и О. К. Рыковской; под ред. и со вступ. ст. проф. Я. Я. Зутиса. М.: Изд-во иностр. лит., 1949 (20-я тип. Союзполиграфпрома), 2013. С. 145.

² Розинская Н. А. Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7, № 3. С. 62.

³ Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014. С. 27–29.

⁴ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества: пер. с англ. Д. Узланера [и др.]. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. С. 288.

Один из важнейших критериев, который, с точки зрения Норта, отличает «общества открытого доступа» от «обществ закрытого доступа», — это наличие (или отсутствие) безличных отношений как основы функционирования социально-экономической системы. И здесь можно увидеть два почти крайних случая: Португалия — вариант преобладания персонализированных отношений, тогда как Голландия — вариант преобладания безличных отношений (уровень безличных отношений в Голландии был очень высок для того периода, хотя, конечно, относительно низок в сравнении с современными западными обществами). Особенно эти различия проявились в формах землевладения.

Особенностью функционирования прав собственности на землю в Португалии было отсутствие четкого разграничения между частной и государственной собственностью. Вся земля считалась собственностью короля. При этом королевские земли были не тождественны государственным землям; государство не имело монополии на сбор налогов (у государства не было острой необходимости концентрировать в своих руках налоги, так как большая часть бюджета, как уже говорилось, пополнялась доходами от заморской торговли). Существовало два типа земель, управляемых короной: земли, сбор доходов с которых шел в казну, и земли (преобладавшие), которые хотя и управлялись короной, но право сбора дохода с них было отдано церкви или дворянам (часть церковных земель, земли военных или религиозных орденов).

Структура земельной собственности в Португалии была сложной, запутанной и основывалась на коллективных и частных привилегиях. Дворяне и религиозные организации получали земли от государства на основе коллективных или индивидуальных контрактов, например «*cartas de foral*», где прописывались права и условия получения доходов с этих земель; «*aforamentos colectivos*» давали право дворянам и священнослужителям на коллективное получение дохода с определенной территории; «*enfiteuse*» — пожизненная или наследственная аренда, когда право на управление хозяйством уступлено в обмен на регулярные выплаты (двойственные права на один объект: «прямой» и «косвенный» сеньор).

Большинство земель дворян не являлось их собственностью, а считалось выданным государством на время, т.е. государство оставалось конечным собственником. На многие земельные владения были наложены ограничения на право продавать и делить их. В контрактах часто записывалось, какой культурой должны осуществляться платежи. При наследовании было необходимо каждый раз подтверждать свои права.

В определенной степени такая система преднамеренно поддерживалась государством для создания зависимости дворянства от короны. Основными формами были: *comendas* (похвалы) — передача права получения доли доходов от земли, принадлежащей военным орденам (наиболее распространенная форма), и *tenças* (аннуитеты, пенсии) — пожизненные выплаты. В результате доходы дворян только на 3–10% зависели от результатов их деятельности по управлению поместьем, остальная часть приходилась на выплаты государства.

Результатом такой политики было дестимулирование эффективного ведения хозяйства в поместьях, что приводило к запустению земель: большая часть земель в тот период не обрабатывалась (даже в XVIII в. обрабатывалось только 45% пригодных для обработки земель)¹².

В Голландии достаточно рано начали развиваться институты, основанные на безличных отношениях. Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, владение землей не являлось привилегией какого-либо сословия, практически отсутствовали общинные, сословные или статусные ограничения на куплю-продажу земли. Основная доля землевладений была в фермерской собственности: в начале XVI в. она оценивается в 40–50%, горожане владели 20–30% земли. Примерно 5–10% принадлежало дворянам, остальная часть — различным религиозным организациям. Таким образом, Голландия была намного ближе к переходу к «обществу открытого доступа».

Используя концепцию Аджемоглу, необходимо сделать акцент на экстрактивных политических институтах. Так как основные доходы казны после открытия торговых путей с Индией формировались за счет торговли, король и правительство в своей политике оказываются независимы от горожан (которые раньше своими налогами формировали большую долю бюджета страны), и, следовательно, все меньше возникает необходимость советоваться с кортесами.

Правительство предпочло управлять страной посредством быстро растущей бюрократии. Это способствовало усилению экстрактивных институтов в ущерб инклюзивным — кортесам, которые играли важную роль в предшествующий период. Наиболее ярко эксклюзивность политических институтов проявилась в наличии различных законов для разных социаль-

¹ Рост доли аграрного сектора в середине XIX в. с 52 до 68% был связан с более четким определением прав собственности на землю (сфера услуг упала с 33 до 17%; промышленность — до 15%).

² Amaral L. Institutions, property and, and economic growth: Back to the passage from the Ancient Regime to liberalism in Portugal // *Análise Social*. 2012. No. 202. P. 28–55.

ных групп общества. Право и закон в Португалии реализовывались через привилегии определенной личности. Подданные португальского короля осознавали себя не столько португальцами, сколько членами определенных социальных групп (аристократия, священнослужители, горожане, члены профессиональной организации), которые имели определенные специфические для каждой группы права, привилегии и обязанности. При этом король был над законом, и никто это не оспаривал.

Это, в свою очередь, вело к распространению эксклюзивных институтов в экономике: размытые права собственности на землю, описанные выше, монопольные права торговых компаний, ограничивающих доступ основной массы экономических агентов к участию в данных видах деятельности, экономические привилегии дворянства и др. Все это блокировало создание инклюзивных экономических институтов, прежде всего, формирование рынков факторов производства, необходимых для экономического роста.

В Голландии же, напротив, неплодородные почвы и относительно позднее освоение этих территорий, связанное с необходимостью осушения земель, создания дамб и других сложных инженерных сооружений, способствовали созданию инклюзивных институтов как в политической сфере, так и в экономической.

Стоит отметить: в то время как Аджемоглу считает, что политические институты первичны по отношению к экономическим, в случае с Голландией это не так однозначно. Здесь достаточно сложно сказать, что было раньше — инклюзивные экономические институты, способствовавшие формированию среднего класса, который стал социальной базой для создания политических инклюзивных институтов — штатов провинций, Генеральных штатов. Или же все-таки первичны политические институты, которые обеспечивали защиту прав собственности и способствовали появлению частной собственности. В любом случае именно относительная инклюзивность (относительная, так как она была ограничена имущественным цензом) обеих систем, обеспечивавшая доступ и к принятию политических решений, и к участию в экономической деятельности для достаточно широких слоев населения на основе четких правил и законов, способствовала бурному экономическому росту.

На наш взгляд, изложенные выше теории дают лишь частичное объяснение расхождения в развитии Голландии и Португалии. Они не учитывают структурные различия экономической системы, которые, с нашей точки зрения, сыграли решающую роль. Дело в том, что к XVI в., когда Голландия активно включилась в мировую торговлю, в этой стране уже произошла аграрная революция / аграрный переворот, способствовавшая росту производительности труда в аграрном секторе и увеличе-

нию его эффективности, что, в свою очередь, вело к росту благосостояния общества, повышению уровня урбанизации и создавало внутренний рынок для промышленных товаров. То есть институты политической, социальной и экономической сфер соответствовали друг другу, географическим и климатическим условиям, а также уровню развития технологий в тот период. Португалия же начала получать доходы от торговли раньше, уже с конца XV в., имея при этом достаточно слабо развитое сельское хозяйство и систему нечетких прав собственности на землю. В результате, если Голландии международная (прежде всего колониальная) торговля помогла превратиться в мирового экономического лидера, то в Португалии политические и экономические события конца XIV — первой половины XV в. стали тем самым «критическим стечением обстоятельств, создавшим эффект бутылочного горлышка»¹, которые надолго определили развитие институциональной системы и законсервировали отсталость.

Испания — еще один пример несостоявшейся ранней модернизации. Испания была среди тех стран, которые в XV в. достаточно динамично развивались и в которых активно шел процесс централизации власти. Испанская империя, в которую в XVI в. входила и Голландия, считалась сильнейшей страной в Европе. Это дает основания предполагать, что именно Испания, куда шли потоки богатств из колоний, должна была выиграть конкуренцию и стать лидером в процессе модернизации. Но этого не произошло, и, более того, с XVII в. Испания теряет свой статус великой империи и постепенно превращается в отсталую страну на периферии Европы.

Сравнение Испании с Англией представляется особенно интересным, так как в период XV—XVI вв. у этих двух стран было много общего. Прежде всего стоит отметить, что Испания и Англия в XV в. представляли собой периферийные, относительно отсталые страны с низкой степенью урбанизации по сравнению с регионами так называемой лотарингской оси — городами Нидерландов, северной Германии и Италии.

В обоих государствах во второй половине XV в. идут процессы, способствующие централизации этих стран. В обеих странах уже существовали парламенты, причем кортесы в Испании появились даже раньше, чем парламент в Англии. В XVI в. в обеих странах наблюдается заметный рост населения. И Англия, и Испания имели обширную береговую линию и до-

¹ Вольчик В. Таинственный пазл теории институциональных изменений // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2013. № 1(43). С. 8.

статочно хорошо развитое кораблестроение. Ведущей отраслью в обоих государствах было овцеводство. Шерсть из Англии, как и из Испании, экспортировалась во Флоренцию и во Фландрию, т.е. рынки сбыта тоже были общие. Примерно в одно и то же время начинаются огораживания, вызванные в том числе и ростом цен на шерсть. Так же как и в Англии, огораживания в Испании ведут к обезземеливанию крестьян и миграции сельских жителей в города. Но в отличие от Англии, где обезземеленные крестьяне постепенно становятся не только бродягами и солдатами, но и источником рабочей силы для развивающейся экономики, в Испании бывшие крестьяне идут в солдаты, уезжают в колонии либо пополняют ряды пауперов, о формировании рынка труда можно говорить только после реформ Ховельяноса (конец XVIII — начало XIX в.).

То, что в Испании не запустился процесс формирования институтов развития, несмотря на схожие в определенной степени условия, можно объяснить рядом причин. Из всего многообразия факторов, способствовавших различным траекториям развития, особенно нужно выделить следующие. В отличие от Испании, в Англии не было монополии в овцеводческой отрасли. Еще Эдуард I боролся с различными привилегиями (монополиями)¹. Монополия овцеводов Испании — «Места» — была создана для минимизации рисков и поддержания стабильности для участников этой деятельности (классические институты стабильности). На определенном этапе это способствовало развитию овцеводства, но со временем привело к стагнации этой отрасли и к ущербу для других отраслей экономики.

Второе важное отличие было связано с изменениями в социальной структуре общества. Если в Англии после гражданской войны сокращается слой высшей аристократии и появляется такая социальная группа, как джентри (средний класс), то в Испании происходит, с одной стороны, укрепление родовитого дворянства, а с другой стороны, изгнание наиболее экономически активных социальных групп — евреев, мусульман, марискос — тех, кто занимался ремеслом, торговлей, финансами.

Следующее важное отличие связано с ролью церкви и вероисповеданием. Укрепление консервативной элиты в Испании происходило за счет усиления не только высшей аристократии, но и Католической церкви. Церковь в Испании обладала огромными материальными ресурсами и значительной властью. В силу специфики испанской истории католицизм во многом выступал как нациообразующий фактор. Этика реконкисты, ставившая на первый план воинское либо религиозное служение и при-

¹ Устинов В. Эдуард I. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая Гвардия, 2021.

нижавшая статус многих видов экономической деятельности, которыми занимались мусульмане и евреи, играла значительную роль. В Англию же с XVI в. проникает протестантская этика, и после отказа Генриха VIII от подчинения Римскому папе протестантизм становится официальной религией¹, которая предполагает акцент на трудолюбии и, главное, успех в любой деятельности, и особенно в экономической, в этой земной жизни. При этом церковь лишилась значительной доли своих богатств, включая земли, часть которых поступила в продажу, способствуя формированию рынка земли.

Последнее важное отличие, на котором стоит остановиться, — это источники доходов короля. В Англии в течение долгого времени власть, будучи зависимой от налогоплательщиков, вынуждена была периодически предоставлять определенные права различным социальным группам в обмен на получение необходимых ресурсов, что постепенно усиливало власть тех, кто участвовал в экономической жизни страны. В Испании начиная с XVI в. власть получала все больше и больше ресурсов из колоний, что делало ее независимой от налогоплательщиков и уменьшало необходимость договариваться с представительными органами, что способствовало сначала ослаблению, а позже и устранению кортесов.

Последний из изложенных выше факторов имел серьезные последствия, связанные с различием в экономической политике, которая усиливала расхождение траекторий развития Испании и Англии. Неэффективное использование доходов, полученных из колоний — золота и серебра, вело к более сильному росту цен в Испании, чем в других странах Европы, что вело к упадку процветавших ранее в Испании отраслей экономики.

Таким образом, в тех странах (Португалия, Испания), где институты стабильности оказались по разным причинам превалирующими над институтами развития, аграрный сектор оставался в рамках традиционного общества, т.е. в рамках социально-экономической системы, где отсутствуют развитые рынки земли и труда. Соответственно, это вело к расхождению траекторий развития с теми странами (Голландия, Англия), где шла трансформация аграрного сектора и где началась аграрная революция / аграрный переворот, которая заложила основы для экономического роста всей экономики.

¹ Англиканский вариант протестантизма.

1.4. Используемые в работе статистические источники по аграрным преобразованиям в Российской империи

Для количественного анализа в работе будет использоваться комплекс обширных статистических источников, которые можно разделить на три группы.

Первая группа источников представлена статистическими сборниками, выпускаемыми официальными органами Российской империи: Центральным статистическим комитетом МВД, Статистическим отделом департамента земледелия и сельской промышленности¹, Департаментом таможенных сборов Министерства финансов. Перечисленные сборники были использованы в этой работе для получения данных о народонаселении, уровне урбанизации, посевных площадях, урожайности, стоимости рабочей силы, ценах на различные виды зерна, экспорте зерна и других товаров, импорте.

Вторую группу источников представляют издания региональных органов, в частности статистических отделений губернских земских управ. Данные источники были использованы для получения сведений, агрегированных на уровне губернии, уездов, а также микроданные по Херсонской, Симбирской и Новгородской губерниям, Амурской области, Кустанайскому уезду Тургайской области, Актюбинскому уезду Тургайской области и Уральскому уезду Уральской области, Чимкентскому уезду Сыр-Дарьинской области.

Третью группу составляют источники советского периода, опубликованные в 1920-е гг. Сведения из этих сборников использовались для получения данных по недостающим периодам, а также для сравнения с данными, опубликованными в сборниках до 1917 г. Полная информация об использованных в работе данных и их источниках представлена в табл. 1.5.

¹ С 1894 г. переименованный в Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ, которое с 1905 г. реорганизуется в Главное Управление землеустройства и земледелия.

Таблица 1.5

Используемые в работе данные и их источники

Переменные	Источники	Период
1 1) Цены на рожь (осень) (в коп. за пуд); 2) Цены на яровую пшеницу (осень) (в коп. за пуд); 3) Цены на ячмень (осень) (в коп. за пуд)	Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. (с 1881 по 1900 г.). Выпуск II. 1903. Изменение по годам местных осенних цен на главные хлебы (в коп. за пуд). Цены на рожь (С. 22 (С. 34 в PDF) и ячмень (С. 38 (С. 42 в PDF)	1881—1900
2 Те же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. М-во земледелия. Отдел сельской экономики и с.-х. статистики. 1907. Год первый. Изменение по годам местных осенних цен на главные хлебы (в коп. за пуд). Цены на рожь и ячмень в 1902—1906 гг. С. 2—3 (С. 169 PDF)	1902—1906
3 Те же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств / М-во земледелия. Отд. сел. экономики и с.-х. статистики. СПб., 1910—1916. Год пятый. 1912. Средние цены на рожь и ячмень (осень) за 1906—1910 гг. С. 432—437 (в библиотеке С. 368—370). URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/16778#mode/inspect/page/368/zoom/9	1907—1910
4 Те же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. 1917. Год десятый. Изменение по годам местных осенних цен на главные хлебы (в коп. за пуд). Цены на рожь и ячмень с 1910 по 1913 г. (С. 476—481 (С. 394—396 в PDF)	1911—1913

Продолжение табл. 1.5

	Переменные	Источники	Период
5	4) Посевные площади крестьян в казенных десятинах (озимая рожь); 5) посевные площади крестьян в казенных десятинах (яровая пшеница); 6) посевные площади крестьян в казенных десятинах (яровой ячмень)	Посевные площади, принимавшиеся Центральным статистическим комитетом при обработке урожая 1881, 1887 и 1893–1899 гг. По 50 губерниям Европейской России. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. С.-Петербург, 1901. С. 3–52 (С. 22–71 в PDF)	1881, 1887, 1893–1899
6	Те же	Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (материалы Центрального статистического комитета по урожаям на наделных землях). Издание ЦСУ СССР. М., 1928	1883–1913
7	7) Посевные площади помещиков в казенных десятинах (озимая рожь); 8) посевные площади помещиков в казенных десятинах (яровая пшеница); 9) посевные площади помещиков в казенных десятинах (яровой ячмень)	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств... Год первый	1902
8	Те же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств... Год второй	1903–1906
9	Те же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств / М–во земледелия. Отд. сел. экономики и с.-х. статистики. СПб., 1910–1916. Год пятый. 1912	1907–1910
10	Те же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. 1917. Год десятый	1911–1913

Продолжение табл. 1.5

	Переменные	Источники	Период
11	10) Урожайность с 1 казенной десятины (в пудах) на землях крестьянских наделенных (озимая рожь); 11) урожайность с 1 казенной десятины (в пудах) на землях крестьянских (яровая пшеница); 12) урожайность с 1 казенной десятины (в пудах) на землях крестьянских (яровой ячмень)	Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (материалы Центрального статистического комитета по урожаям на наделенных землях). Издание ЦСУ СССР. М., 1928	1883–1913
12	13) Урожайность с 1 казенной десятины (в пудах) на землях владельческих (озимая рожь); 14) урожайность с 1 казенной десятины (в пудах) на землях владельческих (яровая пшеница); 15) урожайность с 1 казенной десятины (в пудах) на землях владельческих (яровой ячмень)	Временник Центрального статистического комитета МВД. Выпуск 51. Средний посев и средний сбор зерновых хлебов и картофеля за пятилетие 1896–1900 гг. СПб., 1902. С. 180 (С. 44, 222 в PDF)	1896–1900
13	Те же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. М-во земледелия. Отд. сельской экономики и с.-х. статистики. 1907. Год первый. Урожайность с 1 казенной десятины ржи и ячменя за 1901–1906 гг. С. 38–43 (С. 27–32 PDF)	1901–1906

Продолжение табл. 1.5

	Переменные	Источники	Период
14	Те же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств / М-во земледелия. Отд. сел. экономии и с.-х. статистики. СПб., 1910–1916. Год пятый. 1912. Урожайность с 1 казенной десятины ржи и ячменя за 1906–1910 гг. С. 64–73 (в библиотеке С. 52–56). URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/16778#mode/inspect/page/52/zoom/9	1907–1910
15	Те же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств / М-во земледелия. Отд. сел. экономии и с.-х. статистики. СПб., 1910–1916. Год восьмой. 1915. XIV. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/16780-god-vostoy-1915#mode/inspect/page/52/zoom/9	1911–1913
16	16) Стоимость рабочей силы пешего рабочего (на своих харчах) за сев (в коп.)	Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Выпуск II. 1903. Изменение цен пешему рабочему (на своих харчах) на севах за период с 1882 по 1900 г. С. 106 (С. 80 в PDF);	1882–1900
17	Та же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. М-во земледелия. Отд. сельской экономии и с.-х. статистики. 1907. Год первый. Изменение цен пешему рабочему (на своих харчах) на севах за период с 1902–1906 гг. С. 2–7 (С. 185–187 PDF)	1902–1906
18	Та же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств / [М-во земледелия. Отд. сел. экономии и с.-х. статистики]. СПб., 1910–1916. Год пятый. 1912. Средние цены на рабочие руки (поленная плата) (на своих харчах) за сев за 1906–1910 гг. С. 476–482 (в библиотеке С. 392–397). URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/16778#mode/inspect/page/392/zoom/7	1907–1910

Продолжение табл. 1.5

	Переменные	Источники	Период
19	Та же	Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. 1917. Год десятиый. Изменение цен пешему рабочему (на своих харчах) на севах за период с 1910 по 1913 г. С. 522 (С. 419 в PDF)	1911—1913
20	17) Число населения в губернии в тыс. (в селах); 18) число населения в губернии в тыс. (в городах)	Влияние неурожая на народное хозяйство России / под общ. ред. В. Г. Громана. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1927; Зайцев В. К вопросу о численности населения Европейской России. С. 66. URL: http://istmat.info/node/21611	1883—1913
21	19) Цены на зерно в Херсонской губернии по уездам	Херсонская губерния. Свод цифровых данных. Вып. 1. Население и сельское хозяйство. Издание Херсонской губернской земской управы. Херсон: Паровая типо-лит. наслед. О. Д. Ходушиной, 1910	1890—1909
22	20) Посевные площади крестьян Херсонской губернии по уездам; 21) Посевные площади помещиков Херсонской губернии по уездам	Статистико-экономический обзор Херсонской губернии... / сост. Стат. отд.-нием при Херсон. губ. земск. управе. Херсон: Херсон. губ. земск. управа, 1877—1915. За 1890—1909 гг.	1890—1909
	Экспорт зерна (за 1870—1895 гг. — в руб. кредитных), за 1895—1914 гг. — в руб. золотых). Импорт зерна, в тыс. руб.	Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / под ред. В. И. Покровского. Т. 1. СПб.: Деп. таможенных сборов, 1902; Очерк истории внешней торговли России; Отпуск и привоз товаров в XIX столетии; Таблицы отпуска, привоза и таможенных доходов. 1902. Для экспорта — Таблицы. С. 104—117. Для импорта — Таблицы. С. 120—141	1870—1895
	Экспорт зерна (за 1896—1913 — в руб. золотых). Импорт зерна в тыс. руб.	Обзоры внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1896—1915 гг. СПб. — Пг.: Департамент таможенных сборов, 1800—1917	1896—1913

Окончание табл. 1.5

Переменные	Источники	Период
Данные крестьянских бюджетов Симбирской губернии	Краткие бюджетные сведения по хutorскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Симбирск: Б. и., 1914	1911 г.
Данные крестьянских бюджетов Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов	Данные бюджетно-хозяйственного обследования 75 переселенческих хозяйств Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов / Г. У. З. и З. Переселенческое управление. Оренбург: Издание Тургайско-Уральской переселенческой организации, 1911	1901 – 1910
Данные крестьянских бюджетов Новгородской губернии	Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии / Оценоч.-стат. отд.-ние Новгор. губ. зем. управы. Новгород: Б и., 1918	1907–1911
Данные крестьянских бюджетов Амурской области	Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. СПб., 1912–1913. Т. 1, ч. 2: Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. 1913. X, 573, 28 с. (Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2)	1910
Данные крестьянских бюджетов Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области	Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области: данные бюджетного исследования / Гл. упр. землеустройства и земледелия, Переселенч. упр. Ташкент, 1910	1909

В связи с тем, что в научной литературе достоверность дореволюционной статистики неоднократно подвергалась сомнению, в данном параграфе излагаются основные аргументы, подтверждающие возможность использования этих данных для социально-экономических исследований.

В дореволюционной России долгое время не было единой системы статистического учета¹, что сильно затрудняло обработку и анализ полученных данных. В тот период в России существовало несколько источников статистических данных, и для того чтобы лучше понимать уровень надежности каждого из них, следует рассмотреть основные этапы становления официальной статистики. В литературе, посвященной истории дореволюционной статистики, выделяются три этапа².

До введения земских учреждений основным источником сельскохозяйственных сведений были губернаторские отчеты. Сведения о посевах и урожаях зерна собирались комиссиями народного продовольствия через уездных предводителей дворянства, палаты государственных имуществ и удельные конторы. В литературе утвердилось мнение о невысоком качестве «доземской» статистики, считается, что данные этого периода можно использовать с большой осторожностью³, поэтому исследования в этой работе основываются на данных, полученных после 1870 г.

С введением земских учреждений в 1864 г. комиссии народного продовольствия были упразднены и их обязанности были возложены на земские органы. Собранные этими органами данные были намного достовернее⁴. С 1870 г. в публикуемых сборниках появляется разделение для земель крестьянских и земель владельческих, а также добавились рубрики отдельно по каждому виду зерна (до этого выделялись только «яровые» и «озимые»). Мельчайшей единицей, где проводилось обследование для получения данных об урожаях, была волость.

Начиная с 1880 г. регистрация урожаев была поручена Центральному статистическому комитету (ЦСК), публикации которого с 1883 г. состав-

¹ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / В. И. Бовыкин [и др.]; отв. ред. и авт. предисл. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1979. С. 192.

² История российской государственной статистики: 1811–2011. Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013.

³ Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики: опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг., 1915.

⁴ Маресс Л. Н. Производство и потребление хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1 / под ред. А. И. Чупрова, А. С. Постникова. СПб., 1897.

ляли важнейший источник об урожаях, служащий как для целей правительственных учреждений, так и для научных исследований. В связи с тем, что в научной литературе имеет место дискуссия о достоверности дореволюционной именно урожайной статистики¹, на процессе собирания этих данных следует остановиться подробнее.

Для получения необходимых сведений в каждую волость рассылались вопросные бланки; часть бланков предназначались для крестьян, отдельно для тех, кто имел большие, средние или малые наделы (по шесть бланков на волость), часть для частных владельцев, отдельно для крупных хозяйств, для средних и для мелких. В бланках задавались вопросы о количестве десятин, засеянных каждым видом зерна, о количестве высеянных семян и о количестве собранного с этой площади хлеба. Из полученных данных выводилась средняя цифра посева и сбора каждого вида зерна (на одну десятину) по каждому уезду. В результате получались достаточно достоверные цифры².

В ЦСК каждый год поступали показания примерно о 150 тыс. хозяйств, которые по стране распределялись равномерно; поэтому средние выводы, полученные в отношении этих хозяйств, могут быть обобщены и распространены на все остальные хозяйства. Среди крестьянских хозяйств выбор типичных для данной местности не представлял затруднений, а выбор владельческих хозяйств часто носил довольно случайный характер, поэтому сведения, относящиеся к ним, вероятно, менее надежны, чем сведения об урожаях на землях крестьян.

Важнейший недостаток, присущий практикуемому ЦСК способу собирания сведений об урожаях, заключался в том, что хозяева не непосредственно давали показания, а через волостные правления, которые мало заботились о достоверности отдельных показаний³.

Помимо ЦСК, начиная с 1880 г. сбором и разработкой периодических сведений об урожаях начал заниматься Статистический отдел Департамента земледелия и сельской промышленности. Департамент получал сведения от добровольных корреспондентов из сельских хозяев. Сведения, сообщаемые корреспондентами, сами по себе обладали значительной достоверностью; но так как корреспонденты департамента, скорее всего,

¹ Давыдов М. А. Урожайная статистика ЦСК МВД: можно ли выпрямить Пизанскую башню? // Экономическая история: Ежегодник. 2011–2012. М.: РОССПЭН, 2012.

² Маресс Л. Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1 / под ред. А. И. Чупрова, А. С. Постникова. СПб., 1897.

³ Там же.

принадлежали к числу лучших хозяев, то выводы, получаемые этим путем, при распространении на всю страну, по всей вероятности, были несколько преувеличены. Слабые стороны процесса сбора информации департаментом заключались до известной степени в случайном составе корреспондентов и случайном распределении их по регионам: в ряде регионов было достаточно корреспондентов, в то время как в других могло быть крайне мало сообщений. Корреспондентов из частных владельцев у департамента было обычно больше, чем из крестьян; поэтому и получение сведений о владельческих хозяйствах было сравнительно легче. Из-за недостатка в корреспондентах департамент при выводе своих погубернских цифр начиная с 1884 г. пользовался данными ЦСК.

Различные исследователи проводили сравнение данных, полученных ЦСК и Департаментом земледелия, и все пришли к выводу, что отличие очень небольшое¹. Так как выводы об урожаях делались ЦСК и Департаментом земледелия по данным, которые получали из разных источников и разными способами, и при этом, если данные были близки между собой, можно предположить, что они были близки и к действительности.

Исследователи, которые сравнивали данные ЦСК и Департамента земледелия, пришли к следующим выводам: 1) годовые сведения Центрального статистического комитета об урожаях ниже тех данных, которые приводятся в других источниках, и потому, вероятно, они несколько ниже и действительных урожаев; 2) разница между источниками для крестьянских урожаев меньше, чем для частновладельческих; следовательно, наиболее точные результаты дает регистрация крестьянских урожаев; 3) необходимая поправка для данных ЦСК для крестьянских урожаев не превышает 10%, для частновладельческих — 20%².

Для получения данных о распределении земель по угодьям и пахотным земель по посевам ЦСК в 1881 г. провел всеобщую перепись земельной собственности по 50 губерниям Европейской России посредством опроса каждого сельского общества в волости и каждого землевладельца, пользующегося земельным участком на правах частной личной собственности.

По данным обследования 1881 г. были вычислены урожаи с 1883 по 1889 г. включительно. В 1887 г. была проведена еще одна перепись. Сведения о культурах были собраны в 1892, 1893 и 1894 гг.

¹ Фортунатов Л. Урожаи ржи въ Европейской Россіи // Соч. Алексея Фортунатова. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893.

² Маресс Л. Н. Производство и потрѣбленіе хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1 / под ред. А. И. Чупрова, А. С. Постникова. СПб., 1897.

За рассматриваемое время крестьянские посевы протерпели не очень большие изменения. С 1881 по 1887 г. они увеличились на 279 888 дес. (0,6%), в последующее пятилетие — на 476 818 десятин¹. Следовательно, исчисление валовых количеств высеваемого и собираемого с крестьянских земель зерна опиралось в промежутках между переписями на данные достаточно достоверные.

У частных владельцев увеличение площади пахотных земель и земель, находящихся под посевами, было более значительное, но это увеличение относилось больше к окраинам России, где еще оставались значительные пространства, годные для распашки земель.

Кроме того, следует отметить работу И. Д. Ковальченко, где он сравнивает данные, полученные ЦСУ, и данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. и приходит к выводу, что данные ЦСУ не противоречат данным переписи, т.е. являются достаточно надежными и пригодными для исследований².

Из всего изложенного выше следует, что материалы ЦСК могут рассматриваться как достаточно достоверные для изучения проблем и тенденций развития аграрного сектора Российской империи конца XIX — начала XX в.

Сбором сельскохозяйственной статистики занимались и земства. Сведения они получали, как и Департамент земледелия, от добровольных корреспондентов; но последних у них было больше, чем у департамента, поэтому их сведения менее дискуссионны. Земские управы публиковали сборники с данными, агрегированными на уровне губернии, уездов, и микроданными, основанными на переписях сельского населения.

Существовало два вида земских переписей:

1. Подворные, которые являлись сплошными переписями и результаты представлялись в виде таблиц, где данные давались по группам крестьян, объединенным либо по количеству земли, либо по количеству лошадей.

2. Бюджетные обследования, когда выбирались отдельные хозяйства для более подробного описания. Выбор мог быть механическим: каждое 20-е или 10-е хозяйство — или типологическим: выбирались типичные хозяйства. Бюджетные переписи конца XIX в. выявили недостатки механического выбора, и на XI съезде естествоиспытателей и врачей в 1901 г.

¹ Посевные площади, принимавшиеся Центральным статистическим комитетом при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893–1899 гг. По 50 губерниям Европейской России. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1901.

² Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М., 2004. С. 48.

были выработаны критерии типичности хозяйства и способы их отбора¹. И последующие переписи следовали принятой методологии.

Опираясь на подворные переписи, данные выбирались для бюджетных исследований хозяйства таким образом, чтобы в список попали все представители всех экономических групп в числе, пропорциональном удельному весу каждой из этих групп. То есть бюджетная совокупность хозяйств должна была представлять уменьшенную модель общей совокупности хозяйств описываемого района: все средние и относительные величины этих двух совокупностей должны совпадать, а все абсолютные суммарные цифры бюджетной совокупности, будучи помноженными на коэффициент выборки, должны давать суммарные цифры по совокупности хозяйств всего района². Учитывая то, что переписи проводились выдающимися земскими статистиками того времени, можно сделать вывод о достаточной степени надежности собранных ими данных.

Что касается третьей группы источников — сборников, изданных в 1920-е гг., то публикуемые в них данные также можно рассматривать как надежные, потому что издавались сборники высокопрофессиональными представителями еще дореволюционной школы российской статистики.

Количественный анализ проводится с использованием трех видов источников, которые могут считаться достаточно надежными для того, чтобы осуществлять исследования и делать на основе этих данных выводы.

¹ Труды подсекции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей 1901 г. СПб., 1902. С. 374.

² Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 47.

ГЛАВА 2

Основные характеристики перехода России от традиционного общества к «обществу современного экономического роста» на рубеже XIX–XX вв.

2.1. Оценки процесса трансформации социально-экономической системы в России на основе агрегированных показателей

В данном параграфе будут кратко рассмотрены основные этапы модернизации, которые Россия прошла к моменту начала Первой мировой войны, и основные социально-экономические показатели, которых она достигла к этому периоду.

Начало модернизации в России связывают с эпохой Петра I. Прежде всего, речь идет о модернизации управления государством, армии и флота, в определенной степени можно говорить о попытке модернизации элиты. В связи с тем, что для задуманных преобразований нужны были ресурсы, Петр пытался модернизировать, так, как он это понимал, и экономическую сферу, в том числе и аграрный сектор. Однако действия в этой сфере не привели к формированию институтов развития, более того, ряд реформ укрепил институты стабильности (крестьянскую передельную общину).

Как показывает опыт различных стран, модернизация в аграрном секторе происходит в результате институциональных (четкое определение прав собственности на землю и формирование рынка земли) и технологических инноваций. Первые ведут к появлению мотивации для повышения эффективности хозяйства, а вторые — к росту производительности факторов производства (земли и труда). Петр I, наблюдая успехи Голландии на пути модернизации, естественно, не осознавал глубинных причин происходящих процессов, поэтому, пытаясь модернизировать аграрный сектор, фокусировался на попытках внедрения именно технологических

нововведений. Исходя из этого, имевшие место изменения в аграрном секторе можно разделить на две группы: 1) изменения, инициированные Петром, связанные с технологическими нововведениями; и 2) изменения институциональные, прямо не предусмотренные, но ставшие побочным эффектом петровских реформ и оказавшие обратный эффект на процесс модернизации.

При этом не стоит пытаться дать однозначно негативную оценку последствиям петровских преобразований для аграрного сектора на основании того, что в первой половине XVIII в. ограничивается развитие рыночных отношений и, соответственно, тормозится модернизация. Модернизационные процессы в сельском хозяйстве могли быть запущены только в случае формирования четких прав собственности на землю, что способствовало бы формированию рынка земли (именно земли, а не земли с крепостными), росту эффективности, вытеснению лишнего населения из аграрного сектора и, соответственно, формированию рынка труда. Но в тот период в России не было ни одной социальной группы, которая могла бы сформировать запрос на четкие права собственности на землю. В начале XVIII в. только в Голландии существовал уже достаточно развитый рынок земли, в Англии шел процесс формирования рынка земли под воздействием огораживаний, во всех остальных европейских странах процесс формирования прав собственности на землю либо еще даже не начинался, либо находился в зачаточном состоянии¹. Поэтому было бы странно ожидать, что в России, где рыночные отношения были гораздо менее развиты, чем в других странах Европы, началась бы модернизация аграрного сектора. Как показывает исторический опыт, модернизация аграрного сектора была важнейшей предпосылкой промышленной революции.

Для Петра модернизация, очевидно, означала прежде всего модернизацию технологическую, а модернизация институтов, видимо, рассматривалась либо как то, без чего можно обойтись, либо, если обойтись было невозможно, как производная технологической модернизации. Применительно к аграрной области это проявилось особенно отчетливо, для Петра гораздо важнее было заставить крестьян использовать косу вместо серпа

¹ Розинская Н. А. Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7, № 3. С. 50–63; Розинская Н. А. Истоки современного экономического роста: Европа или Азия // Экономическая история (Саранск). 2016. № 2. С. 48–55; Розинская Н. А. Причины различий в динамике экономического роста в Португалии и Голландии в XV–XVII вв. в свете институциональных теорий // Journal of institutional studies. Ростов-на-Дону. 2017. Т. 9, № 1. С. 39–50.

и ввести новые культуры, нежели повлиять на систему стимулов, общую организацию аграрного производства и решить другие институциональные по своему характеру задачи.

Из-за отсутствия институтов развития и, соответственно, мотивации большинство инициатив Петра в области сельского хозяйства не получили широкого распространения в XVIII в. Если посмотреть статистику урожайности различных культур, то можно наблюдать некоторый рост урожайности в конце периода петровского правления, но, судя по приведенным Б. Мироновым климатическим данным¹, этот рост, скорее всего, был вызван климатическими факторами (табл. 2.1). А так как похожие показатели имели место и в некоторые периоды до правления Петра², сложно говорить о каком-либо прогрессе в аграрном секторе, связанном с его нововведениями.

Таблица 2.1

Урожайность основных хлебов в центральной части Европейской России в первой половине XVIII в. (в самах)

	1710-е гг.	1720-е гг.	1730-е гг.	1740-е гг.	1750-е гг.
Рожь	2,9	3,6	3,2	4,3	3,7
Пшеница	3,9	3,7	3,9	3,6	3,3
Овес	2,7	4,1	3,3	3,8	3,5
Ячмень	3,0	4,5	4,0	3,7	4,3

Источник: Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVII — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. С. 245.

Что касается институциональной системы, то политика в аграрном секторе при Петре I являлась, прежде всего, одним из инструментов становления регулярного государства. Все действия правительства были направлены на реализацию того, что Петр I называл «общим благом», для этого необходимо было всех подданных максимально задействовать в процессе принесения пользы государству. Для решения этих задач Петр меняет си-

¹ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVII — начало XX века. Российская акад. наук, Ин-т российской истории. М.: Новый хронограф, 2010.

² Мустафин А. Хлебный рынок с начала царствования Алексея Михайловича до конца правления Екатерины Великой: была ли «революция цен»? // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 3. С. 911–926.

стему землевладения и проводит налоговую реформу. Но кроме результатов, предусмотренных реформатором, эти преобразования имели и серьезные долгосрочные последствия, которые Петром не предполагались¹. Первая реформа изменила систему прав собственности на землю для служилых людей и, по сути, сформировала дворянское сословие, вторая привела к принципиальным институциональным изменениям для податных сословий и, прежде всего, для крестьян. Указ о единонаследии унифицировал земельные права собственности элиты и способствовал созданию единого социального слоя служилых людей, установив институциональные рамки дворянского землевладения, а ревизская перепись и введение подушной подати унифицировали крестьянство. То есть результатом деятельности Петра I было создание и усиление институтов стабильности, наиболее значимым из которых была передельная община².

Вторым этапом модернизации, с определенными оговорками, можно назвать эпоху Петра III — Екатерины II. Некоторые авторы называют данный период началом освобождения общества. В частности, В. В. Леонтович писал, что до выхода «Манифеста о вольности дворянской...» все общество было закрепощено. Освобождение началось с дворянского сословия в 1762 г. и постепенно распространялось на другие группы населения³. Соответственно, этот период можно назвать вторым этапом модернизации, так как создаются условия для возникновения социальных групп, заинтересованных в появлении институтов развития.

Следующий этап модернизации в России связан с эпохой Великих реформ. Во второй половине XIX в. в России принципиально была изменена институциональная система. Отмена крепостного права означала появление многочисленного социального слоя, регулирование деятельности которого теперь переходило от помещиков к государству. Это требовало реформирования правовых, административных, финансовых, налоговых и других институтов.

Несмотря на то что после реформы огромная часть земли осталась в общинной собственности, т.е. не были четко оформлены права собственно-

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории: В 9 т. Т. IV. М.: Мысль, 1988; Богословский М. М. Российский XVIII век: В 2 кн. Книга первая. М.: Интелвак, 2008; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 2001.

² Розинская Н. Ю. Петровские реформы в аграрном секторе: достигнутые результаты и непреднамеренные последствия // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 58(2). С. 126–146.

³ Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914 // Исследования новейшей русской истории / под общ. ред. А. И. Солженицына. М.: Русский путь: Полиграфресурсы, 1995.

сти на землю для большинства земледельцев (четкое оформление прав собственности на землю в других странах служило важнейшей предпосылкой для аграрной революции), в России в пореформенный период начинается экономический рост. То есть после отмены крепостного права и последовавших за этим событием необходимых преобразований, по сути, начался переход от традиционного общества к обществу «современного экономического роста», который означает, что социально-экономическая система прошла процесс модернизации.

Вопросу о завершенности перехода от традиционного общества к обществу «современного экономического роста» и о критериях завершенности процесса модернизации посвящено большое количество литературы. И в частности, вопрос о завершении в России процесса перехода от традиционного общества к обществу «современного экономического роста» в современной литературе является дискуссионным. Российский экономист Е. Гайдар отвечал на этот вопрос утвердительно. Он считал, что современный экономический рост в России начался в 1880-е гг.¹, но не привел никаких доказательств своего тезиса.

Один из ведущих американских специалистов по экономической истории Российской империи Пол Грегори, пытаясь ответить на этот вопрос, не пришел к однозначному выводу². Для решения этой задачи он анализирует социально-экономическую ситуацию в дореволюционной России, используя доступные ему статистические данные. В работе он неоднократно подчеркивает, что данных мало и данные не по всем регионам, а только по европейской части.

Для ответа на поставленный вопрос Грегори использует критерии, разработанные С. Кузнецом³. В соответствии с этими критериями, которые он называет “MEGconcept” (концепция «современного экономического роста» — концепция СЭР), Грегори рассматривает шесть аспектов: 1) прирост населения; 2) демографические тенденции; 3) рост выпуска продукции и эффективности; 4) тенденции в структуре экономики и отраслевая эффективность; 5) отраслевая структура промышленности; и 6) модели потребления. При этом Грегори обращает внимание на то, что ряд аспектов, которые упоминает Кузнец, он оставляет за рамками исследования:

¹ Гайдар Е. Т. Долгое время: Россия в мире: очерки экон. истории. М.: Дело, 2005.

² Данный вопрос впервые рассматривался в статье П. Грегори (Gregory P. Economic growth and structural change in Tsarist Russia: A case of modern economic growth? // Soviet Studies. 1972. No. 23:3. P. 418–434).

³ Kuznets S. Modern Economic Growth. New Haven, 1966.

модели использования благ, тренды в сфере услуг, тенденции международной независимости и политические критерии СЭР.

Далее Грегори, используя отдельные сформулированные Кузнецом критерии перехода к СЭР, рассматривает пять основных блоков показателей: демографические, показатели экономического роста, показатели изменения структуры промышленности, показатели структуры потребления и показатели изменения структуры экономики в целом.

Начинает Грегори с исследования динамики роста населения в России, чтобы проверить, соответствует ли он росту, имевшему место в тех странах, которые совершили переход от традиционного общества к обществу СЭР. Он отмечает, что в этих странах темпы роста населения были достаточно высокими по сравнению с досовременным периодом: они варьировались от десятилетних показателей 6–7% в Италии, Швеции и Великобритании до 25% в США. Десятилетние темпы роста населения России между 1820 и 1917 гг. также были высокими¹. Грегори не объясняет, почему увеличение темпов роста населения имеет место в начальный период перехода к СЭР, он только ссылается на данные по странам, которые прошли этот этап.

Можно предположить, что увеличение темпов роста населения было связано с улучшением санитарно-гигиенических условий жизни, появлением новых продуктов питания в результате Великих географических открытий и т.д. В данном случае важно, что это было значимой предпосылкой модернизации и что данная предпосылка имела место и в России. Более того рост ВВП в России обгонял рост населения. Это факт в экономической теории рассматривается как подтверждение выхода социально-экономической системы из «мальтузианской ловушки»² и рассматривается как первый шаг в переходе к СЭР.

Далее, рассматривая основные демографические показатели, Грегори показывает, что в России уровень смертности начал неуклонно снижаться в конце 1890-х гг., но оставался высоким по сравнению с западноевропейскими стандартами, а именно вдвое выше по сравнению со средним показателем по Западной Европе, составлявшим 13 на 1000 человек в 1913 г.³ С точки зрения Грегори, показатели смертности в России начали демонстрировать тенденции СЭР на рубеже веков, тем не менее в тот пе-

¹ Gregory P. Economic growth and structural change in Tsarist Russia: A case of modern economic growth? // Soviet Studies. 1972. No. 23(3). P. 419.

² Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

³ Gregory P. Economic growth and structural change in Tsarist Russia: A case of modern economic growth? // Soviet Studies. 1972. No. 23(3). P. 420.

риод они все еще соответствовали досовременному уровню развития, т.е. уровню традиционного общества. По данному блоку показателей, которые в России соответствовали переходу к СЭР, можно сделать вывод, что этот процесс в России начался.

Следующим критерием, который рассматривает Грегори, является рост валовой и подушевой продукции промышленности и ее эффективности. Он обращает внимание, что в период перехода к СЭР темпы роста продукта на душу населения в некоторых странах превышали 15% за десятилетие.

Эти темпы роста производства и выпуска на душу населения в развитых странах были в первую очередь обусловлены увеличением выпуска на единицу капитала и затрат труда, а не экстенсивным ростом факторов производства. Иными словами, подавляющая часть прироста продукта на душу населения должна была приходиться на повышение эффективности использования производственных ресурсов.

Темпы роста валового продукта России между 1861 и 1913 гг. вполне укладываются в диапазон 20–50%, соответствующий темпам роста стран, перешедших к СЭР, даже с погрешностью –10%. Тем не менее темпы роста российского продукта на душу населения за тот же период далеко не дотягивают до нижнего диапазона, нормального для СЭР, который составляет 15% за десятилетие. Наиболее высокий показатель с 1881 по 1913 г. составлял всего 12% за десятилетие¹. Данные указывают на то, что Россия отставала от своих основных западноевропейских конкурентов по доходу на душу населения в период с 1860 по 1913 г.² И разрыв увеличивался. В 1860 г. доход на душу населения в России превышал 50% среднего показателя по Великобритании, Франции и Германии. В 1913 г. он упал примерно до одной трети. Грегори также рассматривает изменения в отраслевой структуре промышленности. При переходе к СЭР доля продукции и рабочей силы в горнодобывающей промышленности и строительстве в развитых странах снижалась, тогда как в обрабатывающей промышленности, транспорте и связи эти показатели увеличивались³.

Проанализировав динамику структуры промышленности в России, Грегори приходит к выводу, что тенденции в основных промышленных секторах либо не сильно согласуются с опытом СЭР, либо противоречат ему. Во-первых, доля рабочей силы в горнодобывающей промышленности умеренно увеличилась вопреки тенденции СЭР. И во-вторых, если

¹ Gregory P. Economic growth and structural change in Tsarist Russia: A case of modern economic growth? // *Soviet Studies*. 1972. No. 23(3). P. 422.

² Ibid. P. 423.

³ Ibid. P. 429.

в период с 1880 по 1913 г. доля рабочей силы в обрабатывающей промышленности росла, то в период с 1890 по 1913 г. она снижалась.

Грегори сравнивает модели потребления в России и странах, перешедших к СЭР. Опираясь на исследование Я. Тоды российского городского потребления¹, Грегори демонстрирует разницу в потреблении в США в 1901 г. и в России в 1913 г. Продовольствие (особенно хлебопродукты) составляло в России гораздо большую долю общего потребления, чем в США, тогда как российская доля аренды жилья, топлива и света, транспорта и связи, отдыха и развлечений была крайне низкой по сравнению с долей США. Хотя делать обобщения достаточно сложно, стоит отметить, что структура потребления в России соответствовала структуре потребления стран, находящихся в самом начале перехода к СЭР. Более 40% общего потребления приходится на продукты питания, и большая часть этого объема приходится на зерновые продукты, а не на мясные и молочные продукты высшего качества. С другой стороны, менее 1% было потрачено на расходы на отдых и развлечения класса люкс.

Таким образом, по этому блоку экономических показателей Россия не соответствовала большинству критериев, и здесь уже делать однозначные выводы не представляется возможным.

Наиболее интересной, с нашей точки зрения, является часть, где Грегори анализирует тенденции в структуре экономики в целом и отраслевую эффективность.

Для СЭР характерны быстрые сдвиги в относительных долях сельского хозяйства (А), промышленности (М) и сферы услуг (S). В среднем для стран, перешедших от традиционного общества к обществу «современного экономического роста» (СЭР), доля продукции сельского хозяйства (А) снизилась с 50–65% до минимум 20–10% от общего объема продукции. С другой стороны, доля продукции промышленного сектора (М) увеличилась с прежних 20–30% до максимальной 40–50%. Что касается доли сектора услуг, то здесь не было выраженной тенденции к росту или снижению доли продукта (S). Снижение доли рабочей силы в аграрном секторе (А) в целом было таким же значительным, как и снижение в нем доли продукта. Доля рабочей силы в промышленности (М) росла, но не так быстро, как доля продукта, которая обычно удваивалась. Доля рабочей силы в сфере услуг (S) увеличилась, хотя общей тенденции к увеличению доли продукта нет.

¹ Gregory P. Economic growth and structural change in Tsarist Russia: A case of modern economic growth? // Soviet Studies. 1972. No. 23(3). P. 431.

Рассматривая соответствующие данные по России, Грегори приводит две независимые оценки и указывает пределы погрешности для обеих (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Структура экономики Российской империи (1860, 1880, 1900, 1913 гг.), %

	А	М	С
Доля рабочей силы	1860		
	91*	9	—*
Доля рабочей силы	1880		
	74	13	13
Доля продукта (по Голдсмиту)	66–71	14–15	20–14
Относительный продукт сектора на одного работника	0,89–0,96	1,27–1,34	1,00–1,41
Доля рабочей силы	1900		
	71	18	11
Доля продукта			
По Голдсмиту	60–63	24–26	16–11
По Прокоповичу	54–55	32–33	14
Относительный продукт сектора на одного работника			
По Голдсмиту	0,85–0,89	1,33–1,44	1,00–1,41
По Прокоповичу	0,75–0,76	1,72–1,77	1,36
Доля рабочей силы	1913		
	72	18	10
Доля продукта			
По Голдсмиту	58–60	28–30	14–10
По Прокоповичу	53	34	13
Относительный продукт сектора на одного работника			
По Голдсмиту	0,81–0,83	1,56–1,67	1,00–1,41
По Прокоповичу	0,74	1,89	1,30

*А и С — вместе.

Источник: Gregory P. Economic growth and structural change in Tsarist Russia: A case of modern economic growth? // Soviet Studies. 1972. No. 23:3. P. 418–434.

Тенденции в структуре промышленности России следующие (табл. 2.2). Во-первых, следует отметить, что снижение доли рабочей силы в аграрном секторе (А) в период с 1880 по 1913 г. было крайне ограниченным и что доля сельскохозяйственных рабочих (А) в общей рабочей силе в 1913 г. все еще была сравнима с долями развитых стран до перехода к СЭР. Во-вторых, доля рабочей силы в сфере услуг (S) не увеличилась в период с 1880 по 1913 г. и даже несколько снизилась вопреки тенденциям, наблюдавшимся при переходе к СЭР. Доля рабочей силы в промышленности (М) действительно увеличилась примерно на 50% в период с 1880 по 1913 г., но это произошло за счет как сферы услуг (S), так и аграрного сектора (А). Доля рабочей силы в промышленности (М) в 1913 г. все еще была сопоставима с долями, характерными для традиционного общества, т.е. до перехода к СЭР, в развитых странах.

Можно увидеть, что в 1913 г. значительная часть населения России оставалась привязанной к относительно низко производительному сектору сельского хозяйства (А) и что переток рабочей силы из этого сектора в высокопроизводительный сектор промышленности (М) продвигался очень медленно.

Грегори вслед за Гершенкроном отмечает, что низкие темпы роста производительности труда в аграрном секторе (А) представляют собой интересный пример попытки быстрой индустриализации, поощряемой государством без необходимого для этого повышения производительности труда в сельском хозяйстве, что может оказаться тормозом для дальнейшей индустриализации¹.

На основании приведенных выше данных Грегори в статье 1972 г. делает совершенно обоснованный вывод: нет оснований утверждать, что Россия перешла к СЭР в дореволюционный период. Он указывает на относительно высокие темпы роста общего объема производства, но подчеркивает, что этот рост происходил за счет увеличения количества факторов производства, а не повышения эффективности, и поэтому он не привел к высоким темпам роста производства на душу населения. Грегори отмечал также отсталость российской сферы услуг и аграрного сектора².

¹ Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization, Russia 1861–1917 // The Cambridge Economic History. 1965. Vol. VI; Rozinskaya N., Arkhina A., Artamonov D. Impact of grain export on the Russian Empire's industrial development in the late nineteenth and early twentieth centuries // Scandinavian Economic History Review. 2024. P. 1–20. URL: <https://doi.org/10.1080/03585522.2024.2373759>

² Gregory P. Economic growth and structural change in Tsarist Russia: A case of modern economic growth? // Soviet Studies. 1972. No. 23(3). P. 418–434.

Таким образом, в статье 1972 г. Грегори в сделанных им выводах не подтверждает и не опровергает тезис о том, что Россия к 1913 г. перешла к современному экономическому росту. Но уже в статье 2003 г. он пишет: «Период современного экономического роста начался в России после 1880 г., и этот рост ограничился менее чем тридцатью годами. Более длительные тенденции для России проследить невозможно. Первая мировая война, а затем события 1917 г. прервали этот рост. Поэтому трудно судить, сохранялся бы в России экономический рост и дальше, увеличивались или, наоборот, убывали бы его темпы»¹. Но проблема состоит в том, что в своих выводах Грегори основывается преимущественно на показателях промышленного сектора, практически не касаясь ситуации в аграрном секторе. Единственное, о чем говорит Грегори применительно к сельскому хозяйству, — это относительная производительность труда. Он показывает, что темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве составляли 0,75 от темпов роста производительности труда в промышленности. Грегори указывает на то, что это говорит о недостаточности развитости аграрного сектора, но далее в работе концентрируется на показателях промышленности и роста экономики в целом. Это позволяет ему сделать выводы, отличные от полученных в работе 1972 г. Поэтому для получения целостной картины необходимо рассмотреть дополнительные критерии перехода к СЭР, проясняющие экономическую ситуацию в сельском хозяйстве.

Показатели аграрного сектора и их соответствие критериям перехода к обществу СЭР. Как уже отмечалось, Грегори в своей работе использовал только первые шесть критериев Кузнец, но у самого Кузнец и в литературе, посвященной трансформации традиционного общества в современное, есть и другие важные критерии. В частности, исследователь выделяет как важнейший критерий перехода к современному обществу качественные изменения в аграрном секторе, связанные с процессами интенсификации и ростом эффективности труда и земли, которые вели к значительному росту производства продукции аграрного сектора². Соответственно, для более четкого ответа на вопрос о переходе дореволюционной России к СЭР необходимо проанализировать процессы и тренды, которые имели место в сельском хозяйстве в России в исследуемый период.

¹ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. С. 22–23.

² Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven and London: Yale University Press, 1966.

Прежде всего стоит отметить, что производство аграрной продукции росло и, главное, что оно росло темпами более высокими, чем темпы роста населения, притом что население с 1861 по 1897 г. удвоилось¹. Средние темпы роста производства зерновой продукции по 50 губерниям европейской части с 1883 по 1914 г. рост составил 1,58 раза (табл. 2.3).

Таблица 2.3

**Посевные площади и валовые сборы зерновых хлебов
в 50 губерниях Европейской России* за период 1883–1914 гг.**

Год	Все зерновые хлеба	
	площадь посева (млн десятин)	валовой сбор (млн пудов)
1883	58,8	2072,6
1884	59,8	2278,3
1885	60,0	1933,5
1886	59,9	2190,0
1887	60,0	2545,4
1888	60,0	2451,2
1889	59,8	1860,6
1890	63,0	2250,0
1891	63,5	1756,1
1892	61,4	2103,8
1893	60,2	2932,2
1894	60,2	2969,8
1895	59,4	2673,2
1896	62,7	2726,6
1897	62,9	2263,3
1898	62,7	2629,2

¹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР: в 3 т. Т. 2: учебное пособие для экономических и инженерно-экономических вузов и факультетов. М.: Госполитиздат, 1952; Goldsmith R. W. The Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913 // Economic Development and Cultural Change. 1961. Vol. 9, No. 3.

Окончание табл. 2.3

Год	Все зерновые хлеба	
	площадь посева (млн десятин)	валовой сбор (млн пудов)
1899	64,1	3024,3
1900	66,3	2949,8
1901	67,5	2552,2
1902	67,4	3452,3
1903	68,7	3207,9
1904	70,0	3776,2
1905	70,5	2995,2
1906	71,0	2508,3
1907	69,6	2938,2
1908	69,8	3020,4
1909	70,2	3883,2
1910	72,2	3714,0
1911	73,0	2908,5
1912	71,4	3798,9
1913	73,2	4265,4
1914	73,6	3276,3

* Без губерний бывшего Царства Польского, Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей.

Источник: Обухов В. М. Движение урожаев в Европейской России в период 1883—1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. М., 1927. С. 2—5. Цит. по: Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX в.». URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/06_agr.htm

Рост зерновой продукции наблюдался и в неевропейских регионах Российской империи, но стоит отметить, что посевные площади 50 европейских губерний составляли более 78% от всех обрабатываемых земель Российской империи (табл. 2.4) и там проживала основная часть населения России.

Таблица 2.4

Площадь используемых земель в Российской империи на 1913 г.

Регионы	Территория		Площадь обрабатываемых земель, тыс. кв. верст	Луга и пастбища, тыс. десятин	Леса, тыс. десятин
	тыс. кв. верст	тыс. десятин			
Европейская Россия (51 губерния)	4 250 574,8	442 782,1	78 808,1	22 198,2	142 060,9 ³
Кавказ	412 310,8	42 950,4	9075,1 ¹	1495,2 ²	4887,2 ³
Сибирь	10 996 345,5	1 145 489,4	7552,9 ¹	6392,3 ²	204 051,0 ³
Средняя Азия	3 110 623,7	324 033,7	5523,4 ¹	4243 ²	19 729,5
Итого	19 155 587,7	1 995 433,6			

¹ Показана учтенная площадь под важнейшими сельскохозяйственными культурами.

² Учтены только находившиеся в пользовании естественные сенокосы.

³ Площадь лесов по Европейской России показана по всем категориям владений; по Кавказу, Сибири и Средней Азии — площадь лесов, состоявших в ведении Лесного управления (по данным «Ежегодника Лесного департамента» за 1913 г.).

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 9-й. Пг., 1916. С. 2; То же. Год 10-й. Пг., 1917. С. 2.

Из табл. 2.4 видно, что рост зерновой продукции составил 1,58, при этом посевные площади за этот период выросли в 1,25 раза. Остальной прирост происходил за счет роста производительности труда и/или земли. Грегори утверждает, что рост производительности труда в сельском хозяйстве составлял в среднем за исследуемый период 1,35¹. Островский пишет, что в 1896–1915 гг. рост зернового производства на 60% определялся повышением производительности земли и только на 40% — расширением площади посевов². Ни Грегори, ни Островский не объясняют, как они получили эти цифры.

Если предположить, что они правы, то данные цифры демонстрируют достаточно низкие темпы роста производительности, при этом по важнейшему критерию, определяющему эффективность сельского хозяйства —

¹ Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история: ежегодник. 2000. М., 2001. С. 25.

² Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: ООО «Полторак», 2013. С. 226–227.

урожайности, Россия сильно отставала от большинства стран Европы и Северной Америки (табл. 2.5). В России средняя урожайность основных хлебных культур была более чем в 1,5 раза ниже урожайности в США и более чем в 2,3 раза ниже урожайности в Канаде¹.

Таблица 2.5

**Урожайность хлебов в России и других странах в 1913 г.
(пудов с десятины)**

Страна	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель
Россия	55	56	62	63	491
Австрия	80	92	107	94	602
Венгрия	88	82	92	41	470
Великобритания	149	-	127	117	1086
Бельгия	168	147	180	171	1338
Болгария	80	75	81	60	-
Германия	157	127	148	146	1057
Голландия	160	122	168	148	1176
Испания	52	61	64	45	-
Румыния	44	70	71	68	641
Сербия	72	58	65	46	-
Франция	89	71	68	86	571
Швейцария	153	123	130	150	1038
Швеция	161	94	139	123	-
Канада	94	61	108	10?	750
США	68	68	85	70	408

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 117, 118.

Если в странах, перешедших к СЭР, производительность труда в сельском хозяйстве росла преимущественно за счет использования разного

¹ Чистяков Ю. Ф. Россия на мировом продовольственном рынке: прошлое и настоящее. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2013. С. 292–293.

рода нового инвентаря и машин, то в России, где машины использовались еще в недостаточном количестве¹, росту производительности труда преимущественно способствовало увеличение количества железных дорог², что укрепляло связь аграрного сектора с внутренними и внешними рынками³. Кроме того, рост количества населения в городах расширял внутренний рынок для продукции сельского хозяйства.

Рост аграрной продукции позволял увеличивать экспорт зерна. Однако, будучи одним из ведущих экспортеров зерна, Россия значительно отставала от других стран по эффективности производства зерна. Фактически по этому показателю она была на одном из последних мест среди европейских стран и сильно отставала от крупных стран — производителей зерна, таких как США и Канада.

Отставание было связано с тем, что в тот период еще не произошло интенсификации сельского хозяйства в большинстве регионов России. Основными показателями перехода к интенсивному земледелию являются, во-первых, переход от трехполья к плодосменному севообороту, когда использование земли возрастает на треть, за счет земель, которые раньше были под паром, и, во-вторых, увеличение доли животноводства в продукции сельского хозяйства.

Челинцев и Огановский в своих работах показали, что переход от трехполья, основанного на системе пара, к плодосменному севообороту, когда часть поля высевается травами и техническими культурами, которые способствуют восстановлению почвы, произошел только в прибалтийских губерниях. Во всех остальных регионах Российской империи преобладала трехпольная система, а некоторые даже использовали систему залежей⁴.

При этом количество скота практически не росло, т.е. животноводство не развивалось⁵. Более того, в ряде регионов пастбища распахивались для увеличения посевных площадей, что вело к сокращению скота

¹ См.: Онлайн-приложение, таблицы № 2–4. Приложение.docx.

² См.: Онлайн-приложение, таблица № 1. Приложение.docx.

³ Ляшенко П. И. История народного хозяйства СССР. В 3 т. Т. 2: учебное пособие для экономических и инженерно-экономических вузов и факультетов. М.: Госполитиздат, 1952; Rozinskaya N., Sorokin A., Artamonov D. Peasants' inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia // Scand. Econ. Hist. Rev. 2021. No. 69 (3). P. 253–277.

⁴ Челинцев А. Н. Очерки по сельскохозяйственной экономии. III. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. С. 132–133.

⁵ Громан В. Г. (ред.) Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М., 1927. С. 84–85.

в этих регионах (табл. 2.6). Особенно это было характерно для Европейской России, где практиковался трехпольный севооборот, который со второй половины XIX в. распространился в этой части России в большинстве регионов.

Таблица 2.6

На 100 сельских жителей приходилось

	Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец и коз	Свиней
В 1860-х гг.	27,4	39,2	83,2	17,6
В 1900-х гг.	23,6	39,5	59,5	13,6

Источник: Огановский Н. П. Очерки экономической географии СССР. М.: Новая деревня, 1924. URL: <https://istmat.org/node/24085>

Кроме того, Россия сильно отставала от стран, которые уже перешли к СЭР, в области животноводства¹. Незрелость животноводства вела к тому, что мало использовались естественные удобрения. Искусственные удобрения применялись в крайне ограниченных масштабах (табл. 2.7), и рост производства этих удобрений сильно отставал от роста производства удобрений в развитых странах².

Таблица 2.7

Средняя урожайность главнейших хлебов и внесение искусственных удобрений (пудов на десятину)

Страны	Урожайность хлебов в 1908–1912 гг.	Внесено удобрений в 1910 г.
Европа:		
Бельгия	147	21,4
Голландия	146	10,5
Дания	145	3,1
Швейцария	136	3,4
Англия	131	4,5
Германия	129	8,8
Швеция	114	2,5

¹ См.: Онлайн-приложение, таблица № 5. Приложение.docx.

² См.: Онлайн-приложение, таблица № 6. Приложение.docx.

Окончание табл. 2.7

Страны	Урожайность хлебов в 1908–1912 гг.	Внесено удобрений в 1910 г.
Австрия	85	1,7
Франция	83	3,2
Италия	82	3,0
Венгрия	80	1,0
Испания	70	0,9
Румыния	65	0,06
Португалия	57	1,8
Россия	53	0,39
Сербия	50	0,01
Другие регионы:		
Новая Зеландия	151	Нет сведений
Канада	126	2,7
Япония	104	0,24
США	84	5,2
Австралия	74	3,5

Источник: Труды совещания 20–22 мая 1915 г. с участием представителей науки, земских и общественных учреждений. Пг., 1915. С. 422–425. Под главнейшими хлебами имеются в виду пшеница, рожь, овес, кукуруза, горох и бобы.

Все это вело к тому, что при росте населения на 100% производительность в сельском хозяйстве за тот же период увеличилась только на 50%¹. Из-за трехполья треть земли не использовалась, в Германии под паром было только 6%, в Бельгии — 3%². Это, в свою очередь, тормозило развитие скотоводства³, что видно из табл. № 5 в Онлайн-приложении.

Низкий уровень интенсификации сельского хозяйства вел к тому, что собранный с существующих посевных площадей урожай был недостаточен для растущего населения. Как уже отмечалось, после отмены кре-

¹ Gatrell P. The Tsarist Economy, 1850–1917 // The Journal of Economic History. 1987. No. 47(2). P. 538–539.

² Кауфман А. А. Земля и культура: к вопросу о земельной реформе. М.: Народное право, 1906. С. 10–11.

³ Чупров А. И. Мелкое земледелие в России и его основные нужды. СПб., 1907. С. 11.

постного права население выросло в 2 раза — с 65 млн человек в 1865 г. до примерно 130 млн в 1897 г. (100%), при этом земельный надел сократился с примерно 2,3 десятины на человека в 1861 г. до 1,3 десятины на человека в 1901 г.¹ В то время как среднее крестьянское хозяйство в Российской империи имело 10 десятин земли, в США по Акту о гомстедах давали 160 акров (60 десятин). Крестьяне для выживания вынуждены были докупать или арендовать землю. В аренде находилось около 50 млн десятин, что было эквивалентно 36% всех наделных земель. Это увеличивало долги и ложилось тяжелым бременем на хозяйство². С другой стороны, в Дании фермерские участки размером в 30 акров (чуть более 11 десятин) были достаточны для поддержания высокого уровня доходов. Огановский писал: «Сельское хозяйство России, не сопоставимой с Данией по размерам и природным условиям, тоже интегрировалось в мировой рынок, но с другими структурными зависимостями. Доля коровьего масла в русской экспортной выручке поднялась до 4%, превзойдя долю сахара (2,7%) и нефтепродуктов (2,4%), но была весьма скромной сравнительно с долей основного экспортного товара — зерновых (40%). Причем хлебный экспорт развивался по-прежнему на основе “выбалтывающего землю трехполя”»³.

Еще одним важнейшим показателем того, что российский аграрный сектор находится только в начале перехода от экстенсивных систем хозяйствования к интенсивным, являлось то, что товарность аграрного сектора оставалась достаточно низкой⁴.

Об этом говорит и тот факт, что большинство населения составляли неграмотные крестьяне, домохозяйства которых потребляли более 75% произведенной продукции, при этом торгово-промышленные классы составляли менее 0,3% населения⁵. Как следствие, рыночные отношения в аграрном секторе развивались достаточно медленно. Перед Первой мировой войной торговый оборот на душу городского населения в губерниях Европейской России составлял 430 руб., на душу населения в аграрном секторе — не более 22 руб.⁶ В среднем по стране этот уровень

¹ Мозжухин И. В. Аграрный вопрос в цифрах и фактах. М., 1917. С. 9.

² Там же. С. 12–13.

³ Цит. по: Гловели Г. Дж. Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Историко-экономические исследования. Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 38–52.

⁴ См.: Онлайн-приложение, таблица № 7. Приложение.docx.

⁵ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 160–163.

⁶ Струмилин С. Г. Очерки советской экономики. М., 1930. С. 29.

был намного ниже, чем в странах, перешедших к СЭР (табл. 2.8). Низкий уровень товарности многие авторы объясняли инерционностью крестьянских хозяйств¹.

Таблица 2.8

Годовой торгово-промышленный товарооборот на душу населения стран Европы и США накануне Первой мировой войны (в руб.)

Англия	420
США	380
Германия	290
Франция	220
Россия	90

Источник: Денисов В. И. Современное положение русской торговли. М., 1913. С. 31. Цит. по: Россия 1913 год Статистико-документальный справочник. Российская академия наук. Институт российской истории. СПб., 1995. URL: <https://istmat.org/node/210>.

Все это говорит о том, что Россия в дореволюционный период была еще только на пути к переходу от экстенсивного к интенсивному ведению сельского хозяйства. И соответственно, следует сделать вывод, отличный от того, который сделали Гайдар и Грегори, — Россия не перешла в исследуемый период к обществу «современного экономического роста».

2.2. Оценка процесса аграрной трансформации в России в региональном разрезе

Несмотря на значительное количество исследований аграрного сектора дореволюционной России, целый ряд важных вопросов остаются нерешенными и продолжают вызывать дискуссии среди ученых. К их числу можно отнести тесно связанные между собой вопросы о степени развития капитализма в дореволюционной России, о «кризисе» в аграрном секторе, об оценках и результатах аграрной реформы Столыпина, об аграрной революции / аграрном перевороте² в России.

¹ Кабанов В. В. Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 28–44.

² Автор статьи считает, что эти термины взаимозаменяемы, так как представляют собой два варианта перевода с английского термина “agrarian revolution”, по аналогии с переводом термина “industrial revolution”, который иногда переводили как «промышленный переворот», а иногда как «промышленная революция». Но в связи с тем,

В данном параграфе рассматривается вопрос о степени завершенности аграрного переворота в дореволюционной России, а именно к началу Первой мировой войны, в региональном аспекте. Аграрный переворот рассматривается как совокупность социально-экономических, институциональных и технологических изменений в сельском хозяйстве, приводящих к радикальному увеличению эффективности этого важнейшего сектора экономики. Социально-экономический и институциональный аспекты аграрного переворота связаны с оформлением четких прав собственности на землю (вместо характерной для предшествующей эпохи распределенной собственности) и развитием на этой основе относительно свободных рынков земли и рабочей силы. В технологическом плане речь идет о таких изменениях, как переход к плодосеменному севообороту от традиционного трехполья и интеграция растениеводства с животноводством. На основе этих изменений происходит резкий рост производительности труда и земли, которые, способствуя выталкиванию из сельского хозяйства в города экономически избыточного населения, ведут к росту урбанизации и формированию рынка рабочей силы.

Страной, в которой впервые произошли подобные преобразования и на материале которой написаны посвященные им классические историко-экономические исследования¹ и исследования современных авторов², была

что в ряде работ отечественные авторы различают термины «аграрная революция» и «аграрный переворот», о чем будет написано ниже, то автор далее будет использовать термин «аграрный переворот».

¹ Бруцкус Б. Д. К критике учений о системах хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1909. № 9. С. 8–86; Булгаков С. Н. Капитализм и земледелие: В 2 т. Т. 2. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1900; Каутский К. Аграрный вопрос. Харьков: Знание, 1900; Манту П. Ж. Промышленная революция XVIII столетия в Англии: (опыт исследования). Стер. изд. 1937 г. М.: Директ-Медиа, 2014; Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. Т. 23. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960; Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов: Сотрудничество, 1909.

² Де Фрис Я. Революция трудолюбия; потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016; Розинская Н. А. Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия // *Journal of Institutional Studies*. 2015. Т. 7, № 3. С. 50–63. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.3.050-063; Розинская Н. А. Истоки современного экономического роста: Европа или Азия // *Экономическая история*. 2016. № 2. С. 48–55; Allen R. *Enclosure and the Yeoman*, Oxford, Clarendon Press, 1992; Allen R. *Tracking the Agricultural Revolution in England* // *The Economic History Review. New Series*. 1999. Vol. 52, No. 2. P. 209–235; Mijatović B., Milanović B. *The real urban wage in an agricultural economy without landless farmers: Serbia, 1862–1910* // *Economic History Review*. 2021. Vol. 74, Issue 2. P. 424–448. URL: <https://doi.org/10.1111/ehr.12998>; Overton M. *Re-Establishing*

Англия. Затем эти преобразования охватили другие европейские страны, прежде всего на севере Европы. Поэтому при выборе критериев, позволяющих оценить ход и степень завершенности аграрного переворота в России в исследуемый период, мы следуем за этими авторами. Несмотря на то что они по-разному датировали начало и конец аграрного переворота в Англии, у них не было разногласий относительно самого механизма этого процесса и его результатов. С их точки зрения, аграрный переворот был запущен институциональными изменениями, которые способствовали четкому определению прав собственности на землю¹. В Англии, например, это была «революция йоменов»². Четкие права собственности способствовали коммерциализации крестьянских хозяйств, что вело к более эффективному использованию земли. В свою очередь, это повышало производительность факторов производства и вело к значительному росту сельскохозяйственной продукции при одновременном сокращении населения аграрного сектора³.

Рост производительности труда в сельском хозяйстве создавал излишки рабочей силы, которые вытеснялись в города; с другой стороны, только при значительном росте аграрной продукции можно было прокормить возросшее городское население. Иными словами, достигнутая

the English Agricultural Revolution // *The Agricultural History Review*. 1996. Vol. 44, No. 1. P. 1–20; Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (from Sung China to the United States): Selected Counterfactuals // *Journal of Globalization Studies*. 2010. Vol. 1, No. 1. P. 6–28.

¹ The Agrarian History of Sweden: From 4000 bc to ad 2000. Edited by Janken Myrdal and Mats Morell. Lund: Nordic Academic Press, 2011; Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // *The Economic History Review*. New Series. 1999. Vol. 52, No. 2. P. 209–235; Overton M. Re-Establishing the English Agricultural Revolution // *The Agricultural History Review*. 1996. Vol. 44, No. 1. P. 1–20; Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (from Sung China to the United States): Selected Counterfactuals. // *Journal of Globalization Studies*. 2010. Vol. 1, No. 1. P. 6–28.

² Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // *The Economic History Review*. New Series. 1999. Vol. 52, No. 2. P. 209–235; Overton M. Re-Establishing the English Agricultural Revolution // *The Agricultural History Review*. 1996. Vol. 44, No. 1. P. 1–20; Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (from Sung China to the United States): Selected Counterfactuals // *Journal of Globalization Studies*. 2010. Vol. 1, No. 1. P. 6–28.

³ Allen R. *Enclosure and the Yeoman*. Oxford: Clarendon Press, 1992; Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // *The Economic History Review*. New Series. 1999. Vol. 52, No. 2. P. 209–235; Overton M. Re-Establishing the English Agricultural Revolution // *The Agricultural History Review*. 1996. Vol. 44, No. 1. P. 1–20; Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (from Sung China to the United States): Selected Counterfactuals // *Journal of Globalization Studies*. 2010. Vol. 1, No. 1. P. 6–28; van Zanden J.L. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914 // *The Economic History Review*. 1991. Vol. XLIV, No. 2.

степень урбанизации де-факто выступает в качестве одного из критериев завершенности аграрного переворота. Де Фрис обращал внимание, что к 1800 г. в Северной Европе «удалось снизить объемы труда, требующиеся для производства одного гектолитра зерна, с 6–8 человеко-дней (что являлось нормой в XVI в.) до 4–5, в то время как собираемость урожая с одного гектара увеличилась с 8–10 гектолитров до 12–15... С начала XVI в., когда в выращивании зерновых культур было занято 50% населения, и до 1800 г., когда в производстве зерна занято уже 30% населения, происходит снижение рабочего времени, уделяемого сельскому хозяйству, с 75% до примерно 50%»¹.

Для ответа на вопрос, произошел ли аграрный переворот в дореволюционной России, а именно к началу Первой мировой войны, необходимо проследить, в какой степени в сельском хозяйстве и в обществе в целом произошли описанные изменения.

Карта 1 приводится в справочных целях для лучшего понимания карт 2–4, где не указаны названия регионов.

Карта 1. Административное деление Российской империи

¹ Де Фрис Я. Революция трудолюбия; потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 160–161.

Для правильной оценки степени завершенности аграрного переворота в столь огромной и многообразной стране, как дореволюционная Россия, важно избегать «средних температур по больнице», поэтому экономические показатели конца XIX — начала XX в. рассматриваются в работе на региональном (губернском) уровне. Следует отметить, что в российской и зарубежной литературе, посвященной аграрному развитию Российской империи, довольно мало исследований, где имеющиеся данные последовательно изучаются в региональном разрезе. В одной из своих работ на этот факт обращает внимание американский специалист по экономической истории России П. Грегори, указывая, что на сегодняшний момент мы мало что знаем о региональных различиях¹. В последнее время появляется все больше работ, посвященных исследованиям отдельных губерний и регионов в дореволюционный период², но работ, где было бы дано комплексное сравнение регионов по всей стране, немного. Из работ дореволюционных авторов можно выделить исследования А. Н. Челинцева, П. И. Лященко и А. А. Кауфмана, в которых делалась попытка оценить ситуацию в Российской империи в региональном разрезе и сравнить регионы по тому или иному критерию: А. Н. Челинцев анализировал с точки зрения стадии перехода к интенсивным системам ведения хозяйства³, П. И. Лященко — с точки зрения организации хлебной торговли⁴, А. А. Кауфман — с точки зрения этапа развития общины⁵. Из работ советского периода следует выделить статьи И. Д. Ковальченко и Л. И. Бородинкина, где была сделана попытка кластеризации губерний Европейской

¹ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки = *Economic growth of the Russian Empire (end of XIX — beginning of XX century)*. New estimates and calculations: пер. сангл. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. М.: РОССПЭН, 2003.

² Дунаева Н. А. Модернизационные процессы в поволжской деревне 1907–1917. На материалах Самарской, Симбирской и Саратовской губерний: дис. ... канд. истор. наук. Ульяновск, 2009; Журначян А. С. Правовое положение крестьян в Восточной Армении в XIX веке // *Genesis: исторические исследования*. 2014. № 4. С. 78–95. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.4.12056. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12056; Перепилицын А. В. Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в 60–90-е гг. 19 века: дис. ... докт. истор. наук. Воронеж, 2006.

³ Челинцев А. Н. Очерки по сельско-хозяйственной экономике. III. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. С. 132–133. URL: <http://elibr.cnshe.ru/books/free/0380/380774/8/#zoom=z> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912.

⁵ Кауфман А. А. Русская община. В процессе ее зарождения и роста. М., 1908.

России по нескольким наборам социально-экономических показателей¹. В постсоветский период также делаются отдельные попытки показать социально-экономическое многообразие регионов Российской империи². Наиболее интересной среди современных работ представляется статья А. Маркевича, где с помощью количественного анализа оцениваются географические и институциональные факторы, оказывающее влияние на различные уровни социально-экономического развития страны в до-революционный период³.

Институциональные критерии. Как уже было отмечено, отправной точкой аграрного переворота является четкое определение прав собственности на землю, когда земля становится объектом частной собственности и на этой основе формируется земельный рынок. В России распространению крестьянского частного землевладения препятствовало то, что после отмены крепостного права в 1861 г. собственником крестьянской земли становится не отдельный индивид, не домохозяйство, а община.

В соответствии с поземельной статистикой 1905 г. в Европейской России было 395,2 млн десятин земли, которые можно разделить в соответствии с формой собственности на три группы (табл. 2.9).

Таблица 2.9

Структура землевладения в Российской империи (1905 г.)

Частные владения — 25,8%	101,7 млн дес.
Надельные земли — 35,1%	138,8 млн дес.
Земли казны — 39,1%	154,7 млн дес.
Всего по Европейской России 100%	395,2 млн дес.

Источник: Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1907. С. 11.

Частное землевладение делилось на личное (владение отдельной личности или домохозяйства) и коллективное (владения обществ). Доля дво-

¹ Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1979. № 1. С. 59–95; Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1981. № 1. С. 76–99.

² Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение / под ред. Е. Болтуновой и В. Сандерленда. М., 2021.

³ Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire. May 14, 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=2555273> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>

рян в совокупном фонде земель, находящихся в личной собственности, в 1905 г. составляла 61,9%, доля купцов, мещан, духовенства и др. — 22,7%, доля крестьян — 15,4%, что от общего количества земли составляло всего 3,3%¹. Таким образом, основную часть землевладения крестьян составляли наделные земли, главным распорядителем которых была община.

Из приведенных выше данных видно, что среди всех негосударственных земель большая часть находилась в общинном землепользовании. Для лучшего понимания значимости общинного хозяйства в различных регионах приводим цифры, показывающие, какую долю в начале XX в. составляло общинное землевладение в общем объеме крестьянского землевладения в том или ином регионе: Восточная степь (Оренбургская, Самарская, Саратовская и Симбирская губернии) — 98,4%; Север (Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии) — 98,0; Великорусский запад (Смоленская, Новгородская, Псковская и Тверская губернии) — 96,8; Великороссия (Московская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Орловская и Калужская губернии) — 95,8; Пермский край — 93,0; Новороссия (Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии) — 88,9; Бессарабия — 77,0; Белоруссия — 39,0; Левобережная Украина — 33,0; Правобережная Украина — 13,9; Прибалтийские губернии — 0,0%². То есть в европейской части Российской империи³ только в прибалтийских, украинских и белорусских губерниях было распространено подворное землевладение, а в остальных регионах — общинное.

Для анализа землевладения в регионах неевропейской России интересными представляются работы А. А. Кауфмана о происхождении и эволюции сельской общины⁴. В своих работах, основанных на экспедиционных материалах Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской губерний, Забайкальской области и ряда степных регионов, он пришел к выводу, что в исследуемый период в Российской империи можно было наблюдать все стадии общины от зародыша до последней степени разложения. И что самое интересное, эти стадии располагались по степени формирования, зрелости и разложения с востока на запад. В Сибири в тот период по мере освоения новых земель и роста плотности населения идет процесс фор-

¹ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1907. С. 12–17.

² Дубровский С. М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Ленинград: Прибой, 1925. С. 98.

³ Без Польши и Финляндии.

⁴ Кауфман А. А. Русская община. В процессе ее зарождения и роста. М., 1908. С. 230–268.

мирования общины с самых первых ее стадий, в то время как в западных губерниях община уже полностью разложилась¹.

На примере существующих в Сибири в период его исследований общин А. А. Кауфман выделил типы формирования данного института. Появление сельской общины он связывает с захватом пустующих земель индивидами, которые объединяются в деревню (общину), затем по мере сокращения свободных земель — «утеснения» — община начинает ограничивать захват, в частности регулировать период, в который земля остается закрепленной за хозяйством при отсутствии ее обработки. Это регулирование является началом формирования общинного права². На следующем этапе, который наступает при сильном сокращении/исчезновении пустующих земель, община не только регулирует захваты новых земель, но и начинает «поравнение»/«уравнение» и переделы уже обрабатываемых членами общины земель³. Этот этап в большинстве регионов Сибири наступает к началу XX в. Таким образом, А. А. Кауфман показывает, что в рассматриваемый период в Сибири основная масса обрабатываемых земель находилась в рамках общинного права. Это размывало права индивидов на владение данной землей: их права собственности на землю оставались нечеткими.

На Дальнем Востоке наблюдалась похожая ситуация. Приезжающие переселенцы захватывали пустующие земли и постепенно организовывались в общины, так как именно эта форма общежития была им знакома и понятна⁴.

Подтверждение того факта, что общины в различных регионах находились на разных уровнях своего развития, можно увидеть в цифрах, показывающих, какое количество общин в той или иной губернии не проводило переделов земли.

Помимо того, что община, являясь собственником наделенных земель, накладывала ограничения на распоряжение этой землей крестьянами, из-за периодических переделов и чересполосицы крестьяне не были сво-

¹ Кауфман А. А. Русская община. В процессе ее зарождения и роста. М., 1908. С. 230–268.

² Там же. С. 379–388.

³ Там же. С. 406–407.

⁴ Обзор Амурской области за 1910 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного губернатора Амурской области. Издание Амурской областной статистический комитет. 1911. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/27248-za-1910-god-1911>; Обзор Амурской области за 1912 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного губернатора Амурской области. Издание Амурской областной статистический комитет. 1913. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/27250-za-1912-1913-god-1915#mode/inspect/page/35/zoom/8>

бодны и в принятии хозяйственных решений, что являлось серьезным тормозом для перехода к более прогрессивным формам хозяйствования.

Столыпинская реформа способствовала разложению общины и установлению более четких прав собственности, но тем не менее к 1914 г. в большинстве губерний европейской части Российской империи основная часть земель осталось в наделной собственности. Важно также учитывать, что Указ от 9 ноября 1906 г. распространялся только на губернии Европейской России, поэтому в Сибири и на Дальнем Востоке основная часть земель, обрабатываемых переселенцами, также оставалась в общинной собственности.

Помимо Европейской России, Сибири и Дальнего Востока, общинное право на землю было распространено у переселенцев в Закавказье и в Средней Азии¹. Основной же массив земли в этих регионах после реформ по отмене крепостного права 1864–1871 гг.² оказался в частной собственности местного дворянства (табл. 2.10).

Таблица 2.10

Распределение земли после реформы по пяти закавказским губерниям

Губерния	У бывших крепостных крестьян (в дес.)	У помещиков (в дес.)
Кутаисская	210 770	815 321
Тифлисская	134 796	961 5022
Елизаветпольская	317 234	440 798
Бакинская	110 315	246 904
Эриванская	98 264	60 123

Источник: Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 338.

¹ Журначян А. С. Правовое положение крестьян в Восточной Армении в XIX веке // Genesis: исторические исследования. 2014. № 4. С. 78–95. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.4.12056. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12056; Обзор Сыр-Дарьинской области за 1909 год. Ташкент: Тип. при канцелярии Туркест., 1911. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/49839-za-1909-god-1911>; Обзор Уральской области за 1910 год. Прилож. к Всеподдан. отчету воен. губернатора. Обзор Уральской обл. за 1910 г. Уральск. 1911; Обзор Тургайской области за 1910 год. Прилож. к Всеподдан. отчету воен. губернатора. Обзор Тургайской обл. за 1910 г. Оренбург, 1911; Обзор Бакинской губернии... [по годам]. Баку, 1890–1915. За ряд лет является Приложением ко всеподданнейшему отчету. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/28385-za-1902-god-prilozhenie-ko-vsepoddanneysheму-otchetu-1903#mode/inspect/page/13/zoom/4> (дата обращения: 28.05.2024).

² В Тбилисской губернии (в Восточной Грузии) крепостное право было отменено в 1964 г., в Кутаисской губернии (в Имерети, Раче и Лечхуми) — в 1865 г., в Мегрелии — в 1867 г., в Абхазии — в 1870 г., в Сванетии — в 1871 г., в Азербайджане и Армении — в 1870 г.

Среди местного крестьянского населения преимущественно было распространено подворное землевладение. Для мусульманского населения землевладение регулировалось прежде всего положениями 1847 г.¹, 1870 г., которое отменяло общинное пользование землей², 1883 г.³ и 1900 г.⁴ Согласно этим законодательным актам, неправославные крестьяне являлись потомственными держателями своих земель, но при этом существовали ограничения на распоряжение этими землями, в частности крестьянин не мог продать землю кому угодно, мог только члену общины, в противном случае требовалось согласие членов общества. Положение 1912 г. позволило крестьянам этих регионов выкупать землю в личную собственность, что способствовало развитию института частной собственности и расширению земельного рынка⁵.

Что касается регионов Средней Азии, то после принятия Положения 1886 г. об управлении Туркестанским краем вводятся Правила поземельно-податного устройства, по которым вся земля объявлялась государственной, крупные землевладельцы и мусульманские священнослужители были лишены привилегий (их земли были обложены налогами), крестьяне были объявлены потомственными держателями земель с правом ее продажи при определенных ограничениях, связанных с местными обычаями и нормами, изложенными в законодательных актах⁶.

Таким образом, можно утверждать, что относительно четкие права собственности на землю в дореволюционный период сложились в прибалтийских губерниях, где в рамках реформ 1816–1820 гг. было отменено крепостное право (крестьяне были освобождены без земли) и окончательно оформилось право частной собственности на землю, в белорусских и украинских губерниях, где практически не существовало передельных общин и преобладало подворное землевладение, а также в Закавказье, где основная масса земель была в частной собственности дворян, общинное землевладение было отменено еще в 1870 г., а с 1912 г. активно развивается крестьянская частная собственность на землю. В то же время в остальных регионах Российской империи даже через семь лет после на-

¹ Положение об управлении Туркестанского края. Издание 1892 года. Свод законов Российской империи. Том второй. URL: <https://hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>

² ПСЗРИ. Соб. 2. Т. XXII. Отд. 1. № 21825.

³ ПСЗРИ. Соб. 2. Т. XLV. Отд. 1. № 48357.

⁴ ПСЗРИ. Соб. 3. Т. III. Отд. 1. № 1429.

⁵ ПСЗРИ. Соб. 3. Т. XX. Отд. 1. № 18509.

⁶ Россия, 1913 г.: Статистико-документальный справочник. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995. 415 с. URL: <https://istmat.org/node/166>

чала реформы Столыпина преобладали наделные земли, регулируемые общинным правом.

Коммерциализация аграрного сектора. Помимо отсутствия четких прав у крестьян на землю, рост эффективности в аграрном секторе тормозился его низкой коммерциализацией. Ван Занден среди важнейших критериев коммерциализации выделяет уровень урбанизации¹, поскольку при низкой коммерциализации хозяйств аграрного сектора невозможно прокормить растущее население городов.

Таблица 2.11

**Соотношение городского и сельского населения в регионах России
и некоторых крупнейших странах мира (1908–1914 гг.)**

Страны	Городское население, в %	Сельское население, в %
Россия в целом	15,0	85,0
Европейская Россия	14,4	85,6
Польша	24,7	75,3
Кавказ	14,5	85,5
Сибирь	11,9	88,1
Средняя Азия	14,5	85,5
Дальний Восток	24,0	76,0
Финляндия	15,5	84,5
Англия и Уэльс	78,0	22,0
Норвегия	77,0	28,0
Германия	56,1	43,9
США	41,5	58,5
Франция	41,2	58,8
Дания	38,2	61,8
Голландия	36,9	63,1
Италия	26,4	73,6
Швеция	22,1	77,9
Венгрия	18,8	81,2

Источник: Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. Отд. I. С. 61.

¹ van Zanden J. L. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914 // The Economic History Review. 1991. Vol. XLIV, No. 2. P. 225.

Из табл. 2.11 видно, что те страны, где уже закончился аграрный переворот, имели высокий уровень урбанизации, за исключением Дании и Швеции, где рынком сбыта для быстро растущего аграрного сектора была Англия. Что касается России, то видно, что все регионы Российской империи были в тот период глубоко аграрными.

Если посмотреть детальнее по отдельным регионам, то следует отметить, что доля городского населения была выше среднего в Санкт-Петербургской (городское население — 67%), Эстляндской (городское население — 55%), Московской (городское население — 47%), Курляндской (городское население — 23%) губерниях. Среди других регионов уровень урбанизации выше среднего был только на Дальнем Востоке (городское население — 24%).

Кроме урбанизации, степень коммерциализации в аграрном секторе можно оценить по уровню организации торговли. Очень подробно данный вопрос именно в региональном разрезе был рассмотрен в работе П. И. Ляшенко, где он классифицирует регионы по уровню организации торговли. Ляшенко выделяет 14 районов и показывает, что в зависимости от географических и климатических факторов, наличия морских или речных портов и железных дорог эти районы сильно различаются по организации хлебной торговли: от наиболее примитивной базарно-станционной торговли с большим количеством мелких посредников и слабо развитым финансовым рынком в губерниях Малороссийского и Центрально-земледельческого районов до более развитой комиссионной торговли с использованием кредитных операций в губерниях Южного и Прибалтийского районов¹.

Описывая организацию торговли в различных губерниях, Ляшенко не делает каких-либо выводов относительно этапов развития, на котором та или иная губерния находится, поскольку главной целью его работы было выяснить факторы, влияющие на хлебные цены. Тем не менее из его исследования видно, что районы с более развитой организацией торговли не всегда являются районами с более высоким уровнем урбанизации и со сложившейся крестьянской частной собственностью на землю: все три фактора — уровень урбанизации выше среднего, развитая торговля и отсутствие общинного землевладения — совпадают только в Прибалтийских губерниях.

Характерно, что Ковальченко и Бородкиным также выделяются именно эти губернии как весьма продвинутые по результатам кластеризации ре-

¹ Ляшенко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912.

гионов Российской империи по социально-экономическим характеристикам. Они одни из первых в России использовали количественные методы для кластеризации российских регионов не по одному, а сразу по нескольким критериям¹. В статье 1979 г. они выявили «общую и социальную аграрную типологию губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков». В следующей статье авторы попытались решить задачи более глубокого уровня: «...во-первых, выявление тех основных черт, которые внутренне присущи структуре этих районов, и, во-вторых, определение уровня сравнительного развития каждого из них как по тому или иному аспекту, так и в целом»². В результате использования факторного анализа на основании данных по 19 социально-экономическим показателям для каждой губернии европейской части Российской империи³ авторы получили следующую классификацию регионов по уровню развития аграрного сектора:

1 — высокий уровень развития: Южный степной район, Прибалтийский район, Юго-Восточный район, Северный район;

2 — средний уровень развития: Центрально-Западный район, Северо-Западный район, Приуральский район, Бессарабский район;

3 — низкий уровень развития: Центрально-Южно-Черноземный район, Центрально-черноземный район; Петербургский район; Западный район, Центрально-промышленный район, Московский район, Средневолжский район, Левобережный район, Юго-Западный район⁴. Причем в последних трех районах уровень аграрного развития, по мнению авторов, был не просто ниже среднего, а очень низким.

¹ Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1979. № 1. С. 59–95; Их же. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1981. № 1. С. 76–99.

² Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1981. № 1. С. 76.

³ Наемные с.-х. рабочие по отношению к местным работникам; земельный надел на душу (дес.); доля дворянской земли в удобной земле; отношение проданных частновладельческих земель к общей их площади; отношение арендованной крестьянами земли к наделенной земле; посев (дес.) на душу населения; сбор (пуд.) хлебов и картофеля на душу населения; урожайность зерновых (пуд. с дес.); наемные рабочие на дес. посева; лошади на дес. посева; продуктивный скот на дес. посева; лошади на душу населения; в общем числе дворов доля: дворов безлошадных и однолошадных; дворов с 4 и более лошадьми; продуктивный скот на душу населения; поденная плата с.-х. рабочим в уборку урожая (коп.); цена десятины земли (руб.); арендная плата за дес. пашни (руб.); осенние цены ржи (коп. пуд.).

⁴ Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1981. № 1. С. 93.

Кроме организации хлебной торговли, еще одной характеристикой коммерциализации является показатель развитости финансово-кредитной деятельности в регионах. Из табл. 2.12 видно, что только в Южном (Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская и Черниговская губернии) и Юго-Западном (Волынская, Киевская и Подольская губернии) районах более половины домохозяйств были участниками системы мелкого кредита. В остальных регионах России кредитование крестьянских хозяйств — обычный для рыночной экономики элемент хозяйственной деятельности, носящей сезонный характер, — было распространено слабо.

Интересно отметить, что даже в «продвинутой» Прибалтике показатели распространенности мелкого кредитования были относительно низкими. Это связано с тем, что после отмены там крепостного права в 1816–1820 гг. развитие аграрного сектора было преимущественно связано с крупными помещичьими хозяйствами, поскольку основная часть земли осталась у дворянства. В этом состоит важное отличие от других губерний Европейской России, где после реформы 1861 г. крестьянских земель было больше, чем оставшихся во владении дворянства. Крупные землевладельцы в Прибалтийских губерниях имели возможность кредитоваться в банках.

Таблица 2.12

**Размещение учреждений мелкого кредита и их участников
на 1 января 1914 г.**

Район ¹	Число учреждений /число участников (в тыс.)					Число хозяйств в районе, тыс.	На одно учреждение приходится хозяйств	Отношение числа участников к числу хозяйств, %
	кооперативы	сословные учреждения	земские кассы	союзы учреждений м/к	Итого			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Северный	1253	541	27	1	1922	2823	1480	34,6
	803,7	1736			977,3			
Промышленный	1483	440	56	1	1980	3284	1659	31,3
	848,4	178,9			1027,3			
Восточный	1167	416	7	1	1591	2391	1483	36,4
	748,6	1221			870,7			

Окончание табл. 2.12

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Центральный	1973	636	39	—	2648	4181	1580	42,6
	1479,0	304,4			1783,4			
Южный	1990	975	53	3	3021	3710	1230	57,3
	1476,7	647,5			2124,2			
Юго-Западный	863	590	16	1	1770	2173	1228	51,4
	590,8	525,8			1116,6			
Прибалтийский	286	13	—	—	225	508	1699	29,2
	1188	0,4			119,2			
Западный	708	731	5	—	1444	2239	1549	29,8
	4073	26,10			668,3			
Предкавказье	710	143	—	3	856	1575	1842	37,0
	476,5	106,1			582,6			
Закавказье	447	1	—	—	448	1226	2737	10,4
	128,0	Нет свед.			128,0			
Туркестан	401	—	—	—	401	1191	2970	7,7
	92,2				92,2			
Сибирь	931	209	—	—	1140	1666	1461	38,7
	540,2	105,4			645,6			

* Данные на 1 января 1913 г.

¹ Северный район: Архангельская, Вологодская, Вятская, Новгородская, Олонецкая, Пермская, Псковская и Петербургская губернии; Промышленный район: Владимирская, Казанская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Смоленская, Тверская и Ярославская губернии; Восточный район: Асмолинская, Астраханская, Оренбургская, Самарская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская и Уфимская губернии и области; Центральный район: Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская и Тульская губернии; Южный район: Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская и Черниговская губернии; Юго-Западный район: Волынская, Киевская и Подольская губернии; Прибалтийский район: Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии; Западный район: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская губернии; Предкавказье: Донская, Кубанская, Ставропольская и Терская области и губернии; Закавказье: Бакинская, Батумская, Дагестанская, Елисаветпольская, Карская, Кутаисская губернии, Сухумский округ, Тифлисская, Черноморская и Эриванская губернии; Туркестан: Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Ферганская области; Сибирь: Амурская область,

Енисейская губерния, Забайкальская область, Иркутская губерния, Приморская область, Тобольская, Томская губернии (районирование — составителей «Отчета»).

Источник: Отчет по мелкому кредиту за 1913 г. Ч. 1. Пг., 1916. С. 3—5.

Наконец, важными показателями степени коммерциализации региона также являются развитость торговой инфраструктуры и плотность торговых предприятий, измеряемая их числом на определенное количество жителей.

Таблица 2.13

Распределение торговых предприятий по районам России в 1912 г.

Губернии	Число торговых предприятий на 10 тыс. населения			
	магазины	лавки	ларьки	итого
Петербургская, Московская	30	65	16	111
Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Псковская	9	33	16	58
Виленская, Витебская, Грозненская, Ковенская, Минская, Могилевская	7	34	20	61
Прибалтийские	20	67	16	103
Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Смоленская, Тверская, Ярославская	9	35	17	61
Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тульская, Тамбовская	7	26	15	48
Вятская, Казанская, Оренбургская, Пермская, Самарская, Уфимская	8	29	16	53
Полтавская, Харьковская, Черниговская, Екатеринославская, Донская, Таврическая, Херсонская, Киевская, Волынская, Подольская	10	34	22	66
Кубанская, Ставропольская, Дагестанская	19	51	19	89
Закавказье	14	40	18	72
Средняя Азия	8	30	42	80
Сибирь	17	35	15	67

Источник: Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960. С. 92, 93.

Из табл. 2.13 видно, что наиболее коммерциализированными были губернии с самым высоким уровнем урбанизации — столичные Петербургская и Московская, а также прибалтийские. Наименьшим уровень коммерциализации был на Русском Севере и Северо-Западе (Архангельск, Вологда, Новгород, Олонец и Псков) и в губерниях черноземного и степного пояса.

Критерии интенсивности ведения хозяйства в аграрном секторе. Основными критериями перехода к интенсивному сельскому хозяйству являются переход от трехполья к плодосменному севообороту и увеличение доли животноводства в продукции сельского хозяйства. Данный подход разделяется и зарубежными, и отечественными исследователями, причем как дореволюционными, так и советскими¹.

Наиболее четко этапы интенсификации аграрного сектора изложены в исследованиях А. Н. Челинцева². В работе 1910 г. он выделяет этапы сельскохозяйственной эволюции и, не используя термины «аграрная революция» или «аграрный переворот», показывает механизм и критерии перехода сельского хозяйства от экстенсивного трехполья к интенсивной плодосменной системе земледелия. Особенно интересной в этой работе является попытка выявить в европейской части Российской империи регионы, соответствующие этим этапам сельскохозяйственной эволюции. Используя статистические данные по количеству земель под паром, количеству земель под техническими культурами, проценту травосеяния и уровню развития животноводства, А. Н. Челинцев показывает, насколько тот или иной регион близок или далек от перехода к интенсивным формам земледелия. Если А. А. Кауфман рассматривал регионы Российской империи как воплощение определенных стадий эволюции общины, то А. Н. Челинцев видит в них пространственное воплощение различных этапов аграрной эволюции³. В качестве главных причин пере-

¹ Крохалев Ф. С. О системах земледелия. М., 1960; Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазы аграрной эволюции. Саратов: Сотрудничество, 1909; Челинцев А. Н. Очерки по сельско-хозяйственной экономике. III. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. С. 132–133. СПб., 1910. URL: <http://elibr.cnsnshb.ru/books/free/0380/380774/8/#zoom=z> (дата обращения: 15.03.2024).

² Челинцев А. Н. Очерки по сельско-хозяйственной экономике. III. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. С. 132–133. СПб., 1910. URL: <http://elibr.cnsnshb.ru/books/free/0380/380774/8/#zoom=z> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Челинцев А. Н. Очерки по сельско-хозяйственной экономике. III. Сельско-хозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции,

хода к интенсивному хозяйству А. Н. Челинцев называет рост плотности населения и углубление специализации (разделения труда), связанное с ростом уровня урбанизации.

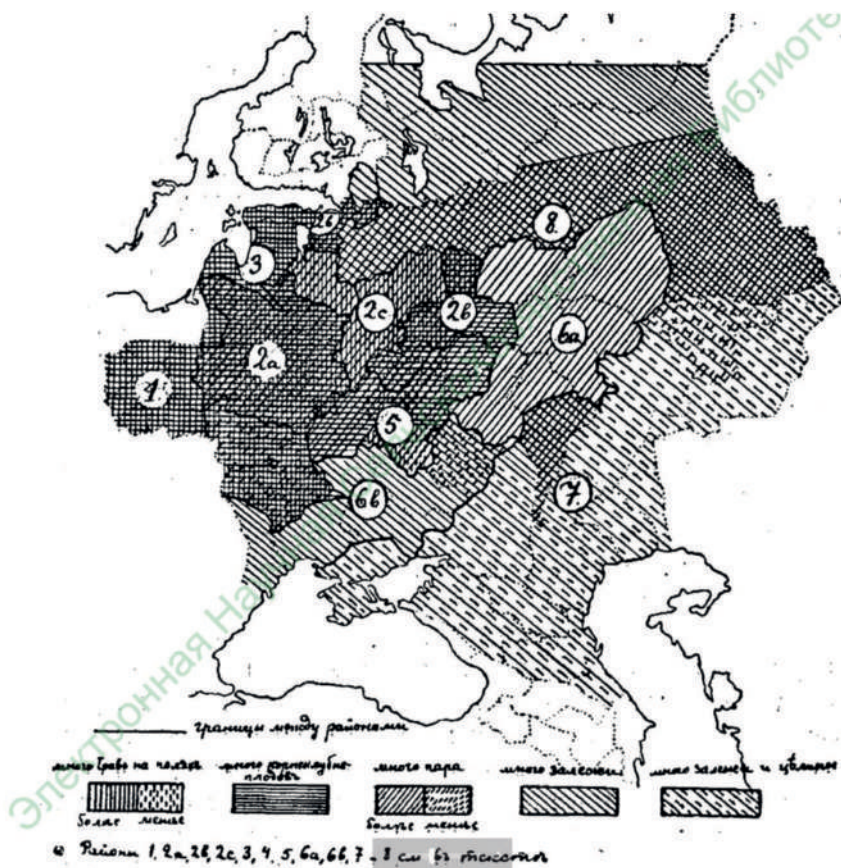
Наиболее развитыми считаются системы, основанные на плодосменном севообороте, с использованием травосеяния и развитым животноводством, соответственно, чем меньше травосеяния и больше земли под паром, тем менее интенсивной является система земледелия. В работе «Очерки сельскохозяйственной экономии...» А. Н. Челинцев рассматривает только европейскую часть Российской империи и выделяет следующие регионы, соответствующие определенным стадиям перехода к интенсивным системам от экстенсивных. Если не учитывать губернии Царства Польского, то наиболее развитыми регионами, где активно используются травосеяние, плодосменный севооборот вместо трехпольной системы и относительно развито животноводство, являются литовско-белорусские (западные) и прибалтийские губернии. Более развитыми по сравнению с другими Челинцев называет юго-западные губернии: Подольскую, Киевскую, север Бессарабской и юг Волынской губерний, которые он называет «плодосменно-паровыми», т.е. в этих губерниях используют обе системы севооборота, с преобладанием интенсивной плодосменной системы.

Губернии Центра России — столичные и окружающие две столицы — Челинцев относит к паротравопольным, т.е. в этих губерниях тоже используют обе системы севооборота, но преобладает экстенсивная трехпольная система.

Все остальные губернии с точки зрения систем хозяйствования находятся на еще более низких уровнях¹. Подробнее группировку А. Н. Челинцева по уровню продвинутости методов хозяйствования можно увидеть на карте 2.

и культурный уровень сельского хозяйства в них. С. 132–133. СПб., 1910. URL: <http://elbib.cnshb.ru/books/free/0380/380774/8/#zoom=z> (дата обращения: 15.03.2024); За-йончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.

¹ Челинцев А. Н. Очерки по сельско-хозяйственной экономии. III. Сельско-хозяйственные районы Европейской России, как стадии сельско-хозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. С. 132–133. URL: <http://elbib.cnshb.ru/books/free/0380/380774/8/#zoom=z> (дата обращения: 15.03.2024).

Карта 2. Районы: а) интенсивности земледелия и б) типов организации сельского хозяйства (районы как стадии эволюции сельского хозяйства)
Источник: Челинцев А. Н. Очерки по сельскохозяйственной экономике. III.

Сельскохозяйственные районы Европейской России,

как стадии сельскохозяйственной эволюции,

и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. С. 129.

URL: <http://elib.cnshe.ru/books/free/0380/380774/8/#zoom=z> (дата обращения: 15.03.2022).

К сожалению, столь подробных аналогичных исследований по неевропейской части Российской империи не проводилось, но из работы Н. П. Огановского, который так же, как и А. Н. Челинцев, пытался оценить уровень развитости аграрного сектора в различных регионах, видно, что степень интенсивности систем хозяйствования в неевропейских ре-

гионах была намного меньше, чем в губерниях Европейской России (табл. 2.14).

Таблица 2.14

На 100 десятин всего посева приходилось

	Зерновых культур		Корнеплодов (картофель, свекла)		Волокнистых и масличных (лен, конопля, подсолнух)		Бобовых		Кормовых трав	
	1901–1905 гг.	1913 г.	1901–1905 гг.	1913 г.	1901–1905 гг.	1913 г.	1903–1905 гг.	1913 г.	1901–1905 гг.	1913 г.
Нечерноземная полоса										
Западная (Белоруссия)	80,9	76,5	8,8	10,7	5,6	6,5	1,7	1,2	3,0	5,1
Центр	82,9	80,2	6,3	7,3	6,9	7,4	1,4	1,1	2,5	4,0
Северо-восток	93,3	93,3	1,5	1,3	3,7	3,5	1,4	1,2	0,1	0,7
Итого нечерноземная	86,3	84,4	5,1	5,8	5,5	5,6	1,5	1,2	1,6	3,0
Черноземная полоса										
Запад	87,8	85,8	7,0	8,1	2,0	1,6	2,0	2,5	1,2	2,0
Центр	90,6	88,5	4,0	4,5	2,5	3,9	2,5	2,5	0,4	0,6
Юго-восток	97,4	97,4	1,2	1,4	0,9	0,6	0,4	0,2	0,1	0,7
Итого черноземная полоса	92,5	91,4	3,6	4,0	1,8	2,2	1,6	1,7	0,5	0,4
Всего Европейская Россия	91,0	89,7	3,9	4,4	2,6	3,0	1,7	1,5	0,8	1,4
Азиатская Россия										
Северный Кавказ	95,0	93,1	1,8	1,1	2,6	4,8	0,1	0,0	0,5	1,0
Сибирь	94,5	95,3	1,9	1,8	2,7	1,9	0,5	0,4	0,4	0,6
Степной край	96,6	96,2	1,1	1,3	1,8	2,2	0,5	0,2	0,1	0,1
Итого Азиатская Россия	95,3	94,7	1,6	1,4	2,3	3,1	0,4	0,2	0,4	0,6

Источник: Огановский Н. П. Очерки экономической географии СССР. М.: Новая деревня, 1924. URL: <https://istmat.org/node/24224>

Для лучшего понимания цифр в табл. 2.14 следует привести аналогичные данные по странам, где аграрный переворот завершился (табл. 2.15).

Таблица 2.15

На 100 десятин посева

Государство	Зерновых хлебов и бобовых	Корнеплодов	Масличных и промышленных растений	Кормовых трав
Великобритания (1901–1905 гг.)	47,3	18,5	0,3	33,9
Германия (1900 г.)	68,5	19,6	0,8	11,1
Франция (1892 г.)	66,1	7,8	4,3	17,8
Соед. Штаты (1900 г.)	69,8	1,8	10,5	17,5

Источник: Огановский Н. П. Очерки экономической географии СССР. М.: Новая деревня, 1924. URL: <https://istmat.org/node/24224>

Из табл. 2.14 видно, что доля посевов зерновых культур в неевропейской части Российской империи практически не менялась, а в Сибири даже росла, что говорит о том, что переход к плодосменному севообороту в азиатской части России в тот период даже не начинался.

Несколько более подробные данные по выращиванию картофеля и технических культур (лен, конопля) подтверждают сделанный вывод.

Таким образом, среди всех регионов Российской империи только в прибалтийских губерниях полностью произошел переход от системы пара к плодосменному севообороту и было достаточно развитое животноводство, в остальных регионах переход либо находился на начальной стадии, либо вообще не начинался.

Основные показатели эффективности аграрного сектора. Как было отмечено выше, важным показателем завершенности аграрного переворота, используемым многими исследователями, является рост продукции сельского хозяйства в 2 и более раз. Если посмотреть на производство всей зерновой продукции по 50 губерниям европейской части, то видно, что с 1883 по 1914 г. рост составил 1,58 раза. Но летом 1914 г. началась война, поэтому более корректно сравнивать с последним предвоенным 1913 г., в котором производство зерновой продукции по сравнению с 1883 г. увеличилось в 2,06 раза. На первый взгляд критерий соблюден. Важно, однако, что часть этого роста была достигнута за счет роста посевных площадей, которые увеличились за тот же период в 1,25 раза, и, кроме того, иссле-

дователи отмечали, что 1913 г. был исключительно урожайным (33). Если взять 1912 г., то показатель составит 1,8 — близко, но все же несколько меньше принятого минимального порогового значения.

Таким образом, в отличие от стран Западной Европы в России рост продукции аграрного сектора во многом осуществлялся за счет увеличения посевных площадей (табл. 2.16) и роста эффективности аграрного сектора отдельных губерний, так как средний рост эффективности был достаточно низким¹.

Таблица 2.16

**Посевные площади в тыс. дес. в пределах СССР
(с кормовыми травами и свекловицей)**

Район	1901—1905 гг.	1913 г.	Изменение в % (+ или —)
Европейская Россия			
Нечерноземная полоса			
Западный (Белорусский)	3754	4002	+7
Центральный Приозерный	1840	1826	—1
Центральный промышленный	4263	4138	—3
Всего	6103	5984	—2
Северо-Восток, Северный	708	740	+5
Приуральский	5091	5557	+9
Всего	5799	6297	+9
Итого нечерноземной полосы	15 656	16 283	+4
Черноземная полоса			
Западный, Юго-западный район, Восточный			
Малороссия	10 459	11 072	+6
Центр. Центр.-земледельческий	10 760	11 106	+3
Средневолжский	9985	10 909	+9

¹ van Zanden J. L. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870—1914 // The Economic History Review. 1991. Vol. XLIV, No. 2.

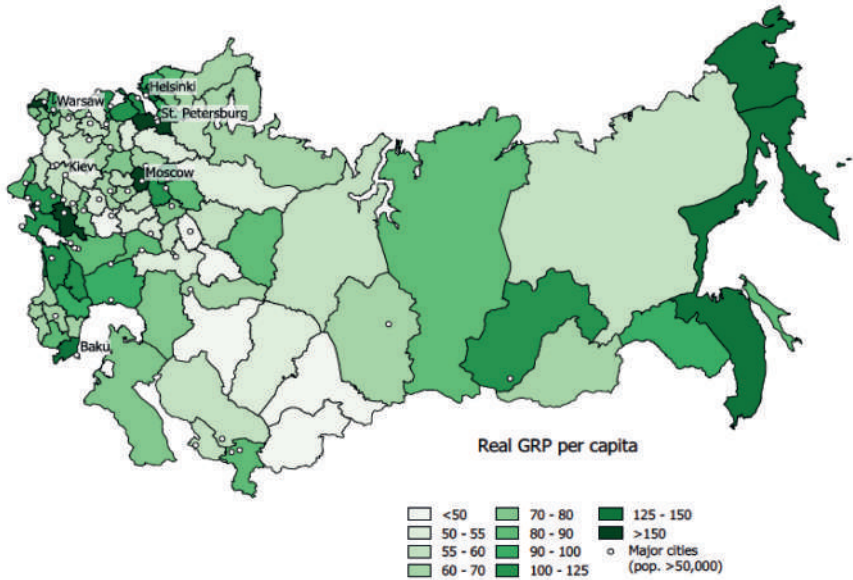
Окончание табл. 2.16

Район	1901–1905 гг.	1913 г.	Изменение в % (+ или –)
Всего Центральный	20 745	22 015	+6
Юго-Восток. Новороссийский	13 581	15 454	+14
Нижеволжский	4315	5284	+22
Всего Юго-Восток	17 898	20 738	+18
Итого черноземная полоса	49 100	53 825	+10
Всего Европейская Россия	64 756	70 083	+8
Азиатская Россия			
Северный Кавказ	4710	7194	+53
Сибирь	3413	6163	+80
Степной край	2870	4598	+60
Итого Азиатская Россия	10 993	17 955	+63

Источник: Огановский Н. П. Очерки экономической географии СССР. М.: Новая деревня, 1924. URL: <https://istmat.org/node/24224>

Одной из немногих работ, где исследовались показатели эффективности для всей территории Российской империи, является статья Маркевича 2019 г., в которой он рассматривает различные показатели социально-экономического развития для всех регионов Российской империи и пытается выявить факторы, которые способствовали экономическому росту.

Если посмотреть на все регионы Российской империи, то можно увидеть достаточно большую вариативность всех социально-экономических показателей. На картах 3–4 видно, что наиболее высокие показатели величины ВВП на человека и производительности труда как в промышленности, так и в аграрном секторе наблюдаются не только в центральных-промышленных регионах, что ожидаемо, но и в Дальневосточном регионе, что до исследования Маркевича было совершенно не очевидно.

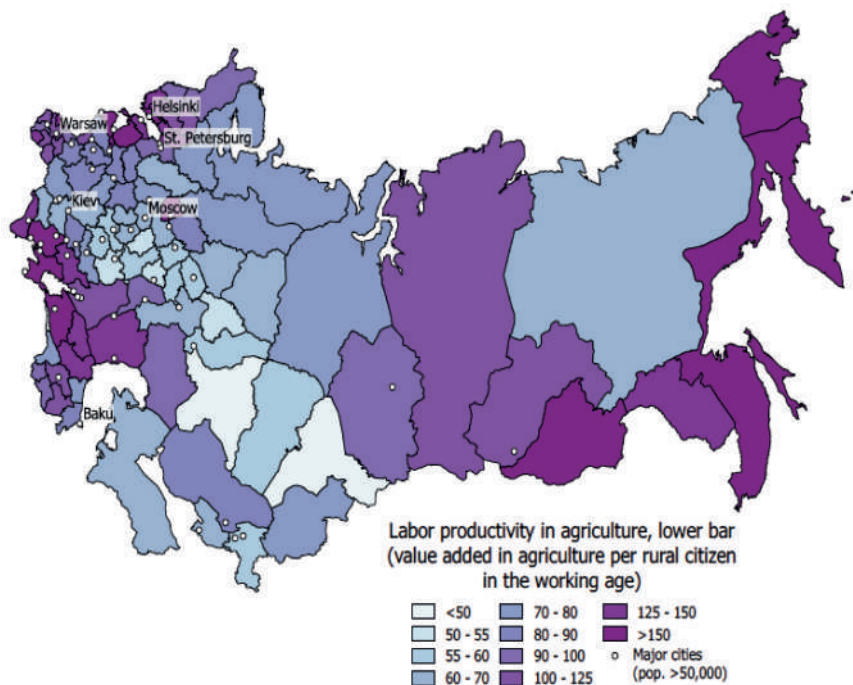
Карта 3. Реальный валовой региональный продукт на душу населения в губерниях Российской империи в 1897 г. (1897 руб.)

Источник: Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire. May 14, 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=2555273> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>

В результате своего исследования А. Маркевич приходит к выводу, что важнейшими факторами, способствующими развитию регионов, были доступ к международной морской торговле, наличие природных ресурсов и наследие крепостного права. При прочих равных условиях, отмечает он, если бы каждая губерния Российской империи (а не 23 из 99 губерний) имела морскую границу, производительность труда в среднем в 1897 г. была бы на 34,5% выше (а реальный доход на душу населения увеличился бы на 35,2%). Отсутствие минеральных ресурсов и горнодобывающего сектора привело бы к падению производительности труда на 8,3% (и снижению реального дохода на душу населения на 8%). В контрфактуальной модели России без крепостного права производительность труда в 1897 г. была бы на 8,9–27,2% выше, а реальный доход на душу населения — на 9,7–27,4% больше¹. Похожие результаты, касающиеся наследия

¹ Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire. May 14, 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=2555273> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>

крепостного права, были получены недавно российскими исследователями, которые показали наличие значимой зависимости между существованием на данной территории крепостного права и степенью развитости предпринимательства в настоящее время, т.е. 150 (!) лет спустя¹.

Карта 4. Производительность труда в сельском хозяйстве губерний Российской империи в 1897 г. (1897 руб.)

Источник: Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire. May 14, 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=2555273> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>

Работа Маркевича охватывает все регионы Российской империи, но дает картину рубежа XIX–XX вв., соответственно, встает вопрос о динамике показателей эффективности аграрного сектора. Временные ряды, по которым можно проследить динамику нужных показателей, имеются

¹ Земцов С. П., Царева Ю. В. Долгосрочное влияние экстрактивных и инклюзивных институтов на деловую активность в регионах России // Вопросы экономики. 2023. № 7. С. 115–141.

только по европейским губерниям, но, как видно из табл. 2.17, это более 78% от всех обрабатываемых земель Российской империи.

Таблица 2.17

**Площадь используемых земель в Российской империи
на 1913 г.**

Регион	Территория		Площадь обрабатываемых земель	Луга и пастбища, тыс. дес.	Леса, тыс. дес.
	тыс. кв. верст	тыс. десятин			
Европейская Россия (51 губерния)	4 250 574,8	442 782,1	78 808,1	22 198,2	142 060,9 ³
Кавказ	412 310,8	42 950,4	9075,1 ¹	1495,2 ²	4887,2 ³
Сибирь	10 996 345,5	1 145 489,4	7552,9 ¹	6392,3 ²	204 051,0 ³
Средняя Азия	3 110 623,7	324 033,7	5523,4 ¹	4243 ²	19 729,5
Итого	19 155 587,7	1 995 433,6			

¹ Показана учтенная площадь под важнейшими сельскохозяйственными культурами.

² Учтены только находившиеся в пользовании естественные сенокосы.

³ Площадь лесов по Европейской России показана по всем категориям владений; по Кавказу, Сибири и Средней Азии — площадь лесов, состоявших в ведении Лесного управления (по данным «Ежегодника Лесного департамента» за 1913 г.).

Источники: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 9-й. Пг., 1916. С. 2; То же. Год 10-й. Пг., 1917. С. 2.

На рис. 2.1 можно увидеть динамику изменения количества производимого зерна на человека в аграрном секторе — данный показатель можно использовать как прокси для показателя производительности труда в сельском хозяйстве.

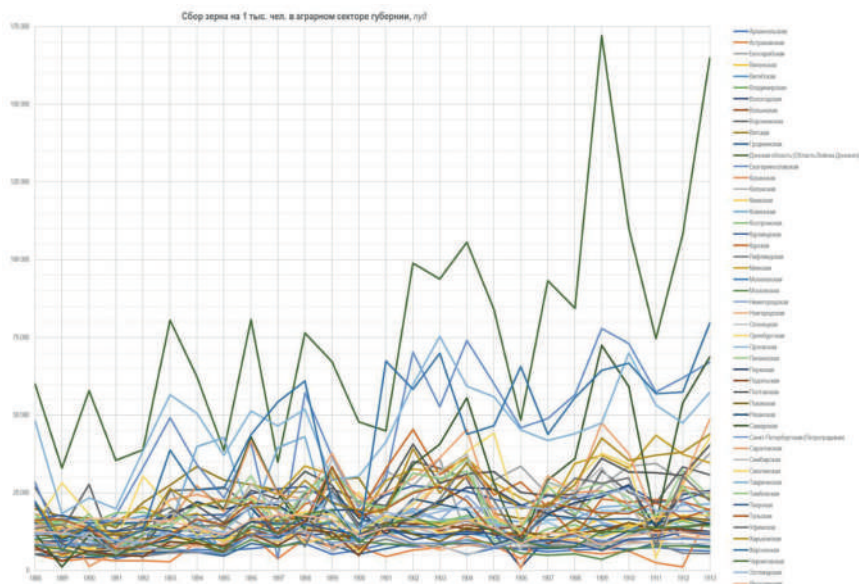

Рис. 2.1. Сбор зерна на 1 тыс. чел. в аграрном секторе губерний

Источник: Сорокин А. С., Розинская Н. А., Чаплыгина И. Г. База данных показателей посевных площадей и урожайности основных зерновых культур по губерниям Российской империи за период с 1881 по 1913 г.

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023623372 от 06.10.2023. Заявка № 2023623069 от 22.09.2023.

График построен автором.

Из рис. 2.1 видно, что с 1888 по 1913 г. в большинстве губерний наблюдался небольшой рост выпуска зерна на человека в аграрном секторе, что говорит об отсутствии качественных сдвигов в технологических и институциональных изменениях. Рост примерно в 2 раза был только в пяти регионах: в Донской области, Херсонской, Екатеринославской, Самарской и Саратовской губерниях. Рост выпуска зерна на человека в этих губерниях скорее всего связан с активной распашкой в причерноморских регионах, интенсивно осваивавшихся в XIX в., а также с расширением железнодорожного строительства, которое упрощало доступ к экспорту зерна и с тарифной политикой, с помощью которой государство стимулировало развитие зерноводства в удаленных от морских портов и промышленных центров районах.

Помимо производительности труда в сельском хозяйстве, важнейшим показателем эффективности аграрного сектора является производитель-

ность земли, т.е. урожайность. В странах, где к началу XX в. произошел аграрный переворот (Голландия, Англия, Бельгия, Германия, Швейцария), урожайность достигла уровней, более чем в 2 раза превышающих урожайность в других странах (табл. 2.18).

Таблица 2.18

**Урожайность хлебов в России и других странах в 1913 г.
(пудов с десятины)**

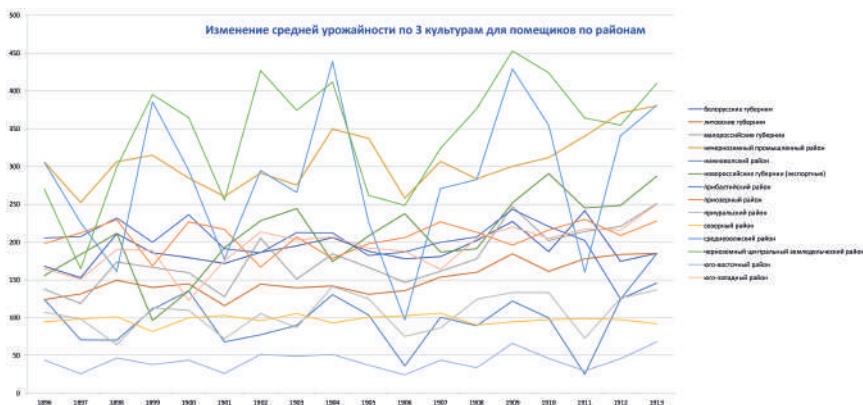
Страна	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель
Россия	55	56	62	63	491
Австрия	80	92	107	94	602
Венгрия	88	82	92	41	470
Великобритания	149	-	127	117	1086
Бельгия	168	147	180	171	1338
Болгария	80	75	81	60	-
Германия	157	127	148	146	1057
Голландия	160	122	168	148	1176
Испания	52	61	64	45	-
Румыния	44	70	71	68	641
Сербия	72	58	65	46	-
Франция	89	71	68	86	571
Швейцария	153	123	130	150	1038
Швеция	161	94	139	123	-
Канада	94	61	108	10?	750
США	68	68	85	70	408

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 117, 118.

В Российской империи урожайность оставалась достаточно низкой по сравнению с другими странами. Но еще более важным было то, что динамика урожайности в России не очень сильно менялась. Если посмотреть изменение урожайности по различным регионам за период 1896–1913 гг., то видно, что урожайность сильно колебалась, но восходящий тренд практически отсутствовал (рис. 2.2–2.4). Для лучшей визуализации рис. 2.2 и 2.3 даны не по губерниям, а по районам и отдельно для крестьянских и для помещичьих хозяйств. Были также построены графики для отдельных видов зерна, по отдельным губерниям, которые показали, что ни

[illegible]

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023623372 от 06.10.2023.
Заявка № 2023623069 от 22.09.2023. График построен автором.

Заявка № 2023623069 от 22.09.2023. График построен автором.

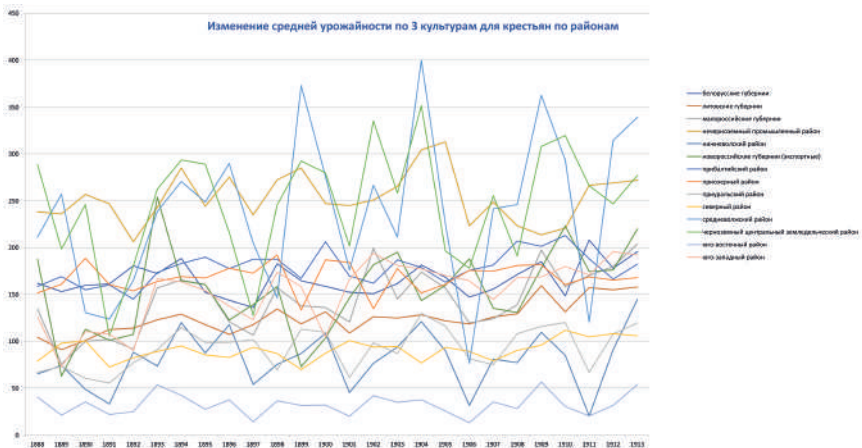

Рис. 2.4. Средняя урожайность для крестьян по трем зерновым культурам (рожь, пшеница, ячмень) за период 1896–1913 гг.

Источник: Сорокин А. С., Розинская Н. А., Чаплыгина И. Г. База данных показателей посевных площадей и урожайности основных зерновых культур по губерниям Российской империи за период с 1881 по 1913 г.

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023623372 от 06.10.2023. Заявка № 2023623069 от 22.09.2023. График построен автором.

Основным выводом из проведенного исследования является констатация того, что аграрный переворот в Российской империи (без Польши и Финляндии) в предреволюционный период не завершился. Оговорку можно сделать только применительно к двум прибалтийским губерниям — Эстляндской и Курляндской, где выполняются ряд основных критериев, которые в литературе рассматриваются как показатели завершенности аграрного переворота. При этом, однако, нужно учитывать, что урожайность даже в этих относительно развитых регионах оставалась по мировым меркам достаточно низкой, т.е. хотя аграрный переворот в этих регионах и находился в завершающей фазе, говорить о его завершенности в тот период, скорее всего, еще рано.

Довольно интересные выводы можно сделать при сравнении результатов региональных исследований, сделанных различными авторами. Если стадии развития общины по Кауфману не очень ложатся в распределение регионов по уровню развития А. Маркевича, то выделенные А. Н. Челинцевым регионы, соответствующие стадиям перехода к интенсивному хозяйству, достаточно хорошо соответствуют цифрам А. Маркевича.

При сравнении результатов А. Маркевича и результатов, полученных П. И. Лященко, можно увидеть, что районы с более развитой организа-

цией торговли совпадают с районами, где, согласно данным А. Маркевича, была относительно высокая производительность труда в аграрном секторе.

Если сопоставить карты из работ А. Н. Челинцева и А. Маркевича, то видно, что районы западных губерний по сравнению с восточными губерниями европейской части России более развиты по обоим видам классификации. В соответствии с исследованием А. Н. Челинцева в западных губерниях преобладают более интенсивные системы земледелия, и в соответствии с выводами А. Маркевича в этих же регионах выше производительность труда в аграрном секторе. Однако выводы А. Маркевича не подтверждают выводы А. Н. Челинцева по ряду южных губерний. С точки зрения классификации А. Н. Челинцева в Таврической, Донской, Кубанской, Ставропольской, Терской и Астраханской губерниях преобладают экстенсивные формы хозяйствования, но из работы А. Маркевича следует, что в этих регионах производительность труда в сельском хозяйстве была одной из самых высоких.

Любопытный вывод можно сделать при анализе графиков производства зерна на человека в аграрном секторе. Более чем двукратный рост наблюдается в пяти губерниях, «не замеченных» в особой продвинутой по остальным критериям. Возможно, объяснением здесь может служить отмеченный П. И. Лященко и А. Маркевичем фактор влияния железнодорожного строительства и связанного с этим расширения доступа к портовой (экспортной) инфраструктуре, политикой государства в области железнодорожных тарифов и значительными возможностями по расширению посевных площадей.

Если сравнить результаты исследований А. Маркевича и других авторов, то получаются очень интересные выводы, касающиеся влияния общинной формы хозяйствования на продуктивность аграрного сектора. Реконструированные А. Маркевичем данные по реальному подушевому ВВП и производительности труда в сельском хозяйстве показывают, что регионы, где в соответствии с выводами А. А. Кауфмана община либо зарождалась, либо была в стадии расцвета, — Енисейская, Иркутская и Томская губернии — по своему уровню производительности труда были выше среднего уровня по Российской империи. Эти результаты противоречат общепринятой точке зрения о тормозящей роли общины и требуют дополнительных исследований.

С методологической точки зрения данные выводы означают необходимость дальнейших исследований и, в частности, переноса фокуса анализа с макро- на микроуровень.

2.3. Микроанализ крестьянского хозяйства на примере регионов Российской империи

В данном параграфе приводятся результаты исследования на уровне отдельных домохозяйств и предлагаются результаты на уровне уездов. Делается попытка ответить на следующие вопросы. Каков был уровень модернизированности крестьянских хозяйств в исследуемый период? Какова была их встроенность в рыночные отношения? Для решения данной исследовательской проблемы представляется необходимым провести всесторонний анализ самых разных сторон жизнедеятельности крестьянского хозяйства. В данном параграфе рассматриваются лишь некоторые аспекты этой проблемы, в частности исследуется, насколько отдельные домохозяйства были встроены в рыночные отношения накануне Первой мировой войны. Как они реагировали на институциональные изменения, с которыми они столкнулись в период после революции 1905 г.?

Для решения поставленной задачи мы проанализировали микроданные, полученные при составлении бюджетов крестьянских домохозяйств в пяти регионах в период после начала реализации столыпинской реформы и до начала Первой мировой войны.

В работе используются данные бюджетных обследований, чтобы понять:

- насколько крестьянские домохозяйства использовали рыночные институты для увеличения эффективности хозяйства и роста их благосостояния, а также попытаться определить уровень их модернизации;
- были ли серьезные различия по регионам; могла ли Россия модернизироваться вся или шла модернизация только отдельных регионов, мог ли развитый центр вытянуть отсталые регионы или развитие центра было бы возможным только в границах Европейской России.

2.3.1. Общие сведения по исследуемым регионам

В работе использовались бюджетные данные домохозяйств по пяти регионам Российской империи. Пять рассматриваемых регионов находились в различных географических поясах, различных климатических зонах и таким образом могли дать представление о хозяйстве самых разных регионов Российской империи.

Однако, несмотря на существенные географические и климатические различия, имелось достаточное количество общих черт хозяйствования.

Прежде всего это низкий уровень урбанизации регионов, высокий уровень общинных земель (более половины земель оставались общинными) и низкая грамотность населения (табл. 2.19).

Таблица 2.19

Сравнительные характеристики по исследуемым регионам

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Тургайская область	Уральская область ¹	Сыр-Даринская область	Амурская область
Площадь в кв. верстах (1 верста = 1,07 км)	104 163,4	43 491	418 138	284 412	458 793	394 969,6
Общая численность населения	1 356 702	1 750 600	453 416 (1987) 712 615 (1910)	645 429 (1897) 804 245 (1910)	1 796 655 (1909)	286 263 (1910)
Доля грамотных, % ²	23	15,6 (1910)	4,5% (1897) (7,5 среди мужчин, 1,2 среди женщин)	12,4 ³ (1897)	Все население — 5 Русские переселенцы — 26 (1897)	54,5% ⁴
Плотность населения, чел. /версту	13	40,3	1,7	2,8	4,0	0,8
Доля сельского населения, %	91	92	95,7	91	84,7	76
Население мужского пола	651 901	48%	37 667 351,5% (1911)	422 813 52,3% (1910)	970 237 (1909) 54%	172 240 (1910)

¹ Уральская и Тургайская области входили в Степное генерал-губернаторство.

² Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки (табл. 242). URL: <https://istmat.org/node/86>

³ Кесслер Х., Маркевич А. Электронный архив Российской исторической статистики, XVIII–XXI вв.: [сайт]. URL: <https://ristat.org>

⁴ История развития государственной статистики в Амурской области 1895–2015 / под ред. Г. А. Давыдовой. Благовещенск, 2015. С. 12.

Окончание табл. 2.19

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Тургайская область	Уральская область ¹	Сыр-Дарьинская область	Амурская область
Реальный валовой региональный продукт на душу населения в 1897 г., руб.	50–55	< 50	< 50	70–80	55–60	125–150
Валовая добавленная стоимость промышленности на душу населения в 1897 г., руб.	5–10	5–10	<5	<5	5–10	40–50
Производительность труда в сельском хозяйстве в 1897 г., руб.	55–60	55–60	<50	90–100	80–90	>150
Доля общинной земли, % ¹	83,6 (1916)	80,3 (1916)	96 (1910)	98 (1910)	94 (1909)	97 (1912)
Приблизительный % крепостных в октябре 1859 г. (от общей численности населения) ²	45,07 (418 855 чел.)	58,83 (442 455 чел.)	Не было крепостного права	Не было крепостного права	Не было крепостного права	Не было крепостного права

Источник:

Амурская область: Обзор Амурской области за 1910 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного губернатора Амурской области. Амурский областной статистический комитет, 1911. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/27248-za-1910-god-1911>;

Обзор Амурской области за 1912 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного губернатора Амурской области. Амурский областной статистический комитет, 1913. URL:

¹ Министерство земледелия (Комитет по землеустроительным делам), Краткий очерк за десятилетие 1906–1916. Пг., 1916. Аппендикс.

² Тройницкий А. Г. Крепостное население в России по 10-й народной переписи: статистическое исследование. СПб.: в тип. Карла Вульфа, 1861. С. 58.

<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/27250-za-1912-1913-god-1915#mode/inspect/page/35/zoom/8>;

Сыр-Дарьинская область: Обзор Сыр-Дарьинской области за 1909 г. Тип. при канцелярии Туркест. Ташкент, 1911. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/49839-za-1909-god-1911>;

Уральская область: Обзор Уральской области за 1910 г. Прилож. к Всеподдан. отчету воен. губернатора. Обзор Уральской обл. за 1910 г. Уральск, 1911;

Тургайская область: Обзор Тургайской области за 1910 г. Прилож. к Всеподдан. отчету воен. губернатора. Обзор Тургайской обл. за 1910 г. Оренбург, 1911;

Новгородская губерния: Обзор Новгородской губернии за 1911 г. Новгород. 1912; Статистический справочник по аграрному вопросу / под ред. Н. П. Огановского, А. В. Чаянова. Вып. 1. М.: Универсальная библиотека, 1917;

Симбирская губерния: Статистический обзор Симбирской губернии за 1911 г. Симбирск, 1912; Статистический справочник по аграрному вопросу / под ред. Н. П. Огановского, А. В. Чаянова. Вып. 1. М.: Универсальная библиотека, 1917; Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire. May 14, 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=2555273> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>

В литературе по социально-экономическому развитию Российской империи чаще всего использовались данные по губерниям только европейской части, крайне редко можно найти в работах статистику по неевропейской части Российской империи¹. В данной работе используются данные по двум европейским губерниям (Новгородская и Симбирская) и трем неевропейским регионам (Степной край, Средняя Азия и Дальний Восток). В Степном крае бюджетные обследования имели место в двух областях — Тургайской и Уральской, поэтому в табл. 2.19 показатели по этим областям даны отдельно.

Несмотря на то что исследуемые регионы находятся в совершенно различных географических, климатических и почвенных зонах, имеют различную плотность населения, в данных регионах наблюдались похожие институциональные условия, в частности низкий уровень урбанизации, общинная организация крестьянского хозяйства, высокая доля наделенных земель.

Из табл. 2.19 видно, что наиболее развитым среди исследуемых регионов является Амурская область, где выше уровень урбанизации, грамотности населения и при этом выше производительность труда в сельском хозяйстве. Спецификой Сыр-Дарьинской и Тургайской областей является наличие переселенцев из европейских регионов России и большое этническое разнообразие, при этом местное население занималось в основном скотоводством, в то время как русские переселенцы — земледелием.

¹ Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire. May 14, 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=2555273> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>

Две губернии европейской части России достаточно сильно различались между собой условиями для сельскохозяйственной деятельности. Симбирская губерния имела достаточно плодородные почвы и относилась к губерниям, вывозящим зерно, в то время как в Новгородской губернии почвы были бедные, губерния вынуждена была зерно завозить, и крестьяне в большинстве своем зарабатывали отходничеством.

Несмотря на серьезные различия, главными институтами, которые определяли крестьянское хозяйство, были община и наделенные земли. Доля частных крестьянских земель была низка не только в этих регионах, но и по всей России. Из 50 губерний Европейской России только в 11 доля земли, находившейся в частной собственности, превышала 50%. Причем в данной группе выделялась Таврическая губерния, где достаточно большая доля земли, находившейся в частной собственности, принадлежала крестьянам — более 30%. Второй по этому показателю шла Псковская губерния, где доля земли, находившейся в частной собственности у крестьян, была около 22%. Тогда как, например, в Санкт-Петербургской губернии, где доля частной собственности была примерно такой же — 54,8%, большая ее часть — 51,5% принадлежала дворянам, доля крестьянских земель в частнособственнических землях составляла около 10%. Это также касается таких губерний с высокой долей частнособственнических земель, как Смоленская, Херсонская, Екатеринославская, Могилевская, Витебская, а в таких губерниях, как Минская, Эстляндская и Лифляндская, доля крестьянских земель в частной собственности не превышала 3%¹.

Именно институциональные условия и определяли мотивацию крестьян, их желание активнее участвовать в рыночных отношениях, использовать новые технологии и новые способы севооборота.

2.3.2. Анализ уровня технологического развития крестьянских хозяйств

В странах, где аграрный переворот к концу XIX в. завершился, основными показателями начала процесса модернизации являлись увеличение травосеяния, использование удобрений, развитие животноводства, рост механизации и капиталовооруженность, поэтому было бы интересно посмотреть на эти показатели в исследуемых регионах (табл. 2.20).

¹ Rozinskaya N., Sorokin A., Artamonov D. Peasants' inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia // *Scandinavian Economic History Review*. 2021. No. 69 (3). P. 253–277.

Таблица 2.20

Характеристики технологического развития домохозяйств исследуемых регионов

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал-губерн-ва	Сыр-Дарьинская область	Амурская область
Травосеяние, в %	4,1	Нет данных	Нет данных	0,01	19 (под паром)
Использование удобрений на гектар	1,98	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Капиталовооруженность (среднее значение отношения стоимости инвентаря к рабочим силам семьи)	4,33	7,38	39,75	6,03	87,14
Механизация (средняя стоимость инвентаря)	14,86	59,69	226,26	34,97	309,45
Животноводство (среднее число единиц скота)	4,67	3,24	4,85	5,87	6,43

Источники:

1. Данные бюджетно-хозяйственного обследования 75 переселенческих хозяйств Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов. Оренбург, 1911.
2. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2. Т. 1, Ч. 2: Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. 1913.
3. Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области: данные бюджетного исследования / Гл. упр. землеустройства и земледелия, Переселенч. упр. Ташкент, 1910.
4. Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии / Оценоч.-стат. отд.-ние Новгор. губ. зем. управы. Новгород: Б. и., 1918.
5. Краткие бюджетные сведения по хуторскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Симбирск: Б. и., 1914.

Из табл. 2.20 видно, что основные показатели начала процесса модернизации демонстрируют крайне низкий уровень, при этом в сравнении с другими регионами самой развитой по данным показателям являлась Амурская область. Но даже в этой области, где уже использовалось травосеяние, количество скота на человека было низким. То есть нельзя говорить о таком важном показателе модернизации, как объединение животноводства и зерноводства. К сожалению, мало данных по использованию удобрений, но, судя по урожайности, удобрения использовались мало.

Далее для выявления факторов, влияющих на процесс производства, мы проанализировали производственную функцию. На первом этапе мы регрессировали логарифмированную функцию Кобба — Дугласа (табл. 2.21). Была оценена следующая производственная функция:

$$\ln(Y_i) = \beta_1 + \beta_2 \ln(K_i) + \beta_3 \ln(L_i) + \beta_4 \ln(S_i) + \varepsilon_i,$$

где Y_i — сбор основной зерновой культуры; K_i — посевная площадь; L_i — число работников; S_i — число рабочих лошадей.

Таблица 2.21

Результаты регрессии производственной функции

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал- губерн-ва	Сыр- Дарьинская область	Амурская область
Intercept	3,07***	4,71***	3,45***	3,85***	2,64***
Log (посевная площадь)	0,66**	0,46***	0,83***	0,90***	0,65***
Log (число работников)	0,20	0,14	−0,07	−0,02	0,18
Log (число лошадей)	0,36*	0,41***	0,22	−0,17	0,41*
R^2	0,51	0,44	0,81	0,68	0,57

Из табл. 2.21 видно, что главным фактором, значимо влияющим на выпуск, является количество земли, на втором месте — количество лошадей, количество работников оказалось незначимым. Если сравнить с данными по Европе, приведенными ван Занденом, то главное отличие связано с фактором рабочей силы, который, по европейским данным, имел наибольший вес: «В соответствии с результатами оценки производственной функции Кобба — Дугласа земля, труд и скот получили следую-

шие веса — 0,35, 0,50 и 0,15 соответственно; эти предварительные веса основаны на Bublot, La Production, p. 32-3, и ван Занден, Economische ontwikkeling, p. 125»¹.

Так как в предыдущей модели фактор «число работников» оказался незначимым, была оценена модель стохастической границы, которая в случае большой дисперсии внутри выборки дает более надежный результат.

Модель стохастической границы состоит в следующем. Наблюдаемое значение Y_i функции выпуска для i -го крестьянского хозяйства представляется как произведение потенциального выпуска Y_i^0 и коэффициента c_i , лежащего между 0 и 1.

$$Y_i = Y_i^0 \cdot c_i.$$

Коэффициент c_i называется технической эффективностью и интерпретируется как коэффициент использования имеющихся возможностей. Соответственно, в логарифмической форме к уравнению добавляется дополнительный член $u_i = \ln(c_i)$, принимающий лишь отрицательные значения.

$$\ln Y_i = \beta^0 + \beta^1 \ln(X_i^1) + \dots \beta^k \ln(X_i^k) + \varepsilon_i + u_i.$$

Этот дополнительный член u_i , так же как и ε_i , трактуется как случайная величина. Модель оценивается методом максимального правдоподобия, после чего находится оцененное значение \hat{u}_i , а затем и оцененное значение технической эффективности \hat{c}_i .

Важным является вопрос о том, постоянно ли \hat{u}_i или нет. Содержательно этот вопрос состоит в том, постоянен ли для разных индивидов коэффициент использования имеющихся возможностей. Приведем результаты оценивания (табл. 2.22).

Таблица 2.22

Результаты оценивания модели стохастической границы

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал- губернаторства	Сыр- Дарьинская область	Амурская область
Intercept	3,38***	3,93***	3,37***	4,02 ***	3,26***
Log (стоимость инвентаря)	0,23	0,33***	0,15***	−0,04	0,17

¹ van Zanden J. L. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914 // The Economic History Review. 1991. Vol. XLIV, No. 2. P. 219.

Окончание табл. 2.22

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал- губернаторства	Сыр- Дарьинская область	Амурская область
Log (посевная площадь)	0,59**	0,36***	0,80***	0,92***	0,72***
Log (число работников)	0,01	0,17***	-0,06	0,10	0,10
sigmaSq	0,36**	0,58***	0,34	0,39***	1,08***

*** 0,001; ** 0,01; * 0,05.

Видно, что дисперсия \hat{u}_i для всех моделей, кроме третьей, значимо отлична от нуля (параметр sigmaSq значим на 5%-ном уровне для всех моделей, кроме третьей). Таким образом, модель стохастической границы адекватнее обычной лог-линейной модели для всех случаев, кроме уездов Степного генерал-губернаторства. При этом в модели стохастической границы так же, как и в обычной лог-линейной модели, важнейшим фактором оказывается размер посевных площадей, фактор количества лошадей оказался незначимым, но на второе место вышел фактор стоимости инвентаря.

Модель демонстрирует, что технологически особых различий между регионами нет, и при этом технологии не сильно отличались от предыдущих веков. В данном аспекте выводы согласуются с выводами Г. Кларка, который доказал, что выработка на одного сельскохозяйственного рабочего в северных Соединенных Штатах и Великобритании в начале XIX в. была во много раз выше, чем в Восточной Европе, в частности в России. И эта разница, с его точки зрения, объяснялась не техническим прогрессом, а более высокой интенсивностью труда в Америке и Великобритании¹.

Гипотеза об инерционности крестьянских хозяйств проверялась на микро- и на макроуровне. Впервые гипотеза об инерционности крестьянских хозяйств была сформулирована А. В. Чаяновым и проверялась им на бюджетных данных Старобельского уезда. В этой работе также использовались бюджетные данные, но пяти другим регионам. На основе этих данных был проведен статистический и эконометрический анализ, который показал, что выпуск продукции зависел прежде всего от количества земли, т.е. технологический уровень крестьянских хозяйств во всех исследуемых регионах был настолько низкий, что увеличение капитала

¹ Clark G. Productivity Growth without Technical Change in European Agriculture before 1850 // Journal of Economic History. 1987. No. 47. P. 419–432.

(используемого инвентаря) не привело бы к увеличению выпуска. Этот результат подтверждает, что крестьяне, несмотря на развитие в России рыночных отношений, рост городов и соответственно повышение спроса на продовольствие, продолжали ориентироваться на удовлетворение собственных потребностей, а не на увеличение прибыли, как это и предполагал А. В. Чаянов.

2.3.3. Анализ товарности крестьянских хозяйств

Помимо технологических характеристик важным показателем модернизации аграрного сектора является степень его встроенности в рыночные отношения. Для того чтобы оценить этот уровень для крестьянских хозяйств исследуемых регионов, были посчитаны ряд показателей, характеризующих использование товарно-денежных отношений (табл. 2.23).

Таблица 2.23

Характеристики уровня товарности домохозяйств исследуемых регионов

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал-губернаторства	Сыр-Дарьинская область	Амурская область
Доля грамотных	0,41	0,53	0,41	0,06	0,38
Товарность	0,31	Нет данных	0,33	0,37	0,37
Доля заработков не от с.х.	0,47	0,042	0,38	0,07	0,43
Доля общинных земель	0,90	0,64	0,78	0,97	0,96
Доля наемного труда	Нет данных	0,14	Нет данных	0,09	0,36
Доля арендованной земли	0,34	0,69	0,33	0,04	0,03
Доля семей менее 6 человек	0,90	0,79	0,27	0	0,98

Источники:

1. Данные бюджетно-хозяйственного обследования 75 переселенческих хозяйств Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов. Оренбург, 1911.
2. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2. Т. 1, ч. 2: Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. 1913.
3. Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области: данные бюджетного исследования / Гл. упр. землеустройства и земледелия, Переселенч. упр. Ташкент, 1910.
4. Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии / Оценоч.-стат. отд.-ние Новгород. губ. зем. управы. Новгород: Б. и., 1918.

5. Краткие бюджетные сведения по хutorскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Симбирск: Б. и., 1914.

Таблица 2.23 показывает, что товарность во всех исследуемых регионах была равна примерно 31–37%, т.е. две трети производимого продукта крестьянские хозяйства потребляли сами и только треть продавали на рынке. Это подтверждает низкую встроенность исследуемых хозяйств в рыночные отношения. Доля заработков не от сельского хозяйства высока там, где менее плодородные почвы, т.е. рыночные отношения возникают только потому, что не хватает ресурсов от сельскохозяйственной деятельности. Низкий уровень грамотности и большая доля наделных земель указывают на то, что крестьянские хозяйства исследуемых регионов оставались в рамках традиционного общества.

Это подтверждает тезис А. А. Кауфмана о неравномерной эволюции общины в России.

2.3.4. Эффективность крестьянских хозяйств и влияющие на нее факторы

Главным результатом аграрного переворота является рост эффективности в сельском хозяйстве. В табл. 2.24 приведены основные показатели, характеризующие различные аспекты эффективности крестьянских хозяйств.

Таблица 2.24

Характеристики эффективности домохозяйств исследуемых регионов

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал-губернаторства	Средняя Азия	Амурская область
Производство продукции на человека (пудов ржи или пшеницы)	16,98	94,64	36,32	62,12	52,81
Урожайность (производство продукции на гектар)	65,57	22,30	26,45	44,78	17,09
Доходность хозяйств (доход/чел.)	180,91	116,78	83,88	141,07	263,32

Источники:

1. Данные бюджетно-хозяйственного обследования 75 переселенческих хозяйств Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов. Оренбург, 1911.

2. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2. Т. 1, ч. 2: Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. 1913.
3. Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области: данные бюджетного исследования / Гл. упр. землеустройства и земледелия, Переселенч. упр. Ташкент, 1910.
4. Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии / Оценоч.-стат. отд-ние Новгород. губ. зем. управы. Новгород: Б. и., 1918.
5. Краткие бюджетные сведения по хutorскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Симбирск: Б. и., 1914.

Существует несколько переменных, которые могут считаться показателями эффективности крестьянских хозяйств: техническая эффективность из модели стохастической границы, урожайность основной зерновой культуры (т.е. ржи или пшеницы), площадь посева на одного мужчину. Для выявления основных детерминант эффективности в качестве факторов, влияющих на выбранный показатель эффективности, брались переменные, во-первых, характеризующие оснащенность хозяйства (число работников, число лошадей, стоимость инвентаря, стоимость построек, нормированные на посевную площадь), во-вторых, характеризующие уровень модернизации хозяйства (товарность по доходам, доля грамотных в хозяйстве, доля арендованной земли), в-третьих, характеризующие размер хозяйства (сбор пшеницы/ржи, стоимость инвентаря без нормировки).

Результаты оценивания этих регрессий приведены в табл. 2.25. В моделях убирались незначимые переменные, пока это не начинало приводить к паталогическому поведению (значимая в более длинной модели переменная становится незначимой в более короткой).

В табл. 2.25, в которой описываются результаты оценивания модели и в качестве зависимой переменной бралась урожайность пшеницы, имеются прочерки. Прочерк означает, что соответствующая переменная была незначимой, она была удалена из модели и при этом остальные коэффициенты модели не вели себя паталогически.

Таблица 2.25

Результаты регрессионного анализа

Зависимая переменная — коэффициент эффективности
из модели стохастической границы

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал- губернаторства	Средняя Азия	Амурская область
Константа	0,50***	5,9e-01**	6,75e-01***	0,61***	4,59e-01***
Сбор пшеницы/ржи	0,01***	1,52e-02***	3,05e-04***	0,0003***	3,58e-04***
Стоимость инвентаря	-0,01***	-1,1e-04,	-2,94e-04**	-0,001***	-2,75e-04**

Зависимая переменная — площадь посева на одного мужчину

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал- губернаторства	Средняя Азия	Амурская область
Константа	0,05**	0,31	2,84***	1,92**	-7,21
Доля грамотных	-0,07	2,56**	-0,77	2,49**	15,58
Товарность по доходам	-0,14	5,35***	-0,05	-2,15	15,96*
Доля арендо- ванной земли	0,05*	0,02	0,04	-2,70	10,83

Зависимая переменная — урожайность ржи/пшеницы

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал- губернаторства	Средняя Азия	Амурская область
Константа	4,32	1,23	1,36	25,76	3,64
Товарность по доходам	3,66*	—	0,003,	29,28,	—
Стоимость нежилых построек	0,002	—	0,003	—	—
Количество лошадей	—	167,12***	—		15,28***

Окончание табл. 2.25

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал- губернаторства	Средняя Азия	Амурская область
Стоимость инвентаря	—	—	—	1,03**	—
Доля грамотных	—	—	0,36	20,05*	—
Работники	—	—	−0,17**	—	—
Доля арендованной земли	—	—	0,20	—	—

Проведенный анализ показывает, что помимо размера хозяйства (площадь обрабатываемой земли) и стоимости инвентаря на эффективность влияют такие факторы, как доля грамотных и товарность хозяйства. Интересно отметить, что только в Симбирской губернии значимым фактором оказалась переменная «количество лошадей». С учетом того, что для Симбирской губернии оказался незначим фактор стоимость инвентаря, можно сделать вывод, что в этом регионе меньше, чем в других, использовались машины, так как при использовании машин потребность в лошадях сокращалась.

2.3.5. Структура потребления домохозяйств

Одним из возможных объяснений того, что российские крестьяне так медленно переходили к рыночным отношениям, был тот факт, что в России в исследуемый период еще не произошла революция трудолюбия. Термин «революция трудолюбия» был введен де Врисом для объяснения роста коммерциализации аграрного сектора в Англии¹. Под революцией трудолюбия он понимал резкий рост интенсивности труда, вызванный желанием потреблять больше и более разнообразных товаров. Структура расходов крестьянских хозяйств в исследуемых регионах приведена в табл. 2.26.

¹ De Vries J. The Industrial Revolution and the Industrious Revolution // The Journal of Economic History. 1994. Vol. 54, No. 2. Papers Presented at the Fifty-Third Annual Meeting of the Economic History Association (Jun., 1994). P. 249–270.

Таблица 2.26

Структура потребления крестьянских домохозяйств (%)

	Новгородская губерния	Симбирская губерния	Уезды Степного генерал-губернаторства	Средняя Азия	Амурская область
Доля дохода на питание	41	15	38	66	35
Доля дохода на одежду	16	18	15	20	10
Доля дохода на дом. хозяйство	31	48	45	3	8
Доля дохода на духовные потребности	7	0.4	Нет данных	0.9	Нет данных

Источники:

1. Данные бюджетно-хозяйственного обследования 75 переселенческих хозяйств Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов. Оренбург, 1911.
2. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2. Т. 1, ч. 2: Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. 1913.
3. Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области: данные бюджетного исследования / Гл. упр. землеустройства и земледелия, Переселенч. упр. Ташкент, 1910.
4. Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии / Оценоч.-стат. отд.-ние Новгород. губ. зем. управы. Новгород: Б. и., 1918.
5. Краткие бюджетные сведения по хutorскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Симбирск: Б. и., 1914.

Из табл. 2.26 видно, что в России уже в начале XX в. основная доля дохода тратилась на хозяйственные нужды и на питание. В то время как в Англии в конце XIX в. примерно только 30% дохода домохозяйств уходило на приобретение продовольственных товаров, остальное тратилось на предметы домашнего обихода, одежду, посуду, мебель, книги и т.д.¹ Исследования по отдельным регионам Российской империи показывают, что близость к большим городам и в России формировала у домохозяйств рост потребностей в различных товарах. Так, например, в работах по Центральному промышленному району отмечается рост расходов на всевоз-

¹ Де Фрис Я. Революция трудолюбия; потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 155.

можные предметы повседневного обихода и предметы роскоши. В работе отмечается, что «формирующаяся “потребительская культура” была очевидна в сельской местности, особенно в таких районах, как Юрьев и Ростов, где было значительное количество мигрирующей рабочей силы в Москву и Петербург. По данным сельских рабоче-крестьянских бюджетов Владимира, Ярославля и остальной Европейской России, хлеб и другие продукты питания составляли 40–70% расходов домашнего хозяйства, а одежда — еще 5–15%. Еще 10–20% шли на расходы на скот, а 15–40% приходилось на жилье, предметы не первой необходимости и предметы роскоши»¹. Эти цифры показывают, что даже в регионах, близких к столичным городам, продовольственные товары составляют большую часть бюджета. Кроме того, из данных видно, насколько скудными были статьи крестьянского бюджета, выделяемые на образование и духовные потребности, что неудивительно при столь низкой грамотности населения.

Крестьянские хозяйства исследуемых регионов, как и большинство хозяйств России того периода, продолжали производить продукцию на рынок в очень ограниченных количествах, несмотря на то что ассортимент продовольственных товаров к началу XX в. сильно расширился. Как отмечал де Врис, у хозяйств было два основных пути, как увеличить свои денежные доходы через встраивание в рыночные отношения: либо путем специализации, либо путем протопромышленного производства². Если посмотреть на приведенные выше показатели, можно увидеть, что хозяйства Симбирской губернии имеют тенденцию идти по первому пути, специализируясь на производстве зерна, в то время как в Новгородской губернии и Амурской области прослеживалась тенденция двигаться в направлении протопромышленного производства. «Однако этим будущим преимуществам, на которые домохозяйство пока только рассчитывало, были противопоставлены высокие текущие “операционные” издержки, ...людей, привыкших чередовать работу и отдых в зависимости от продолжительности светлого времени дня, ритма сезонных работ и следующих друг за другом периодов интенсивного труда и праздности, необходимо было приучить к дисциплине систематического труда»³.

¹ Dennison T., Nafziger S. Micro-Perspectives on Living Standards in Nineteenth-Century Russia Steven June 2011. P. 8. Research Papers in Economics. URL: https://core.ac.uk/display/6575338?utm_source=pdf&utm_medium=banner&utm_campaign=pdf-decoration-v1

² Де Фрис Я. Революция трудолюбия; потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 126.

³ Там же. С. 189.

2.3.6. Дифференциация домохозяйств

Трансформация сельского хозяйства, аграрный переворот — это процессы, как уже неоднократно отмечалось, связанные с развитием рыночных отношений. Рыночные отношения, как показал опыт европейских стран, закономерным образом вели к росту дифференциации — имущественной, переходившей постепенно в социальную. В табл. 2.27 приведены основные показатели, характеризующие неравенство среди крестьянских хозяйств в исследуемых регионах: индекс Джини по основным ресурсам (земля, стоимость лошадей, стоимость построек, стоимость инвентаря и доход) и разбиение на кластеры.

Таблица 2.27

Индексы Джини

Амурская область					
	Земля	Стоимость лошадей	Стоимость построек	Стоимость инвентаря	Доход
Казаки	0,25	0,24	0,41	0,39	0,21
Старожилы	0,34	0,33	0,43	0,51	0,25
Переселенцы	0,36	0,25	0,48	0,45	0,33
ПО ВСЕМ	0,36	0,34	0,47	0,60	0,30
Средняя Азия					
	Земля	Стоимость лошадей	Стоимость построек	Стоимость инвентаря	Доход
Старожилы	0,25	0,38	0,45	0,24	0,25
Русские переселенцы	0,33	0,31	0,42	0,40	0,28
ПО ВСЕМ	0,29	0,37	0,50	0,73	0,37
Уезды Степного генерал-губернаторства					
Уезд	Земля	Стоимость лошадей	Стоимость инвентаря	Доход	
Актюбинский	0,30	0,36	0,49	0,36	
Старожилы	0,47	0,43	0,51	0,48	
Уральский	0,36	0,28	0,45	0,40	
ПО ВСЕМ	0,43	0,41	0,52	0,44	

Окончание табл. 2.27

Новгородская губерния					
Уезд	Земля	Число лошадей	Стоимость построек	Стоимость инвентаря	Доход
Белозерский	0,00	0,20	0,32	0,26	0,30
Кирилловский	0,24	0,00	0,00	0,34	0,37
Тихвинский	0,42	0,20	0,10	0,33	0,32
Устюжский	0,00	0,23	0,07	0,24	0,16
Череповецкий	0,36	0,00	0,00	0,31	0,36
ПО ВСЕМ	0,35	0,18	0,13	0,33	0,31
Симбирская губерния					
Кто	Земля	Стоимость лошадей	Стоимость построек	Стоимость инвентаря	Доход
Общинники	0,34	0,40	0,35	0,40	0,36
Хуторяне	0,24	0,28	0,27	0,41	0,31
ПО ВСЕМ	0,31	0,36	0,34	0,41	0,34
Уезд	Земля	Стоимость лошадей	Стоимость построек	Стоимость инвентаря	
Алатырский	0,27	0,33	0,41	0,39	
Ардатовский	0,29	0,29	0,26	0,39	
Буинский	0,31	0,27	0,33	0,43	
Карсунский	0,34	0,39	0,47	0,41	
Курмышский	0,31	0,46	0,29	0,41	
Сенгилеевски	0,31	0,35	0,27	0,36	
Симбирский	0,32	0,50	0,28	0,43	
Сызранский	0,24	0,25	0,27	0,42	
ПО ВСЕМ	0,32	0,36	0,34	0,41	

Источники:

1. Данные бюджетно-хозяйственного обследования 75 переселенческих хозяйств Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов. Оренбург, 1911.

2. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2. Т. 1, ч. 2: Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. 1913.

3. Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области: данные бюджетного исследования / Гл. упр. землеустройства и земледелия, Переселенч. упр. Ташкент, 1910.

4. Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии / Оценоч.-стат. отд.-ние Новгород. губ. зем. управы. Новгород: Б. и., 1918.

5. Краткие бюджетные сведения по хуторскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Симбирск: Б. и., 1914.

Индексы Джини по различным ресурсам показывают достаточно высокую степень неравенства. Особенно большая дифференциация наблюдается в распределении инвентаря, построек и лошадей, т.е. капитальных ресурсов. Что касается различий по регионам, то здесь явно выделяются районы Степного генерал-губернаторства, где неравенство среди крестьян оказалось самым высоким, также довольно сильная дифференциация наблюдается в Симбирской губернии.

Кластеризация по основным показателям. Помимо индексов Джини, интересно посмотреть, на сколько групп крестьянство можно разделить по доходу, чтобы понять, шла ли пролетаризация деревни. Тенденция расслоения на два класса говорит о том, что сообщество разбивается на тех, кто успешно вошел в рыночные отношения и ведет фермерское хозяйство, и тех, кто постепенно обезземеливается и вынужден в качестве наемной силы работать на более успешных. То есть разбиение на два класса показывает относительную развитость рыночных отношений.

На рис. 2.1–2.5 приводятся меры силуэта, характеризующие качество кластеризации. Строится эта мера следующим образом. Пусть имеются объекты, разбитые на кластеры. Обозначим как $a(i)$ среднее расстояние от объекта i до объектов, лежащих в том же кластере, что и i . Также пусть $b(i)$ — минимальное расстояние от объекта i до объектов, лежащих в других кластерах. Тогда мера $s(i)$ для объекта i определяется так:

$$s(i) = \frac{b(i) - a(i)}{\max(a(i), b(i))}.$$

Далее берем среднее значение мер $s(i)$ по всем объектам кластера и максимум средних по кластерам. Получившееся значение и есть мера силуэта для кластеризации.

Оптимальным числом кластеров является то значение k , при котором значение этого критерия максимально.

Для каждой области приведены рис. 2.5–2.9, показывающие зависимости меры силуэта от числа кластеров k , и отмечается число кластеров, при котором это значение максимально (правый график).

Также приводится график плотности распределения дохода (рис. 2.5). Данный график строился как сглаженная гистограмма дохода крестьянских хозяйств, нормированная так, что площадь под графиком равна 1 (левый график). Тот факт, что имеется естественное разбиение крестьянских хозяйств на несколько кластеров, проявляется в том, что данный график имеет несколько локальных максимумов (или участки, где меняется скорость убывания этой кривой).

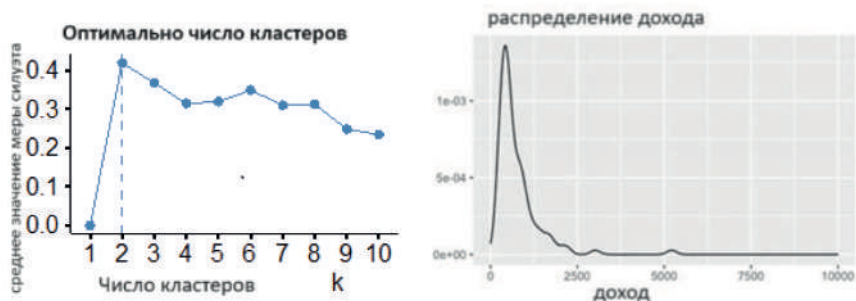

Рис. 2.5. Амурская область

Левый график демонстрирует, что оптимальным является разбиение на два кластера. На правом можно видеть максимум распределения годового дохода при его значении примерно 1800 руб. При этом можно видеть еще один ярко выраженный локальный максимум в районе значений 5000 (и далее еще один, менее выраженный локальный в районе значений примерно 6100 руб.). Это свидетельствует о том, что имеется основная группа хозяйств с годовым доходом примерно 1800 руб. и отделенная от нее группа хозяйств с годовым доходом примерно 5000 руб.

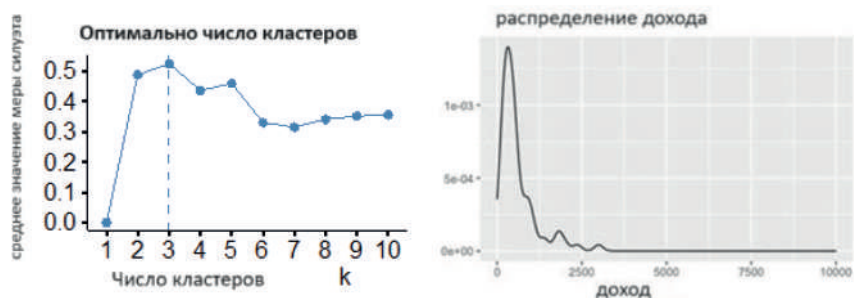

Рис. 2.6. Средняя Азия

На рис. 2.6 левый график показывает, что оптимальным является разбиение на три кластера. На правом графике видно три выраженных локальных максимума плотности распределения годового дохода: в районе значений примерно 500, 3300, 5500 руб. Это соответствует естественному выделению трех групп крестьянских хозяйств.

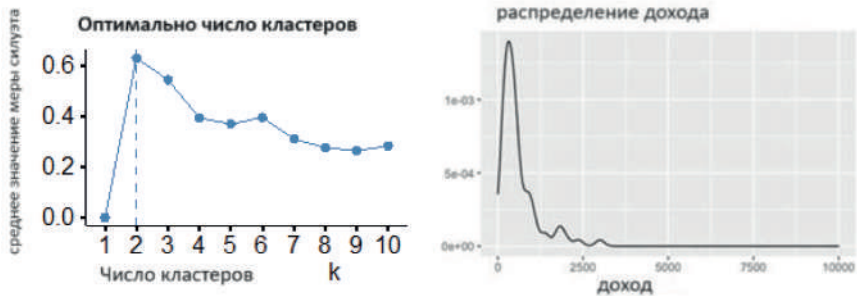

Рис. 2.7. Уезды Степного генерал-губернаторства (Уральские регионы)

На рис. 2.7 левый график показывает, что оптимальным является разбиение на два кластера. На правом графике виден локальный максимум в районе значений годового дохода примерно 600 руб. и еще один ярко выраженный максимум в районе примерно 2000 руб. (имеются также менее ярко выраженные максимумы).

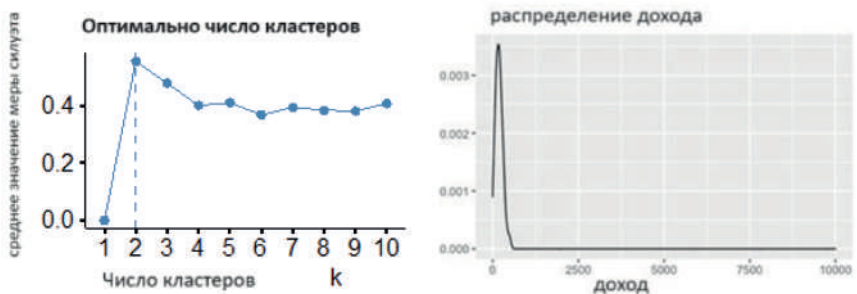

Рис. 2.8. Новгородская губерния

На рис. 2.8 левый график показывает, что оптимальным является разбиение на два кластера. На правом графике этот вывод не имеет подтверждения.

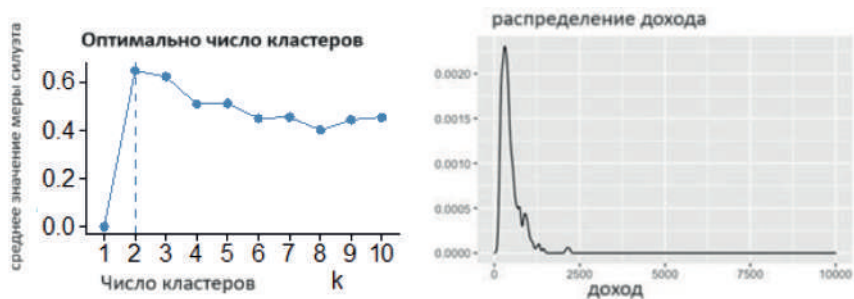

Рис. 2.9. Симбирская губерния

На рис. 2.9 на правом графике показано, что оптимальным является разбиение на два кластера (впрочем, значение меры силуэта при разбиении на три кластера примерно такое же). На правом графике видно несколько локальных максимумов, но выделить из них два наиболее ярко выраженных не получается. Однако выделить три наиболее ярко выраженных уже можно — это значения примерно 500, 1000, 2000 руб. Так что при разбиении на три группы получаются более согласованные результаты.

Источники:

1. Данные бюджетно-хозяйственного обследования 75 переселенческих хозяйств Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов. Оренбург, 1911.
2. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2. Т. 1, ч. 2: Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. 1913.
3. Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области: данные бюджетного исследования / Гл. упр. землеустройства и земледелия, Переселенч. упр. Ташкент, 1910.
4. Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии / Оценоч.-стат. отд-ние Новгород. губ. зем. управы. Новгород: Б. и., 1918.
5. Краткие бюджетные сведения по хуторскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Симбирск: Б. и., 1914.

Из рис. 2.5–2.9 видно, что только в среднеазиатских регионах и Новгородской губернии крестьяне разбиваются на три группы: бедные, средняки и богатые. В других регионах можно выделить более трех групп, что отчасти подтверждает гипотезу Чаянова о сложной структуре крестьянского общества, но опровергает его гипотезу о наличии шести групп в крестьянстве.

Системный анализ крестьянских бюджетов и особенностей их формирования позволяет сделать качественные и количественные выводы об экономическом положении главной производственной единицы аграр-

ного сектора, оценить степень развития рыночных отношений в сельском хозяйстве в начале XX в.

Анализ производственной функции показал, что главным фактором, значимо влияющим на выпуск, является количество земли, на втором месте количество лошадей, количество работников оказалось незначимым. При этом из модели стохастической границы следует, что технологически особых различий между регионами нет и при этом технологии не сильно отличались от предыдущих веков.

Исследование крестьянских хозяйств на предмет встроенности их в рыночные отношения продемонстрировало, что товарность во всех исследуемых регионах была примерно 31–37%, т.е. две трети производимого продукта крестьянские хозяйства потребляли сами и только треть продавали на рынке. Это подтверждает низкую встроенность хозяйств в рыночные отношения. Доля заработков не от сельского хозяйства высока там, где менее плодородные почвы, т.е. рыночные отношения возникают только потому, что не хватает ресурсов от сельскохозяйственной деятельности. Низкий уровень грамотности и большая доля наделных земель указывают на то, что крестьянские хозяйства оставались в рамках традиционного общества.

Проведенный анализ детерминант эффективности крестьянских хозяйств показал, что помимо размера хозяйства (площадь обрабатываемой земли) и стоимости инвентаря на эффективность влияют такие факторы, как доля грамотных и товарность хозяйства. Интересно отметить, что только в Симбирской губернии значимым фактором оказалась переменная «количество лошадей». С учетом того, что для Симбирской губернии оказался незначимым фактор «стоимость инвентаря», можно сделать вывод, что в этом регионе меньше, чем в других использовались машины, так как при использовании машин потребность в лошадях сокращалась.

Таким образом, анализ технико-экономических показателей продемонстрировал, что основные показатели начала процесса модернизации показывают крайне низкий уровень, при этом в сравнении с другими регионами самой развитой по данным показателям являлась Амурская область. Но даже в этой области, где уже использовалось травосеяние, количество скота на человека было низким. То есть нельзя говорить о таком важном показателе модернизации, как объединение животноводства и зерноводства.

Исследование структуры потребления показало, что в России уже в начале XX в. основная доля дохода тратилась на хозяйственные нужды и на питание. Кроме того, из данных видно, насколько скудными были статьи

крестьянского бюджета, выделяемые на образование и духовные потребности, что неудивительно при столь низкой грамотности населения.

В результате анализа индексов Джини по различным ресурсам был выявлен достаточно высокий уровень неравенства среди крестьянских хозяйств. Особенно следует отметить, что высокий уровень неравенства имел место при стагнации эффективности земли, низком уровне использования удобрений, стагнации производительности труда, медленной модернизации, что показывают цифры по грамотности, механизации, травосеянию, развитию животноводства, и, соответственно, медленном росте доходов и мало меняющемся потреблении в ряде регионов.

Кластерный анализ также показал, что только в среднеазиатских регионах крестьяне разбиваются на три группы: бедные, середняки и богатые.

Конечно, встает вопрос: насколько возможно распространять сделанные выводы на остальные губернии? Точно нельзя распространять на западные, где больше половины крестьянских хозяйств вышли из общины. Также с осторожностью нужно говорить о регионах, близко расположенных к столичным городам.

Учитывая то, что в 1920-е гг. российские статистики продолжали проводить бюджетные обследования, в дальнейшем было бы интересно сравнить степень модернизации крестьянских домохозяйств в дореволюционный период и в конце 1920-х гг. накануне коллективизации. Кроме того, представляет значительный интерес межстрановое сравнение. Было бы интересно посмотреть, насколько были похожи крестьянские хозяйства России и крестьянские хозяйства других стран и какому периоду социально-экономического развития стран Западной Европы соответствовал уровень модернизации российских крестьянских хозяйств в дореволюционный период.

2.4. Влияние экспорта зерна на социально-экономическое развитие России в исследуемый период¹

Экспорт зерна в аграрных обществах часто играет большую роль в получении доходов элиты. Внешняя экономика исторически появляется раньше

¹ В основе данного параграфа лежит опубликованная в 2024 г. статья “Russian Empire’s Industrial Development in the Late 19th and Early 20th Centuries” в журнале *Scandinavian Economic History Review* (2024).

внутренней и часто в традиционных обществах развивается независимо от состояния внутреннего рынка¹. Это связано с тем, что внешняя торговля, в отличие от внутренней, может оставлять незатронутыми сложившиеся институты. Если внутренняя торговля возможна с углублением разделения труда, с ростом специализации и развитие внутренней торговли непременно ведет к росту дифференциации в обществе, то внешняя торговля благами с низкой добавленной стоимостью, наоборот, консервирует существующую институциональную систему.

Таким образом, воздействие экспорта на экономику может быть очень различным. В странах от Эллинистического Египта вплоть до Польши времен шляхетской вольности экспорт играл роль стабилизатора институциональной системы традиционного общества. Экспорт зерна позволял с небольшими издержками получать необходимые средства для поддержания определенного уровня правящего класса. Есть примеры, когда экспорт зерна выступал источником средств для модернизации, например Советская Россия периода сталинской модернизации или ряд западных стран (Англия, США), где именно экспорт сельскохозяйственной продукции способствовал началу модернизации сначала аграрного, а затем и промышленного сектора.

Очень важный вопрос, какую роль с точки зрения институтов развития и традиционного общества играл экспорт зерна в рассматриваемый период в России. В связи с этим представляется интересным рассмотреть влияние экспорта зерна как на аграрный, так и на промышленный сектор в дореволюционной России.

Интересно отметить, что вопреки распространенному в конце XIX в. мнению о пользе экспорта зерна для экономического роста и стремлению политиков стимулировать увеличение экспорта зерна, ряд дореволюционных авторов считали, что экспорт зерна вреден для модернизации страны.

В конце XIX — начале XX в. Российская империя быстро развивалась: по темпам роста промышленности Россия уступала только США и в отдельные годы Германии². Рыночные отношения развивались достаточно медленно. Это проявлялось прежде всего в том, что товарность крестьян-

¹ Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS. 1993. Вып. 2. Т. I. С. 10–17. URL: http://www.hse.ru/sci-ence/igiti/thesis2/2_1_1_Polan.pdf

² Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки: пер. с англ. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. М.: РОССПЭН, 2003.

ского хозяйства оставалась очень низкой. По оценкам различных исследователей, товарность крестьянского хозяйства в России в конце XIX в. составляла от 25 до 34%¹. При этом 75% ржаной муки перемалывалось на небольших местных мельницах². Животноводство было развито слабо. Об этом говорит тот факт, что экспортировали не муку, а отруби, которые иначе были бы востребованы в хозяйстве³.

Таким образом, Россия в значительной степени оставалась страной с традиционной крестьянской организацией, где производство служило главным образом для самообеспечения. Из того объема зерна, который производился в тот период, только четверть попадала на рынок. Остальное потреблялось внутри крестьянского домохозяйства. Из зерна, которое попадало на рынок, примерно 20% производилось в крупных поместьях, а около 80% — в крестьянских хозяйствах. Экспорт зерна составлял лишь 11,8% валовой продукции и примерно 14% нетто внутреннего производства зерна Российской империи⁴. Тем не менее Россия в конце XIX в. занимала лидирующие позиции по экспорту зерна.

В 1893—1897 гг. доля страны в мировой торговле четырьмя злаками (рожью, ячменем, овсом и кукурузой) составляла 38,0%. Далее доли страны составляли 28,3% в 1898—1902 гг. и 35,1% в 1908—1912 гг.⁵ В 1903—1914 гг. Россия обеспечивала 24,7% мирового экспорта пшеницы, 37,1% ржи, 42,3% овса и 75,8% ячменя⁶. При этом доля пшеницы и особенно ячменя

¹ Ляшенко П. И. Очерки аграрной эволюции России: В 3 т. Т. 1: Разложение натурального строя и условия образования сельско-хозяйственного рынка. СПб.: типография Редакции период. изд. Министерства финансов, 1908. 447 с.; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. АН СССР, Ин-т экономики. М.: Наука, 1991; Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. По материалам ежегод. статистики урожаев европ. России АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1974. 318 с.; Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.) / под ред. А. Г. Манькова. Ленинград: Наука: Ленингр. отд.-ние, 1985. 301 с.

² Ляшенко П. И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Петроград: тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1915. С. 234.

³ Там же. С. 269.

⁴ Бруцкус Б. Д. Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы. Петроград: Кооперативная мысль, 1923. С. 664.

⁵ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 391.

⁶ Рафалович А. Л. О положеніи Россіи на международномъ хлебномъ рынке: Доклад А. Л. Рафаловича. Сов. Съездовъ представителей биржевой торговли и сельск. хоз. Пе-

в экспорте росла, а доля овса и ржи скорее падала (рис. 2.10). Пшеница была основной экспортной культурой в конце XIX и начале XX в. За ней следовал ячмень, который в отдельные годы по объему экспорта даже превосходил пшеницу¹.

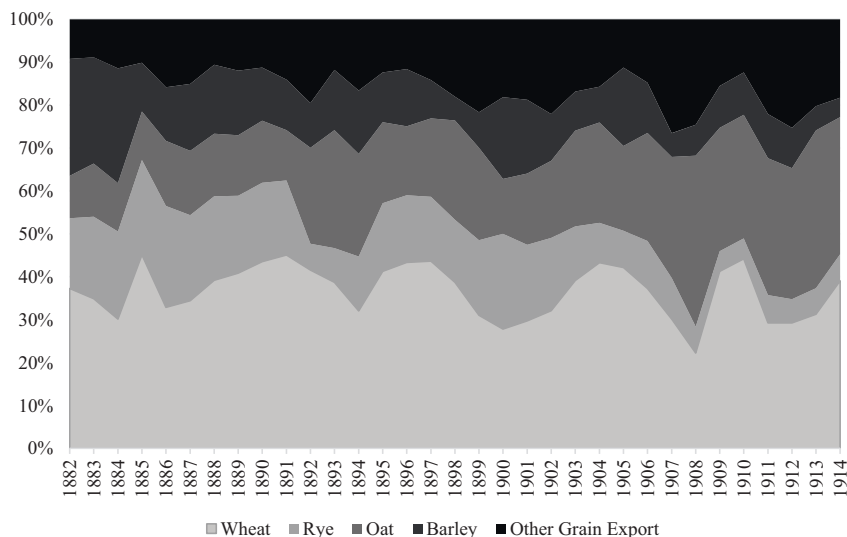

Рис. 2.10. Доля различных культур в общем экспорте зерна

Источник: Обзоры внешней торговли России по европейской и азиатской границам за [1840–1915 гг.].

Санкт-Петербург — Петроград: Ежегодник Министерства финансов, 1842–1917.

Во второй половине XIX в. зерно составляло примерно половину объема экспорта страны.

Важно понимать, что не все регионы Российской империи производили зерно для экспорта. С точки зрения производства зерна губернии европейской части Российской империи можно разделить на вывозящие зерно (30 губерний) и на ввозящие зерно (33 губернии). Вывозящие губернии делились на те, которые преимущественно экспортировали зерно, и те, которые продавали зерно на внутренних рынках. Среди экс-

троград: [б. и.], 1918 (Лештуковск. паровая скоропечатня «Свобода»). С. 13–14.

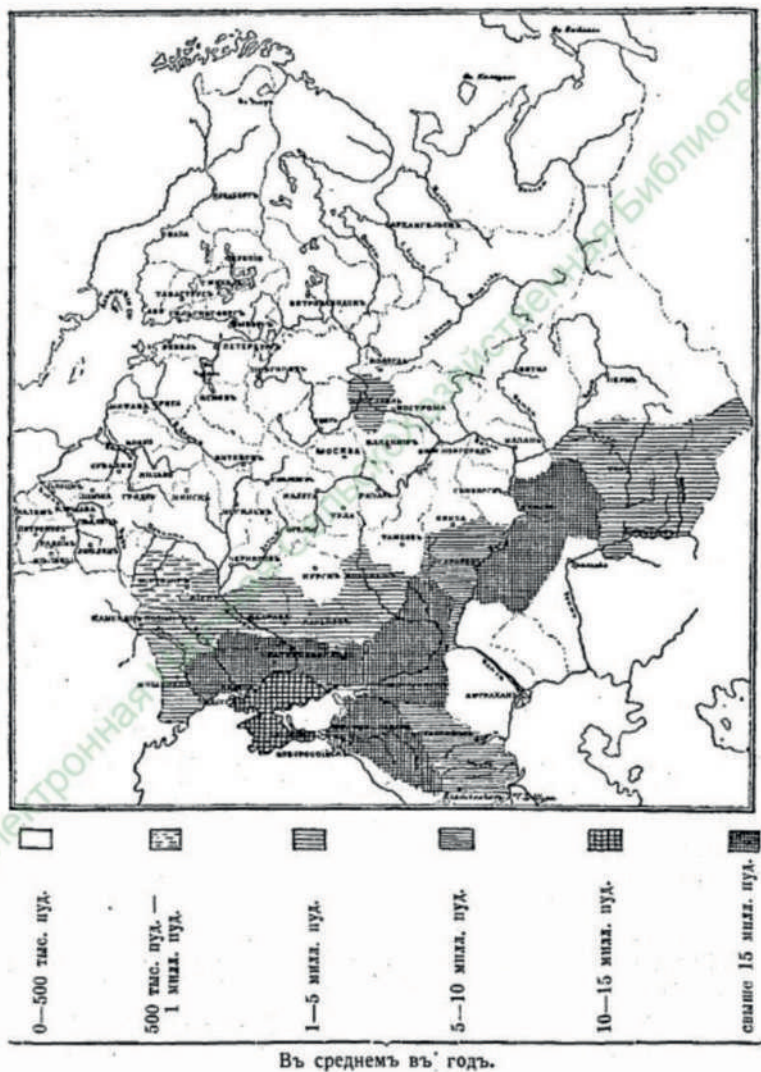
¹ Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в.: монография. СПб.: ООО «Полтораки», 2013. С. 273.

портирующих зерно губерний наиболее экспортно ориентированными являлись губернии Южного района (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская). Большую долю зерна продавали на внешних рынках губернии Юго-Западного района (Киевская, Подольская, Волынская), Юго-Восточного района (Донская, Кубанская и Терская области, Ставропольская губерния). Также часть зерна экспортировали малороссийские губернии (Полтавская, Харьковская, южная часть Черниговской), центрально-земледельческие губернии (Воронежская, Курская, Орловская), Нижневолжского района (Астраханская, Саратовская и Самарская губернии, Уральская область), губернии Северо-Восточного района (Казанская, Симбирская, Вятская, прикамские уезды Пермской губернии)¹ (карты 5–7). Губернии Нижневолжского и Северо-Восточного районов стали крупными экспортерами после того, как в эти регионы провели железные дороги и государство ввело тарифную политику, стимулирующую вывоз зерна из регионов, которые расположены далеко от морских портов².

¹ Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912. С. 20–24.

² Bruckus B., Roth W. Russia's Grain Exports and Their Future // *Journal of Farm Economics*. 1934. Vol. 16, No. 4. P. 662–679.

Экспортные отправки пшеницы въ порты и къ сухопутнымъ пограничнымъ пунктамъ за 1908—1911 гг.

Карта 5

Источник: Лященко П. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 30.

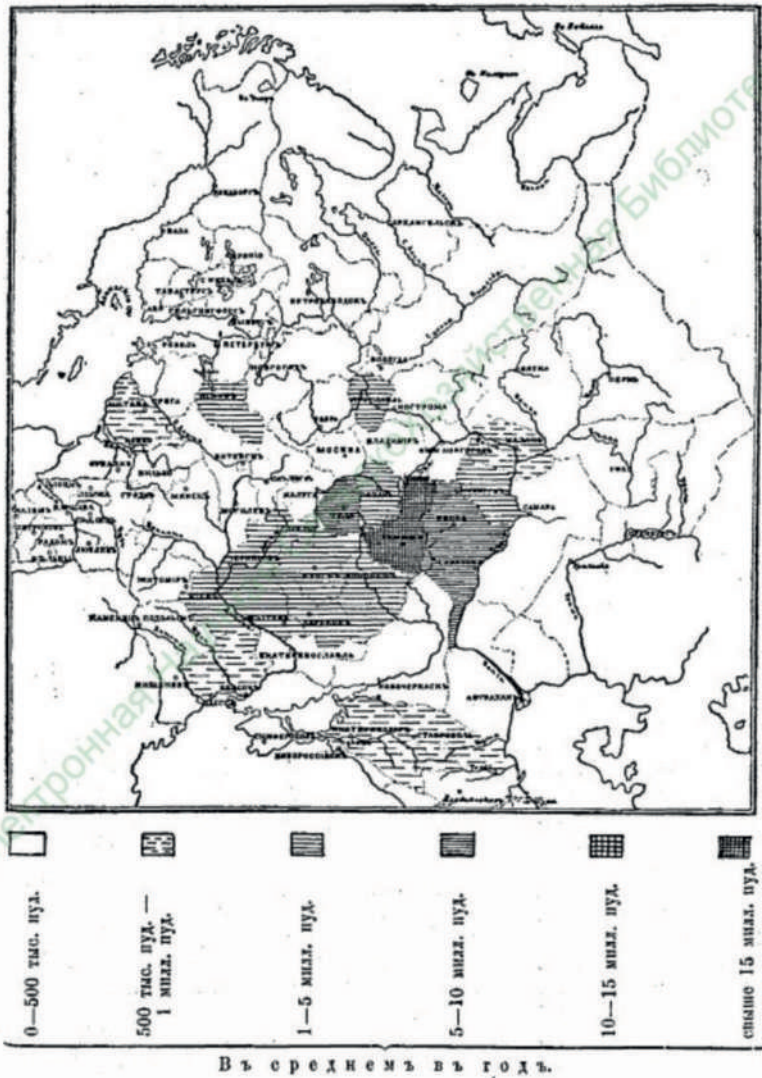
Погубернскія экспортныя отправки ржи къ портамъ и сухопутнымъ пограничнымъ пунктамъ въ 1908—1911 гг.

Карта 6

Источник: Лященко П. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 31.

Погубернскія экспортныя отправки овса въ порты и къ сухопутнымъ пограничнымъ пунктамъ въ 1908—1911 гг.

Карта 7

Источник: Лященко П. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 33.

Далее мы проверяем гипотезу о положительном влиянии экспорта зерна на модернизацию экономики дореволюционной России, выдвинутую Гершенкроном¹ и разделяемую рядом российских экономистов².

Для выявления соответствующих изменений в промышленном выпуске были рассмотрены следующие временные ряды: промышленный индекс Голдсмита за 1860–1913 гг.³, промышленный индекс Сухары за 1860–1913 гг.⁴, промышленный индекс 1887–1913 гг.⁵ и валовой продукции промышленности за 1887–1913 гг. в млн руб.⁶ (рис. 2.11).

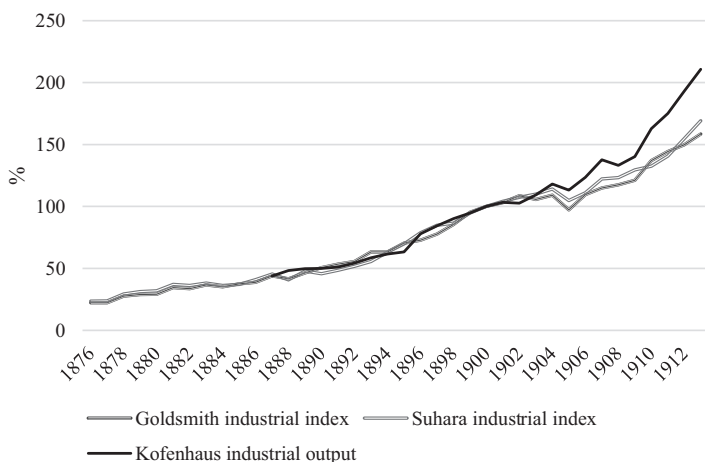

Рис. 2.11. Промышленный рост Российской империи по годам
 Источник: Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России.
 М.: Епифания, 1994.

¹ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. Российская акад. народного хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. М.: Изд. дом «Дело», 2015. 534 с.

² Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 594 с.

³ Goldsmith R. W. The Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913 // Economic Development and Cultural Change. 1961. Vol. 9, No. 3, April.

⁴ Suhara M. An Estimation of an Industrial Production Index for the Russian Empire: 1860–1913 (in Japanese) // Working Paper Series. 2005. No. 05-02. Research Institute of Economic Science, College of Economics, Nihon University.

⁵ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М.: Епифания, 1994.

⁶ Там же.

Для характеристики объема инвестиций в работе использованы данные о промышленных основных фондах и запасах фабрично-заводской промышленности России за 1885–1913 гг. в млн руб. Данный подход обоснован в работе С. Г. Струмилина¹.

Данные по экспорту и импорту взяты из «Обследований внешней торговли России, проведенных на границах Европы и Азии в 1887–1915 гг.». Экспорт зерна включает следующие виды зерна: пшеницу, рожь, ячмень, овес, гречиху, просо, кукурузу, горох, фасоль, крупы, просо, муку, отруби. Мука в расчет не берется, так как ее экспорт был небольшим, вывозили ее только с портовых мельниц².

Наконец, для понимания изменений, происходивших в сети железных дорог, мы рассмотрели временной ряд изменения протяженности железных дорог за 1860–1913 гг. в верстах³ и изменения железнодорожных перевозок за 1887–1913 гг.⁴

Принимая во внимание существующие точки зрения на влияние хлебного экспорта на промышленное развитие Российской империи и экономические тенденции империи в конце XIX — начале XX в., представляется интересным проанализировать статистические связи, установившиеся между следующими факторами: экспортом зерна, импортом (импорт машин и оборудования сказался на промышленном производстве) и темпами роста железных дорог (считается, что рост железных дорог способствовал как росту экспорта зерна, так и росту промышленности).

Эмпирический анализ. В литературе по временным рядам существует несколько подходов к проверке гипотез такого типа. Первый подход использует модель VAR и ее модификации. Поскольку рассматриваемые временные ряды не являются стационарными, необходимо проверить коинтеграцию. В том случае, когда это имеет место, необходимо рассмотреть модель VECM. В случае, когда случайные ошибки для разных уравнений коррелированы, следует использовать структурный VECM. Для полученной модели необходимо проанализировать функции импульсного отклика.

¹ Струмилин С. Г. Статистико-экономические очерки. М., 1958.

² Ляшенко П. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 243.

³ Ермилов Н. Е. Железнодорожный ежегодник. Год изд. 2-й, 1905-й: в 2 ч., 1905. С. 30; Струмилин С. Г. Статистико-экономические очерки. М.: Госстатиздат, 1958. Гл. 4. Табл. 1.

⁴ Струмилин С. Г. Статистико-экономические очерки. М.: Госстатиздат, 1958. С. 640–641.

Поскольку рассматриваемые временные ряды достаточно короткие, тест на значимость значений функции импульсного отклика имеет малую мощность (и, следовательно, существует тенденция не отвергать гипотезу об отсутствии значимой связи между рассматриваемыми переменными). Для преодоления этой проблемы в литературе рекомендуется использовать байесовский подход к оценке коэффициентов модели.

Второй подход заключается в использовании модели ARDL и ее нелинейных модификаций. В этом случае, по существу, принимается во внимание только одно уравнение возможной модели VAR, но в этом случае существуют нелинейные модификации.

В рассматриваемом случае второй подход позволяет найти значимую связь между рассматриваемыми переменными.

Подход с использованием ARDL, NARDL. Анализ начинается с построения обычной модели ARDL и ее нелинейного аналога NARDL. Далее необходимо провести коинтеграционный тест, который обычно делается после оценки модели NARDL. В литературе по временным рядам предлагается несколько тестов на коинтеграцию, которые используются при различных предпосылках. В частности, будет проведен тест Йохансена, который является классическим асимптотическим тестом и широко используется в прикладных работах. К сожалению, относительно короткие временные ряды не позволяют делать однозначные выводы на основе асимптотического теста, поэтому используются тесты, которые действительны для небольших выборок. А именно, в работе используется Bound Test Песарана.

Сначала необходимо проверить, являются ли переменные в данных стационарными. При этом используется расширенный тест Дикки — Фуллера (далее ADF) и тест Филлипа — Перрона (FP), порядок запаздывания которых определяется информационным критерием Акаике. Литература предполагает, что при наличии неучтенных структурных разрывов обычное тестирование ADF может не отвергнуть нулевую гипотезу единичного корня, в то время как данные на самом деле стационарны. Поэтому мы используем модифицированный тест на единичный корень ADF, который при более слабых предположениях остается верным и устойчивым к неправильной спецификации, вызванной структурными нарушениями¹. Ре-

¹ Banerjee A. et al. Recursive and Sequential Tests of the Unit-Root and Trend-Break Hypotheses: Theory and International Evidence // Journal of Business & Economic Statistics. 1992. Vol. 10, No. 3. P. 271–87; Vogelsang T.J., Perron P. Additional Tests for a Unit Root Allowing for a Break in the Trend Function at an Unknown Time // International Economic Review. 1998. Vol. 39, No. 4. P. 1073–100; Zivot E., Andrews D. Journal of Business & Economic Statistics. 2002. Vol. 20, Issue 1. P. 25–44.

зультаты подтверждают стационарность рядов в первых разностях. Таким образом, все переменные берутся в первых разностях.

Так как ряды стационарны в первых разностях, можно оценить ARDL. В качестве зависимой переменной берется индекс Сухары (переменная diff.Suhara ниже), а внешними регрессорами — импорт (переменная diff.Import) и логарифм объема экспорта зерна в пудах (переменная $\text{diff.log.PQ_Gr_exp}$, берется логарифм экспорта зерна, так как это уменьшает критерии Акаике). Используя критерии Акаики, выбираем модель с 3 лагами для каждой переменной. Затем модель тестируется на автокорреляцию (табл. 2.28).

Таблица 2.28

Результаты оценки модели ARDL

(Intercept)	1,821 (1,023)
L(diff.Suhara., 1)	−0,070 (0,174)
L(diff.Suhara., 2)	0,161 (0,182)
L(diff.Suhara., 3)	0,252 (0,180)
diff.log.PQ_Gr_exp..	−3,688 (2,707)
L(diff.log.PQ_Gr_exp., 1)	−5,778 (2,990)
L(diff.log.PQ_Gr_exp., 2)	−3,433 (2,885)
L(diff.log.PQ_Gr_exp., 3)	−0,309 (2,781)
diff.Import.	0,000** (0,000)
L(diff.Import., 1)	0,000* (0,000)
L(diff.Import., 2)	0,000 (0,000)
L(diff.Import., 3)	0,000 (0,000)

Bound тест дает значение $p = 0,08$, поэтому гипотеза об отсутствии коинтеграции не отвергается.

Этот результат можно объяснить неправильной спецификацией, поэтому на следующем этапе оценивается модель NARDL. NARDL может в определенных случаях дать лучше результат, чем ARDL, так как она обе-

спечивает более гибкую функциональную форму, покрывающую возможность асимметрии в краткосрочных и долгосрочных периодах. В прикладной литературе по временным рядам часто используется модель NARDL, поскольку она раскрывает влияние независимых переменных на зависимые переменные как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе¹. Однако если влияние отдельных компонентов объясняющей переменной оказывается идентичным, модель NARDL становится традиционной симметричной моделью ARDL. Прежде всего, модель NARDL учитывает возможную коинтеграцию в одном уравнении. Вывод в рамках NARDL не зависит от асимптотических результатов и возможен в небольших выборках.

Идея этой модели заключается в следующем. Учитывая внешнюю переменную X_t , мы переходим к ее первым разностям ΔX_t и определяем

$$X_t^+ := \sum_{i=1}^t \max(\Delta X_{t-i}, 0), \quad X_t^- := \sum_{i=1}^t \min(\Delta X_{t-i}, 0).$$

Эти новые переменные считаются внешними переменными в модели типа ARDL. По критериям Акаики выбирается модель с зависимой переменной с одним лагом (переменная `diff.Suhara`), внешние переменные без лагов (переменные `diff(Q_Gr_exp)_n`, `diff(Q_Gr_exp)_p`) и линейный тренд.

Таблица 2.29

Результаты оценки модели NARDL

(Intercept)	1,649 (1,280)
L(diff.Suhara., 1)	-1,227*** (0,160)
diff(Q_Gr_exp)_p .	7,821e-06 (5,923e-06)
diff(Q_Gr_exp)_n	-2,269e-05** (6,401e-06)
Trend	-1,467** (0,410)

Тест на автокорреляцию показал отсутствие автокорреляции в модели.

¹ Liu H., Wang J., He T., Becker S., Zhang G., Li D., Ma X. Butyrate: A Double-Edged Sword for Health? // *Adv Nutr.* 2018. Jan 1. No. 9(1). P. 21–29; Qamruzzamana Md., Jianguo W. The asymmetric relationship between financial development, trade openness, foreign capital flows, and renewable energy consumption: Fresh evidence from panel NARDL investigation // *Renewable Energy.* 2020. Vol. 159. October. P. 827–842; Sarkodie S., Adams S. Electricity access, human development index, governance and income inequality in Sub-Saharan Africa // *Energy Reports.* 2020. Vol. 6. November. P. 455–466.

Тест на коинтеграции Пирсона, Шина, Смита дает F-статистику = 15,499, что превышает критическое значение 1% I (1), поэтому можно сделать вывод о наличии коинтеграции.

Таблица 2.30

Результаты оценки долгосрочных коэффициентов

diff(Q_Gr_exp)_p .	6,376e-06 (4,691e-06)
diff(Q_Gr_exp)_n	-1,849e-05*** (5,246e-06)
Trend	-1,195*** (0,320)

Из табл. 2.30 видно, что коэффициент при отрицательной нарастающей сумме является отрицательным и значимым, а коэффициент при положительной нарастающей сумме — незначимым. С учетом того, что тесты показали наличие коинтеграции, можно сделать вывод о значимой связи между экспортом зерна и промышленным ростом. При этом видно, что в периоды роста доходов от хлебного экспорта не наблюдается промышленного роста, а в периоды, когда доходы от хлебного экспорта уменьшаются, уменьшается и промышленный рост. Встает вопрос, можно ли назвать это «ресурсным проклятием». Ответ зависит от точного определения этого термина. В литературе обычно «ресурсное проклятие» определяется как зависимость от ренты, получаемой от экспорта природных ресурсов. Поэтому далее будет оцениваться регрессия промышленного роста и роста ВВП на ренту. Но прежде для проверки устойчивости результатов предыдущей модели следует использовать альтернативный подход.

Подход с использованием VECM. Для проверки устойчивости результатов предыдущей модели используется модель типа VAR. При этом подходе, во-первых, все уравнения являются линейными, во-вторых, все переменные влияют друг на друга. Переменными в модели являются: индекс Сухары, экспорт зерна и логарифм длины железных дорог.

По результатам предыдущей модели рассматриваемые переменные коинтегрированы. Тест Йохансена подтверждает коинтеграцию и показывает, что ранг коинтеграции равен 1 VECM — это корректная спецификация модели VAR при наличии коинтеграции, которая относится к краткосрочным колебаниям переменных вокруг долгосрочного равновесного отношения. Коэффициенты членов коррекции ошибок (ECTs) в каждом уравнении помогают оценить скорость приспособления к долгосрочному равновесию. ECT представляет собой запаздывающее значение остатков,

полученных в результате коинтегрирующей регрессии зависимой переменной на регрессорах. Он содержит информацию, полученную из долгосрочных коинтегрирующих отношений.

Построенная модель VECM была проверена на автокорреляцию. Тест показал отрицательный результат. Таким образом, во-первых, видно, что существует долгосрочная связь между экспортом зерна и промышленным ростом. Во-вторых, гипотеза о положительности этой связи не подтвердилась. В-третьих, наблюдается отрицательная связь между отрицательной кумулятивной суммой и промышленным ростом, которую можно интерпретировать как наличие «ресурсного проклятия».

Поскольку этот вывод может быть следствием небольшой длины временного ряда, используемого для оценки модели, мы попытались использовать байесовский подход к оценке, но вывод остается прежним.

Связь между ростом ВВП и рентой. Для проверки гипотезы о связи между ростом ВВП и рентой были использованы модели ARDL и NARDL. В качестве зависимой переменной был взят ВВП, а в качестве регрессоров — рента от экспорта зерна, длина железных дорог, логарифм импорта. Все переменные, кроме ренты, не являются стационарными, и поэтому они берутся в первой разности. Переменная «рента» стационарна, поэтому не дифференцируется. Соответствующий тест показал отсутствие автокорреляции (табл. 2.31).

Таблица 2.31

Результаты регрессии	
(Intercept)	4497,372** (1345,360)
L(diff.GDP., 1)	-0,258 (0,184)
rent	-67,770* (29,873)
L(rent, 1)	-39,865 (32,020)
diff.R_road.	-0,053 (0,241)
L(diff.R_road., 1)	-0,398 (0,244)
diff.log.Import..	167,863 (1288,061)
L(diff.log.Import..., 1)	-316,451 (1253,590)

Результаты регрессии показывают значимую отрицательную связь между ростом ВВП и рентой.

Также была оценена модель NARDL (табл. 2.32). Соответствующий тест показал отсутствие автокорреляции.

Таблица 2.32

Результаты оценки NARL	
(Intercept)	123,669 (469,124)
diff.GDP._1	−1,278*** (0,168)
rent_p	−8,761 (48,976)
rent_p_1	−64,340 (60,795)
rent_p_2	−4,401 (50,279)
rent_n	−80,607* (31,106)

Таким образом, видно, что существует значительная несимметричность в отношении роста ВВП и ренты (табл. 2.32).

Таблица 2.33

Результаты оценки взаимосвязи в долгосрочном периоде	
rent_p	−6,854 (38,727)
rent_p_1	−50,340 (45,489)
rent_p_2	−3,443 (39,343)
rent_n	−63,068* (25,227)

Таблица 2.33 показывает, что существует отрицательная долгосрочная связь между отрицательной кумулятивной суммой изменений ренты и ростом ВВП.

Связь экспорта зерна с различными отраслями промышленности. Для более детального понимания влияния экспорта зерна на промышленность мы исследовали наличие связи экспорта зерна с различными отраслями промышленности. Данные по занятости в различных отраслях за 1887–1913 гг. были взяты из уже цитировавшейся работы Кафенгауза. Мы использовали описанные выше тесты на коинтеграцию и при нахождении коинтеграции, смотрели, является ли связь положительной или отрицательной. Кроме того, мы исследовали асимметричное влияние на различные отрасли конъюнктуры экспорта зерна.

В табл. 2.34 приведены результаты оценивания модели для проведения теста на коинтеграцию (Pesaran's Bound Test for cointegration). Уравнение модели

$$\Delta S_t = c_0 + \pi_{ss} S_{t-1} + \pi_{sx} x_{t-1} + \sum_{i=1}^p \varphi_i \Delta S_{t-i} + \sum_{i=0}^p \gamma_i \Delta x_{t-i} + u_t,$$

где S_t — число работников указанной в верхней строке отрасли; x_t — набор независимых переменных (объем экспорта зерна, импорта). Все переменные являются стационарными при переходе к первым разностям. Тест на коинтеграцию состоит в проверке гипотезы

$$H_0 : \pi_{ss} = \pi_{sx} = 0.$$

В случае, когда она не отвергается, коинтеграция отсутствует. Если коинтеграция имеет место, то, рассматривая коэффициенты π_{ss} , π_{sx} , можно исследовать вопрос о знаке влияния переменной x_t на переменную S_t в долгосрочном плане.

Результаты теста на коинтеграцию приведены в нижней строке табл. 2.34. В случае если в ней ответ «да», можно обратить внимание на выделенные желтым строки, в которых стоят коэффициенты π_{ss} , π_{sx} . Именно коэффициент π_{ss} — это коэффициент при переменной $s.l$ (первый лаг переменной s), а π_{sx} — это коэффициенты при $PQ_Gr_exp.l$ и $Import.l$. Исходя из определения коинтеграционного соотношения, в случае если знаки переменных π_{ss} , π_{sx} (π_{sx} берется для экспорта зерна) одинаковые, то для соответствующей отрасли рост экспорта влияет на число работников отрицательно.

Таким образом, коинтеграция имеет место в химической, текстильной, мукомольной отраслях, прочей пищевой и металлической отраслях. Во всех пяти отраслях связь с экспортом зерна отрицательная. Для отраслей мукомольной и прочей пищевой отрицательное влияние можно объяснить тем, что в случае роста экспорта зерна сокращается количество ресурсов для внутренней переработки. Отрицательное влияние для металлической отрасли связано, скорее, с оттоком рабочих рук, так как большое количество рабочих в городах были крестьянами, которые приехали в город на подработку, и в случае, когда рост цен на зерно компенсировал в определенной степени их возможные доходы от работы в городе, крестьяне предпочитали работу в аграрном секторе, а не в промышленности. Отрицательное влияние для химической и текстильной отраслей могло быть связано с обоими этими факторами.

Таблица 2.34

Результаты Pesaran's Bound Test for cointegration

	Топливная	Химическая	Сельхозобработка	Текстильная	Одежда	Бумажная	Мукомольная	Прочая горнодобывающая	Деревообработка	Прочая пищевая	Металлическая
(Intercept)	46043,87*	34225,29**	-3971,76	1 187 592,14	17 92,94	2628,42	31 799,20**	63 556,36	22 302,38**	8337,45	187 981,31*
s.1	0,16	-0,79**	0,12	-1,15**	-0,34*	0,10	-0,69**	-0,46	-0,38*	-1,30**	-0,96**
PQ_Gr_exp.1	-0,28*	-0,09**	-0,03	-2,29	0,03**	-0,01**	-0,07**	-0,03	-0,10**	-0,02	-0,52
Import.1	0,07*	0,09**	0,00	1,08	0,03**	0,00	0,03*	0,03	0,07	0,04**	0,59*
dPQ_Gr_exp.t	-0,08	0,02	0,00	0,35	-0,01	-0,01**	-0,02*	-0,02	-0,02	0,01	0,18
dPQ_Gr_exp.1	0,13	0,05			0,01*		0,04**		0,06**	0,02	0,44
dPQ_Gr_exp.2	0,15**	0,08**					0,04**		0,08**	0,03*	0,58*
dPQ_Gr_exp.3	0,06	0,05*					0,04**		0,07**	0,02*	0,32
dPQ_Gr_exp.4	0,08*	0,04*					0,02			0,04**	0,52**
dImport.t	0,18*	0,08**	0,01	-0,17	0,02*	0,02	0,04**	-0,05	0,06*	0,05**	0,24
ds.1	0,37	0,10	-0,65**	0,25	-0,10	-0,56*	0,53*	0,40	0,02	-0,53	0,42
ds.2	-0,94*	-0,58*	-0,46		-0,06	0,04			0,04	0,55	0,21
ds.3	0,04	0,00	-0,79**		0,08	0,38			-0,27	0,02	0,27

Окончание табл. 2.34

	Топливная	Химическая	Сельхозобработка	Текстильная	Одежда	Бумажная	Мукомольная	Прочая горнодобывающая	Деревообработка	Прочая пищевая	Металлическая
ds.4	-0,25	-0,47**	-0,60*		0,21	-0,15			-0,20	-1,41**	0,03
dImport.1		-0,10**		-3,82		0,02	-0,01	0,03	-0,03	-0,01	-0,84*
dImport.2		-0,01		2,88		0,03**	0,01	-0,08	0,00	0,02	-0,23
dImport.3		-0,05		-3,54			0,02	0,09	0,07		-0,82*
dImport.4				9,95				0,02	0,04		
Num. Obs.	22	22	22	22	22	22	22	22	22	22	22
R2	0,819	0,940	0,576	0,658	0,702	0,782	0,852	0,561	0,931	0,964	0,836
R2 Adj.	0,525	0,750	0,258	0,347	0,432	0,542	0,612	0,162	0,711	0,875	0,312
AIC	476,2	428,1	450,6	692,2	400,6	402,4	422,8	480,4	435,2	396,6	543,6
BIC	492,6	447,7	462,6	705,3	413,7	416,6	439,2	493,5	454,8	415,1	563,2
Log.Lik.	-223,124	-196,027	-214,317	-334,085	-188,300	-188,206	-196,412	-228,199	-199,598	-181,291	-253,787
RMSE	6142,86	1792,50	4116,41	952388,15	1261,62	1256,25	1824,18	7736,71	2108,43	917,43	24756,42
Есть ли коинтеграция	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Нет	Да	Нет	Нет	Да	Да

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$.

В табл. 2.35 приведен результат оценивания модели Nardl. Пусть X_t — объем экспорта. Для его первых разностей ΔX_t мы пишем:

$$CumSumx^+ = x_t^+ := \sum_{i=1}^t \max(\Delta x_i, 0), \quad CumSumx^- = x_t^- := \sum_{i=1}^t \min(\Delta x_i, 0).$$

Так что

$$x_t = x_0 + CumSumx^+ + CumSumx^-.$$

Уравнение Писарана модифицируется так

$$\begin{aligned} \Delta s_t = & c_0 + \pi_{ss} s_{t-1} + \pi_{sx}^+ x_{t-1}^+ + \pi_{sx}^- x_{t-1}^- + \sum_{i=1}^p \phi_i \Delta s_{t-i} + \\ & + \sum_{i=0}^p (\gamma_i^+ \Delta x_{t-i}^+ + \gamma_i^- \Delta x_{t-i}^-) + u_t. \end{aligned}$$

Данная модель сводится к предыдущей, если не отвергается гипотеза

$$H_0 : \gamma_i^+ = \gamma_i^-, \pi_{sx}^+ = \pi_{sx}^-.$$

Точнее, мы говорим, что имеется значимая краткосрочная асимметрия, если отвергается гипотеза

$$H_0 : \gamma_i^+ = \gamma_i^-.$$

И мы говорим, что имеется значимая долгосрочная асимметрия, если отвергается гипотеза

$$H_0 : \pi_{sx}^+ = \pi_{sx}^-.$$

Результат оценивания приведен в табл. 2.35. Прежде всего стоит обратить внимание на строки с результатами теста на значимость асимметрии. Только для отраслей, где есть значимая асимметрия, имеет смысл рассматривать модель Nardl. Таковы отрасли топливная, мукомольная, прочая горнодобывающая. Но для топливной отсутствует коинтеграция. Для мукомольной и прочей горнодобывающей коинтеграция имеется. Долгосрочная связь отрицательная, но асимметричная. Для мукомольной промышленности шоки переменной PQ_Gr_exr влияют на число занятых в отрасли отрицательно (положительные шоки приводят к уменьшению числа занятых, а отрицательные — к увеличению), но отрицательные и положительные шоки влияют с разной силой (отрицательные шоки сильнее). Для горнодобывающей значимое отрицательное влияние оказывают положительные шоки PQ_Gr_exr, отрицательные же влияние не оказывают.

Таблица 2.35

Результат оценивания модели Nardl

	Топливная	Химическая	Сельхозобработка	Текстильная	Одежда	Бумажная	Мукомольная	Прочая горнодобывающая	Деревообработка	Прочая пищевая	Металлическая
Const	10 680,53	34 853,41**	34 853,41**	703 149,35	-3824,10	19 016,67**	61 690,98**	168 280,38**	32 637,80**	44 581,54**	329 945,10**
s_1	-0,24	-0,89**	-0,89**	-1,07**	-0,22	-1,08**	-0,91**	-0,50**	-1,01**	-3,11**	-1,05**
s_2	-0,38				-0,66		-0,32	0,12		-1,31	
Q_Gr_exp_p	-0,03	-0,01	-0,01	-0,55	-0,02*	-0,02**	-0,04**	0,08**	-0,01	0,02*	0,14
Q_Gr_exp_p_1	0,03	0,00	0,00		0,03**	0,01*	0,01	-0,06	0,02	0,03**	0,09
Q_Gr_exp_p_2	0,03	0,03*	0,03*		-0,03**		0,01	-0,02	0,05**	0,04**	0,21
Q_Gr_exp_p_3	-0,12**				0,01		0,03**	0,02	0,05**	0,00	0,15
Q_Gr_exp_p_4	0,11**				-0,02*		-0,01	0,05		0,06**	0,51**
Q_Gr_exp_n	-0,07	0,01	0,01	-1,46	-0,02*	-0,01	0,01	-0,06	0,00	-0,05**	0,12
Q_Gr_exp_n_1	-0,04	-0,07**	-0,07**		-0,03**	-0,03**	-0,05**	0,03	-0,06**	-0,04**	
Q_Gr_exp_n_2	0,03					-0,02**	-0,05**	0,12*	-0,07**	-0,01	
Q_Gr_exp_n_3	0,14*					0,00		-0,22**		0,02	
Q_Gr_exp_n_4	-0,15**					0,00					

Продолжение табл. 2.35

	Топливная	Химическая	Сельхозобработка	Текстильная	Одежда	Бумажная	Мукомольная	Прочая горнодобывающая	Деревообработка	Прочая пищевая	Металлическая
trend	2966,64	-1824,04	-1824,04	-21958,71	-413,94	-146,56	-2790,41**	-9307,40**	-7190,30**	-3704,61**	-40690,71**
s_3					0,73*		-0,14	-0,67**		-0,77	
s_4							-0,49**			-2,24*	
Num.Obs.	22	24	24	26	22	22	22	22	23	22	22
R2	0,903	0,636	0,636	0,522	0,830	0,902	0,945	0,866	0,818	0,944	0,795
R2 Adj.	0,745	0,477	0,477	0,431	0,643	0,829	0,855	0,648	0,692	0,831	0,669
AIC				806,0							
BIC				813,5							
Log.Lik.				-396,999							
RMSE	4503,89	4255,07	4255,07	1035334,61	953,69	841,22	1114,84	4277,76	3417,56	1154,38	27 679,17
Значима ли асимметрия краткосрочная?	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Нет	Да	Нет
Значима ли асимметрия долгосрочная?	Да	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Нет	Нет	Нет

Окончание табл. 2.35

Металлическая	Да	
Прочая пищевая	Да	
Деревообработка	Да	
Прочая горнодобывающая	Да	Отрица- тельный
Мукомольная	Да	Отрица- тельный
Бумажная	Да	
Одежда	Нет	
Текстильная	Да	
Сельхозобработка	Да	
Химическая	Да	
Топливная	Нет	Не удается опре- делить
	Есть ли контингация	Знак долгосрочной связи

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$.

Интерпретация результатов. Эмпирический анализ показал, что существовала негативная связь между экспортом зерна и ростом промышленности. Данная зависимость в литературе ассоциируется с проблемой «ресурсного проклятия». Чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии «ресурсного проклятия», прежде всего нужно определиться с тем, как мы его определяем.

Под термином «ресурсное проклятие» в широком смысле понимается феномен, заключающийся в том, что экономика богатых на природные ресурсы стран развивается более низкими темпами, чем стран, бедных ресурсами¹. Развивая данное определение, Попов, Полтерович и Тонис (2007) показали, что его можно интерпретировать следующим образом: «ресурсное проклятие» — это ситуация, когда экономика не в состоянии сама переработать ресурсы с должной эффективностью, т. е. обрабатывающая промышленность недостаточно развита, и поэтому оказывается целесообразным ресурсы экспортировать². Теория международной торговли учит, что каждая страна имеет в чем-то сравнительное преимущество, но сравнительное преимущество в природных ресурсах может просто отражать отсутствие других секторов экономики, способных конкурировать на международном уровне, т.е. недостаточное развитие страны или региона. Именно данная интерпретация лучше всего отражает экономическую ситуацию в Российской империи конца XIX — начала XX в. Также стоит отметить, что «ресурсное проклятие» свидетельствует об отрицательном влиянии не самого наличия природных ресурсов, а именно их доминирования в национальном хозяйстве³. Это тоже соответствует ситуации в до-революционной России.

В литературе существует несколько объяснений данного феномена. Первое состоит в том, что большие непредвиденные доходы от природных ресурсов, как правило, порождают стремление к получению ренты и борьбу за распределение этих доходов, что, в свою очередь, препятствует росту, поскольку производственные ресурсы вовлекаются в непроизводительные

¹ Auty R. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London: Routledge, 1993; Sachs J., Warner A. Sources of Slow Growth in African Economies // Journal of African Economies. 1997. Vol. 6, No. 3.

² Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия» // VIII Международная научная конференция «Модернизация экономики и общественное развитие», 3–5 апреля 2007 г. М.: Гос. ун-т Высшая школа экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 5.

³ Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 61–74.

виды деятельности, т.е. речь идет о плохих институтах¹. Второе объяснение состоит в том, что ресурсная рента имеет тенденцию быть достаточно волатильной и, соответственно, рост оказывается неустойчивым и зависимым от конъюнктуры². И третье объяснение реализуется через механизм, который получил название «голландская болезнь».

Относительно первого объяснения стоит отметить, что качество институтов управления государством и влияние экспорта зерна на эти институты являются исключительно обширной темой, в частности в дискуссии по «ресурсному проклятию» был поставлен вопрос, является ли оно причиной или же следствием плохих институтов и неэффективной экономической политики³, соответственно, эта тема должна быть предметом отдельного исследования⁴.

Что касается второго объяснения, то в России ресурсное проклятие проявлялось в том, что приток в страну ресурсов при положительной конъюнктуре на внешних рынках не вел к долгосрочному росту промышленности, но при отрицательной конъюнктуре имел место сильный удар по всей экономике. Это было связано с тем, что наличие общины и других институтов традиционного общества сильно тормозило перемещение капитала и труда между секторами экономики, эластичность замещения ресурсов из аграрного сектора в промышленность была крайне низкая. Выигрыши от положительной конъюнктуры давали только краткосрочные эффекты. Медленный рост в обрабатывающих секторах и, как следствие, зависимость от экспорта ресурсов делали экономику чрезвычайно

¹ Hausmann R., Rigobon R. An alternative interpretation for the resource curse: theory and policy implications // Fiscal Policy Formulation and Implementation in Oil Producing Countries. Ed. by Davis and others. Washington: International Monetary Fund, 2003; Sala-i-Martin X., Subramanian A. Addressing the natural resource curse: an illustration from Nigeria // National Bureau of Economic Research Working Paper. Cambridge, Mass: NBER. 2003. No. 9804; Isham J., Pritchett L., Woolcock M., Busby G. The Varieties of Rentier Experience: How Natural Resource Endowments Affect the Political Economy of Economic Growth // The World Bank Economic Review. 2005. Vol. 19, No. 2. P. 141–174.

² Омес Н., Калчева К. Диагностика голландской болезни: есть ли симптомы у России? // Рабочий документ МВФ. 2007. № WP/07/012.

³ Daniele V. Natural resources and economic growth: a curse or a blessing? RePEc, 2011.

⁴ Существуют исследования, где ставится под сомнение отрицательная связь между экспортом ресурсов и развитием демократических институтов и доказывается наличие слабой положительной связи, которую авторы назвали «ресурсным благословием» (Haber S., Menaldo V. Do Natural Resources Fuel Authoritarianism? A Re-appraisal of the Resource Curse // American Political Science Review. 2011 February. P. 1–26).

уязвимой для неблагоприятных изменений на рынках зерна. Ценовой механизм, через который реализовывалось «ресурсное проклятие» в царской России (без использования термина «ресурсное проклятие»), был хорошо описан Б. Н. Мироновым для России XVIII—XIX вв.¹

Миронов обратил внимание, что тенденция в движении хлебных цен почти не зависела от урожая, а определялась экспортом, мировыми ценами на хлеб и денежной массой. Для длительных промежутков времени имело значение изменение соотношения цен па промышленные и сельскохозяйственные товары. Как правило, в условиях России исследуемого периода изменения промышленных цен не поспевали за изменением хлебных цен и сами эти изменения были менее существенными². То есть Миронов описал асимметрию влияния цен на сельское хозяйство, но если учесть, что аграрный сектор в 1900-х гг. составлял 51% ВВП³, то наше эмпирическое исследование подтвердило выводы, сделанные Б. Н. Мироновым.

Третье объяснение, связанное с концепцией «голландской болезни», мы хотели бы рассмотреть подробнее. «Голландская болезнь» — гипотеза о том, что непредвиденные доходы от природных ресурсов приводят к повышению реального обменного курса, что, в свою очередь, снижает конкурентоспособность производственного сектора⁴.

С некоторыми отличиями, связанными с валютной политикой, это очень похоже на то, что мы могли наблюдать в Российской империи исследуемого периода. С одной стороны, рост экспорта зерна способствовал росту ВВП, но, с другой стороны, консервировал аграрную специализацию России, что негативно сказывалось на росте промышленности.

Можно выделить несколько каналов, через которые могло реализовываться негативное влияние зернового экспорта на рост промышленности. Важнейшим из них является механизм цен. Миронов показал, что под воздействием роста хлебных цен страна уже в XVIII в. включилась в международное разделение труда в качестве поставщика сельскохозяйствен-

¹ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVII—XIX вв.) / под ред. А. Г. Манькова. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985.

² Там же.

³ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.) / *Economic growth of Russian empire (end of XIX — beginning of XX century)*: Новые подсчеты и оценки: пер. с англ. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. М.: РОССПЭН, 2003.

⁴ Омес Н., Калчева К. Диагностика голландской болезни: есть ли симптомы у России? // Рабочий документ МВФ. 2007. № WP/07/012.

ной продукции и импортера промышленных изделий. Это было обусловлено рядом обстоятельств: во-первых, традициями русского экспорта; во-вторых, малой конкурентоспособностью русских промышленных товаров на европейском рынке и высокой конкурентной способностью русского зерна, льна, пеньки и других сельскохозяйственных товаров благодаря их дешевизне, а также большим возможностям России по их производству вследствие колоссальных земельных ресурсов; в-третьих, простотой и доступностью цели: экспорт сельскохозяйственной продукции обеспечивал высокие доходы государству (от таможенных пошлин, от исправности налогоплательщиков), помещикам, отчасти крестьянству и купечеству, не требуя значительных капиталовложений и перестройки аграрной экономики и даже не нарушая традиционной структуры народного хозяйства¹. То есть, несмотря на рост ВВП, не было устойчивого роста, аграрный сектор развивался, по сути, в ущерб промышленному.

Консервация аграрной специализации проявлялась в том, что повышение цен на зерно на международном рынке оказывало негативное воздействие на развитие городов. Развитие торговой функции города существенно тормозилось конкуренцией со стороны сельских торговых центров и соперничеством горожан с помещиками и крестьянами, которые часто оказывались удачливее, в результате чего торговая сеть на селе развивалась более быстрыми темпами, чем в городах. Большую долю доходов от экспорта хлеба и других сырых продуктов получало дворянство, которое использовало эти деньги без всякой пользы для промышленности, почти исключительно на потребление импортных товаров, преимущественно предметов роскоши. Отставание роста зарплаты от роста цен на зерно отрицательно сказывалось на жизненном уровне городских жителей, занятых в промышленности и ремесле.

Миронов, который исследовал данные процессы для России XVIII–XIX вв., показал, что доля городских сословий в общем населении страны с 1719 по 1795 г. (в границах 1719 г.), когда на мировом рынке росли цены на зерно, понизилась с 3,64 по 3,51%; как только наступила аграрная депрессия первой трети XIX в., процент городских сословий стал расти и к 1833 г. составил 4,6, а с началом нового подъема хлебных цен во второй трети XIX в. он вновь несколько понизился — к 1857 г. составлял 4,5.

¹ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) / под ред. А. Г. Манькова. Ленинград: Наука: Ленингр. отд.-ние, 1985.

Таблица 2.36

**Численность городского и сельского населения в России и СССР
в XVIII–XX вв.***

Год	Городское	Сельское	Итого	% горожан
1742	2,3	15,4	17,4	13,0
1783	3,2	24,5	27,6	11,6
1825	4,2	42,0	46,2	9,1
1856	5,2	52,4	57,6	9,0
1869	6,2	59,5	65,7	9,5
1897	12,1	81,4	93,4	12,9
1914	19,5	108,2	127,7	15,3

* В XVIII — начале XX в. Европейская Россия без Польши и Финляндии.

Источники: Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 164–165; Миронов Б. Н. Русский город... С. 241–249; Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. С. 204–207; Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 10. СПб., 1875. Отд. 1. С. 18, 87–104; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 1, 12–13; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 5. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С. 5–24; Города России в 1910 году. СПб., 1914; Ежегодник России 1910 г. СПб., 1911. С. 49; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1916. С. 46–47.

Таким образом, экспорт зерна, негативно влияя на процесс урбанизации, тормозил и промышленное развитие. Наличие внешних рынков, повышая местные цены на зерно¹, вело к негативным последствиям в экономике. Во-первых, оказывая влияние на внутренние цены на зерно, рост экспорта создавал мотивацию для расширения посевных площадей, что негативно сказывалось на инвестировании в промышленность, так как перераспределяло ограниченные ресурсы в пользу аграрного сектора. И, во-вторых, экспорт зерна, способствуя росту внутренних цен на зерно и, соответственно, росту издержек промышленников, которым приходилось платить более высокие зарплаты рабочим, увеличивал издержки

¹ Ляшенко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: Описат.-стат. исслед. СПб.: М-во торг. и пром.-сти, 1912. С. 639; Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) / под ред. А. Г. Манькова. Ленинград: Наука: Ленингр. отд.-ние, 1985. С. 150–161.

и, следовательно, снижал конкурентоспособность российских промышленных изделий.

Но стоит отметить, что для России того периода можно говорить не о классическом варианте «голландской болезни», а о ее разновидности, так как не все условия, описанные в литературе, выполнялись.

С одной стороны, мы видим, что экспорт зерна способствовал развитию, преимущественно экстенсивному, аграрного сектора в ущерб промышленности, что соответствует механизму «голландской болезни», но, с другой стороны, мы не наблюдаем быстрый рост сектора услуг (табл. 2.37).

Таблица 2.37

**Структура чистого национального продукта Российской империи
в % (цены 1913 г.)**

	1885–1889 гг.	1909–1913 гг.
Аграрный сектор	57	51
Промышленность	23	32
Услуги	20	17

Источник: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.) / *Economic growth of Russian empire (end of XIX — beginning of XX century): Новые подсчеты и оценки:* пер. с англ. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. М.: РОССПЭН, 2003. С. 79.

Кроме того, при «голландской болезни» в ее современном варианте данный процесс реализуется через укрепление местной валюты, что не соответствовало ситуации в России того времени.

До 1897 г. Российская империя официально поддерживала гибкий обменный курс и отток валюты, что ослабляло рубль. Это способствовало повышению цен на импорт и мешало созданию благоприятного инвестиционного климата. Министерство финансов считало своей целью поддержание стабильности валюты для стимулирования иностранных инвестиций. В 1897–1899 гг. была проведена денежная реформа, в результате которой был принят золотой стандарт. Денежная реформа 1897 г., инициированная С. Ю. Витте, привела к введению золотого монометаллизма и свободного обмена золота на бумажные билеты по фиксированному курсу, что фактически означало установление фиксированного обменного курса. Для покрытия дефицита платежного баланса Российской империи приходилось использовать золотой запас. Между тем рост экспорта зерна позволил ограничить отток золота и тем самым способствовал экономической стабильности.

Ряд авторов¹ считали, что экспорт зерна поддерживает торговый и платежный баланс и тем самым способствует стабилизации валютного курса. Увеличение экспорта зерна, составляющего примерно половину всего объема экспорта, могло компенсировать отток валюты и золота, вызванный затратами, связанными с импортом и обслуживанием кредитов, что способствовало стабилизации валютного курса. В то время экспорт зерна находился под пристальным вниманием правительства. С его помощью оно хотело поддерживать активный торговый баланс, что помогало гасить внешние долги².

В течение 1885–1913 гг. расчетный баланс России в основном оставался отрицательным, а Российская империя была чистым должником.

Несмотря на отсутствие отдельных черт, характерных для «голландской болезни» в современных условиях, таких как рост сферы услуг и укрепление местной валюты, можно говорить о наличии разновидности «голландской болезни» в дореволюционной России, где механизм цен стимулировал крестьян и крупных землевладельцев сохранять и увеличивать ресурсы в аграрном секторе.

Следует отметить, что в тот период в России существовало много институциональных факторов, тормозивших рост промышленности, и ответ на вопрос, какова была роль именно экспорта зерна, требует дальнейших исследований. На данном этапе можно только констатировать, что существовала негативная взаимосвязь между экспортом зерна и ростом промышленности.

Как уже отмечалось, в литературе существует точка зрения, что в зависимости от существующей институциональной системы имеющиеся ресурсы могут как препятствовать, так и способствовать экономическому росту³. Не претендуя на всеобъемлющее объяснение данного феномена, мы хотели бы рассмотреть отдельные каналы, через которые экспорт зерна потенциально мог бы положительно влиять на рост промышленности, но в специфических условиях дореволюционной России такого влияния не оказывал.

¹ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 594 с.

² Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (from Sung China to the United States): Selected Counterfactuals // Journal of Globalization Studies. 2010. Vol. 1, No. 1, May. P. 6–28.

³ Wright G., Czelusta J. Why economies slow: The Myth of the Resource Curse // Challenge. 2004. No. 47:2. P. 36.

Сбережения в аграрном секторе и инвестиции как возможный источник роста промышленности. Организацию торговли зерном в данный период можно назвать одной из причин, объясняющей отсутствие положительной связи между экспортом зерна и ростом промышленности. Существующая в тот период организация торговли вела к тому, что доходы от экспорта зерна оказывались сильно рассредоточены между большим количеством участников и, соответственно, не происходило аккумуляции капитала для инвестирования. Доходы от экспорта зерна могли бы инвестироваться крестьянами и местными торговцами в местную промышленность, либо могли бы в виде сбережений поступать в финансовую систему и, таким образом, перераспределяться из аграрного сектора в промышленность, либо использоваться крупными фирмами для инвестиций в промышленных центрах, но в России практически до начала XX в. этот канал не работал. Рассмотрим данную проблему подробнее.

В дореформенное время зерно поставлялось на рынок помещиками. Торговля зерном велась крупным бизнесом, тесно связанным со своим регионом и кругом производителей. Строительство железных дорог изменило характер хлебозаготовок. Крестьянская реформа 1861 г. и развитие железнодорожного сообщения в 1860–1890-х гг. привели к вовлечению отдаленных территорий в хлебную торговлю и усилили разобщенность хлебопроизводителей. Это создало большое количество мелких покупателей, которые покупали и продавали хлеб небольшими партиями. В наибольшей степени от изменений пострадал средний капитал, который не мог конкурировать ни с мелкими покупателями в торговле хлебом, ни с крупным капиталом, задействованным в производстве и торговле хлебом¹. В этом сценарии крестьяне оказались основными поставщиками зерна на рынок.

Таким образом, в 1860-х и 1890-х гг. большинство экспортеров и торговцев зерном были мелкими предприятиями, не имевшими достаточно крупных капиталов, чтобы влиять на отрасль. То, что появление железных дорог имело критическое значение для изменения организации торговли, подтверждается тем фактом, что в Северо-Западном районе, где железные дороги оставались долгое время менее развитыми, организация торговли осталась прежней².

¹ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 80.

² Ляшенко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: Описат.-стат. исслед. СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912. С. 346.

Товарный хлеб больше не был монополизирован крупными капиталами (как это было в первой половине века). Крупные традиционные зерновые торговые дома, контролирующие рынок до строительства железных дорог, происходили преимущественно из Греции — компании Ралли, Родока-наки, Мавророгродато, Вальяно, также среди них были еврейские компании — Еврусси, Баржанский, Рафалович — и немецкие — Маас, международный дом Дрейфус¹. В этот период сами отечественные экспортеры распались на более мелкие единицы, а экспортом зерна, казалось, занималось все большее число мелких и неблагонадежных фирм². Теперь хлеботорговый аппарат в значительной степени состоял из мелких субъектов (скупщиков и комиссионеров), которые доставляли товары в порты и на железнодорожные станции. При этом не исчезла монополия на скупку зерна у деревенских торговцев и сговор между скупщиками зерна на ярмарках. Это вело к тому, что основные доходы оседали в руках посредников. Доход от роста цен преимущественно оставался в руках посредников, так как рост закупочных цен сильно отставал от роста экспортных цен. Например, при экспортной цене в 80 коп. крестьянам давали 75 коп., а при цене 1 руб. они получали 90 коп. В 1910 г. при цене на пшеницу 70–75 коп. и на кукурузу в початках 38–40 коп. скупщики забирали по цене аванса: пшеницу по 50 коп., а кукурузу по 25 коп. за пуд³.

Крестьяне соглашались на низкие цены по ряду причин. Во-первых, из-за отсутствия необходимой оперативной информации о ценах. Крестьяне, будучи отдалены от станции, были не в состоянии каждый день посылать туда человека, часто за 15–20 верст, поэтому они знали цены в лучшем случае вчерашнего дня, а большей частью бывшие 2–3 дня тому назад. Это давало возможность купцам скрывать настоящую цену на зерно⁴.

Во-вторых, из-за отсутствия альтернативы при реализации урожая: скупщики делили между собой деревни, и скупщик из другой деревни отказывался покупать зерно у крестьян из «чужого» района⁵.

¹ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 156–157.

² Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. АН СССР, Ин-т экономики. М.: Наука, 1991.

³ Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: Описат.-стат. исслед. СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912. С. 58.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же.

В-третьих, крестьяне старались реализовать урожай как можно быстрее из-за отсутствия качественных мест хранения, опасения осенних пожаров и, главное, нужды в деньгах¹, так как осенью необходимо было расплачиваться по всем обязательствам (налоги, кредиты, аренда), а возможности взять дешевый кредит в тот период у крестьянина практически не было.

Таким образом, у крестьян не оставалось ресурсов для сбережений и инвестирования в местную промышленность. Что касается посредников, то они были достаточно мелкие, работали на заемных деньгах, и аккумуляции капиталов у них в размерах, необходимых для инвестирования в промышленность, не происходило².

Увеличение накопления крестьянских денег на банковских счетах могло быть использовано для кредитования промышленности. Однако использование сбережений крестьян для ускорения промышленного роста является спорной темой. С одной стороны, если у крестьян не было достаточно денег на потребление, то, следовательно, у них практически не было сбережений. Некоторые авторы отмечают почти полное отсутствие сбережений у русского крестьянства того времени³. При этом средний уровень сбережений на душу зажиточных крестьян (4,6 руб.) в 1911 г. был значительно ниже, чем у немецких (33,05 руб.) или английских (78,2 руб.) крестьян⁴. С другой стороны, М. А. Давыдов приводит статистику роста сбережений в различных регионах, в том числе в сельской местности. Согласно этой статистике, объем вкладов сельского населения в Российской империи с 1897 по 1913 г. увеличился на 518,31%, тогда как само сельское население увеличилось за тот же период на 35,5%⁵. Возможно, во-первых, здесь сказывался эффект низкой базы и, во-вторых, скорее всего прирост сбережений шел не за счет крестьян из экспортно ориентированных районов, где наблюдался больший разрыв между осенними и весенними ценами. Сильный разрыв в ценах указывает на то, что в этих регионах население не имело возможности сберегать, так как, чтобы в срок расплатиться по всем обязательствам (налоги, кредиты, аренда), продавало осенью по низким ценам даже то зерно, которое было необходимо

¹ Ляшенко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: Описат.-стат. исслед. СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912. С. 47.

² Там же.

³ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петербург: Право, 1922. С. 72.

⁴ Мошенский С. З. Рынок ценных бумаг Российской империи. М.: Экономика, 2014. С. 221.

⁵ Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте — Столыпина. 2-е изд., исправл. и доп. СПб.: Алетейя, 2016. С. 388.

для того, чтобы дожить до следующего урожая¹. И соответственно, весной крестьяне вынуждены были покупать необходимое им зерно, что вело к росту цен на зерно.

Что касается инвестирования крупными компаниями, то крупные фирмы стали инвестировать в экспорт зерна только в начале XX в., когда наблюдается новая повышательная волна в ценах на зерно.

Последняя треть XIX в. ознаменовалась возрождением отечественного предпринимательства. Если раньше развитие промышленности поддерживалось государственными инвестициями, то в начале XX в. большинство предприятий финансировалось за счет акционерного капитала — как отечественного, так и иностранного². Дворяне искали новые способы получения доходов: некоторые из них создавали собственные промышленные предприятия и участвовали в акционерных обществах (например, А. И. Путилов). Освободившись от крепостной зависимости, ремесленники и крестьяне также начали создавать свои предприятия. Наконец, как старые (Строгановы), так и новообразованные (Морозовы) промышленные династии начали находить применение своему капиталу.

В результате этих процессов начало XX в. ознаменовалось возвращением крупного торгового капитала в торговлю зерном. Постепенно купцы стали активно использовать свои банковские кредиты, хотя более мелкие покупатели, как правило, полагались на личные связи, стали появляться элеваторы и крупные покупатели, связанные с банками. Перед Первой мировой войной крупный капитал проявлял активность как в торговле зерном, так и в основании мукомольных заводов и акционерных обществ. Например, в 1913 г. было основано Торгово-промышленное товарищество «Стахеев и Ко», участниками которого были И. И. Стахеев, купец, и А. И. Путилов, промышленник и глава Русско-Азиатского банка. Это товарищество стало одним из крупнейших монополистических объединений в Российской империи и имело разносторонние интересы, в том числе хлебную торговлю, металлообработку, нефтяные промыслы, текстильную и угольную промышленность, железные дороги. Другими известными аффилированными с банком предприятиями были торговая фирма Н. Мешкова и финансово-промышленная группа Гессен-Демкина. В Сибири скупкой и торговлей зерном занимался Крупновский союз. У этого союза были разнообразные интересы, включая мукомольные заводы, сибир-

¹ Ляшенко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: Описат.-стат. исслед. СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912.

² Мошенский С. З. Рынок ценных бумаг Российской империи. М.: Экономика, 2014. С. 114.

ские золотодобывающие и лесопромышленные предприятия, балтийское экспортное партнерство и российско-китайскую судоходную компанию.

Тем не менее движение к концентрации хлебной торговли началось лишь к XX в. Еще до Первой мировой войны торговля русским зерном происходила с множеством посредников, между которыми размывалась прибыль¹. Это препятствовало накоплению капитала и росту инвестиций.

Более того, несмотря на развитие отечественных фирм, в экспортной торговле того периода преобладал иностранный капитал². Следовательно, фирмы, получившие капитал от российской экспортной торговли, занимались инвестиционной деятельностью не в России, а за рубежом³.

Гипотеза об отрицательной связи между зерновым экспортом и инвестициями подтверждается эмпирически. Для проверки гипотезы использовалась модель VECM, в качестве зависимой переменной была выбрана стоимость основных производственных фондов и товарно-материальные запасы фабрично-заводской промышленности России⁴, так как эти переменные отражали количество накопленного промышленного капитала. Изменения этой переменной указывают на изменение инвестиций в отрасль.

$$\Delta \text{LogInvest}_t = \sum_{i=1}^{m-1} a_i \Delta \text{LogInvest}_{t-i} + \sum_{j=1}^{n-1} b_j \Delta \text{LogGr_exp_p}_{t-j} + \\ + \sum_{p=1}^{k-1} c_k \Delta \text{LogTruck}_{t-k} + \lambda \text{ECT}_{t-1} + \varepsilon_t.$$

Модель выявила отрицательную долгосрочную связь между экспортом зерна и промышленным капиталом.

Мы получили тот же результат даже после добавления дополнительной переменной, реального импорта. Модель выявила отрицательную долгосрочную связь между экспортом зерна и промышленным капиталом. Данная спецификация вынесена в приложение, так как при наличии столь небольшой выборки результаты модели с большим количеством уравнений и, соответственно, коэффициентов для оценки могут быть не очень информативны. Тем не менее, учитывая, что ни одна из спецификаций

¹ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 236.

² Там же.

³ Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (from Sung China to the United States): Selected Counterfactuals // Journal of Globalization Studies. 2010. Vol. 1, No. 1. May. P. 6–28.

⁴ Струмилин С. Г. Статистико-экономические очерки. М.: Госстатиздат, 1958. С. 537.

ни в одной из моделей не показала положительной значимой связи, делается вывод об ее отсутствии.

Другое объяснение негативного влияния экспорта зерна на инвестиции дали Г. Попов и Е. Чибисова¹. Опираясь на неоклассическую модель и теорию, предложенную П. Самуэльсоном, авторы сделали вывод, что «экспорт трудоемких товаров из страны может спровоцировать отток капитала в страны, специализирующиеся на выпуске капиталоемких товаров, поскольку экспорт трудоемкой продукции снижает спрос на капитал. Вывоз капитала из Российской империи перед Первой мировой войной был настолько масштабным, что вынуждал правительство обращаться к внешним займам. В связи с этим авторы ставят под сомнение, что положительный платежный баланс имеет всегда позитивный характер для национальной экономики. Поэтому хлебный экспорт России имел негативные последствия в долгосрочной перспективе, замедля модернизацию...»²

Потребление как возможный источник роста промышленности. В ряде стран, которые в исследуемый период являлись экономически более развитыми, т.е. имели более эффективные институты, инвестирование в промышленность стимулировалось спросом со стороны жителей аграрного сектора, чьи потребности росли вместе с ростом доходов.

Благосостояние крестьян в Российской империи во второй половине XIX в. было предметом анализа многих исследователей. Одна группа авторов, возглавляемая С. Нефедовым, утверждает, что русское крестьянство в этот период страдало от нехватки продовольствия. Среди прочего это произошло потому, что рост населения превышал рост сельскохозяйственной продукции. Более того, С. Нефедов утверждает, что вывоз хлеба еще больше усугубил проблему голодания крестьян³. Иными словами, увеличение вывоза зерна вело к уменьшению потребления. Соответственно, крестьяне предъявляли низкий спрос на промышленные товары.

Другая группа авторов во главе с Б. Мироновым оспаривает этот вывод и утверждает, что благосостояние крестьян в этот период росло⁴. Эту точку

¹ Попов Г., Чибисова Е. Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи. За или против неоклассических теорем внешней торговли? // TERRA ECONOMICUS. 2016. Т. 14, № 33. С. 87–100.

² Там же.

³ Нефедов С. А. О причинах русской революции / отв. ред.: Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Российская академия наук, Ин-т прикладной математики им. М. В. Келдыша. М.: URSS, 2010. С. 42.

⁴ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVII — начало XX века. Российская акад. наук, Ин-т российской истории. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.

зрения разделяет и М. Давыдов, который в своей книге «Двадцать лет до Великой войны» пытается опровергнуть тезис о так называемом «голодном экспорте». Он утверждает, что статистика урожайности, предоставленная Центральным статистическим комитетом МВД, не вполне достоверна и экспорт хлеба не вел к массовому голоду¹.

С нашей точки зрения, можно говорить о реальном росте благосостояния в России в конце XIX — начале XX в. Но, во-первых, этот рост был неравномерным, даже если мы говорим только о крестьянах². И во-вторых, рост благосостояния мог выражаться в сокращении трудовых затрат при достижении определенного уровня доходов, а не увеличении ассортимента потребляемых товаров. Некоторые исследователи крестьянского хозяйства отмечали, что крестьяне уменьшали посевные площади при росте цен на производимое ими зерно³. Данное поведение не соответствовало тому, что имело место в западноевропейских странах, где по мере развития рыночных отношений крестьяне увеличивали интенсивность труда для покупки дополнительных потребительских товаров. Данное явление получило название «революция трудолюбия»⁴. В России элементы такого поведения можно было наблюдать только в польских, прибалтийских губерниях и некоторых юго-западных регионах⁵. В остальных же регионах и даже экспортно ориентированных губерниях данные тенденции не наблюдались. Таким образом, можно предположить, что потребление крестьян экспортных губерний не оказывало значительного влияния на рост промышленности. Что касается крупных землевладельцев, то они предпочитали покупать импортные товары, а не отечественные, т.е. доходы, получаемые крупными землевладельцами от экспорта, способствовали скорее развитию зарубежной промышленности, а не российской.

¹ Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте — Столыпина. 2-е изд., исправл. и доп. СПб.: Алетей, 2016. 1072 с.

² Rozinskaya N., Sorokin A., Artamonov D. Peasants' inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia // *Scand. Econ. Hist. Rev.* 2021. No. 69 (3). P. 253–277.

³ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство // Избр. тр. / редкол.: А. А. Никонов (отв. ред.) и др. Ин-т экономики АН СССР и др. М.: Экономика, 1989; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. АН СССР, Ин-т экономики. М.: Наука, 1991.

⁴ De Vries J. The Industrial Revolution and the Industrious Revolution // *The Journal of Economic History*. 1994. Vol. 54, No. 2. Papers Presented at the Fifty-Third Annual Meeting of the Economic History Association. P. 249–270.

⁵ Ляшенко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: Описат.-стат. исслед. СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912. 656 с.

Рынок труда как возможный источник роста промышленности. Экспорт зерна мог повлиять на промышленный рост через распределение труда. Высокий спрос на рабочую силу в сельском хозяйстве, вызванный ростом спроса на зерно, в совокупности с введением институциональных ограничений мог вызвать замедление роста предложения рабочей силы в промышленности. Постоянный рост спроса на хлебный экспорт увеличивал общий спрос на зерно в стране и тем самым замедлял процесс пролетаризации крестьян.

То есть экспорт зерна позволял крестьянам поддерживать их хозяйства и тем самым снижал стимулы для бедных крестьян уходить в города, замедляя приток рабочей силы. Стоит отметить, что экспорт зерна, видимо, сдерживал переток, но он не был главным фактором, сдерживающим миграцию крестьян в города. Главным препятствием для перетока рабочей силы из села в город были институциональные ограничения — сохранение общины.

Несмотря на то что существовали факторы, сдерживающие расслоение крестьянства, существовали регионы, где рост населения вел к малоземелью и соответственно к появлению крестьян, которые не могли прокормиться со своего участка земли. И в этих случаях для определенных групп крестьян экспорт зерна создавал стимулы мигрировать не в город, а в другие регионы, где были свободные земли. Этому способствовала и политика государства по регулированию железнодорожных тарифов, которая стимулировала перевозки зерна к портам из дальних районов России.

Многие авторы отмечали специфику миграционных процессов в дореволюционной России, которая состояла в том, что существовало два типа миграции. Во-первых, миграция в города и, во-вторых, миграция на новые земли, где заводи́ли новое хозяйство, но использовали старые (традиционные) способы хозяйствования¹. То есть рабочая сила вместо того, чтобы насыщать рынок труда в городах и способствовать индустриализации, перемещалась на новые земли, сохраняя старые способы ведения хозяйства. Это было наглядное проявление «ресурсного проклятия», так как именно обилие земель позволяло крестьянам не выходить на рынок труда.

¹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация: государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1905; Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 5. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 493–494.

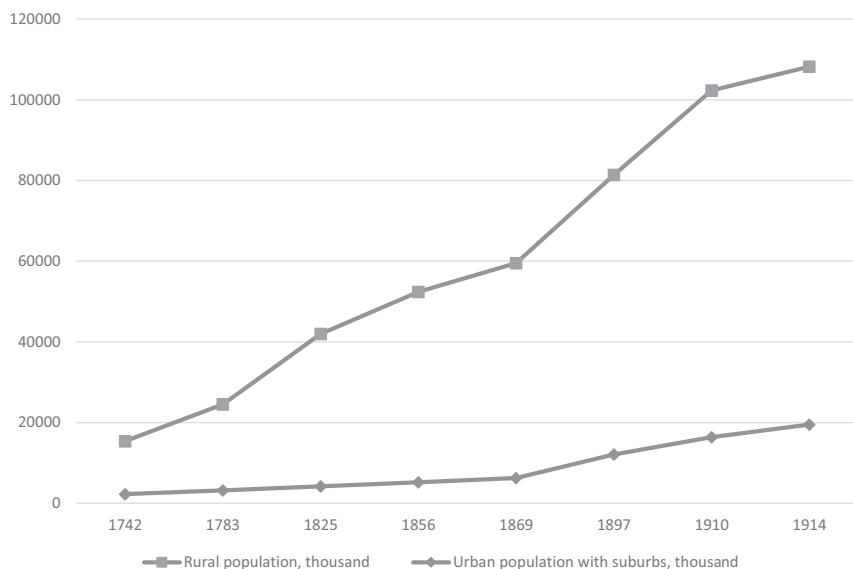

Рис. 2.12. Численность городского и сельского населения в европейской части России без Польши и Финляндии в XVIII — начале XX в.

Источник: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. Т. 1. 3-е изд. М., 2003. С. 315.

На новые земли шли из районов, где было малоземелье или где было много земли, но она истощилась, а ресурсов для удобрений (интенсивного хозяйства) не было. Именно к последним относились многие экспортно ориентированные губернии Юго-Западного региона Российской империи.

Статистика переселенцев в Сибирь и в Кубанскую область показывает, что доля приехавших из ряда экспортно ориентированных регионов была выше, чем из других регионов (табл. 2.38).

Таблица 2.38

**Из каких губерний Европейской России направлялись переселенцы
в Сибирь**

Группы губерний (по группировке, принятой в статистике того времени)	Входящие в них губернии	Число выходцев, тыс. чел.	Число выходцев, % к итогу
Центрально-черноземные	Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Тульская и Рязанская	1086,7	24,0
Малороссийские	Черниговская, Полтавская, Подольская, Волынская и Киевская	1089,6	24,2
Новороссийские	Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Харьковская, Бессарабская и Область Войска Донского	786,6	17,4
Западные	Могилевская, Минская, Витебская, Виленская, Гродненская, Смоленская, Псковская	716,0	15,8
Приволжские	Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская	377,9	8,7
Приуральские	Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская	250,9	5,6
Центральные	Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Калужская, Нижегородская	80,2	1,8
Северные	Петербургская, Новгородская, Вологодская, Архангельская	26,8	0,5
Прибалтийские	Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Эстлянская	31,5	0,7
Кавказ и Нижняя Волга	Кубанская, Ставропольская, Тюркская, Черноморская, Астраханская и Закавказье	58,0	1,3
Итого	(Без губерний Царства Польского)	4504,8	100,0

Примечание: данные табл. 2.35 относятся к периоду с 1896 по 1912 г.

Источник: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

Таблица 2.39

**Отдельные губернии Европейской России
с наиболее значительным числом переселенцев в Сибирь
за период 1885—1914 гг**

Губернии выхода	Число семейных переселенцев, тыс.	Губернии выхода	Число семенных переселенцев, тыс.
Полтавская	421,9	Орловская	161,4
Курская	308,5	Самарская	157,0
Черниговская	294,7	Херсонская	156,7
Воронежская	237,5	Витебская	141,9
Харьковская	220,0	Вятская	127,4
Могилевская	214,9	Пензенская	124,4
Екатеринославская	202,7	Таврическая	122,5
Тамбовская	198,0	Саратовская	100,2
Киевская	187,9		

Источник: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.): стат. очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

Наибольшее число переселенцев в Сибирь, как видно из табл. 2.40, дали три губернии: Полтавская, Курская, Черниговская.

Таблица 2.40

Переселенцы Кубанской области

Губернии (из которых вышли переселенцы)	Число переселенцев, тыс.	Губернии (из которых вышли переселенцы)	Число переселенцев, тыс.
Воронежская	118,7	Киевская	18,9
Харьковская	112,0	Херсонская	18,6
Полтавская	88,1	Саратовская	15,0
Курская	83,0	Рязанская	12,6
Екатеринославская	66,0	Ставропольская	9,7
Черниговская	44,6	Бессарабская	7,8
Орловская	29,7	Тульская	7,5

Окончание табл. 2.40

Губернии (из которых вышли переселенцы)	Число переселенцев, тыс.	Губернии (из которых вышли переселенцы)	Число переселенцев, тыс.
Донская область	23,2	Калужская	5,3
Таврическая	20,9		
Тамбовская	19,1	Всего по 18 ¹ губерниям	760,7

Источник: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

Основную массу переселенцев в Кубанскую область составляли выходцы из Воронежской, Харьковской, Полтавской, Курской, Екатеринославской, Черниговской и Орловской губерний.

С другой стороны, если посмотреть на статистику переселявшихся в основные промышленные центры (Москва, Санкт-Петербург), то видно, что среди основных реципиентов практически нет экспортно-ориентированных губерний (табл. 2.41).

Таблица 2.41

**Распределение пришлого населения Москвы в 1902 г.
по месту их рождения**

Из каких губерний	В тыс.	В % к итогу
Всего пришлого населения из губерний Европейской России	772,6	100,0
В том числе из губерний:		
Московской	214,6	27,8
Тульской	99,6	12,8
Рязанской	94,8	12,3
Калужской	67,4	8,7
Смоленской	48,6	6,3
Тверской	41,7	5,4
Владимирской	39,8	5,2
Ярославской	23,2	3,0

¹ 18 земледельческих губерний и областей, которые дают 84% всех переселенческих семей.

Окончание табл. 2.41

Из каких губерний	В тыс.	В % к итогу
Тамбовской	13,0	1,7
Петербургской	10,4	1,3
Орловской	10,3	1,3
Костромской	8,9	1,2

Таблица 2.42

**Распределение жителей Петербурга — крестьян в 1910 г.
по месту их рождения**

Из каких губерний	В тыс.	В % к итогу
Всего учтено крестьян	1076,4	100,0
В том числе из губерний:		
Тверской	210,8	19,6
Ярославской	133,5	12,4
Новгородской	88,0	8,2
Петербургской	85,3	7,9
Псковской	84,0	7,8
Рязанской	50,4	4,7
Витебской	47,6	4,4
Смоленской	40,3	3,7
Костромской	40,1	3,7
Калужской	24,9	2,3
Виленской	23,7	2,2
Московской	22,7	2,1
Вологодской	22,4	2,1
Тульской	20,0	1,9
Олонецкой	14,5	1,3
Лифляндской	13,4	1,2
Ковенской	13,2	1,2

Источник: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

К сожалению, у нас нет статистики о реципиентах городов, которые являлись центрами экспортно ориентированных губерний, но если мы посмотрим на уровень урбанизации, которого достигли эти губернии к 1914 г. (табл. 2.43), то видно, что он оставался крайне низким¹.

Таблица 2.43

**Численность городского населения 50 губерний Европейской России
на 1 января 1914 г.**

Губернии	Численность городского населения		Губернии	Численность городского населения	
	в тыс.	в % ко всему населению		в тыс.	в % ко всему населению
50 губерний Европейской России	18 596,8	15,3	Могилевская	264,9	10,7
В том числе:			Полтавская	403,4	10,6
Петербургская	2328,9	73,9	Ковенская	195,1	10,5
Московская	1900,2	52,9	Смоленская	219,0	10,1
Лифляндская	682,2	39,1	Казанская	280,1	9,8
Херсонская	1118,6	29,9	Минская	297,2	9,8
Курляндская	215,3	27,0	Пензенская	187,1	9,8
Таврическая	417,2	22,9	Калужская	132,8	9,0
Эстляндская	112,1	22,1	Курская	290,5	8,9
Гродненская	371,6	18,1	Подольская	357,7	8,8
Киевская	863,3	18,0	Нижегородская	179,9	8,7
Витебская	326,2	16,7	Тамбовская	304,4	8,6
Ярославская	207,6	16,0	Волынская	352,3	8,4
Саратовская	518,0	15,8	Олонецкая	36,1	7,8
Харьковская	536,4	15,7	Костромская	139,0	7,6

¹ Следует отметить, что уровень урбанизации был несколько выше, чем показывала официальная статистика, так как не учитывались фабричные и торгово-промышленные местечки и села.

Окончание табл. 2.43

Губернии	Численность городского населения		Губернии	Численность городского населения	
	в тыс.	в % ко всему населению		в тыс.	в % ко всему населению
Бессарабская	411,1	15,5	Тверская	179,2	7,5
Екатеринославская	516,5	14,9	Симбирская	151,5	7,3
Астраханская	187,9	14,3	Рязанская	200,0	7,2
Виленская	289,2	13,9	Новгородская	110,1	6,6
Владимирская	276,6	12,6	Псковская	92,1	6,5
Оренбургская	267,2	12,3	Самарская	242,2	6,4
Архангельская	58,0	12,0	Пермская	253,8	6,3
Тульская	225,1	11,9	Уфимская	187,9	6,1
Орловская	320,0	11,6	Воронежская	207,4	5,7
Область Войска Донского	417,2	10,8	Вологодская	93,8	5,4
Черниговская	336,8	10,8	Вятская	134,0	3,4

Источник: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.): стат. очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

То есть можно сделать вывод, что население экспортно ориентированных губерний не являлось источником для пополнения рынка труда в городах. Крестьяне этих регионов, даже те, кто столкнулись с проблемой малоземелья, предпочитали переезжать в другие регионы и продолжать заниматься сельским хозяйством. В данной работе мы лишь отмечаем этот факт, объяснение которого требует отдельного исследования.

Выводы. В данном параграфе проанализирована взаимосвязь между экспортом зерна и промышленным ростом в Российской империи в конце XIX и начале XX в. Анализ показывает, что не подтверждается распространенная в литературе гипотеза о положительном влиянии зернового экспорта на промышленность. Было обнаружено, что между экспортом зерна Российской империи и промышленным ростом в течение этого периода существовала долгосрочная отрицательная связь. В работе показано, что использование термина «ресурсное проклятие» применимо к ситуации дореволюционной России.

В работе рассмотрен ряд каналов, которые в других странах способствовали положительному влиянию аграрного экспорта на рост промышленности, но не работали в России в исследуемый период из-за институциональных особенностей. Это было связано с недостаточностью развития рыночных институтов, существованием общины и низким спросом со стороны крестьян на промышленные товары. Важнейшей детерминантой, тормозившей аккумуляцию и инвестирование капиталов от экспорта зерна, была организация торговли. Во второй половине XIX в. экспортерами зерна были преимущественно мелкие предприятия. К началу XX в. экспортеры зерна стали укрупняться; однако все еще оставалось много посредников, которые вызывали размывание прибыли от экспорта зерна среди них. Более того, фирмы, занимавшиеся экспортом, предпочитали инвестировать за пределы Российской империи. Все это консервировало аграрную специализацию России и тормозило развитие промышленности.

Эти результаты согласуются с основными выводами литературы о «ресурсном проклятии», демонстрируя отсутствие положительной корреляции между экспортом сырья и экономическим ростом. Но этот вывод не подтверждает утверждения Барбье¹ о том, что вклад природных ресурсов в экономический рост в период после 1950 г. был меньше, чем в период до 1914 г., причины этого требуют дальнейшего изучения.

Полученные в работе выводы могут быть сопоставлены с результатами исследований о «ресурсном проклятии» в современной России. Такое сопоставление открывает интересные перспективы для анализа эффекта колей, исследования *persistence* и влияния исторически сложившихся институтов на социально-экономическое развитие страны.

Таким образом, из-за отсутствия развитой рыночной инфраструктуры, наличия западных конкурентов, инерционности крестьянских хозяйств экспорт зерна не смог сыграть той роли в модернизации экономики и запуске экономического развития, как это было в Англии, США, Испании (в период Первой мировой войны).

¹ Barbier E. Natural resources and economic development. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

ГЛАВА 3

Анализ институциональных особенностей аграрного переворота в России на рубеже XIX–XX вв.

3.1. Эволюция прав собственности податного населения на землю и институциональная основа крестьянского землевладения¹

В России в конце XIX в. только начали формироваться предпосылки для аграрной революции / аграрного переворота. Недостаточный уровень развития аграрного сектора проявился в том, как Россия отреагировала на снижение цен после 1870 г. В отличие от ряда европейских стран, где снижение цен способствовало росту эффективности, в частности специализация на животноводстве была одним из способов справиться с вызовом аграрной депрессии, в России это привело лишь к дальнейшему росту количества пахотных земель. В отличие от многих европейских стран в России рост продукции аграрного сектора осуществлялся преимущественно за счет увеличения посевных площадей², т.е. в большинстве регионов не было роста эффективности³.

Прежде всего это, конечно, было связано с наличием земель, которые можно было дополнительно распахать, но не менее важной причиной отсутствия роста эффективности в аграрном секторе были нечет-

¹ Розинская Н. А. Эволюция прав собственности на землю непривилегированных слоев Российской империи // ЭКО. 2025. № 1. С. 187–204.

² Прокопович С. Н., Мертваго А. П. Библиотека Хозяина: Беспл. прил. к журн. «Хозяин». 1907. № 11: Сколько в России земли и как мы ею пользуемся; Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. 2-е перераб. и доп. изд. М.: Новый агроном, 1928. 239 с.

³ van Zanden J. L. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914 // The Economic History Review. 1991. Vol. XLIV, No. 2. P. 215–239.

кие права собственности, которые существовали в Российской империи до реформы 1861 г. и которые сложились после нее и последующих законодательных актов. Несмотря на то что до реформы более половины крестьян не были крепостными, их права собственности на землю были сильно ограничены государством и общиной.

Как показывает история стран Западной Европы, аграрный переворот начинается с институциональных изменений, связанных с правами собственности. Эмпирически факт того, что эффективная защита прав собственности является предварительным условием развития конкуренции, было доказано на данных по России в период перехода от плановой экономики к рыночной¹. В связи с этим представляется важным проследить эволюцию формирования частной собственности на землю в Российской империи.

В данный момент в отечественной и зарубежной англоязычной литературе отсутствует комплексный анализ эволюции прав собственности на землю в дореволюционной России. Есть работы, посвященные отдельным периодам² или отдельным регионам³, чаще всего права собствен-

¹ Avdasheva S. B., Kuznetsov B. V., Shastitko A. Y. Competition and industrial organization in transition markets: What can we derive from empirical studies? // *Post-Communist Economies*. 2007. Vol. 19, No. 1. P. 17–33.

² Якушкин В. Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. // Соч. В. Е. Якушкина. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. С. 98–120; Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. М., 1984; Швейковская Е. Н. Государство и черносошные крестьяне России XVII в.: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02. М., 1993; Ибрагимов К. Х. Правовое регулирование земельных отношений в России: середина XVII — XVIII веков: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2008; Езжева М. Н. Сравнительно-правовой анализ форм дворянской земельной собственности в России в XIX веке // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2010. № 4. С. 5–11; Жарова С. Н., Савельев Е. Г. Сельская крестьянская община и судебные споры крестьян о землевладении на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. 2013. Т. 13, № 4. С. 13–17; Васев И. Н. Право на землю в правосознании русского общинного крестьянства // *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы*. 2014. № 11. С. 63–66; Анисимов П. В., Савченко А. А. Генезис правового регулирования земельных отношений в Российской империи XIX — начала XX в. // *Философия права*. 2014. № 6 (67). С. 64–68; Nafziger S. Peasant Communes and Factor Markets in Late Nineteenthcentury Russia // *Explorations in Economic History*. 2010. No. 47(4). P. 381–402.

³ Ефименко А. Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // *Исследования народной жизни*. Вып. I. М., 1884; Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII вв. М., 1997; Гарбуз И. В. Земельные отношения в Забайкальской области во второй половине XIX века // *Гуманитарный вектор*. 2011. № 3 (27). С. 31–39; Плотская О. А. Обычно-правовое регулирование земельных отношений у коми (зырян) в период общинного владения землей // *История государства и пра-*

сти крестьян рассматриваются в связи с аграрной реформой Столыпина¹. В статье И. В. Кочневой охватывается весь дореволюционный период, но рассматриваются только землевладения государства, дворян и крепостных крестьян, причем без привлечения законодательных актов². Проблемы прав собственности также касались авторы монографий по истории России, но данная проблема не являлась в этих работах центральной и, соответственно, не рассматривалась достаточно подробно³.

Формирование прав собственности на землю для дворянства имело свою специфику и может быть предметом отдельного исследования. В данной работе будет обсуждаться проблема прав собственности на землю для крестьян и других податных сословий. Таким образом, она вносит вклад в разработку вопроса о правах собственности на землю в Российской империи.

3.1.1. Эволюция прав собственности на землю до 1861 г.

Государство пыталось ограничить право частной собственности на землю для крестьян начиная с XVII в. После Смутного времени государство в рамках сильно ограниченных в тот период возможностей пыталось упорядочить социальную структуру общества и если не увеличить, то хотя бы предотвратить сокращение налогоплательщиков⁴. Одним из способов решения этой проблемы было недопущение перехода черных земель, т.е. земель, с которых платились налоги, в руки представителей социальных групп, которые по разным причинам могли этого не делать.

ва. 2014. Т. ХСV, № 10. С. 1214–1220; Ибрагимов К. Х. Правовое регулирование земельных отношений в России: середина XVII — XVIII веков: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2008.

¹ Кораблев Н. А. Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии: проблемы землеустройства // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 93–103; Забоенкова А. С. Правовое положение надельной земли в период аграрной реформы П. А. Столыпина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 6. С. 96–103.

² Кочнева И. В. Государственная политика в сфере земельных отношений в дореволюционный период: исторический аспект // Вестник ЗабГУ. 2014. № 07 (110). С. 83–93.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluchlec.htm>; Корнилов А. А. Курс русской истории XIX века. URL: <http://rushist.com/index.php/kornilov/1166-rasprostranenie-reformy-1861-na-udelnykh-i-gosudarstvennykh-krestyan>; Розинская Н. А. Социально-экономическая история России: учебно-методическое пособие. Т. 1. М.: ТЕИС, 2009.

⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция 43. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch43.htm> (дата обращения: 03.03.2024).

Так, Указом от 18 марта 1636 г. Михаил Федорович запретил отчуждение черных земель, т.е. «дворов, дворовых и огородных мест, лежащих в Белом каменном городе и за городом»¹, а 17 октября того же года запретил продажу земель «иностранцам, подьячим и иным всяких чинов мелким людям»². Соборное уложение 1649 г., прикрепившее к земле не только владельческих крестьян, но также дворцовых и черносошных, практически никак не повлияло на права собственности на землю для последних. Так же как и ранее, они имели право отчуждать свою землю при условии, что новый владелец будет продолжать выполнять все податные обязательства³. Тем не менее на протяжении всего XVII в. прослеживается тенденция правительственного курса к удержанию черносошных крестьян на их тяглых землях. Оно неоднократно издавало указы и распоряжения, запрещавшие черносошным крестьянам отчуждать земли помещикам и беломестцам, в 1624, 1646, 1651 и 1690 гг.⁴

Стоит отметить, что Петр I, нарушая начавшийся в XVII в. тренд на ограничение крестьянских прав на распоряжение землей, издает указы, из которых следует, что крестьяне могут владеть землей на праве частной собственности. Например, Указ от 15 июня 1700 г. гласит: «Во всех Московских слободах тяглецам тяглые дворы свои продавать и закладывать и за иски отдавать беломестцам всяких чинов людям всем вольно, а оброк с тех дворов беломестцам же платить по договору с тяглецы тое слободы... против платежей прошлых последних годов»⁵. Еще одним примером того, что Петр I не считал необходимым ограничивать частную собственность крестьян, был закон, по которому «доносители на дворян имели право на имущество и деревни виновных независимо от своей сословной принадлежности»⁶. При Екатерине II закон будет изменен, и доносители будут получать лишь денежное вознаграждение⁷.

Таким образом, со временем тенденция на сокращение прав крестьян на распоряжение земельной собственностью, начавшаяся задолго до пе-

¹ Курдиновский В. И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. Экономическая типография, 1899. С. 291–293.

² Там же.

³ Розинская Н. А. Социально-экономическая история России: учебно-методическое пособие. М.: ТЕИС, 2009.

⁴ Швейковская Е. Н. Государство и черносошные крестьяне России XVII в.: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02. М., 1993.

⁵ ПСЗРИ. Т. 4. № 1798. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁶ ПСЗРИ. Т. 5. № 2845. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁷ ПСЗРИ. Т. 17. № 12178. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

тровских реформ и, несомненно, усилившаяся в том числе и правилами взимания подушной подати, оказалась сильнее, и практика землевладения развивалась в сторону исчезновения частной собственности у крестьян¹.

Основными принципами, которые долгое время после Петра I будут составлять основу поземельной политики российского государства, являлись неотчуждаемость участка; уравнительный надел, соразмерный с повинностями; обеспечение запаса земель для будущего прироста населения и другие меры, необходимые для обеспечения надела достаточного размера для выполнения повинностей. При Петре эти принципы использовались в процессе наделения землей ямщиков, инородцев (калмыков — 1717 г.), некоторых разрядов государственных крестьян. В частности, Указом 1712 г. о заселении Ингерманландии был четко определен надел земли для каждого крестьянина, необходимый для исполнения государственных повинностей².

На протяжении еще нескольких десятилетий после правления Петра I сохраняются случаи покупки земли крестьянами³. Но постепенно эта практика исчезает, так как покупка земли становится привилегией дворянства. Правда, иногда для отдельных групп делаются исключения. Так, Елизавета Петровна, ссылаясь на Указ 1725 г., запрещает отбирать земельные участки у посадских людей в Устюжской провинции и передавать их в пользование половникам. И более того, указ подтверждает разрешение на осуществление в Устюжской провинции купли-продажи земельных участков между посадскими и черносошными крестьянами. Интересно, что объясняется такое решение желанием избежать «опустошения земель от разброду черносошных крестьян...»⁴.

Но стоит отметить, что такого рода исключения возможны были только для юридически свободных крестьян. Крепостные крестьяне, хотя и могли вступать в земельные отношения, но юридически это никак не могло быть оформлено, так как крепостные крестьяне не являлись субъектами права.

¹ Розинская Н. А. Петровские реформы в аграрном секторе: достигнутые результаты и непреднамеренные последствия // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 58(2). С. 126–146.

² Якушкин В. Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. // Соч. В. Е. Якушкина. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. С. 98–120.

³ Ибрагимов К. Х. Правовое регулирование земельных отношений в России (середина XVII – XVIII век): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 114.

⁴ ПСЗРИ. Указ от 23 марта 1753 г. № 10082. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

Проведенные Петром I налоговые, земельные и административные реформы способствовали формированию устойчивой социально-экономической системы, основанной на таких институтах стабильности, как передельная община с ее системой самоуправления, круговая порука, подушная подать при ответственности помещика (как владельца земли) перед государством за налоговые поступления, рекрутский набор и административный порядок в своих имениях. Таким образом, государству не нужно было тратить ресурсы на дополнительных чиновников, полицейских, судей, которые регулировали бы социально-экономическую деятельность крепостных крестьян, так как эти функции выполняли помещики и органы самоуправления общины.

Созданная при Петре институциональная система способствовала тому, что усиливалось укрепление дворянских прав собственности на землю при растущих ограничениях прав для всех остальных сословий. Этому способствует процесс межевания земель, начатый при Елизавете Петровне, но основной вклад в этот процесс вносит изданный Петром III 18 февраля 1762 г. «Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», в котором дворянство было освобождено от обязанности нести государственную службу. Это принципиально расширяло права собственности дворян на землю и создавало безусловное право владения землей, но о полноценной частной собственности говорить нельзя, так как это право остается тесно связано с рядом обязательств перед государством и перед крестьянами. Кроме того, вновь появляются майораты, т.е. земли, находившиеся во владении рода без права отчуждения¹. Укреплению дворянского права собственности на землю также способствовали продолжение работ по межеванию и расширение в судебной практике института давности.

Права собственности на землю других сословий в этот период продолжают ограничиваться. Так, Указом от 4 мая 1768 г. «О несовершении купчих крепостей на продажу недвижимых имений черносошными крестьянами» подтверждается запрет, который раньше был прописан в инструкции Межевой канцелярии, государственным крестьянам и купцам на продажу недвижимых имений². Окончательно монопольное право собственности дворянства на землю было введено 21 апреля 1781 г., когда

¹ Езжева М. Н. Сравнительно-правовой анализ форм дворянской земельной собственности в России в XIX веке // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2010. № 4. С. 5–11.

² ПСЗРИ. Указ от 4 мая 1768 г. № 13114. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

была издана «Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства»¹.

Таким образом, сложилась система, при которой земля принадлежала либо государству, либо дворянству. Крепостные работали на землях, которыми владели дворяне, государственные крестьяне — на землях, которыми владело государство, и это было четко зафиксировано еще в «Инструкции Межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам»². При этом права использования земель, на которых работали крестьяне, были у общины. Именно община распределяла земли: у крепостных крестьян чаще всего в соответствии с тяглом, у государственных — в соответствии с количеством душ.

Переделы поддерживались и поощрялись государством, так как подушная подать была для всех крестьян в рамках определенной социальной группы одинаковой (различалась в зависимости от того, являлись крестьяне государственными или владельческими), то государство считало необходимым, чтобы каждый плательщик имел необходимое количество земли для исполнения налоговых обязательств, причем государство не было заинтересовано в увеличении количества земли у отдельных крестьян, так как это не вело к изменению уплачиваемых налогов. В сенатском Указе 1800 г. «О переселении казенных крестьян...» предписывалось: «...ежели, где у казенных крестьян земли недостаточно, а у других находится излишек... учинить между ними полезное уравниение... соблюсти по крайней возможности такое правило, чтобы всякий из поселян казенных, будучи одинаковою повинностью обязан, одинаковые ж со стороны земельного пространства и почвы имел выгоды»³.

Важнейшим событием, положившим начало изменениям сложившейся системы прав собственности на землю, был Указ от 12 декабря 1801 г., который давал право государственным крестьянам, купцам и мещанам приобретать земли в частную собственность. «...12 декабря 1801 г., в день рождения императора, обнародован был еще более важный указ, предоставлявший лицам всех свободных состояний приобретать вне городов в собственность недвижимые имущества без крестьян; этим правом могли воспользоваться купцы, мещане, казенные крестьяне. Закон 12 декабря разрушил вековую землевладельческую монополию дворянства, которое одно дотоле пользовалось правом приобретать землю в личную собственность. Ободренные этим первым начинанием, некоторые свободомыс-

¹ ПСЗРИ. Указ от 21 апреля 1781 г. № 16187. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

² ПСЗРИ. Указ от 25 мая 1766 г. № 12659. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

³ ПСЗРИ. Указ от 30 июля 1800 № 19500. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

лящие помещики возымели желание, вступая в соглашение со своими крепостными крестьянами, освобождать их на волю целыми селениями. Доселе не существовало закона о таком массовом освобождении крестьян. Так, воронежский помещик Петрово-Соловово заключил сделку с 5001 душой своих крестьян, предоставив им в собственность земли, которые они обрабатывали, с условием выплатить ему в 19 лет 1 1/2 млн руб. Сын екатерининского фельдмаршала граф Сергей Румянцев задумал отпустить на волю 199 душ своих крестьян с землей по добровольному соглашению с ними, но при этом он представил правительству проект общего закона о сделках помещиков с крепостными крестьянами. Правительство приняло этот проект, и 20 февраля 1803 г. был издан указ о свободных хлебопашцах: помещики могли вступать в соглашение со своими крестьянами, освобождая их непременно с землей целыми селениями или отдельными семьями. Эти освобожденные крестьяне, не записываясь в другие состояния, образовали особый класс “свободных хлебопашцев”»¹.

До закона 1801 г. среди податного населения некое подобие права частной собственности на землю было у однодворцев, которых в начале XIX в. насчитывалось примерно 1 млн человек. Однодворцы владели землей на так называемом четвертном праве, которое позволяло им передавать свою землю по наследству, но не позволяло ее продавать. Указ 1831 г. «О землях, какие могут однодворцы продавать или передавать в частные владения» конкретизирует и закрепляет эти права².

Помимо законов 1801 и 1803 гг., государство ограничило право собственности дворян на землю, введя в 1827 г. закон, который предписывал переход в казенное заведование имений, в которых оставалось после продажи или залога земли менее 4,5 десятины на крестьянскую душу. Соответственно, и крестьяне таких имений переходили в статус государственных³. То есть впервые закон установил минимум крестьянского надела и для помещичьих крестьян, за которых помещик нес ответственность. «Это был первый важный закон, которым правительство наложило руку на дворянское право душевладения»⁴.

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция 83. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch83.htm> (дата обращения: 12.02.2024).

² ПСЗРИ от 29 апреля 1831 г. № 4524. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

³ ПСЗРИ от 15 февраля 1827 г. № 906.

⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории Лекция 85. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii-chast-3/24 (дата обращения: 17.03.2024).

Следующим важным этапом в развитии прав собственности на землю у крестьян была реформа П. Д. Киселева. Реформа касалась государственных крестьян, которых в тот период насчитывалось 16–17 млн, не считая дворцовых¹. Характеризуя причины, побудившие правительство начать эти реформы, Ключевский писал: «Прежде казенные крестьяне, как и земли с лесами, ведались в особом департаменте Министерства финансов; теперь решено было выделить этот громадный государственный капитал в особое управление. Министерство финансов, занятое другими делами и преследовавшее одну цель — извлечение из всех статей наибольшего дохода, не могло надлежащим образом следить за бытом казенных крестьян, вот почему они оставались без защиты в руках дворянской администрации, которая эксплуатировала их в пользу помещичьих крестьян. Самые тяжелые натуральные повинности складывали на крестьян казенных, щадя помещиков. Благодаря всему этому быт казенных крестьян расстроился; они обеднели и стали тяжелым бременем на плечах правительства. Каждый неурожай заставлял казну выдавать огромные суммы на пропитание этих крестьян и на обсеменение полей»².

Для повышения благосостояния государственных крестьян созданное в 1837 г. Министерство государственных имуществ должно было наделять землей малоземельных и безземельных крестьян³. Для этого было организовано масштабное переселение из центра на пустынные окраины. С точки зрения развития прав собственности на землю важнейшим шагом в рамках данной реформы было разрешение государственным крестьянам при переезде на казенные земли (которые они получали, если страдали от малоземелья) создавать нераздельные наследственные участки. В Указе «О наделении государственных крестьян семейными участками земли» писалось, что «одна из главных причин бедности государственных крестьян в Великороссийских губерниях есть ныне существующий порядок пользования землями и разделение оных... сии причины рождают в земледельцах беспечность и равнодушие, которые не иначе могут быть отвращены, как изменением нынешнего душевого надела земель и переходом к устройству семейных наследственных участков, которые бы не переделались, не были раздробляемы и переходили от отца к сыну, внуку и т.д.»⁴. Из этого указа видно, как изменились представления правительства о роли прав собствен-

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории Лекция 85. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii-chast-3/24 (дата обращения: 17.03.2024).

² Там же.

³ ПСЗ, от 29 декабря 1837. № 10834. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁴ ПСЗ, от 9 декабря 1846. № 20684. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

ности на землю по сравнению с 1800 г., когда вышел указ, предписывающий уравнивать земли между крестьянскими домохозяйствами¹.

В результате реформы П. Д. Киселева государственные крестьяне получили в наследственное владение почти 3 млн десятин земли. По отношению к удельным крестьянам правительство пошло еще дальше: им было разрешено приобретать землю в полную собственность².

Еще одним шагом на пути ограничения дворянских прав собственности был Императорский указ от 1846 г., который предоставлял крепостным крестьянам право выкупаться на свободу вместе с землей, если поместье, к которому они были приписаны, продавалось за долги с торгов. А указ, изданный в следующем году, давал крестьянскому обществу, приписанному к такому поместью, первоочередное право купить его целиком³. С точки зрения В. О. Ключевского, «крепостные были вполне готовы к этому и действительно стали скупать поместья одно за другим»⁴.

В соответствии с Указом 1848 г. право покупки поместья было распространено на каждого крепостного в отдельности⁵. Если Указ 1801 г. разрешил государственным крестьянам покупать землю, через 47 лет, в 1848 г. вышел Указ «О предоставлении крестьянам помещичьим и крепостным людям покупать и приобретать в собственность земли, дома, лавки и недвижимые имущества», дающий уже крепостным крестьянам право, правда, с согласия помещика, приобретать в частную собственность земли и любую недвижимость⁶. Этим указом государство сделало еще один шаг в сторону ограничения дворянских монопольных прав на землю. Но так как в соответствии с данным законом помещик мог в любой момент отобрать собственность крестьянина, учитывая, что крестьяне не имели права подавать иски против дворян, то нормы этого закона не имели каких-либо значительных институциональных последствий⁷.

Законы 1846–1848 гг. во многом стали возможны благодаря Указу 1842 г. об обязанных крестьянах, который сам по себе не относился напря-

¹ ПСЗ, от 30 июля 1800. № 19500.

² Зубов А. Б. Лекции по истории России XIX века. Лекция 33. URL: <https://abzubov.com/russia/xix/lecture033> (дата обращения: 14.01.2024).

³ ПСЗРИ, от 8 ноября 1847, № 21689. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁴ Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории. Лекция № 85. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch85.htm> (дата обращения: 14.01.2024).

⁵ ПСЗРИ, от 3 марта 1848, № 22042. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁶ Там же.

⁷ Сборник документов по истории СССР. Первая половина XIX века. М., 1974. С. 81–82.

мую к развитию прав собственности на землю и скорее касался отношений помещика и крестьянина, но, как глубоко заметил В. О. Ключевский, данный закон юридически закреплял тот факт, что крестьяне не являются собственностью помещика¹.

Таким образом, к моменту отмены крепостного права, несмотря на то что дворянская монополия на право частной собственности на землю была разрушена, для остальных сословий права на землю в разной степени оставались ограниченными.

3.1.2. Эволюция прав собственности на землю после 1861 г.

Стоит заметить, что освобождение крестьян в 1861 г. не привело к формированию у последних полноценных прав собственности на землю за исключением отдельных небольших групп крестьян, которые имели возможность покупать ненадельные земли. Это было связано с тем, что отмена крепостного права должна была, с одной стороны, обеспечить получивших свободу крестьян средствами существования, что было возможно только при наличии у крестьянина определенного количества земли. С другой стороны, эта реформа не должна была нарушать существующее законодательство, связанное с правами собственности дворян, и не должна была привести к лишению дворянства доходов в краткосрочной перспективе.

Тем не менее Великие реформы Александра II знаменовали собой принципиальное изменение институциональной системы. Отмена крепостного права, предполагающая отмену власти дворян над определенной частью крестьян, вела к необходимости реформировать практически всю социально-экономическую и частично политическую систему. Необходимо было создавать институты, выполняющие те функции, которые раньше были обязанностью помещиков, — административные, налоговые, финансовые, военные, судебные. Однако при всей радикальности перемен, в том числе и в системе прав собственности, реформы привели к появлению частной собственности на землю прежде всего у помещиков: теперь их владение землей не было связано какими-либо обязательствами по отношению к государству, с одной стороны, и к крестьянам — с другой.

Что касается крестьянского землевладения, то здесь государство не готово было принципиально менять существовавшую систему общинного

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция 85. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii-chast-3/24 (дата обращения: 12.03.2024).

надельного землевладения. Главной задачей правительства было сохранение крестьянства как социального слоя, так как крестьянские хозяйства являлись основными налогоплательщиками, давали около половины продукции аграрного сектора, составляли основу рабочей силы для обработки помещичьих земель. Для реализации этих целей было принято решение оставить общинную или подворную¹ форму собственности (в зависимости от того, какая из этих форм преобладала в регионе до реформы), которая бы обеспечивала быт крестьян и при которой у крестьян не возникало право на потомственную долю общинной земли, так как земля принадлежала общине.

Если до реформы община была неформальным институтом самоуправления, действующим на основе обычного права, то реформа 1861 г. формализовала ее статус и расширила права, сделав собственником земли. В соответствии с законодательством об освобождении крестьянские хозяйства были объединены в общины, что давало им право на долю в общинном имуществе, одновременно возлагая на общину ответственность за уплату налогов и платежей за землю. Общинному собранию глав домохозяйств был предоставлен юридический контроль за доступом к ресурсам коллективной собственности, распределением финансовых обязательств и решениями домохозяйств относительно работы вне деревни и выхода из общины.

На стадии выкупа в процессе реформ, когда сельские общества, как правило, были обязаны погашать ипотечные кредиты, выданные Государственным банком, члены общин не могли свободно отчуждать свои земельные доли. Согласно закону, не только продажа посторонним лицам была практически запрещена, но и передача долей внутри общины должна была быть одобрена общинным собранием². Тот факт, что земля оказалась в собственности общины и община была главным распорядителем земли, накладывал серьезные ограничения на деятельность крестьянина, связанные со способом хозяйствования, и его мобильность.

При этом в документах об освобождении был предусмотрен механизм превращения надельных земель в частную собственность по исте-

¹ Подворная форма собственности на землю представляла собой ограниченную частную собственность — земля передавалась по наследству и могла быть продана, но только другим лицам крестьянского сословия, при этом не могла быть передана в залог. В 1905 г. в Европейской России 2,8 млн крестьянских дворов (около 4% от всех крестьянских дворов) имели 23,0 млн десятин надельной земли в подворном владении.

² Nafziger S. Peasant communes and factor markets in late nineteenth-century Russia // *Explorations in Economic History*. 2010. No. 47. P. 381–402.

чении 49 лет. После полного выкупа своего надела община должна была выделить крестьянину его землю, которой он после этого имел право свободно распоряжаться. И более того, предполагалась возможность досрочного превращения крестьянских наделных земель в частную собственность и, соответственно, распространения на эти земли общегосударственного законодательства: в Положении существовала ст. 165, по которой крестьянин имел право досрочно выкупить свой надел и получить его в частную собственность¹.

Еще до Манифеста 1861 г. началось освобождение удельных крестьян. Указом от 20 июня 1858 г. удельным крестьянам даются права приобретения земель, права пользования лесами, право отчуждения купленных ими земель в частную собственность. Им также было разрешено лично, а не через чиновников, ходатайствовать в судебных и правительственных местах, переходить в другие сословия, составлять духовные завещания². То есть указ уравнивал в личных правах и административном устройстве удельных крестьян с крестьянами государственными. Окончательное освобождение удельных крестьян произойдет в 1863 г., а в 1866 г. Положение 19 февраля 1861 г. распространится и на крестьян государственных. Таким образом, «все категории крестьянского населения в России должны были получить одинаковое административное устройство, одинаковые гражданские права, и вместе с тем значительные категории крестьян получали поземельное устройство гораздо более выгодное, чем то, которое по Положению 1861 г. выпало на долю бывших помещичьих крестьян»³.

Если в законодательстве 1860-х гг. предполагалось, что постепенно права крестьян на землю будут расширяться и ограничения, связанные с общинной формой собственности, будут сокращаться, то в законодательстве 1880-х гг. прослеживается обратная тенденция, происходит пересмотр ряда существенных положений о землепользовании крестьян.

Прежде всего это было связано с тем, что в последней четверти XIX в. в России государство столкнулось с измельчением крестьянских наделов (см. табл. 3.1), с их дроблением между членами семьи из-за ускорившегося после освобождения роста населения. Уменьшился не только размер

¹ ПСЗРИ. № 36659. Собрание Второе. Т. 36, Ч. 1. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

² ПСЗРИ. № 33326. Собрание Второе. Т. 33. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

³ Корнилов А. А. Курс русской истории XIX века. URL: <http://rushist.com/index.php/kornilov/1166-rasprostranenie-reformy-1861-na-udelnykh-i-gosudarstvennykh-krestyan> (дата обращения: 20.03.2024).

надела, приходящийся на ревизскую душу, но и размер надела, приходящийся на крестьянский двор, из-за увеличения количества таких дворов. Если в 1877 г. в Европейской России было 8,5 млн дворов, то в 1905 г. дворов было 12,0 млн, т.е. примерно за 30 лет рост составил почти 1,5 раза, к 1916 г. их число достигло 13,5 млн¹.

Для решения этой проблемы и в связи с обострившейся внутриагровой ситуацией были приняты ряд законов, направленных, с одной стороны, на облегчение положения крестьян, а с другой — на ужесточение системы для демонстрации того, что «черного передела» не будет. Для облегчения положения крестьян в 1881 г. были понижены выкупные платежи. Это могло бы приблизить крестьян к получению земли в собственность. В этой же логике был закон 1883 г., по которому все крестьяне обязательно переводились на выкуп (государственные крестьяне переводятся на выкуп в 1886 г.). Однако стоит отметить, что в соответствии с этим законом право собственности на надел повсеместно перешло к сельскому обществу и в общинных, и в подворных селениях².

В 1883–1885 гг. отменяется подушная подать, т.е. в России исчезает деление на податное и неподатное сословия. Однако последующие законы усилили ограничения, связанные с крестьянским землепользованием, со стороны общины. Закон от 18 марта 1886 г. запретил семейные разделы, закон от 8 июня 1893 г. запретил частные (в рамках семьи) переделы, а общие (в рамках общины) переделы ограничил сроком не чаще чем раз в 12 лет. Далее закон от 14 декабря 1893 г. ограничил право крестьян на выдел из общины досрочно выкупленного надела, запретил закладывать крестьянские наделные земли и ограничил сдачу надела в аренду и его продажу только пределами своей общины. То есть закон отменил ст. 165 «Положения о выкупе» 1861 г., по которой крестьянин мог досрочно выкупить свой надел и выделиться из общины. Кроме того, был подчеркнут сословный характер крестьянского землевладения, так как этот закон запрещал продавать наделные земли лицам других сословий.

¹ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

² Забоенкова А. С. Правовое положение наделной земли в период аграрной реформы П. А. Столыпина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 6. С. 96–103.

Таблица 3.1

Средний надел на одну душу мужского пола крестьян по районам

Район	Средний надел (в десятинах на одну душу)		
	В 1860 г.	В 1880 г.	В 1900 г.
Северный	7,6	6,1	4,7
Северо-Восточный	8,1	6,1	4,6
Восточный	9,5	6,5	4,8
Средневожский	4,0	3,1	2,4
Юго-Восточный	8,4	5,2	3,5
Среднеземледельческий (юго-восточная группа)	4,1	3,1	2,2
Среднеземледельческий (юго-западная группа)	3,0	2,2	1,7
Среднепромышленный	4,0	3,3	2,6
Прибалтийский	3,7	2,9	2,4
Северо-Западный	5,0	3,3	2,2
Юго-Западный	2,9	2,1	1,4
Малороссийский	3,3	2,5	1,7
Новороссийский	6,2	4,0	2,5
По 50 губерниям Европейской России	4,8	3,5	2,6

Источник: Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. СПб.: Вестник знания, 1912.

Основные цели законодательства 1880-х гг. хорошо видны в материалах судебной практики. В статье С. Н. Жарова и В. Г. Савельева приводятся интересные примеры судебных споров между крестьянами в период 1896–1907 гг.¹ Из постановлений судов, вынесенных по результатам рассмотрения дел, можно увидеть, что, во-первых, механизм наследования де-факто препятствует накоплению крестьянскими домохозяйствами земли (выморочный надел переходит общине); во-вторых, для судебных

¹ Жарова С. Н., Савельев В. Г. Сельская крестьянская община и судебные споры крестьян о землевладении на рубеже XIX–XX вв. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13, № 4. С. 13–17.

органов оказывается очень важен критерий нуждаемости: дом может достаться родственнику, только если он нуждается. В этих установлениях ярко видны черты общины как уравнительного института, нацеленного на социальную поддержку.

Однако попытки правительства решить проблему измелъчания наделов усилением роли общины и ограничением прав собственности на землю не приводят к успехам. В 1902 г. вновь усиливаются крестьянские волнения, и правительство принимает решение об отмене в 1903 г. круговой поруки. Несмотря на Манифест от 11 марта 1903 г. о неприкосновенности общинного землевладения, принятый за день до принятия закона об отмене круговой поруки, последний сильно ослабляет власть общины и способствует процессу ее разложения. Этот процесс должен был бы усилиться после отмены выкупных платежей в 1905 г. (Манифест от 3 ноября 1905 г.), так как в соответствии с Общим положением о крестьянах 1861 г. по окончании выкупной операции крестьяне имели право требовать у общины выделить им землю и выйти из общины. Но реально на практике это сделать было практически невозможно, так как отсутствовал юридически прописанный механизм выхода из общины и выделения земли в собственность домохозяев.

Эту проблему должна была разрешить аграрная реформа. Именно Указ 1906 г., где были четко прописаны процедуры укрепления земли, формы собственности, правила выхода из общины, возможности решения споров и, главное, были выделены специалисты для землеустроительных работ, позволил желающим крестьянам укрепить обрабатываемую землю в личную собственность и выйти из общины, полностью избавившись от ограничений. Однако стоит отметить, что среди юристов распространено мнение, что Столыпинская реформа не привела к появлению частной собственности на землю у крестьян.

В законодательных актах, регулирующих аграрную реформу Столыпина, говорится о «личной собственности», при том что юридическая теория и практика того периода были хорошо знакомы с понятием «частная собственность». Отсутствие в законах по аграрной реформе термина «частная собственность» не было случайностью или небрежностью, так как «личная наделная собственность, заменявшая коллективную собственность общества и семейную собственность двора, имела особый юридический статус и не обладала признаками частной собственности по двум основаниям. Во-первых, сохранилась сословная принадлежность наделной земли с присущими ей ограничениями. Во-вторых, укрепление в собственность было лишь юридической операцией. Ограничивалось право пользования, владения и распоряжения укрепленными участками

до выдела»¹. В документах термин «личная собственность» употреблялся, прежде всего, как противопоставление семейной собственности, подчеркивался индивидуальный аспект владения.

Еще одной правовой проблемой при переходе от общинной собственности являлись раздел и определение статуса непахотных земель (угодий). Леса, луга и другие непахотные земли представляли собой места коллективного пользования и находились в собственности общины. У тех, кто «укреплял» свою пахотную землю в личную собственность, по Указу 1906 г. оставалось право пользования долей в общинной непахотной земле. «Юридическая судьба угодий ставит вопрос о степени разрушения общины в ходе реформы. Угодья сохранялись в собственности общества, притом что отдельные крестьяне укрепляли в личную собственность участки пахотной земли. Это ставит под сомнение устоявшиеся данные о разрушении общины, которые учитывают только результаты укрепления наделов в собственность»².

Однако это не означает, что крестьяне не могли иметь землю в частной собственности. Частной собственностью являлась земля, купленная в дополнение к полученной в личную собственность земле наделной. Крестьяне также могли объединяться в товарищества и совместно приобретать землю в частную собственность товарищества или сельского общества. Эта практика была достаточно распространена, так как большими участками земля стоила дешевле. Переход наделных земель в частную собственность был возможен в одном только случае, который предусматривался Указом 1911 г., разрешавшим (по желанию домохозяина) придавать статус частновладельческих лишь тем отрубным владениям, которые были образованы при совместном разверстании наделных и вненаделных земель³.

Таким образом, крестьянину принадлежала земля, правовой механизм владения, пользования и распоряжения которой был различный: неограниченная частная собственность в отношении купленной земли и обусловленная рядом ограничений личная собственность на наделную землю. Дополнительно крестьянин обладал неким пучком прав в отношении лугов, лесных угодий и т.д., принадлежащих общине. То есть даже после Столыпинской реформы не было четких прав собственности на землю.

¹ Жарова С. Н., Савельев В. Г. Сельская крестьянская община и судебные споры крестьян о землевладении на рубеже XIX–XX вв. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13, № 4. С. 13–17.

² Там же.

³ П. А. Столыпин: программа реформ: док. и матер.: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 452.

Таблица 3.2

Основные этапы эволюции земельных прав для податных сословий

1	1624, 1636, 1646 гг.	Законы, ограничивающие права крестьян продавать землю тем, кто не платил земельные налоги (беломестцы, помещики)
2	1649 г.	Соборное уложение закладывает основы для лишения помещичьих крестьян правосубъектности. Права на землю для черносошных крестьян не изменились
3	1700 г.	Разрешение черносошным крестьянам продавать землю без ограничений
4	1752 г.	Манифест Императрицы Елизаветы Петровны о Вальновом (Генеральном) межевании — начало регулярного межевания земель
5	1762 г.	«Манифест о вольности дворянства» — расширение прав дворян на земельную собственность
	1760-е гг.	Законы, запрещающие государственным крестьянам и купцам совершать сделки с земельными имуществами
7.	1781 г.	«Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» — окончательное установление дворянской монополии на владение землей
8.	1801 г.	Появление права частной собственности на землю для купцов, мещан и государственных крестьян; разрушение дворянской монополии на владение землей
9.	1837 г.	В рамках реформы государственных крестьян у последних появляется право иметь наследственный нераздельный участок земли; удельным крестьянами дали право иметь землю на правах частной собственности
10.	1848 г.	Появление права у крепостных крестьян покупать землю, но только с разрешения помещика
1	1861 г.	Отмена крепостного права — бывшие крепостные теперь могут покупать землю без разрешения помещика. Надельные земли должны быть выкуплены у помещика; после выкупа надельные земли остаются в собственности общины
1	1906 г.	В рамках аграрной реформы Столыпина крестьяне получают право частной собственности на «укрепленную» землю с определенными ограничениями

Можно сделать вывод, что на протяжении всего рассматриваемого периода (табл. 3.2) государство по отношению к крестьянскому и другим неприлежитированным сословиям поддерживало и укрепляло такие права,

как владение (сначала коллективное, потом индивидуальное) и использование, но старалось ограничивать право распоряжения. Это было связано с тем, что первые (права владения и пользования) способствовали стабильности социально-экономической системы, в то время как свободное право распоряжение землей вело к перераспределению ресурсов, которое не могло не привести к росту неравенства¹. При определенных обстоятельствах это могло способствовать развитию, но в рамках традиционного общества скорее вело к нарушению сложившегося уклада и соответствующим негативным социальным последствиям, которых правительство до последнего пыталось избежать.

3.2. Сравнительный анализ (не)рыночного поведения крестьянских и частновладельческих хозяйств²

3.2.1. Концепции инерционности крестьянских хозяйств

Помимо отсутствия четких прав у крестьян на землю, как это было показано в параграфе 3.1, рост эффективности тормозился и низкой коммерциализацией аграрного сектора. Ван Занден выделяет следующие характеристики для определения коммерциализации сельского хозяйства: уровень урбанизации, ВВП на душу населения и количество скота на гектар³. По всем этим показателям Россия отставала не только от ведущих стран Западной Европы и США, но и стран, находившихся в тот период в процессе перехода от традиционного общества к обществу «современного экономического роста», например Швеции⁴.

Стоит отметить, что коммерциализация аграрного сектора могла происходить и благодаря помещичьим хозяйствам. Но в отличие от других европейских стран⁵ в России доля зерна, полученная с помещичьих земель,

¹ Rozinskaya N., Sorokin A., Artamonov D. Peasants' inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia // Scand. Econ. Hist. Rev. 2021. No. 69 (3). P. 253–277.

² Данный параграф является доработанной авторской версией препринта «Инерционность крестьянских хозяйств». URL: <https://econpapers.repec.org/paper/urawpaper/0052.htm>

³ Там же.

⁴ The Agrarian History of Sweden, 4000 BC to AD 2000. Lund: Nordic Academic Press, 2011. P. 125.

⁵ Byres T.J. The landlord class, peasant differentiation, class struggle and the transition to capitalism: England, France and Prussia compared // The Journal of Peasant Studies. 2009. No. 36:1. P. 33–54.

сокращалась, из чего можно сделать вывод, что без встроенности крестьянских хозяйств в рыночные отношения рост эффективности сельского хозяйства был сильно осложнен.

В начале XX в. российские экономисты выдвинули гипотезу относительно особенностей поведения крестьянских хозяйств. Проблема, с которой они столкнулись, заключалась в том, что крестьянские хозяйства сохраняли низкую товарность своего производства, т.е. они не стремились увеличивать объем продаваемого хлеба, даже при высоких ценах.

В работе «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» Н. Д. Кондратьев называл такое поведение инерционностью крестьянских хозяйств¹. В период Первой мировой войны, когда остро встал вопрос об обеспечении армии хлебом, данная проблема стала особенно актуальной. Это было связано с тем, что, несмотря на хороший урожай, возник кризис заготовки хлебов. Кондратьев объяснял это тем, что крестьяне при росте цен на хлеб предпочитали сокращать трудовые затраты, так как выросшие цены могли обеспечить прежний уровень потребления при меньших трудовых усилиях. То есть, когда стоял выбор — работать столько же и получить больший доход или работать меньше при гарантированности привычного уровня потребления, крестьяне выбирали второе. Кондратьев в своем исследовании на примере Симбирской губернии показал, что при росте доходной части и снижении расходной части бюджета в отношении к доходной крестьянские хозяйства лишаются стимула увеличивать напряжение труда ради роста товарного хлеба².

В качестве гипотезы Кондратьев выдвигает тезис о низком уровне привычного потребления крестьян, достигнув которого крестьяне не видели экономического смысла увеличивать объемы производства. Кондратьев выдвинул гипотезу, что в России крестьянские хозяйства ориентируются на внутреннее потребление (натуральный тип хозяйства), а не на максимизацию прибыли.

Аналогичное наблюдение было сделано организационно-производственной школой и описано в работах А. В. Чаянова³. На основе эмпирических данных он, используя неоклассический подход, разрабатывает модель поведения крестьянских хозяйств, которая отличалась от принятой в тот период неоклассической теории поведения экономических агентов,

¹ Кондратьев Н. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Новая деревня, 1922.

² Там же.

³ Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства // Избранные произведения: сборник / сост. Е. В. Серов. М.: Моск. рабочий, 1989.

максимизирующих прибыль. Согласно модели А. В. Чаянова, крестьяне достигают точки оптимума, исходя из сопоставления предельной полезности получаемых ими доходов и возрастающей тягости труда.

Утверждая, что тягость труда является крайне высокой в русской деревне в силу низкой его производительности, А. В. Чаянов делает вывод о том, что крестьянские хозяйства быстро достигают точки, в которой полезность дальнейшего прироста дохода не компенсирует возрастающую антиполезность дополнительных трудовых усилий. Эта модель получила в западной литературе название “thedrudgery-aversepeasant”¹.

Чаянов считал, что главной целью крестьянского хозяйства является удовлетворение потребностей, а не максимизация прибыли. Однако стоит отметить, что он проверял эту гипотезу на данных крестьянских бюджетов, собранных до столыпинской реформы по регионам Европейской России, и данным, собранным уже после революции 1917 г., т.е. в те периоды, когда практически (до Столыпинской реформы) или совсем (советский период) не было частной собственности на землю.

После революции 1905–1907 гг. в России начинают происходить серьезные изменения. Растет сеть железных дорог, усиливается миграция из аграрного сектора в города, развивается финансовая система, экономика растет высокими темпами, что способствует росту покупательной способности, в том числе и на сельскохозяйственные товары, растет уровень грамотности населения и т.д. На этом фоне проводится Столыпинская аграрная реформа, целью которой было: создание рынка земли, среднего класса, повышение эффективности за счет отмены чересполосицы, четкое определение прав собственности на землю, т.е. создание стимулов для роста производительности труда. Столыпинская реформа должна была создать собственников земли и способствовать усилению процесса коммерциализации.

В литературе существует большое количество работ, посвященных итогам Столыпинской реформы. Все эти работы показывают результаты, агрегированные на уровне страны или 50 европейских губерний. В этой работе для проверки гипотезы инерционности крестьянских хозяйств используются данные, собранные как до, так и после столыпинской реформы, когда благодаря появлению частной собственности на землю могла измениться мотивация и, соответственно, поведение крестьян. Кроме того, используются не только данные на уровне губерний, но и поуездные данные для Херсонской губернии.

¹ Ellis F. Peasant Economics. Farm households and agrarian development. Cambridge University Press, 1993.

Для проверки данной гипотезы мы решили на доступных данных посмотреть, зависело ли количество засеянных площадей земли от цен на хлеб.

3.2.2. Эмпирический анализ

Макроуровень. Одним из возможных способов эмпирически подтвердить инерционность крестьянского хозяйства является анализ реакции крестьян на изменение цен на зерно, т.е. коэффициента эластичности изменения посевных площадей в ответ на изменение цен на зерно. На первом этапе исследования мы попытались найти эту зависимость на макроуровне для 50 губерний Европейской России.

Данные. Для эмпирического анализа мы использовали погубернские данные по посевным площадям, цене рабочей силы, уровню урбанизации, ценам и урожайности трех зерновых культур — пшеница, рожь и овес — за период с 1881 по 1913 г. Основными источниками были сборники Центрального статистического комитета МВД, Статистического отдела Департамента земледелия и сельской промышленности¹, земская статистика.

Модель. Для моделирования на макроуровне были взяты статистические данные по 50 губерниям за 33 года в формате панельных данных. Панель была несбалансированная, однако, считая характер пропусков экзогенным и что их количество в процентном отношении от числа наблюдений варьировало в среднем от 0 до 25%, использовались те же методы оценки параметров, что и для сбалансированных панельных данных.

Для проверки гипотезы о разнице эффектов от изменения цены на зерно между крестьянскими хозяйствами и хозяйствами помещиков на макроуровне по каждой зерновой культуре (рожь, пшеница, ячмень) было построено по две модели панельных данных — для крестьянских хозяйств и для хозяйств помещиков. Предполагалось, что, если в этих моделях у крестьян и у помещиков будут получены статистически значимые коэффициенты одного знака при экзогенной переменной цены, то гипотеза исследования отклонялась, поскольку это явно означало бы, что у крестьян и помещиков была одинаковая реакция на изменения цены. В случае же если статистически значимые коэффициенты отличались знаком или коэффициент был статистически значим только в одной из моделей (для крестьян или помещиков), гипотеза исследования подтверждалась,

¹ С 1894 г. переименованный в Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ, которое с 1905 г. реорганизуется в Главное управление землеустройства и земледелия.

поскольку это означало, что у крестьян и помещиков была разная реакция на изменения цены.

Базовой моделью для оценки параметров выступала модель панельных данных вида:

$$Y_{it} = \beta_0 + \delta \cdot t + \beta_1 \cdot p_{it} + \gamma \cdot Z_i + \varepsilon_{it}, \quad (3.1)$$

где Y_{it} — посевные площади соответствующей культуры для крестьян или помещиков для i -й губернии в t -м году (казенных десятин);
 $i = 1, \dots, 50$ — индекс губернии;
 $t = 1, \dots, 33$ — индекс времени;
 p_{it} — цена на соответствующую культуру осенью (копеек за пуд) для i -й губернии в t -м году или $t-1$ -м году;
 Z_i — переменная, характеризующая специфические особенности каждой i -й губернии;
 $\beta_0, \delta, \beta_1, \gamma$ — коэффициенты;
 ε_{it} — случайная ошибка.

Следует отметить, что для ржи — озимой культуры — брались цены в том же году, что и посевные площади. Для яровой пшеницы и ячменя брались цены с лагом 1, так как посев по этим зерновым происходит весной, а ориентироваться крестьяне и помещики могли в этот момент только на цены прошлого года.

Для оценки параметров уравнения (3.1) было сделано внутригрупповое преобразование (within-group regression), рассматривая модель с фиксированными эффектами, которая объясняет вариацию зависимой переменной вокруг среднего значения для группы наблюдений, относящихся к данному объекту, от вариации от средней независимой переменной:

$$\tilde{y}_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot \tilde{p}_{it} + \tilde{\varepsilon}_{it}, \quad (3.2)$$

где $\tilde{y}_{it} = y_{it} - \bar{y}_i$; $\tilde{p}_{it} = p_{it} - \bar{p}_i$; $\tilde{\varepsilon}_{it} = \varepsilon_{it} - \bar{\varepsilon}_i$.

Выбор модели панельных данных с фиксированными эффектами (fixed effects regression) против модели полной регрессии (pooled regression) или модели со случайными эффектами (random effects) проводился на основе соответствующих статистических тестов: тест Хаусмана, тест Бреуша — Пагана, тест на линейное ограничение. Для каждой зерновой культуры для помещиков и для крестьян выбор был сделан в пользу модели с фиксированными эффектами, что соответствовало логичному ожиданию: в каждой губернии был индивидуальный специфический уровень реакции.

Нельзя не отметить, что основная проблема, с которой обычно сталкиваются исследователи при оценке параметра при переменной цены на культуру в уравнении (3.2), — это проблема эндогенности. Учитывая дискуссию о достоверности дореволюционной урожайной статистики, подробно изложенную выше, можно говорить об имеющемся возможном смещении и несостоятельности при оценивании коэффициента из-за ошибок измерения регрессора, в том числе из-за несбалансированной панели.

Отметим, что в спецификациях уравнений для яровых культур рассматривались лагированные значения объясняющей переменной. Такая эмпирическая стратегия позволяет сгладить проблему смещения и несостоятельности при оценивании коэффициента из-за ошибок измерения.

Другая классическая причина возникновения эндогенности — невключение в модель существенно влияющих на зависимую переменную регрессоров. В данном случае не стояла задача точно спрогнозировать посевные площади культур по множественной регрессии. Цель была проверить гипотезу инертности крестьянских хозяйств по знаку значимого коэффициента регрессии только независимой переменной цены. Очевидно, что на решения домашних хозяйств влияют не только цены на зерновые культуры, но и множество других факторов, в том числе, например, погодные условия. Для решения данной проблемы были использованы контрольные переменные, при включении которых в уравнении регрессии (3.2) подробно анализировались изменение знака коэффициента и его значимости при экзогенной переменной цены. Несмотря на сильное ограничение выбора переменных из-за доступности данных по рассматриваемому периоду, были построены модели с разными комбинациями контрольных переменных, общий вид спецификаций которых следующий:

$$\tilde{y}_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot \tilde{p}_{it} + \sum_{j=2}^k \theta_j \cdot \tilde{x}_{it}^{(j)} + \tilde{\varepsilon}_{it}, \quad (3.3)$$

где $\tilde{x}_{it}^{(j)}$ — значения j -й контрольной переменной в отклонениях от средней по губернии;

x_1 — урожайность с одной казенной десятины земель помещиков или крестьян соответствующей культуры (пудов);

x_2 — численность населения в губернии в селах (тыс. чел.);

x_3 — численность населения в губернии в городах (тыс. чел.);

x_4 — бинарная переменная: урожайный или неурожайный был год в губернии;

θ_j — коэффициент при j -й контрольной переменной.

Рассматривая уравнения (3.1)–(3.3), можно предположить, что цена и объем выпуска сельских хозяйств являются эндогенными переменными, определяемыми в результате взаимодействия двух уравнений: спроса и предложения. На цены текущего года должен влиять объем собранного в этом году урожая. Для решения данной проблемы мы вводили инструментальную переменную x_5 — стоимость рабочей силы пешего рабочего (на своих харчах) за сев (в копейках), через которую оценивали эндогенную переменную цены зерновой культуры:

$$\tilde{y}_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot \tilde{p}_{it}^{IV} + \sum_{j=2}^k \theta_j \cdot \tilde{x}_{it}^{(j)} + \tilde{\varepsilon}_{it}, \quad (3.4)$$

где \tilde{p}_{it}^{IV} — цена на соответствующую культуру в отклонениях от среднего по группе, полученная через инструментальную переменную x_5 .

Предполагается, что цена рабочей силы может использоваться как инструментальная переменная для цены зерна, так как в исследуемый период у неквалифицированных рабочих более 60–70% доходов тратились на питание и при этом изделия из злаков являлись основой рациона¹. В связи с этим при повышении цен на зерно и, соответственно, на хлеб цена рабочей силы тоже должна была увеличиваться.

Выбранная инструментальная переменная не имеет значимой корреляции с зависимыми переменными для яровых культур, несильную корреляцию с зависимой переменной для ржи, а также среднюю корреляцию со всеми независимыми переменными цен.

Для крестьянских хозяйств также дополнительно проверялась гипотеза об изменении поведения крестьян после 1906 г. Предполагалось, что Столыпинская реформа, связанная с изменениями прав собственности на землю и стимулирующая выход крестьян из общины, могла способствовать изменению мотивации крестьян, более рациональному поведению, приближению их поведения к более рыночному, т.е. переориентации крестьян с максимизации дохода на максимизацию прибыли. В этом случае коэффициент эластичности посевных площадей определенной культуры по цене этой культуры должен был быть положительным.

¹ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник 1995; Rozinskaya N., Sorokin A., Artamonov D. Peasants' inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia // Scand. Econ. Hist. Rev. 2021. No. 69 (3). P. 253–277; Фрис де Я. Революция трудолюбия: потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней: пер. с англ. А. Матвеевко; под науч. ред. А. Володина. Российская акад. народного хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. М.: Дело, 2016. 462 с.

Для проверки гипотезы об изменении поведения крестьян после Столыпинской реформы в уравнение (3.4) была введена фиктивная переменная для оценки структурного сдвига и ее взаимодействия с ценой для оценки возможного изменения знака коэффициента при регрессоре:

$$\tilde{y}_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot \tilde{p}_{it}^{IV} + (\beta_2 + \beta_3 \cdot \tilde{p}_{it}^{IV}) \cdot s + \sum_{j=2}^k \theta_j \cdot \tilde{x}_{it}^{(j)} + \tilde{\varepsilon}_{it}, \quad (3.5)$$

где $s = \begin{cases} 1, t < 27 \\ 0, t \geq 27 \end{cases}$ — фиктивная переменная для отражения периода до и после Столыпинской реформы.

В табл. 3.3 приведены описательные статистики исходных количественных переменных. Следует отметить, что большинство переменных имеют существенную вариацию, среднее значение сильно отличается от медианы. Это вызвано спецификой используемых данных — панельные данные по 50 губерниям за 33 года. Внутри одной губернии распределение переменных близко к нормальному, поэтому не делались преобразования данных для финальных моделей¹.

Таблица 3.3

**Описательная статистика количественных переменных
для моделирования для макромоделей***

Переменная	N	Min; max	Mean ± SD	Me [Q ₁ ; Q ₃]
Посевные площади крестьян, рожь, десятин	1649	(13 650; 1 462 100)	353 650 ± 241 979	328 900 [215 600; 442 000]
Посевные площади помещиков, рожь, десятин	1096	(651; 815 980)	122 534 ± 102 988	98 403 [37 734; 196 466]
Посевные площади крестьян, пшеница, десятин	1574	(2; 18 245 500)	151 394 ± 295 663	7755 [1426; 181 571]
Посевные площади помещиков, пшеница, десятин	1093	(1; 1 239 712)	85 942 ± 195 159	2521 [532; 49 442]

¹ Но при расчетах и поиске оптимальных моделей авторы использовали и логарифмированные значения переменных, имеющие в целом по всему временному периоду экспоненциальное или логарифмически нормальное распределение.

Окончание табл. 3.3

Переменная	N	Min; max	Mean \pm SD	Me [Q ₁ ; Q ₃]
Посевные площади крестьян, ячмень, казенных десятин	1592	(4; 996 000)	90 808 \pm 127 131	44 972 [18 603; 102 500]
Посевные площади помещиков, ячмень, десятин	1094	(1; 1 017 047)	49 336 \pm 108 120	10 326 [1743; 34 448]
Цена за рожь, коп. за пуд	1634	(17; 157)	70 \pm 23	68 [53; 84]
Цена на пшеницу, коп. за пуд	1215	(15; 700)	87,9 \pm 29,4	85 [72; 100]
Цена на ячмень, коп. за пуд	1340	(18; 128)	64,2 \pm 19,2	63 [50; 76]
Урожайность, крестьяне, рожь, пудов	1300	(3,1; 99,3)	43,8 \pm 15,4	43,8 [33,6; 53]
Урожайность, помещики, рожь, пудов	894	(4; 108)	56,5 \pm 17,5	56,0 [45,2; 68,4]
Урожайность, крестьяне, пшеница, пудов	1237	(4; 91)	41,4 \pm 14,7	41,0 [32,0; 51,2]
Урожайность, помещики, пшеница, пудов	872	(6; 93)	49,5 \pm 15,4	49,3 [39,0; 60,2]
Урожайность, крестьяне, ячмень, пудов	1295	(2,2; 143,4)	44,3 \pm 16,0	44,2 [34,8; 54,0]
Урожайность помещики, ячмень, пудов	887	(4; 98)	53,0 \pm 17,7	54 [41,7; 65,0]
Стоимость рабочей силы пешего работника за сев, коп.	1585	(25; 130)	51 \pm 16	50 [40; 60]
Численность населения в губернии в селах, тыс. чел.	1650	(253,2; 23 814,0)	1718,8 \pm 1302,6	1526,2 [1166,3; 2159,2]
Численность населения в губернии в городах, тыс. чел.	1650	(22; 1615)	253 \pm 254	184 [131; 270]

* Результаты представлены в виде: N — число валидных наблюдений; (min; max) — минимальное и максимальное значения; Mean \pm SD — среднее и стандартное отклонения; Me [Q₁; Q₃] — медиана, 1-й и 3-й квартили.

Из всех построенных моделей в рамках обозначенных выше спецификаций для проверки гипотезы инерционности крестьянских хозяйств были выбраны два семейства моделей: модели зависимости посевных площадей ржи для крестьян (табл. 3.4) и модели зависимости посевных площадей пшеницы для помещиков (табл. 3.5). Выбор был обусловлен статистическими тестами по качеству моделей и содержательной интерпретацией. У крестьян основной посевной культурой являлась рожь. Это было связано с тем, что основной целью крестьянского хозяйства было удовлетворение собственных потребностей. Пшеница для крестьян была относительно дорогой, поэтому они потребляют преимущественно изделия из ржаной муки и, соответственно, основной культурой для посевов у крестьян является рожь. Помещики чаще засеивали пшеницу, так как на мировом рынке зерна наибольшим спросом пользовался именно этот злак, а помещичьи хозяйства были преимущественно нацелены на экспорт зерна¹.

Таблица 3.4

**Результаты оценки коэффициентов моделей
зависимости посевной площади ржи для крестьян**

Переменные	Модель 1 базовая	Модель 2 с контрольными переменными	Модель 3 с контрольными переменными и инструментальной переменной	Модель 4 с контрольными переменными и инструментальной переменной, с переменной периода
Цена на рожь	−76,68 [56,85]	−61,54 [59,00]	−340,78* [129,04]	−195,43 [209,51]
Урожайный год		1671,38 [2594,69]	3077,62 [2548,74]	2918,00 [2549,53]
Численность населения в губернии в селах		−0,97 [1,00]	−0,72 [1,02]	−0,62 [1,03]
Период				21 474,5 [13 156,2]
Период·Цена				−296,18 [170,20]

¹ Rozinskaya N., Arkhina A., Artamonov D. Impact of grain export on the Russian Empire's industrial development in the late nineteenth and early twentieth centuries // Scandianavian Economic History Review. 2024. No. 1–20. DOI:10.1080/03585522.2024.2373759

Окончание табл. 3.4

Переменные	Модель 1 базовая	Модель 2 с контрольными переменными	Модель 3 с контрольными переменными и инструментальной переменной	Модель 4 с контрольными переменными и инструментальной переменной, с переменной периода
p-значение				
F-тест на значимость уравнения	0,178	0,358	0,025	0,030
Тест на линейное ограничение	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001
Тест Бреуша — Пагана	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001
Тест Хаусмана	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001

* Коэффициент регрессии значим на уровне $p \leq 0,05$.

Для всех моделей результаты статистических тестов на линейные ограничения, теста Бреуша — Пагана и теста Хаусмана подтвердили правильность выбора модели с фиксированными эффектами по сравнению с моделью со случайными эффектами или полной регрессии.

Для крестьян в модели по уравнению (3.2) был получен отрицательный коэффициент регрессии при цене, однако он оказался статистически незначимым. После ввода контрольных переменных и оценки параметров уравнения (3.3) коэффициент остался отрицательным и незначимым. Такие результаты вполне ожидаемы из-за возможных проблем с эндогенностью. После ввода в уравнение (3.4) цены, полученной через инструментальную переменную, был получен отрицательный коэффициент регрессии, значимый на уровне 0,05.

Таблица 3.5

**Результаты оценки коэффициентов моделей зависимости
посевной площади пшеницы для помещиков**

Переменные	Модель 1 базовая	Модель 2 с контрольными переменными	Модель 3 с контрольными переменными и инструментальной переменной
Цена на пшеницу с лагом 1	336,14*** [336,14]	338,77*** [86,20]	2725,20*** [262,76]
Урожайный год		-21 101,60*** [6233,54]	-16 390,8** [5766,22]
Численность населения в губернии в селах		4,13 [2,60]	-0,69 [2,42]
р-значение			
Ф-тест на значимость уравнения	<0,001	<0,001	<0,001
Тест на линейное ограничение	<0,001	<0,001	<0,001
Тест Бреуша — Пагана	<0,001	<0,001	<0,001
Тест Хаусмана	<0,001	<0,001	<0,001

*** Коэффициент регрессии значим на уровне $p \leq 0,01$.

*** Коэффициент регрессии значим на уровне $p \leq 0,001$.

Из полученных оценок коэффициентов рассматриваемых моделей для крестьян можно предположить, что крестьяне с повышением цены, скорее всего, были склонны сокращать посевные посевы ржи. Для помещиков для всех моделей был получен положительный значимый коэффициент регрессии: на повышение цены помещики реагировали увеличением посевных площадей пшеницы, т.е. действовали как капиталистические агенты согласно принципу максимизации прибыли. Таким образом, была подтверждена гипотеза исследования о различии в реакции на рост цен на зерно между крестьянскими хозяйствами и хозяйствами помещиков.

Модель инертности крестьянских хозяйств на региональном уровне. На втором этапе исследования использовались региональные данные, которые являются менее агрегированными и соответственно могут дать более четкий результат. Были исследованы данные по одной из экспортно ориентированных губерний, где рыночные отношения предположи-

тельно могли быть более развитыми, чем в других регионах. В частности, были взяты данные по Херсонской губернии. Кондратьев в своей работе «Рынок хлебов...» рассматривал Херсонскую губернию как пример региона, где относительно много наемного труда и, соответственно, гипотеза о сокращении посевных площадей в ответ на рост цен может не подтверждаться.

В литературе выделяются следующие наиболее важные характеристики данной губернии: неразвитость инфраструктуры (дороги, элеваторы), финансового рынка, наличие большого количества мелких перекупщиков, слабые возможности для роста потребления или сбережений. В отношении торговли зерном Херсонская губерния представляла пшенично-экспортный регион, который обслуживался целым рядом крупнейших портов. Основная часть населения региона занималась исключительно земледелием. Фабрично-заводская промышленность была развита лишь на юго-востоке губернии, в Криворожском районе.

Аграрный сектор имел экстенсивно-зерновой характер, что означало стремление возможно большей выработки зерна и возможно скорой его уборки. Это способствовало более активному применению машин, однако хуторское хозяйство в регионе было практически не развито. Большая часть собранного урожая потреблялась в хозяйстве. Оставшаяся часть и зерно, привезенное из других регионов, вывозились в южные приморские города (Николаев, Одесса) и оттуда отправлялись за границу. Херсонская губерния, благодаря близости своих портов, являлась крупнейшей собирательницей зерна для дальнейшей отправки его за границу.

Несмотря на экспортный характер торговли зерном, организация местной торговли, как и в неэкспортных регионах, была слабо развита. Довольно широкое распространение имело мелкое посредничество, мелкая скупка крестьянского хлеба вела к тому, что зерно проходило через руки значительного числа посредников. Скупка зерна у крестьян происходила большей частью на месте по деревням, станциям железных дорог, пристаням и т.п., куда крестьяне привозили зерно. Скупали его как агенты более крупных фирм, так и мелкие скупщики и перекупщики. Продавать напрямую экспортным фирмам было трудно даже для крупных помещиков, потому что торговля зерном требовала много хлопот и много знакомств среди экспортеров¹.

¹ Ляшенко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: Описат.-стат. исслед. СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912. 656 с.

Крестьяне, не имея возможности оставлять зерно до следующего урожая, вынуждены были продавать его ранней осенью, крупные же производители стремились реализовать урожай в наиболее выгодное для них время года, иногда осенью, иногда задерживали продажу до весны.

Выдача авансов и ссуд была развита сравнительно мало. Большинство скупщиков работали за свой счет и не обладали крупными капиталами; некоторые работали за счет фирм на комиссионных началах. Спрос местных скупщиков большей частью находился в полной зависимости от конъюнктуры зарубежных рынков и их требований. Цены в Херсонской губернии устанавливались главным образом под влиянием южных портов, причем на пшеницу имели не меньшее влияние и мукомолы, особенно в районах сосредоточения мельниц; цены на остальные виды зерна устанавливаются исключительно экспортным спросом¹.

Стоит отметить, что вышеописанные черты организации торговли можно найти практически во всех экспортно ориентированных губерниях. Это дает в определенной степени основания предполагать, что полученные результаты можно отнести и к другим регионам.

Исходные данные для модели представлены двумя выборками: 1) выборкой со среднегодовыми ценами на зерновые культуры по шести уездам Херсонской губернии за 1890–1909 гг.; 2) выборкой по посевным площадям и урожаю зерновых культур по шести уездам Херсонской губернии за 1890–1909 гг.

На втором этапе моделирования использовались данные по шести уездам Херсонской губернии за 20 лет, всего 120 наблюдений в формате панельных данных.

В табл. 3.6 приведены описательные статистики исходных количественных переменных, панель также была несбалансированной, как и при моделировании на макроуровне.

¹ Ляшенко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: Описат.-стат. исслед. СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912. 656 с.

Таблица 3.6

Описательная статистика количественных переменных для моделирования для макромоделей*

Переменная	N	(Min; max)	Mean \pm SD	Me [Q ₁ ; Q ₃]
Посевные площади крестьян, рожь, десятин	82	(32; 133 380)	38 496,1 \pm 30 667,3	35 214 [14 307; 59 375]
Посевные площади помещиков, рожь, десятин	82	(19; 106 359)	30 827,1 \pm 21 536,9	27 489 [21 460; 40 388]
Посевные площади крестьян, пшеница, десятин	107	(43 946; 294 480)	123 134 \pm 66 663,9	101 570 [67 320,1; 171 757]
Посевные площади помещиков, пшеница, десятин	104	(5969; 312 975)	102 281,8 \pm 47 004,8	89 543,5 [72 829; 127 742]
Посевные площади крестьян, ячмень, десятин	106	(16 584; 177 890)	68 914 \pm 40 936,8	56 547,4 [33 330; 101 981]
Посевные площади помещиков, ячмень, десятин	103	(9850; 188 170)	50 669 \pm 29 065	47 500 [27 719; 65 709]
Цена за рожь, коп. за пуд	120	(21; 125)	61,5 \pm 21,7	57,5 [46,6; 72,6]
Цена на пшеницу, коп. за пуд	120	(28,8; 136)	78,1 \pm 22,7	75,7 [65; 93,5]
Цена на ячмень, коп. за пуд	120	(18,7; 85,2)	48,8 \pm 15	48,7 [38,5; 59]

Окончание табл. 3.6

Переменная	N	(Min; max)	Mean \pm SD	Me [Q ₁ ; Q ₃]
Урожайность, крестьяне, рожь, пудов	75	(864; 3 262 963)	545 093,4 \pm 757 255,2	188 955 [39 182; 718 890]
Урожайность, помещики, рожь, пудов	74	(744; 4 530 893)	687 940,4 \pm 914 823,2	191 223,5 [45 346; 1 050 696]
Урожайность, крестьяне, пшеница, пудов	94	(32 583; 9 228 700)	2 658 194,2 \pm 2 618 597,8	2 053 731,5 [419 302; 3 734 061]
Урожайность, помещики, пшеница, пудов	91	(27 685; 11 494 786)	3 042 974,1 \pm 2 764 435,1	2 654 090 [508 973; 4 770 030]
Урожайность, крестьяне, ячмень, пудов	94	(22 596; 10 884 767)	2 026 234,4 \pm 2 322 206,4	1 160 781,5 [346 523; 2 583 712]
Урожайность, помещики, ячмень, пудов	91	(31 472; 9 623 903)	1 887 929,5 \pm 2 062 345,5	1 209 200 [327 942; 2 833 668]

Для Херсонской губернии для проверки гипотезы исследования были выбраны также модели зависимости посевной площади ржи для крестьян (табл. 3.7) и модели зависимости посевных площадей пшеницы для помещиков (табл. 3.8). Методика эконометрического моделирования была схожей, рассматривались модели панельных данных с фиксированными эффектами вида (2.2), а также модели со случайными эффектами вида:

$$y_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot p_{it} + u_i + \varepsilon_{it}, \quad (3.6)$$

где u_i — индивидуальные случайные эффекты.

В связи с ограничениями в имеющихся исходных данных не было возможности использовать контрольные переменные, но для нейтрализации эффекта смещения значения коэффициента из-за проблемы эндогенности использовалась инструментальная переменная урожайности, через которую оценивались цены на культуру, а также рассматривалась динамическая модель панельных данных с введением лагового значения зависимой переменной — модель Ареллано — Бонда (Arellano — Bond model).

Таблица 3.7

Результаты оценки коэффициентов моделей зависимости посевной площади ржи для крестьян по Херсонской губернии

Переменные	Модель 1 базовая (случайные эффекты)	Модель 2 с лаговой зависимой переменной (полная регрессия)	Модель 3 с инструментальной переменной (фиксированные эффекты)
Цена на рожь	63,60 [121,16]	–80,24 [48,24]	–1112,24** [494,25]
Посевная площадь ржи в прошлый год		0,933*** [0,030]	
p-значение			
F-тест на значимость уравнения	0,286	<0,001	0,0277
Тест на линейное ограничение	<0,001	0,217	<0,001
Тест Бреуша — Пагана	0,001	0,480	<0,001
Тест Хаусмана	0,143	0,051	<0,001

** Коэффициент регрессии значим на уровне $p \leq 0,01$.

*** Коэффициент регрессии значим на уровне $p \leq 0,001$.

Для крестьян в первой модели наилучшей оказалась модель со случайными эффектами, однако коэффициент регрессии при цене на рожь оказался положительным и незначимым, т.е. нет обратного эффекта реагирования на изменения цен у крестьян. После ввода в модель лагового значения эндогенной переменной наблюдается изменение знака коэффициента регрессии, но он по имеющейся выборке данных оказался статистически незначимым. И финальная модель для проверки гипотезы с оценкой значения цены через инструментальную переменную показала отрицательное значимое значение коэффициента регрессии.

Для помещиков во всех рассчитанных моделях зависимости посевной площади пшеницы от цены данной культуры был получен положительный коэффициент регрессии (в двух моделях статистически значимый).

Таблица 3.8

Результаты оценки коэффициентов моделей зависимости посевной площади пшеницы для помещиков по Херсонской губернии

Переменные	Модель 1 базовая (случайные эффекты)	Модель 2 с лаговой зависимой переменной (фиксированные эффекты)	Модель 3 с инструментальной переменной (фиксированные эффекты)
Цена на пшеницу в прошлый год	513,45*** [140,28]	230,83 [154,20]	8943,87*** [129,04]
Посевная площадь пшеницы в прошлый год		0,33 [0,10]	
p-значение			
F-тест на значимость уравнения	<0,001	<0,001	<0,001
Тест на линейное ограничение	<0,001	<0,001	<0,001
Тест Бреуша — Пагана	<0,001	0,593	<0,001
Тест Хаусмана	0,148	<0,001	0,002

*** Коэффициент регрессии значим на уровне $p \leq 0,001$.

Таким образом, на основе моделей с фиксированными эффектами с инструментальными переменными можно сделать вывод о различии в реакции на рост цен на зерно между крестьянскими хозяйствами и хозяйствами помещиков на региональном уровне на примере Херсонской губернии.

В работе была поставлена цель проверить гипотезу, выдвинутую российскими экономистами — Н. Д. Кондратьевым и А. В. Чаяновым — в середине 20-х гг. XX в. Оба экономиста сформулировали гипотезу исходя

из анализа микроданных — крестьянских бюджетов. В данной работе гипотеза об инерционности крестьянских хозяйств была проверена на двух уровнях: макроуровне и уровне отдельной губернии. Проанализировав динамику объемов крестьянской запашки хлеба в ответ на динамику цен по отдельным губерниям России, обнаружили значимую отрицательную корреляцию. Из сравнения результатов исследования по крестьянским хозяйствам с аналогичными результатами по помещичьим хозяйствам можно сделать вывод, что отрицательная корреляция является спецификой только крестьянских хозяйств, тем самым доказывая гипотезу инертности крестьянских хозяйств.

Таким образом, полученные результаты подтвердили выдвинутую российскими экономистами гипотезу об инерционном поведении крестьянских хозяйств. Учитывая то, что результаты первого этапа анализа (на макроуровне) и второго этапа (региональный уровень) дают похожий результат, можно предположить, что инерционность крестьянских хозяйств в дореволюционной России носила преобладающий характер.

Кроме того, была проверена гипотеза о возможном изменении поведения крестьян после Столыпинской аграрной реформы. Однако коэффициенты при фиктивной переменной периода и ее произведении с ценой оказались незначимы, т.е. за шесть лет, которые прошли после реформы, поведение крестьян относительно исследуемого вопроса не претерпело существенных изменений. Проведенные тесты не выявили каких-либо изменений. Это можно интерпретировать как то, что Столыпинская реформа в среднем не поменяла мотивацию и, следовательно, поведение крестьян. Оно по-прежнему оставалось нерыночным. Это подтверждает гипотезу о том, что в дореволюционной России еще не произошел аграрный переворот.

3.3. Дифференциация крестьянства после Аграрной реформы

П. А. Столыпина¹

3.3.1. Детерминанты неравенства крестьян в дореволюционной России

Неравенство — одна из самых важных проблем, изучаемых социальными науками. Очевидным фактом является то, что исторически нера-

¹ В основе данного параграфа лежит опубликованная в 2021 г. статья “Peasants’ inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia” (Scandinavian Economic History Review. 2021. No. 69 (3). P. 253–277).

венство часто приводило к социальной и политической нестабильности, иногда завершавшейся драматически — революциями и гражданскими войнами. Важно, однако, что к драматическим последствиям приводит не всякое неравенство. С древнейших времен существовавшее практически во всех странах глубокое социальное и имущественное неравенство в обычной ситуации не вызывало никаких революций. Во-первых, люди воспринимали включающий неравенство существующий порядок как привычный, морально санкционированный, который невозможно и/или греховно пытаться менять. Во-вторых, на протяжении большей части истории человечества знания людей о фактическом уровне неравенства между условиями своей жизни и жизни других сообществ были довольно ограниченными: характерный для традиционного общества уровень развития технологий транспорта и коммуникаций ставил естественные пределы для сравнения.

Таким образом, важным с точки зрения влияния на социальную (не)стабильность оказывается не неравенство само по себе, но воспринимаемое (*perceived*) неравенство, а особенно «неравенство среди равных» (*inequality among the equals*) — ситуация, когда неравенство возникает в референтной группе индивида. В этом случае оно оказывается психологически наиболее остро переживаемым феноменом¹.

Факторы, влиявшие на дифференциацию крестьянства в рассматриваемый период, можно разделить на две группы: способствующие дифференциации, «центробежные» и сглаживающие неравенство, «центростремительные»².

Среди социально-экономических факторов, сдерживающих процесс расслоения крестьянства, была, как уже отмечалось, община. После отмены крепостного права в 1861 г. именно община становится собственником крестьянской общинной земли. Одной из важнейших функций общины было справедливое распределение земли между ее членами (домохозяйствами). Поэтому периодически в общине происходили переделы земли в соответствии с изменившимся количеством людей в отдельных домохозяйствах. Земли, находившиеся в собственности общины, назывались наделными.

¹ Шек Г. Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2008.

² Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства / предисл. Л. Крицмана. М.: Новая деревня, 1924; Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство // Избр. тр.: редкол.: А. А. Никонов (отв. ред.) и др. Ин-т экономики АН СССР и др. М.: Экономика, 1989. 491 с.; Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / под ред. А. М. Никулина. М.: Дело (РАНХиГС), 2019.

В соответствии с поземельной статистикой 1905 г. в Европейской России было 395,2 млн десятин земли, которые можно разделить в соответствии с формой собственности на три группы (табл. 3.9).

Таблица 3.9

Три группы земель по форме собственности, 1905 г.

Группа I	Частные владения — 25,8%	101,7 млн дес.
Группа II	Надельные земли — 35,1%	138,8 млн дес.
Группа III	Земли казны — 39,1%	154,7 млн дес.
<i>Всего в Европейской России</i>	100%	395,2 млн дес.

Источник: 1905 Land Property Statistics. Overall Data on 50 European Regions of Russia, (1907) St. Petersburg.

Частное землевладение делилось на личное (владение отдельной личности или домохозяйства) и коллективное (владения обществ). Доля дворян в личной собственности в 1905 г. составляла 61,9%, доля купцов, мещан, духовенства и др. — 22,7%, доля крестьян — 15,4%, что от общего количества земли составляло всего 3,3%. То есть основную часть землевладения крестьян составляли наделные земли, главным распорядителем которых была община.

Из приведенных выше данных видно, что среди всех негосударственных земель большая часть находилась в общинном землепользовании. Решения о переделе земли и ее распределении принимало общее собрание общинников (сход). Частота переделов различалась от региона к региону: в 1897–1902 гг. количество общин, производивших переделы в 190 уездах 35 губерний, составляло от 51,2 до 83,1%¹. Передел земли, происходивший в среднем раз в 12 лет, способствовал снижению дифференциации между членами общины.

Кроме того, уплата налогов обеспечивалась круговой порукой², т.е. сход распределял, кому сколько платить. Это вело к тому, что сход имел право контролировать ведение хозяйства отдельными крестьянскими семьями и даже лишать некоторые из них земельного надела. «Община не могла, конечно, ни избавить крестьян от пролетаризации, ни предотвратить формирование сельской буржуазии, однако тормозящую роль

¹ Дубровский С. М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Ин-т красной профессуры. Ленинград: Прибой, 1925. С. 98.

² Круговая порука отменена в 1903 г.

в этом процессе она, безусловно, играла»¹. Для лучшего понимания значимости общинного хозяйства приводим следующие цифры. Процент общинного землевладения по отношению ко всему крестьянскому землевладению по регионам: Восточная степь — 98,4; Крайний Север — 98,0; Великорусский запад (густо населенный) — 97,1; Великорусский запад (мало населенный) — 96,5; Великороссия — 95,8; Пермский край — 93,0; Новороссия — 88,9; Украина — 80,4; Бессарабия — 77,0; Белоруссия — 39,0; Левобережная Украина — 33,0; Правобережная — 13,9; Литва — 0,0; Прибалтийский край — 0,0². То есть только в прибалтийских и западных губерниях было распространено подворное землевладение в остальных регионах — общинное.

Среди политических факторов, сдерживающих дифференциацию, можно назвать политику правительства, имевшую место до революции 1905 г. Вопрос сохранения общины был одним из немногих, где приходили к согласию самые противоположные политические и идеологические направления. Левые, в частности народники, видели в общине зародыш будущего справедливого общества, основанного на самоуправлении и справедливом распределении земли. Правые рассматривали общину как оплот монархии, так как считали крестьян наиболее консервативным социальным слоем, хранителем традиций. Лишь небольшое количество либералов, включая С. Витте и П. Столыпина, рассматривали общину как препятствие для модернизации сельского хозяйства и считали необходимым ее устранение. Поэтому, когда возникли опасения разрушения общины под воздействием рыночных отношений, которое проявлялось в постепенном сокращении переделов и в переходе к зажиточным крестьянам наделов пролетариизирующихся членов общины, правительство принимает законы, которые институционализируют общинную собственность на землю: «...закон от 18 марта 1886 г., ставивший препятствие делению подворного имущества среди членов двора; ...закон от 8 июня 1893 г., относительно перераспределения земли внутри мира, который... постановлял, что всеобщее перераспределение должно происходить не реже чем каждые 12 лет; закон от 14 декабря 1893 г., который очень осложнял всякую продажу наделов, даже если она проводилась через общины, а также делал почти совершенно невозможным выход из общины, отменяя статью 165

¹ Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье: конец XIX — начало XX в. Ин-т системно-стратегического анализа. М.: Т-во науч. изл. КМК, 2016. С. 355.

² Дубровский С. М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Ин-т красной профессуры. Ленинград: Прибой, 1925. С. 98.

Положения о выкупе. Согласно этому закону и после выплаты полностью выкупной ссуды оставалось в силе ограничение права крестьянина распоряжаться своей землей»¹.

В отдельных регионах были свои специфические причины для поддержания общины. Например, помещики нечерноземной полосы были заинтересованы в сохранении общины, так как она способствовала удержанию беднеющих крестьян в деревне от ухода в город, что грозило помещикам потерей рабочих рук для работы в их поместьях².

Стоит отметить, что далеко не во всех регионах община находилась в стадии разрушения. В ряде губерний, где по географическим, климатическим и историческим причинам еще только происходил переход от залежной системы к трехполью, например в Сибири, в северных регионах, община в этот период укреплялась, так как она была тесно связана с трехпольем³.

Другой фактор, замедляющий дифференциацию, связан с так называемыми «органическими» изменениями в крестьянском обществе. В процессе функционирования общества, с одной стороны, наблюдалась тенденция к сокращению беднейших домохозяйств из-за вымирания, миграции или слияния, а с другой стороны, происходило разделение наиболее зажиточных хозяйств, когда взрослые сыновья создавали собственные семьи⁴. Эти две тенденции, присущие крестьянскому обществу, сглаживали дифференциацию, так как сокращали крайние группы: наиболее бедных и наиболее богатых становилось меньше.

Среди факторов, усиливающих дифференциацию, наиболее значимым было воздействие развития рыночных отношений в аграрном секторе, которые способствовали тому, что часть крестьян разорялись и превращались в наемных рабочих, а другая, скупая их земли, превращается в аграрных капиталистов.

Существовали также внешние факторы, которые, обостря конкуренцию, способствовали пролетаризации части крестьянства. В частности,

¹ Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914: пер. с нем. // Исследования новейшей русской истории: серия / под общ. ред. А. И. Солженицына. М.: Русский путь: Полиграфресурсы, 1995. С. 219.

² Дубровский С. М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Ин-т красной профессуры. Ленинград: Прибой, 1925. С. 98.

³ Кауфман А. А. Крестьянская община в Сибири: По мест. исслед. 1886–1892 гг. СПб.: кн. маг. А. Ф. Цинзерлинга, б. Мелье и К°, 1897. 277 с.

⁴ Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925: пер. А. В. Соловьев; под ред. А. М. Никулина. М.: Дело (РАНХиГС), 2019. 408 с.

снижение цен на зерно в 1880-е гг.¹, периодические неурожаи и особенно голод 1891 г., введение золотого стандарта в 1897 г., ухудшающего условия экспорта, неурожай 1905 г. и война с Японией.

Среди факторов, способствующих пролетаризации крестьянства, стоит также назвать запрет на выход из общины. По мере того как население росло, а возможность распахать новые земли практически исчезла, появлялось все больше количество малоземельных домохозяйств, не способных прокормить себя со столь маленького надела.

Таким образом, устойчивость общины, т.е. то, какие из перечисленных выше тенденций окажутся сильнее, зависело как от внешних факторов, так и от существующей институциональной системы. Пока (или там, где) была сильна передельная община с коллективной формой собственности на землю и системой открытых полей, преобладающими оказывались тенденции, сглаживающие неравенство. По мере разрушения общины усиливались тенденции, способствующие дифференциации. Именно поэтому реформа, направленная на разрушение общины, одновременно вела и к исчезновению факторов, замедляющих дифференциацию, и, соответственно, усиливала тенденцию к росту неравенства.

Переход от общины, принципиально менявший механизм координации между экономическими агентами, сопровождался значительными издержками (о структуре издержек при переходе к альтернативной институциональной системе подробнее см. А. Е. Шаститко²). В частности, слом общины и результирующий рост неравенства снижали уровень доверия в экономической системе, что обычно негативно сказывается на экономическом развитии³.

Стоит отметить, что модернизация экономики (переход от экономики традиционного общества к экономике «современного экономического роста»), тесно связанная с развитием рыночных отношений, при отсутствии развитых институтов стабильности взамен разрушенным вела к росту неравенства как между социальными группами, так и внутри последних. Из табл. 3.10 видно, что после отмены крепостного права и проведения ряда других реформ, способствовавших развитию рыночных отношений, неравенство усиливается.

¹ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) / под ред. А. Г. Манькова. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985. С. 114.

² Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. С. 543.

³ Розинская Н. А., Розинский И. А. Национальный проект «Доверие» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 138–146.

Таблица 3.10

Имущественная дифференциация крестьянства в России XV–XX вв.

Периоды	Доли крестьянских хозяйств, %		
	Богатые	Средние	Бедные
1495–1505 гг.*	15	53	32
1650–1750 гг.*	15	53	32
1751–1800 гг.*	10	48	42
1801–1860 гг.*	23	53	24
1912 г.	6	30	64

* По выборочным данным. Составлено по: Миронов Б. Н. Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности // Проблемы аграрной истории: (XIX — 30-е годы XX в.): В 2 ч. Ч. 2. Минск, 1978. С. 113 (данные за XV–XIX вв.); Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2. С. 168 (данные за 1912 г.); Нуреев Р. М., Латов Ю. В. От «восточного деспотизма» к «среднеслабому капитализму»: оборванный путь институционального развития императорской России // Мир России. Социология. Этнология, 2013. № 4. С. 23.

Таблица 3.10 содержит очень агрегированные и приблизительные результаты. Для расчета в качестве критерия благосостояния брались либо данные по лошадям, либо по земле, либо по денежным доходам. Но каждый из этих критериев, взятый по отдельности, может искажать картину. Количество лошадей не всегда могло быть хорошей оценкой благосостояния, так как с усовершенствованием техники крестьянского хозяйства, например с введением легкого плуга, потребность в тяговой силе значительно сокращается, следовательно, количество рабочего скота может уменьшаться. Что касается земли, то количество обрабатываемой земли также не могло быть корректным показателем, так как земля могла быть арендована или куплена в кредит, что ложилось тяжелым бременем на домашнее хозяйство (т.е. относительно большой участок земли мог обрабатываться фактически бедной семьей). Денежный доход тоже не всегда правильно отражал ситуацию, так как товарность зернового производства России начала XX в. экономисты определяли около 33–38%¹.

¹ Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье: конец XIX — начало XX в. Ин-т системно-стратегического анализа. М.: Т-во науч. изл. КМК, 2016. С. 182.

Правительство решилось на разрушение общины только после начала революции 1905 г., когда стало понятно, что данный институт больше не гарантирует лояльность крестьян власти и, более того, являясь тормозом социальной мобильности, не создает стимулов для интенсификации сельскохозяйственного производства и тормозит модернизацию аграрного сектора. 9 ноября 1906 г. был принят Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»¹, который положил начало Столыпинской реформе.

Столыпинская реформа 1906 г. способствовала ликвидации общины, т.е. системы коллективного землевладения и землепользования, препятствующей резкой дифференциации, поощряя выход крестьян из общины и превращая земли в частную собственность единоличников. Столыпинская реформа привела к продаже многими общинниками своих земельных наделов в случаях, когда этих участков уже не хватало для обеспечения жизненного уровня.

В современной литературе Столыпинскую реформу оценивают по-разному. Некоторые советские и постсоветские авторы упоминают «неспособность решить проблему узости внутреннего рынка», «непоследовательность политики, проводимой правительством», «непонимание психологии крестьянских общин», подчеркивают пагубное воздействие на сельское хозяйство России².

Тем не менее можно сказать, что в современной историографии преобладают положительные оценки результатов столыпинской реформы — «...столыпинская аграрная реформа достигла своей цели. Это способствовало росту промышленности и сельскохозяйственного производства. Россия стала крупнейшим экспортером зерна и других продуктов...»³.

Мы согласны с теми авторами, которые считают, что реформы, во-первых, были необходимы для того, чтобы модернизация состоялась, и, во-вторых, были успешными, т.е. запустили этот самый процесс мо-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1881—1913. Т. 26. № 28528. 1906.

² Кабытов П. С., Баринова С. П. А. Столыпин и местная реформа // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI в.). Сб. ст. Всероссийской научной конференции. Оренбург: Оренбургский филиал РАН-ХиГС, ФГБОУ ВПО «ОГПУ», 2012. С. 71—75; Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия. М.: Издательская группа «Прогресс»; Прогресс — Академия, 1992. С. 310—321.

³ Климин И. И. Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб.: Клио, 2002. С. 279.

дернизации. «Столыпинские реформы, даровавшие крестьянству полноту гражданских прав, инициировали ряд процессов, которых раньше не было. К ним относятся укрепление наделов и тем самым мобилизация наделных земель, так как землеустройство и агрономическая помощь (де-факто) коренным образом расширили масштабы начавшихся до нее явлений — скупки земли Крестьянским банком, организованного переселения, кооперации, комбинированным результатом чего явился новый и очень мощный толчок, полученный стихийной интенсификацией крестьянского хозяйства, начавшейся до 1906 г. Эти взаимосвязанные процессы изменили самые условия той среды, в которой функционировало народное хозяйство, и положили конец описанному Чаяновым «вековому застою»¹. Однако стоит отметить, что социальные последствия данной реформы не были столь однозначны.

Наиболее интересные исследования по этой проблеме можно найти у советского историка И. Д. Ковальченко, который анализирует изменения социальной структуры деревни, связанные со Столыпинской реформой. В качестве показателя уровня благосостояния дворов использовался показатель количества лошадей. Традиционно к беднейшим были отнесены безлошадные и однолошадные дворы, к средним — с 2 и 3 лошадьми, к зажиточным — с 4 и более². В развитие исследования Ковальченко предложил использовать метод марковских цепей для построения альтернативно-имитационной (контрфактуальной) модели изучаемого процесса. Совместно с его учеником Л. И. Бородкиным они построили модель, которая показывает, что было бы, если бы не проводилась аграрная реформа³. Данная модель подтвердила, что Столыпинская реформа ускорила дифференциацию.

Ковальченко использовал количество лошадей в качестве основного показателя благосостояния. Несмотря на распространенность этого метода оценки благосостояния крестьян, данный подход был подвергнут критике. Объяснялось это тем, что с усовершенствованием техники крестьянского хозяйства, например с введением легкого плуга, потребность в тяговой силе значительно сокращается, следовательно, количество рабочего скота может сокращаться. Например, хозяйство, имеющее 4—5 лошадей,

¹ Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте — Столыпина. 2-е изд., исправл. и доп. СПб.: Алетей, 2016. С. 814.

² Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2. С. 66.

³ Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетей, 2016. 306 с.

начинает ту же самую площадь земли обрабатывать с помощью 2–3 лошадей. Поэтому при группировке по лошадям обнаруживается сокращение верхних групп крестьянства, что обычно дает основание говорить или об отсутствии дифференциации в деревне, или об общем обеднении. Тогда как на самом деле сокращение лошадей в данном случае является не признаком упадка хозяйства, а результатом его развития¹.

Следовательно, для более широкой и точной картины необходимо использовать другие показатели, относящиеся к доходам крестьян.

Стоит также отметить исследования американского экономисторика Д. Филда, который по данным Полтавской губернии посчитал индекс Джини по таким показателям, как пашня, посев и количество рабочего скота (лошадей). Его расчеты подтверждают выводы других исследователей об идущем процессе расслоения крестьянства².

Все приведенные выше исследователи использовали в качестве главного показателя благосостояния либо обеспеченность лошадьми, либо обеспеченность землей. Однако ряд историков³, как уже говорилось, утверждали, что в начале XX в. наиболее состоятельные крестьяне использовали современный на тот момент инвентарь, например легкий плуг, который требовал меньшего количества лошадей и, соответственно, состоятельные хозяйства сокращали количество рабочего скота⁴. Эти хозяйства могли попасть в категорию бедных, что не отвечало действительности, т.е. для более полной картины необходимо использовать и другие показатели, связанные с доходами крестьян. Количество земли тоже не всегда правильно отражало ситуацию, так как земля могла быть арендованная или купленная в кредит, что ложилось тяжелым бременем на хозяйство.

Для убедительного доказательства факта усиления расслоения крестьянства нужно посмотреть изменение индексов дифференциации

¹ Дубровский С. М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Ин-т красной профессуры. Ленинград: Прибой, 1925. С. 90–91.

² Филд Д. Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях: сб. науч. ст. / АН СССР, Отд-ние истории, Комис. по применению мат. методов и ЭВМ в ист. исслед.; отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1989. С. 47–73.

³ Дубровский С. М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Ин-т красной профессуры. Ленинград: Прибой, 1925; Миронов Б. Н. Социальная мобильность и социальное расслоение в русской деревне XIX — начала XX века // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1972. С. 156–183.

⁴ Дубровский С. М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Ин-т красной профессуры. Ленинград: Прибой, 1925. С. 90–91.

по всем губерниям Российской империи на протяжении 55 лет после отмены крепостного права. Однако это крайне сложная задача, так как очень мало данных о балансе доходов и расходов крестьян. Как статистика правительственных органов, так и земские обследования (с 1870 по 1913 г. было проведено 56 подворных переписей в 311 уездах) не дают прямого ответа на этот вопрос. Если доходы еще можно посчитать, используя данные о количестве земли, посевах, количестве лошадей, коров, используемого инвентаря, построек и т.д., то расходы, исходя из статистических данных, посчитать крайне сложно. Моделированием бюджетов крестьянских хозяйств с помощью опросов занимались А. В. Чаянов¹ и А. Н. Челинцев². Однако приведенные ими данные недостаточны для распространения выводов для всей Российской империи.

Следовательно, для того чтобы сделать вывод о степени неравенства и о его динамике при наличии ограниченных данных, необходимо, во-первых, брать не один, а несколько показателей, характеризующих благосостояние крестьянского хозяйства, во-вторых, учесть факторы, действующие по отношению к дифференциации в разных направлениях, как сглаживающие неравенство, так и усиливающие, в-третьих, исследовать существующие серьезные различия по регионам и, в-четвертых, проанализировать не только агрегированные данные по стране, но и данные на разных уровнях: на уровне губерний, уездов, волостей, микро-данные.

Для анализа на микроуровне и на уровне уездов использовались статистические данные по Симбирской губернии, так как по этому региону были найдены данные о доходах и расходах, позволяющие оценить степень дифференциации крестьян. Кроме того, почвы данной губернии являлись черноземными, так же как и в Полтавской губернии, обе они находились в лесостепной полосе, что позволит сравнить результаты исследования с исследованиями Д. Филда по Полтавской губернии.

¹ Чаянов А. В. Бюджетные исследования = *Methods of collecting cost: история и методы*. М.: Новый агроном, Труды Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики, 1929. Вып. 47; Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избр. тр. / редкол.: А. А. Никонов (отв. ред.) и др. Ин-т экономики АН СССР и др. Крат. биогр. очерк В. В. Кабанова; вступ. ст. Н. К. Фигуровской, А. И. Глаголева. С. 26–51; Комментар. А. И. Глаголева, Л. А. Овчинцевой. М.: Экономика, 1989. 491 с. (ЭН. Экон. наследие. Редкол.: Л. И. Абалкин (пред.) и др.). ISBN 5-282-00835-1.

² Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьковск. обл. союз с.-х. кооперативов (Харьковское о-во сельского хоз-ва), Отд. орг. хоз-ва. Харьков: Агрономия, 1919. 177 с.; Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. 2-е перераб. и доп. изд. М.: Новый агроном, 1928. 239 с.

Для исследования были использованы данные земской статистики, опубликованные в 1914 г.¹ В рамках данной работы были проанализированы 18 показателей, связанных с имуществом и доходами крестьян, 225 крестьянских домохозяйств, расположенных в восьми уездах Симбирской губернии: 32% хуторских хозяйств и 68% хозяйств общинников. По Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г., на территории Симбирской губернии проживало 1 527 848 человек — 728 909 мужчин и 798 939 женщин, 108 049 человек из них составляло городское население². Губерния состояла из восьми уездов, в которых проживало примерно от 152 до 280 тыс. человек. В каждом уезде было обследовано примерно 30 домохозяйств. То есть, учитывая, что в семье в среднем было 5–6 человек, обследование охватывало (выборка составляет) примерно 0,1% населения губернии. Таким образом, имеется информация по губернии на уровне домохозяйств и на уровне уездов. Были представлены сведения о социальном статусе (общинник/хуторянин), о количестве земли, об имуществе (постройки, скот, инвентарь), о годовых доходах и расходах крестьян.

3.3.2. Проверка гипотез марксистской школы и А. В. Чаянова по классификации крестьянских хозяйств

Для выявления дифференциации первоочередной задачей анализа было установить, можно ли считать, что все крестьянские хозяйства имеют одинаковый средний доход или они естественно разбиваются на несколько групп с существенно разным доходом. Для этой цели использовались данные о хозяйствах Симбирской губернии за 1913 г. После удаления наблюдений с пропущенными данными и выбросов в выборке остается 218 наблюдений. По каждому крестьянскому хозяйству имеются следующие данные: рабочие силы семьи, число наемных рабочих, используемая пашня, посевная площадь, стоимость построек, стоимость инвентаря, количество лошадей, стоимость лошадей, количество коров, стоимость коров, стоимость скота, расходы на личное потребление, расходы на покупку земли, расходы на аренду земли, расходы на повинности, доходы от земледелия, доходы от животноводства, доходы от промыслов.

¹ Краткие бюджетные сведения по хуторскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Симбирск: Б. и., 1914.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. (Губернские итоги). Т. 1—89. СПб., 1903—1905.

Таким образом, каждое крестьянское хозяйство характеризуется вектором из 18 компонент. Вводится также переменная «общий доход» как сумма переменных 16–18.

$$Inc_i = x_i^{16} + \dots + x_i^{18}.$$

Характеристики 1–18 будут использованы для построения разбиения крестьянских хозяйств на группы, после чего протестируется гипотеза: является ли величина среднего дохода одинаковой для этих групп.

Ход анализа

1. Построение разбиения на группы. Разбиение на группы осуществляется с помощью иерархической процедуры и с помощью метода k -средних. Далее с помощью дисперсионного анализа выбирается лучший результат.

Перед началом этой процедуры данные подвергаются предварительной обработке. Во-первых, каждая переменная X^k , $k = 1, \dots, 18$ стандартизируется, чтобы привести все переменные к одному масштабу. То есть i -е наблюдение x^k преобразуется по правилу:

$$X_i^k \rightarrow Y_i^k = \frac{X_i^k - \bar{X}^k}{S_{X^k}}, k = 1, \dots, 18, i = 1, \dots, 218.$$

Во-вторых, от начальных переменных мы переходим к главным компонентам, а затем отбрасываем незначимые главные компоненты (те, что имеют дисперсию < 1). Данный переход выглядит так. От переменных (Y^1, \dots, Y^{18}) мы переходим к переменным (Z^1, \dots, Z^{18}) с помощью постоянного линейного преобразования A :

$$\begin{pmatrix} Z^1 \\ \vdots \\ Z^{18} \end{pmatrix} = A \begin{pmatrix} Y^1 \\ \vdots \\ Y^{18} \end{pmatrix}.$$

Преобразование подбирается так, чтобы переменные Z^k были независимыми и чтобы дисперсии были упорядочены следующим образом: $V(Z^1) \geq \dots \geq V(Z^{18})$.

Такие новые переменные называются главными компонентами.

Переход к главным компонентам делается для того, чтобы избежать повторов в данных. Так, переменные «количество лошадей» и «стоимость лошадей» сильно коррелированы. Если использовать начальные переменные, то для обеих этих переменных исследуемый фактор внесет удвоенный вклад при вычислении расстояния между наблюдениями. Факт наличия сильной корреляции между начальными переменными приводит к тому,

что среди главных компонент будут переменные с маленькой дисперсией. Их стоит отбросить. Традиционно главными компонентами с малой дисперсией считаются переменные Z^k с дисперсией меньше 1. В данном случае остаются переменные Z^1, \dots, Z^5 .

Далее осуществляется разбиение на p групп, где $p = 2, \dots, 6$, и далее с помощью дисперсионного анализа выбираем лучшее. Мы ограничились максимальным числом групп, равным 6, так как разбиение на большое число групп уже трудно интерпретировать.

С помощью иерархической процедуры разбиение на p групп осуществляется так:

1. Фиксируется способ вычисления расстояния между объектами. Мы используем евклидово расстояние

$$p(Z_i, W_i) = \sqrt{\sum_{k=1}^5 (Z_i^k - W_i^k)^2}.$$

2. Фиксируется способ вычисления расстояния между группами объектов. В нашем случае это расстояние по принципу дальнего соседа

$$d(A, B) = \max_{Z \in A, W \in B} p(Z, W).$$

На первом шаге полагаем, что все группы состоят из одного элемента. На втором шаге объединяем две ближайшие группы, на третьем шаге снова объединяем две ближайшие группы и т.д., пока не получим p групп.

С помощью метода k -средних разбиение осуществляется так.

1. Выбирается начальное приближение к средним значения групп наших k групп. В нашем случае эти начальные приближения выбираются случайно.
2. Осуществляется уточнение этих приближений. Для этого последовательно перебираются элементы выборки. Каждый элемент относится к той группе, к средней которой он ближе (для вычисления расстояния используется евклидово расстояние). После отнесения элемента в одну из групп среднее по группе пересчитывается.
3. Осуществляется итоговая классификация: каждый элемент относится к той группе, к средней которой он ближе.

2. Дисперсионный анализ. Проводится однофакторный дисперсионный анализ для переменной «общий доход». Дисперсионный анализ состоит в вычислении отношения межгрупповой дисперсии данной переменной к внутригрупповой.

$$F = \frac{S_{between}^2}{S_{within}^2} = \frac{\frac{SS_{between}^2}{J-1}}{\frac{SS_{within}^2}{N-J}},$$

где SS — сумма квадратов отклонений от среднего; J — число групп, а N — общее число наблюдений. Inc_i по всем группам отвергается.

Таким образом, дисперсионный анализ позволяет сделать следующее. Во-первых, проверить гипотезу о равенстве средних значений переменной Inc_i по всем группам. Во-вторых, проверить качество разбиения на группы с точки зрения переменной «общий доход». Можно вычислить долю межгрупповой дисперсии по отношению ко всей дисперсии

$$\frac{S_{between}^2}{S_{total}^2} = \frac{\frac{SS_{between}^2}{J-1}}{\frac{SS_{between}^2 + SS_{within}^2}{N-J}} = \frac{\frac{F}{N-J}}{\frac{(J-1)/(N-J)F + 1}{N-1}},$$

если эта доля мала, то это свидетельствует о том, что полученное разбиение на группы естественно — внутри групп дисперсия дохода мала, а между группами велика.

Результаты следующие: при любом выборе числа групп дисперсионный анализ отвергает гипотезу о том, что средняя величина «общего дохода» является одинаковой для всех групп.

При этом наибольшего значения доля межгрупповой дисперсии достигает при разбиении на три группы методом k -средних. При этом доля межгрупповой дисперсии равна 0,91. Это свидетельствует о том, что разбиение на группы очень хорошее.

Рисунок 3.1 иллюстрирует качество разбиения на группы. На горизонтальной оси отмечены доходы различных крестьянских хозяйств. Хозяйства, относящиеся к разным группам, подсвечены разными цветами.

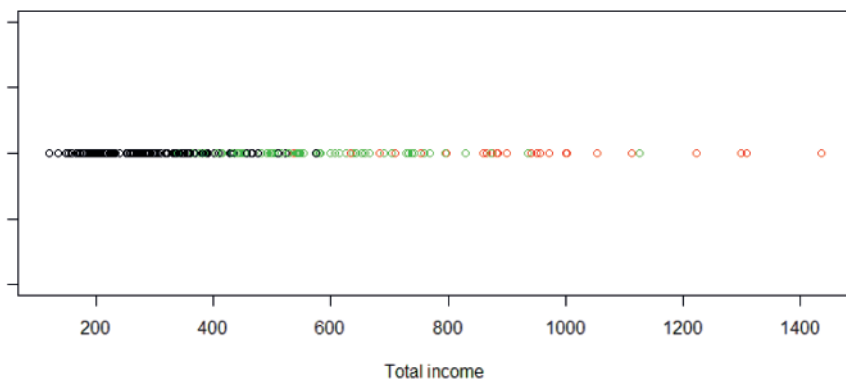

Рис. 3.1. Распределение крестьянских хозяйств по доходу

Таким образом, результатом дисперсионного анализа является следующий вывод. Крестьянские хозяйства по совокупности признаков 1–18 естественно разбить на три группы. Гипотеза о том, что средняя величина Inc_i является одинаковой для всех групп, отвергается.

3. Попарное сравнение средних доходов. Дисперсионный анализ позволяет утверждать, что средняя величина Inc_i не является одинаковой для всех трех групп. Проведем более тонкий анализ — проверим, что средние значения переменной Inc_i являются попарно различными.

Тест Андерса — Дарлинга отвергает гипотезу о том, что для отдельных групп величина Inc_i имеет нормальное распределение. Поэтому для сравнения средних значений мы используем непараметрический тест — тест Вилкоксона.

Тест Вилкоксона показывает, что при попарном сравнении гипотезы о равенстве средних значений «общего дохода» для любых двух групп отвергаются.

Выводы. Таким образом, неравенство в доходах имеет место.

Выборка разбилась на три группы. При этом доля межгрупповой дисперсии переменной «общий доход» равна 0,91. Средние значения «общего дохода» для этих трех групп равны 291, 574 и 947:

	Первая группа	Вторая группа	Третья группа
Mean	291,88	574,7927	947,9404
s.d.	92,03124	159,857	210,8762
Min	119,00	339,00	535,5
Max	575,00	1127,00	1436,00

Таким образом, в ходе многомерного статистического анализа по 13 признакам выборка естественным образом разделилась на три группы со средним доходом 291, 574 и 947 руб. Можно сделать вывод о том, что не найдено свидетельств быстрого образования в русской деревне двух классов: аграрных капиталистов и наемных рабочих, как предполагали марксисты. Но также не нашла статистического подтверждения и теоретическая модель Чаянова, описывающая шесть групп в крестьянском обществе. Полученные кластеры можно интерпретировать как крестьянские хозяйства с низким, средним и высоким доходом, т. е. четко выделяются три группы.

3.3.3. Оценка степени дифференциации на уровне уездов

Прежде чем оценивать уровень дифференциации крестьян, необходимо рассмотреть дифференциацию уездов, поскольку высокая степень дифференциации по уездам может сделать индекс Джини менее информативным¹.

Для анализа различий в доходах была использована MLM (многоуровневая модель), которая часто применяется в политических и поведенческих науках. В данном случае эта модель полезна, так как позволяет интегрировать индивидуальные и агрегированные данные.

Эта модель используется для ответа на следующие вопросы. Во-первых, факторы какого уровня вносят больший вклад в неравенство доходов: либо крестьяне одного уезда имеют примерно одинаковые доходы и различия связаны с различиями между уездами, либо уезды примерно равны по доходам их жителей, но есть неравенство между домохозяйствами внутри уезда. Во-вторых, какой из факторов больше всего способствует неравенству доходов.

Для нахождения среднего дохода для полной выборки используется нулевая модель. Спецификация нулевой модели следующая:

$$\text{Доход}_{ij} = \beta_{0j} + r_{ij}, \quad (3.7)$$

$$\beta_{0j} = \lambda_{00} + u_{0j}, \quad (3.8)$$

$$\text{Доход}_{ij} = \lambda_{00} + r_{ij} + u_{0j}, \quad (3.9)$$

¹ Филд Д. Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях: сб. науч. ст. / АН СССР, Отд-ние истории, Комис. по применению мат. методов и ЭВМ в ист. исслед.; отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1989. С. 47–73.

где λ_{00} — средний доход по полной выборке; r_{ij} — остаток 1-го уровня (степень отклонения дохода крестьянского хозяйства в уезде от среднего дохода в этом уезде); u_{0j} — остаток 2-го уровня (отклонение дохода конкретного уезда от среднего дохода полной выборки); i — номер домохозяйства; j — номер уезда; $\text{Var}(u_0)$ — дисперсия случайных эффектов = дисперсия среднего дохода между округами.

Результат, который мы получили, следующий. Фиксированный эффект положительный и значимый = 467,2504. Стандартное отклонение случайного эффекта составляет 53,125. Средний доход домохозяйства (уровень 1) составляет 467,2504 в уезде (уровень 2). Чтобы выяснить, какая часть дисперсии доходов приходится на уезд, мы вычисляем коэффициент внутригрупповой корреляции (ICC), т.е. пропорцию дисперсии результата между группами, кластерный эффект.

$$\begin{aligned} \text{ICC} &= \text{Межгрупповая дисперсия} / \text{Общая дисперсия} = \\ &= 2822,305 / (2822,305 + 88\,161,217) = 0,03. \end{aligned}$$

Итак, мы обнаружили, что 3% вариации доходов крестьян приходится на уезд, в котором они проживают. Это означает, что наибольшая часть — 97% вариации в доходах крестьян приходится либо на индивидуальный уровень, либо на уровень губернии (уровень губернии не рассматривается на данном этапе анализа).

На следующем шаге мы используем модель «Средние величины как результаты» («Means as Outcomes»), чтобы понять: имеют ли уезды с более высоким средним значением земель также более высокий доход? Или уезды с более высоким средним значением количества плугов имеют более высокий доход? И затем, какая часть различий в доходах между уездами объясняется добавлением в модель среднего значения земли или среднего плуга? Спецификация модели «Средние величины как результаты» следующая:

$$\text{Доход}_{ij} = \beta_{0j} + r_{ij}, \quad (3.10)$$

$$\beta_{0j} = \lambda_{00} + \lambda_{01}cp_земля_j + u_{0j}, \quad (3.11)$$

$$\text{Доход}_{ij} = \lambda_{00} + \lambda_{01}cp_земля_j + u_{0j} + r_{ij}. \quad (3.12)$$

Поскольку $p\text{-value} > 0,1$ для λ_{01} , мы можем сказать, что уезды с более высоким средним размером земли не имеют также и более высокого дохода.

Далее рассматривается влияние переменной «среднее количество плугов в уезде»:

$$\text{Доход}_{ij} = \beta_{0j} + r_{ij}, \quad (3.13)$$

$$\beta_{0j} = \lambda_{00} + \lambda_{01}cp_плуги_j + u_{0j}, \quad (3.14)$$

$$\text{Доход}_{ij} = \lambda_{00} + \lambda_{01}cp_плуги_j + u_{0j} + r_{ij}. \quad (3.15)$$

Поскольку $p\text{-value} < 0,05$ для λ_{01} , можно сказать, что уезды с более высоким средним количеством плугов имеют более высокий доход.

Чтобы ответить на следующий вопрос (объясняющий пропорцию уменьшения дисперсии), мы получаем общую дисперсию между уездами из нулевой модели, которая составляет 2822,3, и дисперсию между уездами для модели средств как результатов для плуга, которая составляет 152,3. После вычитания мы имеем уменьшение необъясненной дисперсии = $2822,3 - 152,3 = 2670$, после чего получаем $2670/2822,3 = 0,946$.

Итак, мы объяснили примерно 95% дисперсии между округами средними плугами. Это второй интересный факт, который показывает, что влияние плугов на доход на уровне уезда важнее, чем земли или лошадей.

3.3.4. Оценка степени дифференциации крестьянских хозяйств на уровне губерний

Следующей задачей исследования было рассчитать степень расслоения крестьян в данной губернии. Для оценки неравенства были выбраны следующие показатели: индекс Джини, представляющий собой отношение площади под кривой Лоренца к площади треугольника под кривой при полном равенстве, и децильный коэффициент дифференциации, показывающий, во сколько раз минимальное количество ресурса 10% самых обеспеченных хозяйств превышает максимальное количество ресурса 10% наиболее бедных хозяйств.

Прежде чем оценить уровень дифференциации крестьян по данным показателям, мы посчитали целесообразным посмотреть, как сильно отличались между собой уезды, так как при высокой степени дифференциации уездов индекс Джини был бы мало информативен. На эту проблему указывали и другие исследователи в своих работах¹. Кроме того, показалось интересным проанализировать отдельно группы хуторян и общинников с точки зрения их ресурсного обеспечения, чтобы оценить гипотезу

¹ Филд Д. Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях: сб. науч. ст. / АН СССР, Отд-ние истории, Комис. по применению мат. методов и ЭВМ в ист. исслед.; отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1989. С. 47–73.

имущественного различия этих двух социальных групп, которая могла возникнуть в связи с проведением Столыпинской реформы.

Для сравнения двух групп (хуторяне и общинники) по всем 15 показателям (табл. 3.11) был применен параметрический критерий Стьюдента для независимых выборок и непараметрический критерий Манна — Уитни, поскольку не все распределения показателей соответствовали нормальному распределению. Критический уровень значимости был принят на уровне $p = 0,05$.

Таблица 3.11

Сравнение имущественного положения общинников и хуторян

	Класс						p-value критерия Стьюдента	p-value критерия Манна — Уитни
	Общинник			Хуторянин				
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана		
Рабочие силы семьи, переводной работник	4,6	2,0	4,2	3,7	1,6	3,4	0,000	0,000
Наемные рабочие, переводной работник	0,6	1,0	0,2	0,5	0,6	0,3	0,636	0,402
Всего используемая пашня, десятины	15,63	10,46	12,25	18,97	9,03	16,25	0,021	0,000
Посевная площадь, десятин	10,59	7,04	8,50	12,99	6,20	11,09	0,014	0,000
Стоимость построек, руб.	732,75	657,94	580,00	503,53	252,21	481,50	0,000	0,002
Стоимость инвентаря, руб.	160,60	141,91	110,45	227,11	179,00	139,13	0,007	0,004
Количество лошадей	2	1	2	2	1	2	0,404	0,087
Стоимость лошадей, руб.	194,90	184,26	150,00	179,58	98,58	150,00	0,418	0,622
Количество коров	1	1	1	1	1	1	0,352	0,288
Стоимость коров, руб.	90	61	70	86	41	75	0,623	0,669
Стоимость всего скота, руб.	410,85	323,90	332,00	385,40	185,03	327,50	0,536	0,449

Окончание табл. 3.11

	Класс						p-value критерия Стьюдента	p-value критерия Манна — Уитни
	Общинник			Хуторянин				
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана		
Доход от земли, руб.	241,99	260,36	161,50	332,63	169,37	306,13	0,008	0,000
Доход от животноводства, руб.	82,31	97,22	58,70	90,13	110,27	56,60	0,591	0,487
Доходы от промыслов, руб.	130,32	120,65	111,50	63,75	82,72	37,50	0,000	0,000
Всего доходов, руб.	453,76	324,45	357,00	486,51	244,51	422,00	0,448	0,045

Результаты показали, что значимое различие наблюдается по показателям: рабочие силы семьи (у общинников в среднем на 0,9 переводного работника выше), всего пашня и посевная площадь (у хуторян в среднем на 3,34 и 1,7 десятины соответственно выше), стоимость инвентаря (выше в среднем у хуторян на 67 руб.), стоимость построек (выше у общинников в среднем на 229 руб.), по доходам наиболее показательное различие по доходам от земли (у хуторян в среднем на 91 руб.), а у общинников выше доходы от промыслов (на 67 руб. в среднем). То есть можно предположить, что на хутора выделялись более зажиточные крестьяне, имеющие возможность увеличивать доходы от земли в то время, как в общине оставались более бедные и те, кто вынужден был искать различные формы заработков, так как земля давала недостаточно доходов.

Для оценки дифференциации по уездам был проведен параметрический дисперсионный анализ и непараметрический дисперсионный анализ Крускала — Уоллиса (табл. 3.12), который продемонстрировал, что существуют различия по ряду показателей. Поэтому дальнейшим шагом исследования было выяснение причины значимых различий: общая неоднородность по всем уездам либо отличие одного-двух уездов от всех остальных. Для этого были применены апостериорные тесты попарного сравнения уездов между собой по анализируемым показателям. Анализ показал, что среди всех уездов выделяются два, где значимо отличаются площади используемой пашни и посевных площадей: Сенгилеевский уезд, где земли значимо больше, и Курмышский уезд, где наблюдается проб-

лема малоземелья. Соответственно наблюдается также значимое различие по доходам от земли и промыслов между 1–2 уездами. По большинству других показателей уезды представляют собой одну однородную группу. Это подтверждает гипотезу об однородности анализируемых показателей по уездам и корректности расчета индексов расслоения по уровню доходов в целом по всей губернии.

Таблица 3.12

Результаты оценки различий показателей между уездами

	p-value дисперсионного анализа (ANOVA)	p-value непараметрического анализа Крускала — Уоллиса
Рабочие силы семьи, переводной работник	0,185	0,178
Наемные рабочие, переводной работник	0,094	0,005
Всего используемая пашня, десятины	0,000	0,001
Посевная площадь, десятины	0,001	0,001
Стоимость построек, руб.	0,094	0,189
Стоимость инвентаря, руб.	0,154	0,018
Количество лошадей	0,678	0,854
Стоимость лошадей, руб.	0,523	0,797
Количество коров	0,653	0,464
Стоимость коров, руб.	0,121	0,020
Стоимость всего скота, руб.	0,126	0,241
Доход от земли, руб.	0,003	0,000
Доход от животноводства, руб.	0,003	0,266
Доходы от промыслов, руб.	0,000	0,000
Всего доходов, руб.	0,052	0,000

Результаты расчетов степени расслоения среди крестьянства исследуемой губернии представлены в табл. 3.13.

Таблица 3.13

Степень расслоения по исследуемым показателям

Ресурс	Индекс Джини	Децильный коэффициент дифференциации
Рабочие силы семьи, переводной работник	0,242	3,7
Наемные рабочие, переводной работник	0,687	—*
Всего используемая пашня, десятины	0,315	4,9
Посевная площадь, десятин	0,314	4,6
Стоимость построек, руб.	0,343	4,3
Стоимость инвентаря, руб.	0,413	6,7
Количество лошадей	0,224	3,0
Стоимость лошадей, руб.	0,364	5,0
Количество коров	0,237	2,0
Стоимость коров, руб.	0,287	3,3
Стоимость всего скота, руб.	0,327	3,9
Доход от земли, руб.	0,434	12,2
Доход от животноводства, руб.	0,513	17,7
Доходы от промыслов, руб.	0,368	—*
Всего доходов, руб.	0,317	4,5

* Невозможно вычислить, 10%-ный дециль равен 0.

Таким образом, из проведенного анализа видно, что наибольшая степень расслоения происходит по таким показателям, как затраты на наемный труд, стоимость инвентаря, доходы от земли и животноводства, что это те же доходы от земли и результаты не противоречат результатам по табл. 3.10. Относительно небольшой индекс Джини по показателю «всего доходов» связан с тем, что малоземельные, бедные крестьяне нанимались к соседям в качестве наемных работников и, получая дополнительные доходы, нивелировали разницу в доходах.

На этом этапе исследования уже видно, что расслоение усиливалось и процесс шел достаточно высокими темпами.

Выводы, сделанные относительно Симбирской губернии, не могут быть автоматически распространены на другие губернии. В литера-

туре представлен метод, когда губернии России разбиваются на группы по определенному признаку и выводы, сделанные на основании исследования одной губернии, распространяют на группу, в которую данная губерния входит¹. Губернии могут быть разделены на группы по географическому принципу, по качеству земель, по социально-экономическим характеристикам: доля наемных рабочих в аграрном секторе, поденная заработная плата, доля дворянских земель, отношение арендованной земли к надельной и др.², по распределению земли. Группа губерний, попавших в один кластер с Симбирской губернией в кластеризации, выполненной Ковальченко и Бородкиным и нами, практически совпадает. Это говорит об устойчивости результатов анализа и позволяет предположить, что выводы, сделанные относительно Симбирской губернии, можно также распространить на Псковскую, Орловскую и Пензенскую губернии, попавшие в группу с Симбирской губернией в обеих кластеризациях.

Кроме того, по имеющимся данным о распределении земли³ мы построили графики *kerneldensity estimation* для 19 губерний. В семи из них — Московской, Симбирской, Псковской, Полтавской, Пензенской, Калужской, Орловской — можно увидеть, что достаточно четко выделяются три группы крестьянских хозяйств. Но для более точной оценки количества групп для этих губерний и тем более для тех, где не видно количества групп из графиков, нужно проводить анализ с использованием большего количества факторов. Так, как это было сделано для Симбирской губернии.

3.3.5. Оценка изменения степени дифференциации крестьян после Столыпинской реформы

Графический анализ. Земские подворные переписи, на основании которых проводится следующий этап исследования, были произведены

¹ Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в.: монография. СПб.: ООО «Полтораки», 2013. 414 с.

² Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1979. № 1. С. 59–95; Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1981. № 1. С. 76–99.

³ Land Property Statistics. Overall Data on 50 European Regions of Russia, 1907. St. Petersburg, 1905; Твердова-Свавицкая З., Свавицкий Н. Земские подворные переписи 1880–1913: Поездные итоги. Центр. стат. упр. СССР. Науч. отд. стат. методологии. М.: ЦСУ СССР, 1926.

в 311 уездах Европейской России. В 60 из этих уездов они производились два раза, а в 17 — три раза. Первая земская подворная перепись была произведена в период с 1880—1892 гг., период проведения второй переписи охватывает 1893—1905 гг., и третий период проведения переписи 1906—1913 гг., последними же подворными переписями земского типа можно считать переписи, производившиеся в 1914 г. и прекращенные с началом Первой мировой войны.

Из данных переписей были взяты распределения хозяйств по пяти видам ресурсов: количество работников в семье, количество лошадей, коров, количество десятин всей земли и посевной площади (данные по коровам и земле только во втором и третьем периодах). Целью анализа было сравнить дифференциацию крестьян в динамике по данным ресурсам (табл. 3.14).

Графики позволяют увидеть изменения в наделенности ресурсом (землей, лошадьми) крестьянских домохозяйств за период между двумя переписями. Если график становится более выпуклым в середине, значит, что неравенство уменьшается, так как количество середняков по сравнению с двумя крайними группами (бедными и богатыми) увеличивается. Если график становится более плоский, значит, неравенство выросло. Если график сдвигается влево, это говорит о росте бедности, если график сдвигается вправо, значит, благосостояние за исследуемый период выросло.

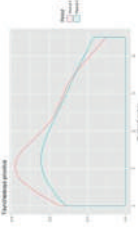
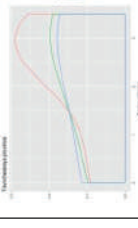
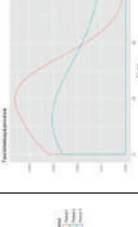
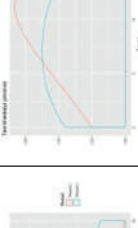
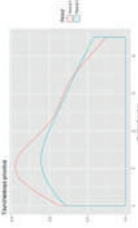
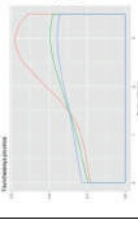
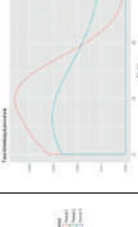
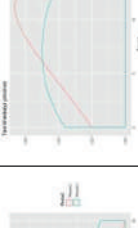
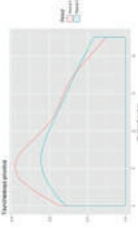
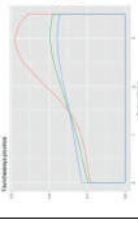
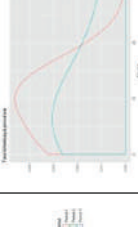
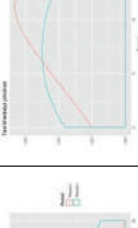
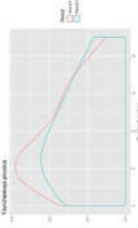
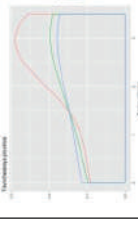
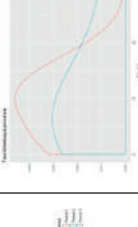
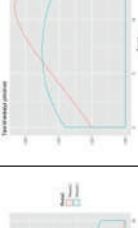
В отличие от табл. 3.13, где рассчитан индекс Джини, из графиков можно увидеть не только изменение уровня неравенства, но и структурные перемены, т.е. за счет чего растет неравенство: увеличивается ли только количество бедных или обе крайние группы, как меняется благосостояние отдельных групп при неизменном уровне неравенства и т.д. Кроме того, на графиках можно сравнивать направление изменений различных ресурсов.

Таблица 3.14

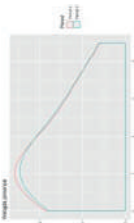
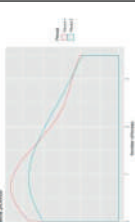
Динамика неравенства на уровне губерний

Губерния	Работники	Лошади	Земля посевная	Земля общая
Екатеринославская				
Калужская				
Новгородская				
Пензенская				

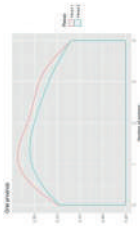
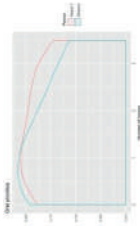
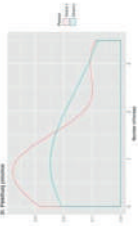
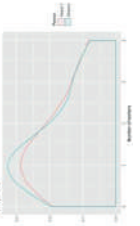
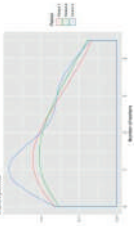
Продолжение табл. 3.14

Губерния	Работники	Лошади	Земля посевная	Земля общая
Полтавская				
Сибирская				
Таврическая				
Тульская				

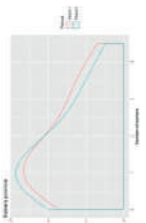
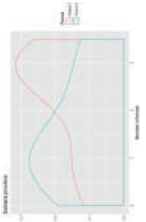
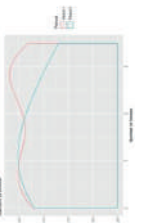
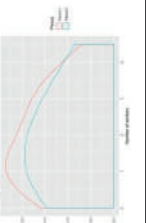
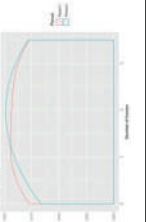
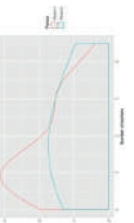
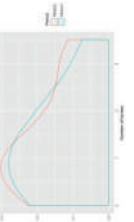
Продолжение табл. 3.14

Губерния	Работники	Лошади	Земля посевная	Земля общая
Уфимская				
Вологодская				
Вольнская Юго-западный кр.				
Московская				

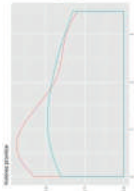
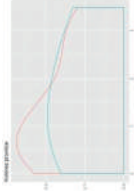
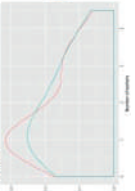
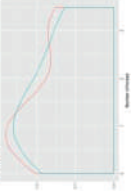
Продолжение табл. 3.14

Губерния	Работники	Лошади	Земля посевная	Земля общая
Орловская				
Петербургская				
Пермская				
Харьковская				

Продолжение табл. 3.14

Губерния	Работники	Лошади	Земля посевная	Земля общая
Самарская				
Саратовская				
Смоленская				
Тверская				

Окончание табл. 3.14

Губерния	Работники	Лошадь	Земля посевная	Земля общая
Воронежская				
Вятская				

Первое, что можно сказать, глядя на эти графики: на уровне губерний, в частности по тем, по которым мы располагаем данными, необходимыми для сравнения (Новгородская, Пензенская, Таврическая, Тульская, Вологодская), не подтверждается гипотеза Чаянова о корреляции количества работников в семье и количества земли. Только по Таврической губернии можно увидеть схожую динамику для работников и показателя всей земли, но если сравнить, как менялось количество работников в семье и размеры посевной площади, то видно, что движение было разнонаправленное. То есть количество посевной земли не зависело от количества работников в семье. Расхождения с теорией Чаянова, на наш взгляд, связаны с тем, что он использовал данные первых земских переписей, которые были опубликованы в 1893 г., т.е. проводились переписи еще раньше¹. Мы используем также данные второго и третьего этапов земских переписей, т.е. те периоды, когда рыночные отношения оказывали более сильное влияние на крестьянское хозяйство и разложение общины. И особенно важно то, что третий этап переписей проводился после начала Столыпинской реформы, когда прекращается общинный передел земли в соответствии с количеством работников и когда начинают формироваться фермерские и хуторские хозяйства на основе частной собственности².

Результаты уменьшения роли факторов, сглаживающих неравенство и повышение роли рыночных отношений, которые усиливали неравенство, видно на графиках распределения всей земли в 10 из 11 губерний: неравенство уменьшается только в одной — Уфимской губернии, в остальных губерниях оно растет.

При рассмотрении посевных площадей видно, что в трех губерниях — Полтавской, Вологодской и Тульской — при росте неравенства по показателю «вся земля» наблюдается снижение неравенства по показателю «посевная площадь». Причем, как видно из графиков, если в Полтавской губернии снижение неравенства происходило за счет сокращения количества малоземельных крестьян, то в Вологодской и Тульской губерниях за счет роста домохозяйств со средним достатком. В Полтавской губернии это объясняется тем, что там были самые маленькие земельные наделы, средний надел на душу — 0,87 десятины. Меньше средние наделы на члена

¹ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: избр. тр. / редкол.: А. А. Никонов (отв. ред.) и др. Ин-т экономики АН СССР и др. Крат. биогр. очерк В. В. Кабанова; вступ. ст. Н. К. Фигуровской, А. И. Глаголева. С. 26–51; Комментар. А. И. Глаголева, Л. А. Овчинцевой. М.: Экономика, 1989. С. 215.

² Речь идет о губерниях европейской части России без прибалтийских, где хутора уже к тому времени существовали.

семьи были только в Киевской и Волынской губерниях — 0,68 и 0,62 соответственно¹. После реформы малоземельные крестьяне получили возможность продать свои участки, с которых они не могли прокормиться, и уйти в город или увеличить свой участок, купив надел соседа, и, следовательно, перейти в категорию среднезажиточных крестьян. Но, судя по данным, в Полтавской губернии таких было не очень много.

Что касается неравенства, посчитанного по лошадям, то здесь не прослеживается четко выраженная динамика. В ряде губерний неравенство по лошадям сокращается, а в некоторых растет. Стоит отметить, что сокращается неравенство по лошадям в северных и центральных нечерноземных губерниях (Вологодская, Петербургская, Тверская, Смоленская, Тульская), в то время как в южных и среднечерноземных губерниях неравенство растет (Таврическая, Саратовская, Воронежская, Орловская). Это можно объяснить тем, что в нечерноземных губерниях в этот период успешно развивается процесс интенсификации сельского хозяйства: увеличиваются посевы льна, трав, картофеля, улучшается удобрение и обработка полей. Бруцкус называл это профессиональной дифференциацией². «Нечерноземная полоса постепенно освобождается от невыгодного для нее зернового хозяйства. Северо-запад и северо-восток продолжают специализироваться на развитии молочного хозяйства и льноводства. В Центральном промышленном районе растет применение травосеяния, растут посевы льна и картофеля, который идет на технические цели»³.

В черноземных районах продолжало развиваться экстенсивное хозяйство. Кроме того, в этих губерниях не была так развита промышленность, куда могли бы уходить безземельные и малоземельные крестьяне. Они остаются в деревнях, подрабатывая у соседей, и тем самым увеличивают группу бедных домохозяйств.

Также на графиках еще можно заметить, что в большинстве губерний, кроме Тульской и Екатеринославской, происходит сокращение многолошадных хозяйств. Это соответствует выводам Ковальченко, сделанным на основе военно-конных переписей⁴. Данный процесс можно объяснить

¹ Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. М. : Б.м., 1979. № 1. С. 59–95.

² Бруцкус Б. Д. Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы. Петроград: Кооперативная мысль, 1923. С. 235.

³ Дубровский С. М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Ин-т красной профессуры. Ленинград: Прибой, 1925.

⁴ Ковальченко И. Д. О многомерной группировке крестьянских хозяйств. М.: Наука, 1986.

как сокращением благосостояния ряда состоятельных хозяйств и перемещением их в нижнюю группу, что должно было уменьшать общее неравенство, так и ростом использования сельскохозяйственной техники, что сокращало потребность в большом количестве лошадей (если речь не шла об их специальном разведении, что не было свойственно для этого региона), но, напротив, могло общее неравенство усиливать за счет роста доходности этих хозяйств.

В соответствии с табл. 3.14 можно сделать следующие выводы: 1) в большинстве губерний неравенство выросло; 2) структура дифференциации поменялась так: в двух губерниях (Вологодской и Вятской) выросла доля домохозяйств с относительно большими участками земли; в трех губерниях (Новгород, Москва, Калуга) выросло количество домохозяйств и с маленькими участками, и с большими за счет сокращения доли домохозяйств с наделом среднего размера; и в восьми губерниях выросла доля домохозяйств с маленькими наделами; 3) изменения в распределении хозяйств по работникам и изменения в распределении хозяйств по размеру земельных наделов происходили в разных направлениях, что ставит под сомнение гипотезу Чаянова; 4) динамика изменений была различна внутри географических регионов.

Индексы Джини. Далее, используя данные о количестве лошадей в хозяйстве, был рассчитан индекс Джини по губерниям, по которым были найдены соответствующие данные.

В этой работе сгруппированы данные по земским подворным переписям, которые были проведены в 311 уездах Европейской России. В 60 из этих уездов они производились два раза, а в 17 три раза. Первая земская подворная перепись была произведена в период с 1880—1892 гг., период проведения второй переписи охватывает 1893—1905 гг., и третий период проведения переписи 1906—1913 гг., последними же подворными переписями земского типа можно считать переписи, производившиеся в 1914 г. и прекращенные с началом Первой мировой войны.

Из сводной работы по земским переписям были взяты распределения хозяйств по двум ресурсам: лошади и земля (данные по земле только за второй и третий периоды). Целью анализа было сравнить дифференциацию крестьян в динамике по данным ресурсам.

Для оценки степени дифференциации мы рассчитывали индекс Джини для каждой губернии по этим ресурсам. Для расчетов использовался пакет Desc Tools программы R.

Результаты расчетов приведены в табл. 3.15.

Таблица 3.15

**Результаты расчетов индекса Джини по губерниям Российской империи
по данным земских подворных переписей**

Губерния	Первый период	Второй период		Третий период	
	Лошади	Лошади	Земля	Лошади	Земля
Бессарабская					
Владимирская		0,57			
Вологодская		0,62	0,51	0,67	0,51
Волынская					0,56
Воронежская	0,10	0,24	0,67		
Вятская	0,36	0,49	0,64		
Екатеринославская	0,34	0,31	0,51		
Калужская		0,42		0,42	0,51
Костромская		0,63	0,62		
Курская	0,06				
Московская	0,43			0,50	
Нижегородская	0,43				
Новгородская	0,41	0,48		0,65	0,39
Олонецкая		0,57			
Орловская	0,15	0,29	0,54		
Пензенская				0,49	0,40
Пермская	0,12	0,15			
Петербургская	0,52	0,63			
Полтавская				0,26	0,29
Псковская		0,49	0,43		
Рязанская	0,31				
Самарская	0,51			0,43	
Саратовская	0,23	0,32			
Симбирская				0,48	0,23

Окончание табл. 3.15

Губерния	Первый период	Второй период		Третий период	
	Лошади	Лошади	Земля	Лошади	Земля
Смоленская	0,18	0,34			
Таврическая	0,68	0,33	0,49	0,32	0,29
Тамбовская	0,11				
Тверская	0,45	0,64	0,41		
Тульская		0,26		0,35	0,33
Уфимская				0,20	0,33
Харьковская	0,30		0,67		
Херсонская					
Черниговская	0,12				
Ярославская		0,61	0,21		
Количество губерний	19	19	11	11	10
Среднее ± стандартное отклонение	0,31±0,18	0,44±0,16	0,52±0,14	0,43±0,15	0,38±0,11
Медиана	0,31	0,48	0,51	0,43	0,36

Источник: Твердова-Свавицкая З., Свавицкий Н. Земские подворные переписи 1880–1913: Поездные итоги. Центр. стат. упр. СССР. Науч. отд. стат. методологии. М.: ЦСУ СССР, 1926.

Из приведенного анализа можно видеть, что в России индекс Джини среди крестьянства только за период от первой до второй переписи, который в разных губерниях составлял от 10 до 12 лет, вырос в среднем в 1,47. Если рассматривать по отдельным губерниям, то видно, что рост дифференциации был исключительно резким: в 1,36 раза в Вятской губернии, в 1,58 раза в Новгородской, в 1,39 раза в Саратовской, в 1,9 раза в Орловской, в 1,88 раза в Смоленской губернии.

В то время как, например, в Швеции коэффициент Джини по доходам крестьянских хозяйств вырос в 1,58 раза за 150 лет (1750–1900), причем этот рост происходил с примерно равной и, что важно, замедляющейся

скоростью: с 1750 по 1800 г. индекс Джини увеличился в 1,26 раза, с 1800 по 1850 г. — в 1,15 раза, с 1850 по 1900 г. — в 1,09 раза¹.

Отдельно стоит обсудить результаты по Таврической губернии. Из табл. 3.15 видно, что в данной губернии индекс Джини существенно снизился за исследуемый период. На наш взгляд, это связано с тем, что в Таврической губернии была принципиально отличная от других губерний структура землевладения. Данная губерния принадлежала к группе губерний с достаточно высокой долей частной собственности на землю. Из 50 губерний только в 11 доля земли, находившейся в частной собственности, превышала 50%. Причем в данной группе Таврическая губерния выделялась тем, что достаточно большая доля земли, находившейся в частной собственности, принадлежала крестьянам — более 30%. Второй по этому показателю шла Псковская губерния, где доля земли, находившейся в частной собственности у крестьян, была около 22%. Тогда как, например, в Санкт-Петербургской губернии, где доля частной собственности была примерно такой же — 54,8%, большая ее часть (51,5%) принадлежала дворянам, доля крестьянских земель в частнособственнических землях составляла около 10%. Это также касается таких губерний с высокой долей частнособственнических земель, как Смоленская, Херсонская, Екатеринославская, Могилевская, Витебская, а в таких губерниях, как Минская, Эстляндская и Лифляндская, доля крестьянских земель в частной собственности не превышала 3%².

Кроме того, в Таврической губернии наблюдался наиболее активный выход из общины после начала Столыпинской реформы, т.е. Таврическая губерния — одна из немногих прошла наиболее болезненную фазу модернизации (формирование рынков земли, рабочей силы и связанное с этим процессом расслоение) раньше других губерний. Во многом это было связано с тем, что до 1870-х гг. большая часть земель губернии была занята под пастбища, но когда цены на землю начали расти, пастбища стали распахивать, причем распаханые поля уже становились частной собственностью, а не наделными землями, так как общинные традиции не были сильны в этом регионе.

Регрессионный анализ. Для проверки гипотезы о влиянии Столыпинской реформы на неравенство рассмотрим влияние изменения количества

¹ Bengtsson E., Svensson P. The wealth of the Swedish peasant farmer class 1750–1900: Composition and distribution // Lund Papers in Economic History. General Issues. 2018. No. 177.

² Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

общинных земель на изменение индекса Джини. Количество общинных земель в губернии до Столыпинской реформы принималось по состоянию на 1905 г.¹ Переменная за период после реформы рассчитывалась как разница между количеством общинных земель в губернии в 1905 г. и количеством земель, переданных в индивидуальное (частное) пользование в 1907–1915 гг.² Индекс Джини был рассчитан на основе общей площади земли (табл. 3.16). Из-за отсутствия данных о распределении земли по всем губерниям мы имеем индекс Джини за оба периода только для 17 губерний. С учетом наличия двух периодов имеем 34 наблюдения.

Индекс Джини берется как зависимая переменная, измеряемая в двух периодах (Y_{it}). В качестве независимой переменной был взят показатель площади общинной земли на одно хозяйство в десятинах за два временных периода (X_{it}).

Сначала оценивается объединенная регрессия за два периода, оценивая параметры с помощью метода наименьших квадратов (МНК). Было получено следующее уравнение регрессии.

Таблица 3.16

Результаты сводной регрессии для двух периодов

Переменные	Коэффициенты	Ст. ошибка	t-статистика	p-value
Константа	0,366	0,036	10,289	0,000
X — общинная земля на домохозяйство	−0,003	0,003	−0,956	0,346

Примечание: коэффициент детерминации $R^2 = 0,028$; количество наблюдений $n = 34$; F-статистика 0,914; стандартная ошибка оценки $S = 0,083$.

Коэффициент для переменной общинных земель оказался незначимым. На первый взгляд можно сделать вывод, что преобладание общинных земель не повлияло на степень дифференциации крестьян. Однако поскольку есть данные, относящиеся к разным периодам, имеет смысл проверить наличие структурного сдвига, подразумеваемого Столыпинской реформой. Предполагается, что структурный сдвиг характеризуется изменением не только уровня, но и наклона. Поэтому изменим расчетное

¹ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

² Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов: Сотрудничество, 1909; Чайанов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М.: Акад. проект, 2015.

уравнение, включив в него фиктивную переменную, принимающую значение «1» для пореформенного периода.

Общая спецификация уравнения с учетом взаимодействия влияния фактора и времени может быть записана следующим образом:

$$y_i = b_0 + b_1 z_i + b_2 x_i + b_3 x_i z_i. \quad (3.16)$$

Таким образом, получаем два частных уравнения регрессии для каждого периода — до и после Столыпинской реформы:

$$\text{если } z = 1, y_i = (b_0 + b_1) + (b_2 + b_3)x_i, \quad (3.17)$$

$$\text{если } z = 0, y_i = b_0 + b_2 x_i. \quad (3.18)$$

Результаты расчета приведены в табл. 3.17. Мы получили, как и ранее, незначимый коэффициент регрессии для переменной x , но в то же время статистически значимый коэффициент для фиктивной переменной z , а также переменной взаимодействия x и z . Это означает, что произошло существенное изменение неравенства после Столыпинской реформы и что количество общинных земель стало существенно влиять на неравенство после реформы. Отрицательный знак коэффициента показывает, что чем больше общинных земель, тем ниже степень неравенства крестьян.

Таблица 3.17

Результаты регрессии с фиктивной переменной времени

Переменные	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	p-value
Константа	0,262	0,043	6,096	0,000
X — общинная земля на домохозяйство	0,003	0,004	0,895	0,378
Z — фиктивная переменная, период до и после столыпинской реформы	0,204	0,069	2,981	0,006
$X:Z$ — эффект взаимодействия фактора и фиктивной переменной	−0,015	0,007	−2,067	0,047

Примечание: коэффициент детерминации $R^2 = 0,309$; количество наблюдений $n = 34$; F-статистика 4,468; стандартная ошибка оценки $S = 0,072$.

Коэффициент регрессии при фиктивной переменной показывает, что после Столыпинской реформы коэффициент Джини в среднем уве-

личился на 0,204. Коэффициент при переменной взаимодействия показывает, что после Столыпинской реформы увеличение общинных земель на 1 десятину в расчете на домохозяйство в среднем приводило к уменьшению коэффициента Джини на 0,015 единицы. За счет совокупного влияния общинных земель и Столыпинской реформы можно объяснить изменение около 31% индекса Джини.

Тот же результат показывает расчет рангового коэффициента Спирмена между индексом Джини и количеством общинных земель на одно домохозяйство для каждого периода в отдельности. До Столыпинской реформы связь незначительна ($p = 0,095$ при $p = 0,717$), а после реформы — значимая отрицательная ($p = -0,45$ при $p < 0,05$).

Подробная классификация губерний по уровню крестьянского неравенства и выявление факторов, влияющих на изменение неравенства на уровне каждой губернии, могут быть предметом отдельного исследования. Мы сделали лишь первые шаги в этом направлении, продемонстрировав перспективы дальнейшего анализа.

Выводы. Таким образом, в течение одного поколения бывшие соседи, имевшие примерно одинаковое социально-экономическое положение, оказывались на разных полюсах социальной лестницы, с чем очень сложно было смириться психологически и вело к радикализации большинства, которое оказалось внизу. Такое резкое усиление скорости дифференциации было связано с тем, что в России после отмены крепостного права в 1861 г. дифференциация шла медленно, так как рынок земли был неразвит, реально ускоренный процесс дифференциации был запущен только в 1906 г. Столыпинской реформой.

В то время как в Англии процесс формирования рынка земли и дифференциации крестьян занял почти 300 лет, в Западной Европе — 100 лет с лишним, после Наполеоновских войн, т.е. серьезные изменения в положении на социальной лестнице происходили в течение нескольких поколений, в России на данный процесс было отведено менее 20 лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев два базовых вида социально-экономических систем — традиционное общество и «общество развития» — с точки зрения формирующих и преобладающих в этих системах институтов, сделано предположение, что эти общества устойчивы, если институты соответствуют друг другу, уровню технологий, географическому положению. Данное предположение позволяет выделить основные критерии перехода традиционного общества к обществу развития, при этом в работе подчеркивается, что основой для успешного перехода являются институциональные и технологические изменения в аграрном секторе, которые получили в литературе название «аграрный переворот».

Сравнительный анализ позволил выявить общие черты в развитии Испании и Англии в XV–XVI вв. и общие черты Испании и России при переходе от традиционного общества к обществу «современного экономического роста» в XIX — начале XX в., что дало возможность описать институты развития, способствовавшие модернизационным процессам в Англии, и институты стабильности, тормозившие модернизационные процессы в Испании и России.

Исторический анализ эволюции социально-экономических систем Голландии и Англии позволил продемонстрировать, как институты развития, появившиеся в Голландии раньше, чем в других европейских странах, способствовали модернизации этой страны, позволили ей перейти к современному экономическому росту раньше Англии и долгое время оставаться экономическим лидером.

Результаты сравнительного анализа были использованы для проверки сформулированной П. Грегори гипотезы о переходе России к обществу «современного экономического роста» в конце XIX — начале XX в. В результате проверки данной гипотезы был сделан вывод о том, что Россия в исследуемый период еще не перешла к обществу «современного экономического роста».

Проведенное изучение статистических данных позволило оценить ряд показателей, характеризующих начало трансформации аграрного сектора, и проверить несколько гипотез, относящихся к (возможному) началу аграрного переворота в России.

Системный анализ крестьянских бюджетов и особенностей их формирования позволил сделать качественные и количественные выводы об экономическом положении главной производственной единицы аграрного сектора, оценить степень развития рыночных отношений в сельском хозяйстве в начале XX в.

Анализ производственной функции показал, что главным фактором, значимо влияющим на выпуск, являлось количество земли, на втором месте количество лошадей, а количество работников оказалось незначимым. При этом из модели стохастической границы следует, что технологически особых различий между регионами нет и при этом технологии не сильно отличались от предыдущих веков.

Исследование крестьянских хозяйств на предмет встроенности их в рыночные отношения продемонстрировало, что товарность во всех исследуемых регионах была примерно 31–33%, т.е. две трети производимого продукта крестьянские хозяйства потребляли сами и только треть продавали на рынке. Это доказывает низкую встроенность хозяйств в рыночную институциональную систему. Доля заработков не от сельского хозяйства была высока там, где менее плодородные почвы; иными словами, рыночные отношения возникают потому, что не хватает ресурсов от сельскохозяйственной деятельности. Наконец, низкий уровень грамотности и большая доля наделных земель также указывают на то, что крестьянские хозяйства оставались в целом в рамках традиционного общества.

Проведенный анализ детерминант эффективности крестьянских хозяйств показал, что помимо размера хозяйства (площадь обрабатываемой земли) и стоимости инвентаря на эффективность влияют такие факторы, как доля грамотных и товарность хозяйства. Интересно отметить, что только в Симбирской губернии значимым фактором оказалась переменная «количество лошадей». С учетом того, что для Симбирской губернии оказался незначим фактор «стоимость инвентаря», можно сделать вывод, что в этом регионе меньше, чем в других, использовались машины, так как при использовании машин потребность в лошадях сокращалась.

Таким образом, анализ технико-экономических показателей продемонстрировал, что основные показатели начала процесса модернизации демонстрируют крайне низкий уровень. Нельзя, в частности, говорить о таком важном показателе модернизации, как объединение животноводства и производства зерна в единый технологический процесс.

В результате анализа индексов Джини по различным ресурсам был выявлен достаточно высокий уровень неравенства среди крестьянских хозяйств. Особенно следует отметить, что высокий уровень неравенства имел место при стагнации эффективности использования земли, низком

уровне использования удобрений, стагнации производительности труда, медленной модернизации, что показывают цифры по грамотности, механизации, травосеянию, развитию животноводства, и, соответственно, медленном росте доходов и мало меняющемся потреблении в ряде регионов.

Также кластерный анализ показал, что только в среднеазиатских регионах и Новгородской губернии крестьяне разбиваются на три группы: бедные, середняки и богатые. В других регионах можно выделить более трех групп, что отчасти подтверждает мнение Чаянова о сложной структуре крестьянского общества. С другой стороны, его гипотеза о наличии шести групп в крестьянстве подтверждения не нашла.

Исследование, проведенное на основе данных по ценам и динамике посевных площадей, показало, что крестьяне при росте цен либо сокращают запашку, либо не реагируют на изменения. Все проведенные статистические тесты это подтвердили. Данные результаты можно интерпретировать как то, что Столыпинская реформа в среднем не поменяла мотивацию и, следовательно, поведение крестьян. Поведение крестьян по-прежнему оставалось нерыночным. Это подтверждает мнение о том, что в дореволюционной России аграрный переворот еще не произошел.

Анализ взаимосвязи между экспортом зерна и промышленным ростом в Российской империи в конце XIX и начале XX в. продемонстрировал, что не подтверждается распространенная в литературе гипотеза о положительном влиянии зернового экспорта на промышленность. Было обнаружено, что между экспортом зерна и промышленным ростом в течение этого периода существовала долгосрочная отрицательная связь. В работе показано, что использование термина «ресурсное проклятие» применимо к ситуации дореволюционной России.

В работе рассмотрен ряд каналов, которые в других странах способствовали положительному влиянию аграрного экспорта на рост промышленности, но не работали в России в исследуемый период из-за институциональных особенностей. Это было связано с недостаточностью развития рыночных институтов, существованием общины и низким спросом со стороны крестьян на промышленные товары. Важнейшей детерминантой, тормозившей аккумуляцию и инвестирование капиталов от экспорта зерна, была организация торговли. Во второй половине XIX в. экспортерами зерна были преимущественно мелкие предприятия. К началу XX в. экспортеры зерна стали укрупняться; однако все еще оставалось много посредников, на которых приходилась значительная часть прибыли от экспорта зерна. Более того, фирмы, занимавшиеся экспортом, предпочитали инвестировать за пределы Российской империи. Все это консервировало аграрную специализацию России и тормозило развитие промышленности.

Эти результаты согласуются с основными выводами литературы о «ресурсном проклятии», демонстрируя отсутствие положительной корреляции между экспортом сырья и экономическим ростом. Но этот вывод не подтверждает утверждения Барбье о том, что вклад природных ресурсов в экономический рост в период после 1950 г. был меньше, чем в период до 1914 г. Причины этого факта требуют дальнейшего изучения.

Полученные в работе выводы могут быть сопоставлены с результатами исследований о «ресурсном проклятии» в современной России. Такое сопоставление открывает интересные перспективы для анализа эффекта колей, исследования проблемы устойчивости трендов (*persistence*) и влияния исторически сложившихся институтов на социально-экономическое развитие страны.

Таким образом, из-за отсутствия развитых рыночных институтов, наличия западных конкурентов, инерционности крестьянских хозяйств экспорт зерна не смог сыграть той роли в модернизации экономики и запуске экономического развития, как это было в Англии в XVI–XVIII вв., США в XVIII–XIX вв., Испании в период Первой мировой войны.

Анализ процесса дифференциации крестьян позволил сделать вывод об ускорении роста неравенства среди крестьянских хозяйств после Столыпинской реформы. Такое резкое усиление скорости дифференциации было связано с тем, что в России после отмены крепостного права в 1861 г. дифференциация шла медленно, так как рынок земли был неразвит, реально ускоренный процесс дифференциации был запущен только в 1906 г. Столыпинской реформой.

В то время как в Англии процесс формирования рынка земли и дифференциации крестьян занял почти 300 лет, в континентальной части Западной Европы — 100 с лишним, т.е. серьезные изменения в положении на социальной лестнице происходили в течение жизни нескольких поколений, в России на данный процесс было отведено менее 20 лет.

В отличие от других стран, во-первых, крестьянские доходы росли гораздо медленнее, так как налоговая политика, нацеленная на индустриализацию, изымала достаточно большую долю крестьянского дохода и, кроме того, росли цены на землю (многие крестьяне работали на купной или арендованной земле). Во-вторых, после Столыпинской реформы резко усиливается процесс расслоения крестьянства.

Таким образом, специфика эволюции аграрного сектора в конце XIX — начале XX в. заключается в том, что институциональная система России в тот период характеризовалась отсутствием баланса между институтами стабильности и институтами развития, т.е. одновременным действием разнонаправленных с точки зрения развития рыночных отношений трендов.

С одной стороны, после Столыпинской реформы сохранялись общинная форма собственности и нечеткие права собственности крестьян на землю. Традиционной оставалась система ценностей и мотивации у крестьян, выражавшаяся в нерыночном поведении, стремлении обеспечить традиционный уровень дохода вместо максимизации прибыли и традиционной/архаичной структуре потребления, предполагавшей низкий уровень потребления услуг (культурных, образовательных, бытовых, юридических) и новых товаров. Большая часть крестьянства не была готова рисковать, пытаясь изменить традиционные формы хозяйствования на более продвинутые. То есть сложившийся за века уклад устойчиво противостоял развивающимся рыночным институтам даже после Столыпинской реформы.

Инерционным крестьянским хозяйствам противостояли капиталистически ориентированные частные хозяйства, которые были преимущественно дворянскими. Но земли дворянства сокращались, большую часть дворянских земель покупали крестьяне, что вело к ситуации, когда крестьяне владели одновременно землями на надельном праве и частном праве. Традиционная система ценностей крестьянства вела к тому, что процессы модернизации были замедленными в хозяйствах, располагавшихся и на надельной, и на купленной земле.

При этом наличие большого количества земли, пригодной для земледелия (в неевропейской части России), строительство железных дорог, позволяющих использовать для освоения сравнительно отдаленные регионы, а также наличие емкого внешнего рынка удерживали (консервировали) ресурсы в аграрном секторе, поскольку возможности экстенсивного развития оказывались более выгодной альтернативой интенсификации. Возможности доходного экспорта самого простого продукта — зерна — тормозили перемещение ресурсов в отрасли с более высокой добавленной стоимостью как в самом аграрном секторе (животноводство, переработка зерна и др.), так и за его пределами (в промышленность). Эта проблема отягощалась негибкостью институциональной системы и, соответственно, низкой как горизонтальной, так и вертикальной мобильностью населения, низкой адаптивной способностью населения к изменениям, связанным с переходом к капиталистической системе хозяйствования.

С другой стороны, правительство, заинтересованное в ускорении экономического развития и модернизации, проводило реформы, стимулирующие развитие рыночных институтов (реформы Витте, реформы Столыпина), побочным эффектом которых было усиление крестьянского неравенства, ранее государство его искусственно сдерживало консервацией общины. До Столыпинской реформы государство законодательно ограничивало выход из общины, удерживая тем самым крестьян в аграр-

ном секторе. В результате аграрной реформы Столыпина у крестьян появилась возможность выйти из общины и уехать, но большинство покинувших свою деревню уезжали не в города, а в другие регионы, оставаясь в рамках аграрного сектора, что было возможным благодаря обилию земельных ресурсов.

Рост неравенства, особенно среди крестьянства, и связанные с этим негативные социально-психологические последствия не сопровождались институциональными изменениями, необходимыми для смягчения этих негативных последствий. Эта ситуация мешала россиянам начала XX в. адаптироваться к происходящим рыночным изменениям, увидеть в них не только разрушение привычного уклада жизни, но и новые возможности.

Таким образом, в дореволюционной России возникла ситуация консервации институтов стабильности при очень быстром росте институтов развития, что привело к разбалансировке «старой» институциональной системы и несоответствию складывающейся «новой» институциональной системы географическому фактору (обширные территории) и технологическому фактору (отсутствие массового перехода к новым технологиям в аграрном секторе, низкая плотность транспортной инфраструктуры, в частности железных дорог).

Институциональные особенности российского аграрного сектора в рассматриваемый период заключались:

- в особой роли государства в трансформации институтов аграрного сектора, неоднозначно влиявшей на социально-экономическое развитие;
- в наличии большого разнообразия форм собственности на землю, которое разнонаправленно влияло на модернизацию аграрного сектора;
- в значительном разнообразии регионов, имевших географические, климатические и институциональные особенности;
- в устойчивости системы ценностей основной массы населения — крестьянства, характерной для традиционного общества;
- в наличии большого количества земли, пригодной для земледелия (в неевропейской части России), а также в наличии емкого внешнего рынка, что удерживало (консервировало) ресурсы в аграрном секторе;
- в резком ускорении роста неравенства внутри крестьянства, что неоднозначно влияло на модернизацию аграрного сектора;
- в отсутствии сбалансированности институтов стабильности и институтов развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аграрный вопрос в Симбирской губернии: (С 8 диагр.) / Клем. Воробьев. — Симбирск: тип. «Работник» М. Иванова, 1917. — 32 с.
2. Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Дж.А. Робинсон: пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. — М.: АСТ, 2015. — 692 с.
3. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. / В. А. Александров. — М., 1984.
4. Аллен Р. С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / Р. С. Аллен: пер. с англ. Е. Володиной. — М.: РОССПЭН, 2013. — 390 с.
5. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / Р. С. Аллен: пер. с англ. Н. В. Автономовой; под ред. В. С. Автономова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 441 с.
6. Анисимов П. В. Генезис правового регулирования земельных отношений в Российской империи XIX — начала XX века / П. В. Анисимов, А. А. Савченко // Философия права. — 2014. — № 6 (67). — С. 64–68.
7. Анненский Н. Ф. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Н. Ф. Анненский, В. Н. Григорьев, проф. Н. А. Каблукова [и др.]; под ред. проф. А. И. Чупрова и А. С. Поникова. Т. 1–2. — СПб.: тип. В. Ф. Киришаума, 1897. — 532 с.
8. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904 / А. М. Анфимов. — М.: Наука, 1980. — 241 с.
9. Анфимов А. М. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России / А. М. Анфимов // Вопросы истории, 1965. — № 7. — С. 62–76.
10. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России в 1881–1904 гг. / А. М. Анфимов; отв. ред. К. И. Шабуня. — М.: Наука, 1984. — 232 с.
11. Арзуманян А. А. Аграрный кризис 80–90-х годов XIX в. в России / А. А. Арзуманян // Экономические проблемы общественного развития. — М.: Наука, 1968. — С. 19–186.

12. Арнольд В. Ф. Общие черты агрономической техники и сельскохозяйственной экономики крестьянских хозяйств Херсонского уезда. — Херсон: Зав. С.-х. бюро Херсонск. уезд. земства в 1896–1899 гг., 1902. — 300 с.
13. Арнольд В. Ф. Политико-экономические этюды. — Одесса: Издание Е. П. Распопова, 1904. — 119 с.
14. Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках / Э. Бааш: пер. с нем. Н. М. Сергаль и О. К. Рыковской; под ред. и со вступ. ст. проф. Я. Я. Зутиса. — М.: Изд-во иностр. лит., 1949 (20-я тип. Союзполиграфпрома), 2013. — 395 с.
15. Баскин Г. И. Дифференциация и типы крестьянского хозяйства / Г. И. Баскин // Сборник избранных трудов Г. И. Баскина по Самарской губернии: Юбилейное издание. — Самара, 1925. — Вып. IV. — С. 61–131.
16. Беккер Г. Экономика семьи и макроповедение / Г. Беккер // США. Экономика, политика, идеология. — 1994. — № 2. — С. 99–107.
17. Блок М. Феодальное общество / М. Блок: пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой, Е. М. Лысенко. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. — 503 с.
18. Богословский М. М. Российский XVIII век / М. М. Богословский. Российская акад. наук, Археографическая комис. — М.: Интелвак, 2008. — 536 с.
19. Бородин Н. П. Соотношение капиталистической и отработочной систем в помещичьих имениях Черноземного центра в 80–90-х годах XIX века (По материалам земской статистики) // История СССР. — 1990. — № 2. — С. 31–43.
20. Бородкин Л. И. Дореволюционная индустриализация и ее интерпретация (Pre-Revolutionary Industrialization and Its Interpretation) / Л. И. Бородкин // Экономическая история. Обзорение. — 2006. — Вып. 12. — С. 184–200.
21. Бородкин Л. И. Математические модели в исторических исследованиях: *deus ex machina?* / Л. И. Бородкин // Математическое моделирование исторических процессов. — М.: Мосгорархив, 1996. — С. 6–30.
22. Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив / Л. И. Бородкин. — СПб.: Алетейя, 2016. — 306 с.
23. Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы: их влияние на экономическое развитие страны: Ч. 1–4. Ч. 2 / Б. Ф. Брандт. — СПб., Типография В. Киршбаума, 1898. — С. 13–14.
24. Брошниковский А. К. Условия сбыта русских хлебов за границу при действующем в некоторых государствах Западной Европы высоком тамо-

- женном обложении привозного зерна / А. К. Брошниковский. — Петроград: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. — 229 с.
25. Бруцкус Б. Д. К критике учений о системах хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1909. — № 9. — С. 8–86.
26. Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика / Б. Д. Бруцкус. — Петербург: Право, 1922. — 234 с.
27. Бруцкус Б. Д. Очерк аграрной политики иностранных государств и России / Б. Д. Бруцкус. — Петроград: Типография В. Ф. Киршбаума, 1918. — 36 с.
28. Бруцкус Б. Д. Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы / Б. Д. Бруцкус. — Петроград: Кооперативная мысль, 1923. — 360 с.
29. Булгаков С. Н. Капитализм и земледелие. Т. 2. — СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1900.
30. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства: публичные лекции и очерки / ред. и пер. И. М. Кулишер. — 5-е изд. испр. и доп., пер. по 16-му нем. изд. 1922 г. — Пг.: Akademia, 1923.
31. Ван Дер Вее Г. История мировой экономики, 1945–1990: пер. с фр. / Г. Ван дер Вее. — М.: Наука, 1994.
32. Васев И. Н. Право на землю в правосознании русского общинного крестьянства / И. Н. Васев // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. — 2014. — № 11. — С. 63–66.
33. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 61 с.
34. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. — М.: Прогресс, 1984. — 367 с.
35. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 1. Статьи: Н. Ф. Анненского, В. Н. Григорьева, проф. Н. А. Каблукова [и др.] / под ред. проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. — СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1897. — 532 с.
36. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства: В 2 т. Т. 2. Статьи: Н. Ф. Анненского, В. Н. Григорьева, проф. Н. А. Каблукова [и др.] / под ред. проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. — СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1897. — 480 с.
37. Влияние неурожаев на народное хозяйство России / под общ. ред. В. Г. Громана. — М.: Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук, 1927.
38. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI–XX вв.) / Я. Е. Водарский. — М.: Просвещение, 1973. — 158 с.

39. Военно-конская перепись. — Петроград: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1891–1914. — (Статистика Российской империи). Т. 20: 1888 года. — 1891. — XXIII, 207 с.
40. Военно-конская перепись. — Петроград: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1891–1914. — (Статистика Российской империи). Т. 83: 1912 года. — 1914. — XII, 441 с.
41. Вольчик В. В. Таинственный пазл теории институциональных изменений / В. В. Вольчик // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. — 2013. — № 1(43). — С. 5–11.
42. Воробьев К. Я. Аграрный вопрос в Симбирской губернии (с 8-ю диаграммами) / К. Я. Воробьев. — Симбирск, 1917. — 52 с.
43. Воронцов В. П. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики: В 2 т. / В. П. Воронцов. — М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1892.
44. Гавров С. Н. Модернизация: основные определения и характеристики / С. Н. Гавров // *Humanity space International almana.* — 2012. — Vol. 1, № 3. — С. 573–592.
45. Гайдар Е. Т. Долгое время: Россия в мире: очерки экон. истории / Е. Т. Гайдар. — М.: Дело, 2005. — 655 с.
46. Гарбуз И. В. Земельные отношения в Забайкальской области во второй половине XIX века / И. В. Гарбуз // *Гуманитарный вектор.* — 2011. — № 3 (27). — С. 31–39.
47. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. Российская акад. народного хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. — М.: Изд. дом «Дело», 2015. — 534 с.
48. Гловели Г. Дж. Н. П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода / Г. Дж. Гловели // *Историко-экономические исследования. Вопросы политической экономии.* — 2017. — № 2. — С. 38–52. — URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/214157842.pdf> (дата обращения: 18.05.2023).
49. Голдстоун Дж. Почему Европа: возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850 / Дж. Голдстоун; пер. с англ. М. Рудакова и И. Кушнаревой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 299 с.
50. Грегори П. Поиск истины в исторических данных. Еще одна оценка промышленного производства в России, 1887–1913 гг.: пер. С. А. Саломатиной / П. Грегори // *Экономическая история. Ежегодник 1999.* — М.: РОССПЭН, 1999. — 471 с.

51. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.) / *Economic growth of Russian empire (end of XIX — beginning of XX century)*: Новые подсчеты и оценки / П. Грегори; пер. с англ. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. — М.: РОССПЭН, 2003 (ГУП ИПК Ульян. дом печати). — 255 с.
52. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / А. Грейф. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2018. — 536 с.
53. Громан В. Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем хозяйстве. Библиогр. работ В. Г. Громана и о В. Г. Громане / под ред. Е. Г. Ясина, В. В. Иванова. — М.: Центральный экономико-математический институт, 1991. — С. 217–227.
54. Гуриев С. Экономика «ресурсного проклятия» / С. Гуриев, К. Сонин // *Вопросы экономики*. — 2008. — № 4. — С. 61–74.
55. Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте — Столыпина / М. А. Давыдов. — 2-е изд., исправл. и доп. — СПб.: Алетейя, 2016. — 1072 с.
56. Давыдов М. А. Урожайная статистика ЦСК МВД: можно ли выпрямить Пизанскую башню? / М. А. Давыдов // *Экономическая история: Ежегодник. 2011–2012*. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 149–189.
57. Даниельсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного развития / Н. Ф. Даниельсон. — СПб.: Типография А. Бенке, 1893. — XVI, 353 с.
58. Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России / В. П. Данилов // *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия*. — М.: Издательская группа «Прогресс»; Прогресс — Академия, 1992. — С. 310–321.
59. Данилов В. П. Изучение истории советского крестьянства / В. П. Данилов // *Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС*. — М., 1962. — С. 452–453.
60. Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. / В. П. Данилов. — URL: http://www.patriotica.ru/history/danilov_rev.html (дата обращения: 01.06.2020).
61. Де Фрис Я. Революция трудолюбия; потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней / Я. де Фрис. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
62. Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России / Г. А. Дихтяр. — М., 1960.

63. Дубровский С. М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке / С. М. Дубровский. Ин-т красной профессуры. — Ленинград: Прибой, 1925. — 302 с.
64. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма / С. М. Дубровский; вступ. статья д-ра ист. наук, проф. Г. А. Арутюнова. АН СССР. Ин-т истории СССР. — М.: Наука, 1975. — 398 с.
65. Дунаева Н. А. Модернизационные процессы в поволжской деревне 1907–1917. На материалах Самарской, Симбирской и Саратовской губерний: дис. ... канд. истор. наук / Н. А. Дунаева. — Ульяновск, 2009.
66. Езжева М. Н. Сравнительно-правовой анализ форм дворянской земельной собственности в России в XIX веке / М. Н. Езжева // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2010. — № 4. — С. 5–11.
67. Ермилов Н. Е. Железнодорожный ежегодник: справочная книга для железнодорожников. Год 1904-й / сост. Н. Е. Ермилов. — СПб.: Типография Ц. Крайз, 1904.
68. Ермилов Н. Е. Железнодорожный ежегодник: справочная книга для железнодорожников / сост. Н. Е. Ермилов. Год изд. 2-й, 1905-й. В 2 ч. — СПб.: Типография Ц. Крайз, 1905.
69. Ефременко А. В. Аграрная история России: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по с.-х. специальностям / А. В. Ефременко. — Ярославль: Изд-во ЯГСХА, 2005. — 168 с.
70. Жарова С. Н. Сельская крестьянская община и судебные споры крестьян о землевладении на рубеже XIX–XX вв. / С. Н. Жарова, В. Г. Савельев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2013. — Т. 13, № 4. — С. 13–17.
71. Забоенкова А. С. Правовое положение надельной земли в период аграрной реформы П. А. Столыпина / А. С. Забоенкова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — Вып. 6. — С. 96–103.
72. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. — М., 1968.
73. Земцов С. П. Долгосрочное влияние экстрактивных и инклюзивных институтов на деловую активность в регионах России / С. П. Земцов, Ю. В. Царева // Вопросы экономики. — 2023. — № 7. — С. 115–141.
74. Золотов В. А. Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX в. / В. А. Золотов. Рост. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1966. — 250 с.

75. Зубов А. Б. Лекции по истории России XIX века / А. Б. Зубов. — URL: <https://abzubov.com/russiaxix>
76. Зурначян А. С. Правовое положение крестьян в Восточной Армении в XIX веке / А. С. Зурначян // Genesis: исторические исследования. 2014. — № 4. — С. 78–95. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.4.12056. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12056
77. Зырянов П. Н. Крестьянская община европейской России, 1907–1914 гг. / П. Н. Зырянов. Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 1992. — 256 с.
78. Зырянов П. Н. Столыпин и судьбы русской деревни / П. Н. Зырянов // Общественные науки и современность. — 1991. — № 4.
79. Ибрагимов К. Х. Правовое регулирование земельных отношений в России (середина XVII – XVIII век): дис. ... канд. юрид. наук / К. Х. Ибрагимов. — М., 2008.
80. Ибрагимова П. А. Сословно-поземельные отношения в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. / П. А. Ибрагимова // Грамота. — 2018. — № 2(88). — С. 26–30.
81. Иванов А. А. Крестьянство Поволжья в аграрной революции 1917–1922 гг.: новые источники, современные публикации / А. А. Иванов // Вестник Чувацкого университета. — 2005. — № 3. — С. 22–38.
82. Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики: Опыт анализа некоторых офиц. и зем. текущ. данных / Д. Н. Иванцов // Записки Русского географического общества: По отд. статистики. Т. 14. — Петроград: Тип. В. Ф. Киришаума, 1915. — 178 с.
83. История российской государственной статистики: 1811–2011: Росстат. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. — 143 с.
84. Кабанов В. В. Аграрная революция в России / В. В. Кабанов // Вопросы истории. — 1989. — № 11. — С. 28–44.
85. Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России: Очерки по экономии сел. хоз-ва: дис. ... канд. экон. наук / Н. А. Каблуков. — М.: Книжное дело, 1899. — 309 с.
86. Кабытов П. С. П. А. Столыпин и местная реформа / П. С. Кабытов, С. Барина // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. ст. Всероссийской научной конференции. — Оренбург: Оренбургский филиал РАНХиГС, ФГБОУ ВПО «ОГПУ», 2012. — С. 71–75.
87. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа / А. Б. Каменский. Российский гос. гуманитар. ун-т. — М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. — 575 с.

88. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Р. Камерон: пер. с англ. Е. Н. Шевцовой // Экономическая история: Док., исслед., пер.: Сер. — М.: РОССПЭН, 2001. — 542 с.
89. Канеман Д. Рациональный выбор, ценности и фреймы / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24, № 4. — С. 31–42.
90. Кара-Мурза С. Г. Столыпин — отец русской революции / С. Г. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2002. — 250 с.
91. Каутский К. Аграрный вопрос / К. Каутский: пер. с нем. И. Андреева и В. Либина; ред. Д. Протопопова. — Харьков: Знание, 1900. — С. 26–30. — URL: https://vk.com/doc-170974443_572192242?hash=8mvAhhISY8qFMG9qmhAQhpGjBmiO86tafQZAbr5TZjP (дата обращения: 17.05.2023).
92. Кауфман А. А. Крестьянская община в Сибири: По мест. исслед. 1886–1892 гг. / А. А. Кауфман. — СПб.: Кн. маг. А. Ф. Цинзерлинга, б. Мелье и К°, 1897. — 277 с.
93. Кауфман А. А. Переселение и колонизация: государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России / А. А. Кауфман. — СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1905. — 349 с.
94. Кауфман А. А. Земля и культура: К вопросу о земел. реформе / А. А. Кауфман. — М.: Народное право, 1906. — 88 с.
95. Кауфман А. А. Русская община. В процессе ее зарождения и роста / А. А. Кауфман. — М., 1908.
96. Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России / А. А. Кауфман. Моск. о-во нар. ун-тов. — М.: Тип. «Печ. дело», 1908. — 12 с.
97. Кауфман А. А. Формы хозяйства в их историческом развитии / А. А. Кауфман. Моск. о-во нар. ун-тов. — М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. — 152 с.
98. Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика: сборник статей / А. А. Кауфман. — М.: Г. А. Леман и Б. Д. Плетнев, 1915. — 512 с.
99. Кауфман А. А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства / А. А. Кауфман. — М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917–1918. — 332 с.
100. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в.): сборник / Л. Б. Кафенгауз; вступ. ст. А. Н. Марковой. Рос. АН, Ин-т экономики, Международный фонд «Культурная инициатива». — М.: Эпифания, 1994. — 845 с.
101. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени / Д. Алтер [и др.]; под ред. С. Бродберри и К. О’Рурка;

- пер. с англ. Ю. Каптуревского; науч. ред. Т. Дробышевской. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 460 с.
102. Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика / Т. М. Китанина. Санкт-Петербургский гос. ун-т. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. — 594 с.
103. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X—Y-теорию / С. Г. Кирдина. — Изд. 3-е, перераб., расш. и ил. — М.; СПб.: Нестор-История, 2014. — 467 с.
104. Климин И. И. Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России / И. И. Климин. — СПб.: Клио, 2002. — 335 с.
105. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М.: Академический проект, 2015. Лекции XXX—LIX: От эпохи Ивана Грозного до Петра Великого. — 525 с.
106. Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX века / И. Д. Ковальченко. Ист.-филол. отд-ние РАН, Комис. по наследию акад. И. Д. Ковальченко. — М.: РОССПЭН, 2004. — 503 с.
107. Ковальченко И. Д. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в.: Опыт количеств. анализа / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. АН СССР. Отд-ние истории. — М.: Наука, 1974. — 413 с.
108. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. АН СССР, Отд-ние истории. — М.: Наука, 1987. — 438 с.
109. Ковальченко И. Д. О многомерной группировке крестьянских хозяйств / И. Д. Ковальченко. — М.: Наука, 1986.
110. Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность). История СССР / И. Д. Ковальченко // Журнал «Российская история». — Институт истории СССР АН СССР. — 1991. — № 2. — С. 52—72.
111. Ковальченко И. Д. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX веков / И. Д. Ковальченко, Л. И. Бородин // История СССР. — 1979. — № 1. — С. 59—95.
112. Ковальченко И. Д. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX—XX веков / И. Д. Ковальченко, Л. И. Бородин // История СССР. — 1981. — № 1. — С. 76—99.
113. Ковальченко И. Д. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения / И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунская, Б. М. Литваков. — М.: Наука, 1982. — 264 с.

114. Ковальченко И. Д. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (Источники и методы исслед.) / И. Д. Ковальченко, Т. Л. Моисеенко, Н. Б. Селунская. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 222 с.
115. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н. Д. Кондратьев. АН СССР, Ин-т экономики. — М.: Наука, 1991. — 486 с.
116. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов. — 2-е изд., перераб. — М.: М. и С. Сабашниковы, 1918. — URL: <http://rushist.com/index.php/kornilov/1166-rasprostranenie-reformy-1861-na-udelnykh-i-gosudarstvennykh-krestyan> (дата обращения: 20.07.2023).
117. Кофод А. А. Крестьянские хутора на надельной земле. Т. 1 / А. А. Кофод. — СПб., 1905. — 283 с.
118. Кофод А. А. Хуторское расселение / А. А. Кофод. Г. У. З. и З. — СПб.: Тип. газ. «Сел. вестн.», 1907. — 72 с.
119. Кофод А. А. Русское землеустройство / А. А. Кофод. — 2-е изд. — СПб.: Тип. Сел. вестника, 1914. — 172 с.
120. Кочнева И. В. Государственная политика в сфере земельных отношений в дореволюционный период: исторический аспект / И. В. Кочнева // Вестник ЗабГУ. — 2014. — № 7 (110). — С. 83–93.
121. Крадин Н. Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов / Н. Н. Крадин // История и Математика: Модели и теории / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. — М.: ЛКИ/URSS, 2008. — С. 166–200.
122. Краткие бюджетные сведения по хуторскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. — Симбирск: Б. и., 1914.
123. Крестьянское хозяйство по переписям 1899–1911: Епифан. уезд. Ч. 1. — Тула: Тул. губ. зем. управа, 1916.
124. Крохалев Ф. С. История учения о системах земледелия в России: автореф. дис. ... докт. экон. наук / Ф. С. Крохалев. — М., 1958.
125. Крохалев Ф. С. О системах земледелия / Ф. С. Крохалев. — М., 1960.
126. Кузнецов И. А. Аграрная революция 1917 года в России: стоит ли изучать экономическую историю, забыв о печальном конце? / И. А. Кузнецов // Крестьяноведение (RUSSIAN PEASANT STUDIES). — 2019. — Т. 4, № 1. — С. 22–43.
127. Куломзин А. Н. М. Х. Рейтерн: Биограф. очерк: С прил. из посмерт. записок М. Х. Рейтерна / сост. А. Н. Куломзиным и гр. В. Г. Рейтерн-бар. Нолькен. — СПб.: Изд. гр. В. Г. Рейтерн-бар. Нолькен, 1910. — 195 с.
128. Кулябко-Корецкий Н. Г. Районы хлебной производительности Европейской России и Западной Сибири: С прил. табл., сост. А. Е. Лошиц-

- ким и 9 картогр. / Н. Г. Кулябко-Корецкий. — СПб.: Вольн. экон. о-во, 1903. — 78 с.
129. Курдиновский В. И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России / В. И. Курдиновский. — Экономическая типография, 1899. — 387 с.
130. Кущенко Г. А. Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям — 1882 и 1911 гг. / Г. А. Кущенко. Оценочно-стат. бюро Черниговск. губ. земства. — Чернигов: Чернигов. губ. зем. управа, 1916. — 37 с.
131. Латов Ю. В. Клио берет калькулятор / Ю. В. Латов // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). — 2012. — Т. 4, № 2. — С. 50–73.
132. Ле Гофф Ж. Средневековые и деньги: очерк исторической антропологии / Ж. Ле Гофф: пер. с фр. М. Ю. Некрасова. — СПб.: Евразия, 2010. — 221 с. ISBN 978-5-91852-029-1
133. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 3 / В. И. Ленин. — 5-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — 792 с.
134. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 5 / В. И. Ленин. — 5-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — 550 с.
135. Ленин В. И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В. И. Ленин. — Ленинград: Гос. изд-во полит. лит., 1947. — 584 с.
136. Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914: пер. с нем. / В. В. Леонтович // *Исследования новейшей русской истории: серия* / под общ. ред. А. И. Солженицына. — М.: Русский путь: Полиграфресурсы, 1995. — 548 с.
137. Лёвин С. В. Методология земских статистических работ / *European science review* / С. В. Лёвин // Секция 4. История и археология. — Саратов: Саратовский государственный университет, 2014. — № 1-2. — С. 28–33.
138. Лист Ф. Национальная система политической экономии: пер. с нем. / Ф. Лист // По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист / граф С. Ю. Витте. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года / Д. И. Менделеев. — М.: Европа, 2005. — 382 с.
139. Литошенко Л. Н. Одна из задач бюджетных исследований / Л. Н. Литошенко // *Вестник статистики*. — Кн. № 4-7. — М.: Журнал ЦСУ, 1919.
140. Литошенко Л. Н. Статистика крестьянских бюджетов / Л. Н. Литошенко // *Вестник статистики*. — Кн. XVIII. — М.: Журнал ЦСУ, 1924. — С. 186–188.

141. Литошенко Л. Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства / Л. Н. Литошенко. — М.: Русский книжник, 1923. — 46 с.
142. Лященко П. И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением / П. И. Лященко. — Петроград: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1915. — 293 с.
143. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР: В 2 т. Т. 2: учебное пособие для экономических и инженерно-экономических вузов и факультетов / П. И. Лященко. — Изд. 3-е. — М.: Госполитиздат, 1952. — 736 с.
144. Лященко П. И. История русского народного хозяйства / П. И. Лященко. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1927 (М.: 1-я Образцовая тип.). — 518 с.
145. Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1 / П. И. Лященко. — СПб.: Тип. Ред. период. изд. Мин. фин., 1908—1917, 1908. — 466 с.
146. Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1: Разложение натурального строя и условия образования сельскохозяйственного рынка / П. И. Лященко. — СПб.: Типография Редакции период. изд. Министерства финансов, 1908. — 447 с.
147. Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: Описат.-стат. исслед. / П. И. Лященко. — СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912. — 656 с.
148. Магнус Я. Р. Эконометрика. Начальный курс: учеб. изд., перераб. и доп. / Я. Р. Магнус, П. К. Катышев, А. А. Пересецкий. — М.: Дело, 2004. — 504 с.
149. Маевский В. Эволюционная теория и институты / В. Маевский // Вестник ГУУ. — 2001. — № 1.
150. Макаров В. О применении метода эволюционной экономики / В. Макаров // Вопросы экономики. — 1997. — № 3.
151. Макаров Н. П. Оборот земли в крестьянском хозяйстве / доклад Н. П. Макарова: труды 3-го Всероссийского съезда Л. А. Р. — М.: Издание Лиги аграрных реформ, 1918.
152. Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его интересы / Н. П. Макаров // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современ. мире: хрестоматия: пер. с англ. / сост. Т. Шанин; рус. ред. А. В. Гордона; предисл. к рус. изд. В. П. Данилова. — М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. — С. 120—125 (статья написана в 1917 г.).
153. Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция / Н. П. Макаров. Совет Всероссийских кооперативных съездов. — М.: Тип. Н. Желудковой, 1920. — 23 с.

154. Манту П. Ж. Промышленная революция XVIII столетия в Англии: (опыт исследования) / П. Ж. Манту. Стер. изд. 1937 г. — М.: Директ-Медиа, 2014.
155. Маресс Л. Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве / Л. Н. Маресс // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / под ред. А. И. Чупрова, А. С. Постникова. Т. 1. — СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1897.
156. Марианский А. Современные миграции населения / А. Марианский: пер. с польск. В. Л. Кона; под ред. и с предисл. Ю. Л. Пивоварова. — М.: Статистика, 1969. — 224 с.
157. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В 50 т. Т. 23 / К. Маркс. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1960.
158. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В 50 т. Т. 25. Ч. II / К. Маркс. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1962.
159. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В 50 т. Т. 5 / К. Маркс. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1956.
160. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В 50 т. Т. 27 / К. Маркс. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1962.
161. Мартынов С. Д. Государство и экономика. Система Витте / С. Д. Мартынов. — СПб.: Наука, 2002. — 402 с.
162. Маслов С. Л. Крестьянское хозяйство. Очерки экономики мелкого земледелия / С. Л. Маслов. — М., 1918. — 270 с.
163. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / В. И. Бовыкин [и др.]; отв. ред. и авт. предисл. И. Д. Ковальченко. — М.: Наука, 1979.
164. Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века / А. Н. Медушевский. Российская академия наук, Институт российской истории. — М.: Наука, 2005 (СПб.: ГУП Тип. Наука). — 638 с.
165. Междисциплинарные исследования экономики и общества (Interdisciplinary research of the economy and society): сборник статей по материалам Ежегодной научной конференции Новой экономической ассоциации / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, экономический фак., Новая экономическая ассоциация; под ред. А. А. Аузана, П. А. Минакира, Л. А. Тутова. — М.: Макс Пресс, 2014. — С. 62–72.
166. Менделеев Д. И. Заветные мысли / Д. И. Менделеев // Полн. изд. (впервые после 1905 г.). — М.: Мысль, 1995. — 413 с. — URL: http://az.lib.ru/m/mendeleeew_d_i/text_1905_zavetnye_mysli.shtml (дата обращения: 07.04.2023).

167. Миланович Б. Что делать, если крестьяне не хотят переезжать в города? / Б. Миланович. — URL: https://branko2f7.substack.com/p/the-plight-of-late-industrializers?utm_source=post-email-title&publication_id=371309&post_id=97120025&isFreemail=true (дата обращения: 27.03.2021).
168. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 2 ч. Ч. 1: Население, экономика, государство и классовая система / П. Н. Милюков. — 2-е изд. — СПб., 1909.
169. Министерство земледелия (Комитет по землеустроительным делам), Краткий очерк за десятилетие 1906—1916. — Петроград, 1916. Аппендикс.
170. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVII — начало XX века / Б. Н. Миронов. Российская акад. наук, Ин-т Российской истории. — М.: Новый хронограф, 2010. — 911 с. ISBN 978-5-94881-081-2.
171. Миронов Б. Н. Отечественные записки: Город из деревни: четвереста лет российской урбанизации / Б. Н. Миронов. — М.: Б.м., 2012. — № 3(48). — С. 259—276.
172. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: Т. 1 / Б. Н. Миронов. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — (ГИПП Искусство России); ISBN 5-86007-394-1.
173. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: В 2 т. Т. 2 / Б. Н. Миронов. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Дмитрий Буланин (ГИПП Искусство России), 2003. — 583 с.
174. Миронов Б. Н. Социальная мобильность и социальное расслоение в русской деревне XIX — начала XX века / Б. Н. Миронов // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. — Тарту, 1972. — С. 156—183.
175. Миронов Б. Н. Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности / Б. Н. Миронов // Проблемы аграрной истории: (XIX — 30-е годы XX в.): В 2 ч. Ч. 2. — Минск, 1978. — С. 106—115.
176. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.) / Б. Н. Миронов; под ред. А. Г. Манькова. — Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985. — 301 с.

177. Можухин И. В. Аграрный вопрос в цифрах и фактах действительности / И. В. Можухин // Лига аграрных реформ. Серия С. № 3. — М.: Универс. б-ка, 1917. — 80 с.
178. Мошенский С. З. Рынок ценных бумаг Российской империи / С. З. Мошенский. — М.: Экономика, 2014. — 559 с.
179. Мустафин А. Р. Хлебный рынок с начала царствования Алексея Михайловича до конца правления Екатерины Великой: была ли «революция цен»? / А. Р. Мустафин // *Quaestio Rossica*. 2021. — Т. 9, № 3. — С. 911–926.
180. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.: очерки по макроэкономической истории / Э. Мэддисон: пер. с англ. Ю. Каптуревского. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. — 581 с.
181. Натхов Т. Классификация институтов и социальный контракт / Т. Натхов. — URL: [hse.ru>data/785/069/1236/Text.pdf](https://hse.ru/data/785/069/1236/Text.pdf) (дата обращения: 07.06.2024).
182. Нефедов С. А. О динамике уровня жизни в России, 1874–1912 гг. / С. А. Нефедов, М. Эллман // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. — 2018. — № 1(46). — С. 30–39.
183. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века / С. А. Нефедов. — Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. — 543 с.
184. Нефедов С. А. О причинах русской революции / С. А. Нефедов; Л. Е. Гринин (отв. ред.), А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Российская академия наук, Ин-т прикладной математики им. М. В. Келдыша [и др.]. — М.: URSS, 2010. — 430 с.
185. Нефедов С. А. Роковая ошибка. По поводу использования Б. Н. Мионовым антропометрических данных новобранцев / С. А. Нефедов // *Новейшая история России*. — 2014. — № 3 (11). — С. 110–115.
186. Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века / А. С. Нифонтов. По материалам ежегод. статистики урожаяев Европ. России / АН СССР. Ин-т истории СССР. — М.: Наука, 1974. — 318 с.
187. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с. ISBN: 5-88581-006-0.
188. Норт Д. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст; пер. с англ. Д. Узланера [и др.]. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 478 с.

189. Нуреев Р. М. От «восточного деспотизма» к «среднеслабому капитализму»: оборванный путь институционального развития императорской России / Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов // Мир России. Социология. Этнология. — 2013. — № 4. — С. 3—39.
190. Обзоры внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1840—1915 гг. — Санкт-Петербург — Петроград, 1842—1917.
191. Обзор Амурской области за 1910 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного губернатора Амурской области. Издание Амурской областной статистический комитет. 1911. — URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/27248-za-1910-god-1911>
192. Обзор Амурской области за 1912 год. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области. Издание Амурской областной статистический комитет. 1913. — URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/27250-za-1912-1913-god-1915#mode/inspect/page/35/zoom/8>
193. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1909 год. Тип. при канцелярии Туркест. — Ташкент, 1911. — URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/49839-za-1909-god-1911>
194. Обзор Уральской области за 1910 год. Прилож. к Всеподдан. отчету воен. губернатора. Обзор Уральской обл. за 1910 г. — Уральск, 1911.
195. Обзор Тургайской области за 1910 год. Прилож. к Всеподдан. отчету воен. губернатора. Обзор Тургайской обл. за 1910 г. — Оренбург, 1911.
196. Обзор Бакинской губернии ... [по годам]. — Баку, 1890—1915. — За ряд лет является Приложением ко всеподданнейшему отчету. — URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/28385-za-1902-god-prilozhenie-ko-vsepoddanneysheму-otchetu-1903#mode/inspect/page/13/zoom/4> (дата обращения: 28.05.2024).
197. Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в европейской части России в период 1883—1915 гг. / В. М. Обухов // Влияние неурожаев на народное хозяйство России / под общ. ред. В. Г. Громова. — М., 1927. — URL: <http://istmat.info/node/21585> (дата обращения: 17.08.2021).
198. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1 / Н. П. Огановский. — Саратов: Электро-Типо-Литография Б. Л. Рабинович, 1909. — 312 с.
199. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1 / Н. П. Огановский. — Саратов: Электро-Типо-Литография Б. Л. Рабинович, 1914. — 340 с.
200. Огановский Н. П. Очерки экономической географии СССР / Н. П. Огановский. — М.: Новая деревня, 1924. — URL: <https://istmat.org/node/24031>

201. Оль П. В. Иностранные капиталы в России / П. В. Оль. — Петроград: Институт экономических исследований. Труды института № 3, 1922.
202. Омес Н. Диагностика голландской болезни: есть ли симптомы у России? / Н. Омес, К. Калчева // Рабочий документ МВФ. — 2007. — № WP/07/012.
203. Орлов В. И. Об организации земских статистических работ в Московской губернии / В. И. Орлов. — М.: Печатня С. П. Яковлева, 1881. — 21 с.
204. Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в.: монография / А. В. Островский. — СПб.: ООО «Полтораки», 2013. — 414 с. ISBN 978-5-904819-57-9.
205. Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье: конец XIX — начало XX в. / А. В. Островский. Ин-т системно-стратегического анализа. — М.: Т-во науч. изд. КМК, 2016. — 431 с. ISBN 978-5-9907165-1-0.
206. Отчет по мелкому кредиту за 1913 г. Ч. 1. — Пг., 1916.
207. П. А. Столыпин. Программа реформ: документы и материалы: В 2 т. [посвящается 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина] / Фонд изучения наследия П. А. Столыпина. Российский гос. исторический архив; под общ. ред. П. А. Пожигайло. — 2-е изд., стер. — М.: РОС-СПЭН, 2011.
208. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого // Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. — СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1904. — Вып. 2.
209. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. — СПб.: Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. — С. 160–163.
210. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. (Губернские итоги). Т. 1–89. — СПб.: 1903–1905. — 201 с.
211. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес; пер. с англ. Ф. В. Маевского, науч. ред. пер. С. Ю. Глазьев, В. Е. Дементьев. Акад. народного хоз-ва при Правительстве Российской Федерации, Центр эволюционной экономики. — М.: Дело, 2011. — 231 с. ISBN 978-5-7749-0626-0.
212. Першин П. Н. Аграрная революция в России историко-экономическое исследование: В 2 кн. Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918 гг.) / П. Н. Першин. — М.: Наука, 1966.

213. Писемский В.А. Проблемы феодальной земельной собственности в преподавании курса экономической истории / В.А. Писемский // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2016. — № 1. — С. 150–156.
214. Плотская О.А. Обычно-правовое регулирование земельных отношений у коми (зырян) в период общинного владения землей / О.А. Плотский // История государства и права. — 2014. — Т. ХСV, № 10. — С. 1214–1220.
215. Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции / И.В. Побережников // Евразийское пограничье. Т. 4. — Екатеринбург: Волот, 2001. — С. 217–246.
216. Поланьи К. Великая трансформация = The great transformation : Полит. и экон. истоки нашего времени / К. Поланьи; пер. с англ. А.А. Васильева [и др.]; под общ. ред. С.Е. Федорова. — СПб.: Алетейя, 2002. — 311 с. ISBN 5-89329-532-3.
217. Поланьи К. Аристотель открывает экономику / К. Поланьи // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004.
218. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 2.
219. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги / К. Поланьи // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — Т. I. — С. 10–17. — URL: http://www.hse.ru/sci-ence/igiti/thesis2/2_1_1_Polan.pdf
220. Положение об управлении Туркестанского края. Издание 1892 года. (Свод законов Российской империи. Том второй.) — URL: <https://hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>
221. Полтерович В. Трансплантация экономических институтов / В. Полтерович // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3.
222. Полтерович В.М. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия»: к VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие», 3–5 апреля 2007 г. Москва / В. Полтерович, В. Попов, А. Тонис. Гос. ун-т «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 98 с. ISBN 978-5-7598-0475-8.
223. Попов В.В. Стратегии экономического развития / В.В. Попов. — М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2011.

224. Попов В. В. Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? / В. В. Попов // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2012. — № 3(15), — С. 35–65.
225. Попов Г. Г. Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи. За или против неоклассических теорем внешней торговли? / Г. Г. Попов, Е. И. Чибисова. Московский технологический институт. Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. — М.: Terra Economicus, 2016, — Т. 14, № 3. — С. 87–100.
226. Посевные площади, принимавшиеся Центральным статистическим комитетом при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893–1899 гг. По 50 губерниям Европейской России / Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. — СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1901. — № 48. — 554 с.
227. Постников В. Е. Южнорусское крестьянское хозяйство / В. Е. Постников. — М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1891. — XXXII, 392 с.
228. Прокопович С. Н. Сколько в России земли и как мы ее используем / С. Н. Прокопович. — М., 1907.
229. Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство: по данным бюджетных исследований и динамических переписей / С. Н. Прокопович. — Берлин: Кооперативная мысль, 1924. — 244 с.
230. Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах / С. Н. Прокопович // Библиотека «Общественной пользы». — СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. — Серия 2. — № 27. — 126 с.
231. ПСЗРИ. Соб. 2. Т. XXII. Отд. 1. № 21825. — URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html
232. ПСЗРИ. Соб. 2. Т. XLV. Отд. 1. № 48357. — URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html
233. ПСЗРИ. Соб. 3. Т. III. Отд. 1. № 1429. — URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html
234. ПСЗРИ. Соб. 3. Т. XX. Отд. 1. № 18509. — URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html
235. ПСЗРИ. Соб. 3. Т. XXXII. Отд. 1. № 38539. — URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html
236. Разумов Л. В. Расслоение крестьянства Центрально-промышленного района в конце XIX — начале XX века: Опыт количеств. анализа по данным земской статистики / Л. В. Разумов. Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М.: ИРИ, 1996. — 349 с.
237. Рафалович А. Л. О положеніи Россіи на международномъ хлебномъ рынке: доклад А. Л. Рафаловича / Сов. Съездовъ представителей бир-

- жевой торговли и сельск. хоз. — Петроград: Б. и., 1918 (Лештуковск. паровая скоропечатня «Свобода»). — 23 с.
238. Рафи-заде И. Р. Об изучении социальной дифференциации закавказского крестьянства в конце XIX в. (по материалам бюджетного обследования) / И. Р. Рафи-заде // Круг идей: новое в исторической информатике. — Баку, 1994. — С. 134–150.
 239. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки / А. Г. Рашин; под ред. акад. С. Г. Струмилина. — М.: Госстатиздат, 1956. — 352 с.
 240. Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на) значение: коллективная монография / Е. М. Болтунова [и др.]; под ред. Е. М. Болтуновой и В. Сандерленда. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 304 с.
 241. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) / Н. А. Рожков. — М.; Л., 1926–1928. — Т. 10.
 242. Розинская Н. А. Институты стабильности и институты развития / Н. А. Розинская // Ежегодная научная конференция Новой экономической ассоциации «Междисциплинарные исследования экономики и общества»: сборник. 10–11 декабря 2013 г. — М.: ООО «МАКС Пресс», 2014. — С. 62–72.
 243. Розинская Н. А. Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия / Н. А. Розинская // Журнал институциональных исследований. — 2015. — Т. 7, № 3. — С. 50–63.
 244. Розинская Н. А. Истоки современного экономического роста: Европа или Азия / Н. А. Розинская // Экономическая история. — Саранск: Издательство «ИнСтИтут», 2016. — № 2. — С. 48–55.
 245. Розинская Н. А. Причины различий в динамике экономического роста в Португалии и Голландии в XV–XVII вв. в свете институциональных теорий / Н. А. Розинская // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). — Ростов-на-Дону: ООО «Гуманитарные перспективы», 2017. — Т. 9, № 1. — С. 39–50.
 246. Розинская Н. А. От количественных к цифровым методам исследований в экономической истории / Н. А. Розинская, А. С. Сорокин // Журнал институциональных исследований. — 2019. — Т. 11, № 1. — С. 115–128.
 247. Розинская Н. А. Сквозь призму Испании. Социально-экономические причины различного исхода гражданской войны в России и Испании / И. А. Розинский, Н. А. Розинская // Вопросы экономики. — 2017. — № 1. — С. 142–155.

248. Розинская Н. А. Социально-экономическая история России: учебно-методическое пособие / Н. А. Розинская. М-во образования и науки РФ, Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М.: ТЕИС, 2009. ISBN 978-5-7218-1134-0.
249. Розинская Н. А. Петровские реформы в аграрном секторе: достигнутые результаты и непреднамеренные последствия // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2023. — № 58(2). — С. 126–146.
250. Розинская Н. А. Национальный проект «Доверие» / Н. А. Розинская, И. А. Розинский // Вопросы экономики. — 2015. — № 12. — С. 138–146.
251. Розинская Н. А. Инертность крестьянских хозяйств / Н. А. Розинская, И. Г. Чаплыгина, А. С. Сорокин // Preprint series of the economic department 003/2023. No 52, Working Papers from Moscow State University, Faculty of Economics. — URL: <https://econpapers.repec.org/scripts/search.pf?ft=Natalia+Rozinskaya+>
252. Ромашин И. С. Очерки экономики Симбирской губернии XVII–XIX вв. / И. С. Ромашин. — Ульяновск: Б. и., 1961. — 52 с.
253. Романченко В. Я. К вопросу об этапах крестьянской и аграрной революции в России / В. Я. Романченко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. — 2020. — № 3 (55). — С. 35–46.
254. Рубакин Н. А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт стат. характеристики сословно-классового состава населения рус. государства: (На основании офиц. и науч. исслед.) / Н. А. Рубакин. — СПб.: Изд-во «Вестн. Знания» (В. В. Битнера), 1912. — 216 с.
255. Рындзюнский П. Г. Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в. / П. Г. Рындзюнский // История СССР. — 1963. — № 4. — С. 95–119.
256. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. / В. Т. Рязанов. — СПб.: Наука: Санкт-Петербург изд. фирма, 1998. — 796 с.
257. Саблин В. А. Европейский Север России в аграрной революции 1917–1921 годов / В. А. Саблин // Вестник земельно-лесного дела. — 1918. — № 10. — С. 22–28.
258. Саллинз М. Экономика каменного века = Stone age economics / М. Саллинз: пер. с англ. О. Ю. Артемовой и др. — М.: О. Г. И., 1999. — 293 с. ISBN 5-900241-27-0.
259. Сафонов Д. А. Аграрная революция: российское прочтение / Д. А. Сафонов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. — С. 152–157.

260. Сборник документов по истории СССР. Первая половина XIX века. — М., 1974.
261. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / под ред. В. И. Покровского. Т. 1. — СПб.: Деп. таможенных сборов, 1902. — С. 120–141.
262. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств... / М-во земледелия. Отд. сельской экономии и с.-х. статистики. — Петроград: Тип. Ис. Ф. Вайсберга, 1907.
263. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. М-во земледелия. Отд. Сел. экономии и с.-х. Статистики. — СПб., 1910–1916. Год пятый. 1912.
264. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств... / М-во земледелия. Отд. сельской экономии и с.-х. статистики. — Пг.: Тип. Ис. Ф. Вайсберга, 1917.
265. Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века (с 1881 по 1900). — Вып. II. — 1903.
266. Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. / Р. И. Сифман // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. статей / под ред. и с предисл. канд. экон. наук А. Г. Вишневого. — М.: Статистика, 1977. — 247 с.
267. Сорокин А. С. База данных показателей посевных площадей и урожайности основных зерновых культур по губерниям Российской империи за период с 1881 по 1913 гг. / А. С. Сорокин, Н. А. Розинская, И. Г. Чаплыгина. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023623372 от 06.10.2023. Заявка № 2023623069 от 22.09.2023.
268. Статистический ежегодник России. 1914 г. — П., 1915.
269. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. — СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1907.
270. Средний посев и средний сбор зерновых хлебов и картофеля за пятилетие 1896–1900 гг. Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. — СПб.: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1902. — № 51. — IX, 387 с.
271. Статистический ежегодник России 1904 г. Год первый / Центральный стат. ком. М. В. Д. — Петроград: Центральный стат. ком. М. В. Д., 1905.
272. Статистический ежегодник России 1913 г. Год десятый / Центральный стат. ком. М. В. Д. — Петроград: Центральный стат. ком. М. В. Д., 1914.
273. Статистический ежегодник России 1914 г. / Центральный стат. ком. М. В. Д. — Петроград: Центральный стат. ком. М. В. Д., 1915.

274. Статистический ежегодник России. 1914 г. ЦСК МВД. Пг., 1915. Отдел I. Приводится по изданию: Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. — СПб.: 1995.
275. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России / С. Г. Струмилин. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. — 548 с.
276. Струмилин С. Г. Статистико-экономические очерки / С. Г. Струмилин. — М.: Госстатиздат, 1958. — 738 с.
277. Твердова-Свавицкая З. М. Земские подворные переписи 1880–1913: Поуездные итоги / З. М. Твердова-Свавицкая, Н. Свавицкий. Центр. стат. упр. СССР. Науч. отд. стат. методологии. — М.: ЦСУ СССР, 1926. — 328 с.
278. Тифлисская губерния. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890–1907. — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Тифлисская_губерния (дата обращения: 28.05.2024).
279. Томпстон С. Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование / С. Р. Томпстон: пер. с англ. Ю. А. Петрова. — М.: РОССПЭН, 2008. — 470 с.
280. Труды Подсекции статистики XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге 20–30 декабря 1901 года: С прил. ст. проф. А. Ф. Фортунатова «Итоги нескольких совещаний по вопросам земской статистики»: (Отг. из «Трудов ИВЭ о-ва» за 1900 г., кн. VI) / Имп. Вольное экон. о-во. — СПб., 1902.
281. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Т. 1 / М. И. Туган-Барановский. — М.: Книга по требованию, 2015. — С. 375–376.
282. Тюкавин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. — М.: Памятники ист. мысли, 2001. — 302 с.
283. Уильямсон С. История клиометрии в США: пер. А. Н. Филда / С. Уильямсон // Экономическая история. Т. 1. Обзорение: сборник / под ред. В. И. Бовыкина и Л. И. Бородкина. — М.: Обзор, 1996. — С. 75–107.
284. Указ № 28528 от 24 февраля 1821 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. — Т. XXXVII. 1820–1821 гг. — Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
285. Указ № 761 от 18 марта 1636 г. // Полное собрание законов Российской империи. — Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1840.

286. Указ № 1798 от 15 июня 1700 г. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. IV. 1700–1712 гг. — Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
287. Указ № 2845 от 26 сентября 1714 г. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. V. 1713–1719 гг. — Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
288. Указ № 12178 от 8 июня 1764 г. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. XVI. 28 июня 1762–1765 гг. — Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
289. Урожай хлебов (в пудах с десятины) по показаниям крестьян-старожил, встречающийся обыкновенно или чаще из обследования 1893 г. о сельских обществах 46 губерний Европейской России: Разработан по поручению г. министра вн. дел для... Комис. по пересмотру устава о нар. Продовольствии / Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. — СПб.: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1893. — № 30. — XII, 26 с.
290. Устинов В. Эдуард I / В. Устинов. Жизнь замечательных людей. — М.: Молодая гвардия, 2021. — 510 с.
291. Федоров В. А. История России, 1861–1917: учебник для бакалавров / В. А. Федоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2012. — 482 с. ISBN 978-5-9916-1773-4.
292. Филд Д. Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне / Д. Филд // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях: сб. науч. ст. / АН СССР, Отд-ние истории, Комис. по применению мат. методов и ЭВМ в ист. исслед.; отв. ред. И. Д. Ковальченко. — М.: Наука, 1989. — С. 47–73.
293. Фортунатов А. Ф. Урожай ржи въ Европейской Россіи / Соч. А. Ф. Фортунатова. — М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. — 254 с.
294. Фрис де Я. Революция трудолюбия: потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней / Я. де Фрис: пер. с англ. А. Матвеево; под науч. ред. А. Володина. Российская акад. народного хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. — М.: Дело, 2016. — 462 с.
295. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон: пер. с англ. Ю. Кузнецова. — М.: Мысль, 2014. — 285 с.

296. Хелимский Е. И. Факторный анализ данных переписей 1917 г. о крестьянском хозяйстве (по материалам Средней Азии) / Е. И. Хелимский // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды VI конференции Ассоциации «История и компьютер» — М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, 1995. — С. 430–437.
297. Херсонская губерния. Свод цифровых данных. Вып. 1. Население и сельское хозяйство. — Херсон: Паровая типо-лит. наслед. О. Д. Ходушиной, 1910. — 189 с.
298. Ходжсон Д. М. 1688 год и все такое: права собственности, Славная революция и подъем британского капитализма / Д. М. Ходжсон // Вопросы экономики. 2017. — № 11. — С. 63–92.
299. Хромов П. А. Экономика России периода промышленного капитализма / П. А. Хромов. Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра полит. экономии. — М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1963. — 286 с.
300. Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917 / П. А. Хромов, проф., д-р экон. наук. Акад. наук. СССР. Ин-т экономики. — М.: Гослитиздат, 1950 (тип. «Кр. Пролетарий»). — 552 с.
301. Чаплин В. Церковь в России: обстоятельства места и времени / В. Чаплин. — М.: Арефа, 2008.
302. Чаплыгина И. Г. Развитие идей А. Чаянова в зарубежной экономической науке второй половины XX века / И. Г. Чаплыгина // Экономический журнал. — 2006. — № 12. — С. 226–238. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-idey-a-chayanova-v-zarubezhnoy-ekonomicheskoy-nauke-vtoroy-poloviny-xx-veka> (дата обращения: 05.08.2023).
303. Чаянов А. В. Бюджетные исследования = Methods of collecting cost: история и методы / А. В. Чаянов. — М.: Новый агроном, Труды Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики, 1929. — Вып. 47. — 331 с.
304. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: избр. тр. / А. В. Чаянов; редкол.: А. А. Никонов (отв. ред.) и др. Ин-т экономики АН СССР и др. Крат. биогр. очерк В. В. Кабанова; вступ. ст. Н. К. Фигуровской, А. И. Глаголева. С. 26–51; Комментар. А. И. Глаголева, Л. А. Овчинцевой. — М.: Экономика, 1989. — 491 с. — (ЭН. Экон. наследие. Редкол.: Л. И. Абалкин (пред.) и др.). ISBN 5-282-00835-1.
305. Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства / А. В. Чаянов // Избранные экономические труды. — Екатеринбург: Деловая кн.; М.: Акад. проект, 2015. — С. 297–317. ISBN 978-5-8291-1729-0.
306. Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства / А. В. Чаянов; предисл. Л. Крицмана. — М.: Новая деревня, 1924. — 152 с.

307. Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией / А. Н. Челинцев. — 2-е перераб. и доп. изд. — М.: Новый агроном, 1928. — 239 с.
308. Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства / А. Н. Челинцев. Харьковский обл. союз с.-х. кооперативов (Харьковское о-во сельского хоз-ва), Отд. орг. хоз-ва. — Харьков: Агрономия, 1919. — 177 с.
309. Челинцев А. Н. Очерки по сельскохозяйственной экономии: 3 / А. Н. Челинцев. — СПб.: Тип. «Сел. вестн.», 1910. — С. 132–133. — URL: <http://elib.cnsnb.ru/books/free/0380/380774/8/#zoom=z> (дата обращения: 15.03.2022).
310. Чернов В. М. Марксизм и аграрный вопрос: Ист.-крит. очерк. Ч. 1 / В. М. Чернов. — СПб.: ред. журн. «Русское богатство», 1906. — 246 с.
311. Черноморский М. Н. Выборочные обследования и крестьянские бюджеты как источники по истории социально-экономических отношений в деревне в годы нэпа / М. Н. Черноморский // Труды Историко-архивного института. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. — Т. 7. С. 29–94. — URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=240613>
312. Черненко Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. Вып. I / Н. Н. Черненко. — М.: Типо-литография Русского т-ва печатного и издательского дела, 1905. — 171 с.
313. Чистяков Ю. Ф. Россия на мировом продовольственном рынке: прошлое и настоящее / Ю. Ф. Чистяков. Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Ин-т экономики. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2013. — 215 с.
314. Чупров А. И. Мелкое земледелие и его основные нужды: С прил.: «К вопросу о значении минеральных удобрений в русских хозяйствах, особенно крестьянских» / А. И. Чупров. — СПб.: Г. Ф. Львович, 1907. — 196 с.
315. Чупров А. И. Речи и статьи. Т. 1–3. Т. 2 / А. И. Чупров // Крестьянское хозяйство; Мелкий кредит и кооперация; Аграрный вопрос. — М.: М. и С. Сабашниковы, 1909. — 609 с.
316. Шанин Т. Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия: пер. с англ. / сост. Т. Шанин; рус. ред. А. В. Гордона; предисл. к рус. изд. В. П. Данилова. — М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. — 430 с.
317. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925: пер. А. В. Соловьева / Т. Шанин; под ред. А. М. Никулина. — М.: Дело (РАНХиГС), 2019. — 408 с.

318. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория / А. Е. Шаститко. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. — 591 с.
319. Шаститко А. Е. Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы») / А. Е. Шаститко // Вопросы экономики. — 2020. — № (1). — С. 145–156.
320. Швейковская Е. Н. Государство и черносошные крестьяне России XVII в.: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02 / Е. Н. Швейковская. — М., 1993.
321. Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII вв. / Е. Н. Швейковская. — М., 1997.
322. Шликевич А. П. Что дают и что могут дать подворные переписи / А. П. Шликевич // Земский сборник Черниговской губернии. — 1890. — № 3–4. — С. 9–68.
323. Шагин Э. М. Вопросы теории и истории аграрной революции в России в современной советской историографии / Э. М. Шагин // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы. — М., 1986. — С. 34–35.
324. Щербина Ф. А. Крестинские бюджеты / Ф. А. Щербина. — Воронеж: Вольное экономическое общество, 1900. — 730 с.
325. Яцунский В. К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 года / В. К. Яцунский. — Ежегодник истории сельского хозяйства, 1966. — С. 44–64.
326. Якушкин В. Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. / Соч. В. Е. Якушкина. — М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. — С. 98–120.

Диссертации

1. Ибрагимов К. Х. Правовое регулирование земельных отношений в России: середина XVII–XVIII веков: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / К. Х. Ибрагимов. — М., 2008.
2. Крамар А. А. А. Н. Челинцев как ведущий представитель организационно-производственной школы: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / А. А. Крамар. — М., 2005.
3. Перепилицын А. В. Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в 60–90 гг. 19 века: дис. ... докт. истор. наук / А. В. Перепилицын. — Воронеж, 2006.

4. Toda Yasushi. Russian Urban Consumption and Its International Comparisons for 1913–1928. Ph. D. Dissertation. Harvard University, 1969.

Авторефераты диссертаций

1. Анфимов А. М. Сельское хозяйство России в годы Первой мировой войны (до февральской революции 1917 г.): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.00 / А. М. Анфимов. — М., 1956. — 17 с.
2. Дунаева Н. А. Модернизационные процессы в поволжской деревне в 1907–1917 гг.: на материалах Самарской, Симбирской и Саратовской губерний: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Н. А. Дунаева. — Саранск, 2009. — 23 с.
3. Перепилицын А. В. Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в 60–90-е годы XIX века: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02 / А. В. Перепилицын. — Воронеж, 2007. — 39 с.
4. Янг Сын Чжо. Социальная структура российской деревни в конце XIX — начале XX вв. (1880–1905 гг.): по материалам статистики Центрально-черноземных губерний — Воронежской и Тамбовской: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Янг Сын Чжо. — М., 2008. — 31 с.

Источники на английском языке

1. Abramitzky R. A Nation of Immigrants: Assimilation and Economic Outcomes in the Age of Mass Migration / R. Abramitzky, L. Platt Boustan, K. Eriksson // Journal of Political Economy. — 2014. — Vol. 122, No. 3 (June). — P. 467–506.
2. Acemoglu D. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation / D. Acemoglu, S. Johnson, J. A. Robinson // American Economic Review. — 2001. — Vol. 91, No. 5 (Dec). — P. 1369–1401.
3. Agrarian History of Sweden: From 4000 bc to ad 2000. Edited by Janken Myrdal and Mats Morell. — Lund: Nordic Academic Press, 2011.
4. Allen R. Farm to Factory: A Re-interpretation of the Soviet Industrial Revolution / R. Allen. — М.: ROSSPEN, 2013. — 389 p.
5. Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England / R. Allen // The Economic History Review. New Series. — 1999. — Vol. 52, No. 2. — P. 209–235.
6. Allen R. C. Enclosure and the Yeoman: The Agricultural Development of the South Midlands, 1450–1850 / R. C. Allen. — Oxford: Clarendon Press, 1992. — XVI + 376 p.

7. Amaral L. History of Portugal / L. Amaral // EH.Net Encyclopedia, edited by Robert Whaples. March 16, 2008. — URL: <http://eh.net/encyclopedia/economic-history-of-portugal/> (дата обращения: 19.05.2015).
8. Amaral L. Institutions, property and, and economic growth: Back to the passage from the Ancient Regime to liberalism in Portugal / L. Amaral // *Analise Social*. — 2012. — No. 202.
9. Atkinson D. The end of the Russian land commune, 1905–1930 / D. Atkinson. — Stanford, Calif.: Stanford univ. press, 1983. — XII, 457 p. ISBN 0804711488.
10. Avdasheva S. B. Competition and industrial organization in transition markets: What can we derive from empirical studies? / S. B. Avdasheva, B. V. Kuznetsov, A. Y. Shastitko // *Post-Communist Economies*. — 2007. — Vol. 19, No. 1. — P. 17–33.
11. Auty R. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis / R. Auty. — London: Routledge, 1993.
12. Bailey M. J. How Do Automated Methods Linking Perform? / M. J. Bailey, C. Cole, M. Henderson, C. Massey. Evidence from New Ground Truth, unpublished manuscript. 2017. — URL: http://www-personal.umich.edu/~baileymj/Bailey_Cole_Henderson_Massey.pdf (дата обращения: 17.01.2018).
13. Baldwin R. Trade and Growth: Still Disagreement about the Relationships / R. Baldwin // *Organisation for Economic Co-operation and Development, Economics Department Working Paper ECO. WKP*. — 2000. — No. 37 (October).
14. Barbier E. Natural resources and economic development / E. Barbier. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
15. Becker S. O. Was Weber wrong? A human capital theory of Protestant economic history / S. O. Becker, L. Woessmann // *Quarterly Journal of Economics*. — 2009. — Vol. 124, No. 2 (May). — P. 531–596.
16. Berger T. Did the Computer Revolution shift the fortunes of US cities? Technology shocks and the geography of new jobs / T. Berger, C. Frey // *Regional Science and Urban Economics*. — 2006. — No. 57. — P. 38–45.
17. Berger T. Regional technological dynamism and noncompete clauses: Evidence from a natural experiment / T. Berger, C. Frey // *Journal of Regional Science*. — 2017. — Vol. 57, No. 4. — P. 655–668.
18. Berger T. Structural transformation in the OECD: Digitalisation, deindustrialisation and the future of work / T. Berger, C. Frey // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. — 2016. — No. 193. OECD Publishing, Paris.

19. Bernard A. B. Exceptional Exporter Performance: Cause, Effect, or Both? / A. B. Bernard, J. B. Jensen // *Journal of International Economics*. — 2019. — Vol. 47, No. 1. — P. 1–25.
20. Bernard A. B. Exporting and Productivity in the USA / A. B. Bernard, J. B. Jensen // *Oxford Review of Economic Policy*. — 2004. — No. 20. — P. 343–357.
21. Bernard A. B. Why Some Firms Export / A. B. Bernard, J. B. Jensen // *Review of Economics and Statistics*. — 2004. — No. 86 (2). — P. 561–569.
22. Bernard A. B. Export Entry and Exit by German Firms. *Weltwirtschaftliches Archiv* / A. B. Bernard, J. Wagner // *Review of World Economics*. — 2001. — No. 137 (1). — P. 105–123.
23. Bharucha-Reid A. T. Elements of the Theory of Markov Processes and Their Applications / A. T. Bharucha-Reid. — McGraw-Hill Book Company, Inc, 1960.
24. Bjørnland H. C. Boom or Gloom? Examining the Dutch Disease in Two-speed Economies / H. C. Bjørnland, L. A. Thorsrud // *The Economic Journal*. — 2016. — No. 126 (598). — P. 2219–2256.
25. Black J. Studying History / J. Black, D. MacRaild. — Macmillan Education UK, 2016.
26. Bohac R. D. Peasant inheritance strategies in Russia / R. D. Bohac // *Journal of interdisciplinary history*. — 1985. — Vol. XVI, No. 1. — Summer. — P. 23–42.
27. Brief budget information on the farming and communal farming of Simbirsk governorate. — Simbirsk, 1914.
28. Broadberry Ed. Cambridge Economic History of Europe of a New and Modern Time / Ed. S. Broadberry, K. M. O'Rourke. — M.: Gaidar Institute Press, 2015.
29. Bruckus B. Russia's Grain Exports and Their Future / B. Bruckus, W. Roth // *Journal of Farm Economics*. — 1934. — Vol. 16, No. 4. — P. 662–679.
30. Brunnschweiler C. World Development / C. Brunnschweiler. — 2008. — Vol. 36, No. 3. — P. 399–419.
31. Cassis Y. Capitals of Capital / Y. Cassis // *A History of International Financial Centres, 1780–2005*. — Cambridge University Press, 2006.
32. Charette M. F. The determinants of literacy and numeracy, and the effect of literacy and numeracy on labour market outcomes / M. F. Charette, R. Meng // *Canadian Journal of Economics*. — 1998. — Vol. 31, No 3. (Aug). — P. 495–517.
33. Cheremukhin A. The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model / A. Cheremukhin,

- M. Golosov, S. Guriev, A. Tsyvinski // *The Review of Economic Studies*. — 2017. — Vol. 84, Issue 2. — April. — P. 613–649.
34. Churchill W. If Lee Had Not Won the Battle of Gettysburg / W. Churchill // *Wisconsin Magazine of History*. — 1961. — Vol. 44, No. 4.
35. Clark G. Productivity Growth without Technical Change in European Agriculture before 1850 / G. Clark // *Journal of Economic History*. — 1987. — No. 47. — P. 419–432.
36. Clark G. A Farewell to Alms / G. Clark // *A Brief Economic History of the World*. — Princeton University Press, 2007. — 432 p.
37. Clark G. The Macroeconomic Aggregates for England, 1209–2008 / G. Clark // *Research in Economic History*. — 2010. — P. 51–140. — URL: <http://www.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark/research.html> (дата обращения: 22.04.2015).
38. Corden W. M. Booming Sector and Deindustrialization in a Small Open Economy / W. M. Corden, J. P. Neary // *The Economic Journal*. — 1982. — Vol. 92. — December. — P. 825–848.
39. Cowley R. What if: the world's foremost military historians imagine what might have been: essays / R. Cowley, S. E. Ambrose, J. Keegan, D. McCullough, J. M. McPherson. — Putnam, 1999.
40. Daniele V. Natural resources and economic growth: a curse or a blessing? / V. Daniele. — RePEc, 2011.
41. De Moor T. Every woman counts: A gender-analysis of numeracy in the Low Countries during the early modern period / T. De Moor, J. Luiten Van Zanden // *Journal of Interdisciplinary History*. — 2010. — Vol. 41, No. 2. — Autumn. — P. 179–208.
42. De Vries J. The Industrial Revolution and the Industrious Revolution / J. De Vries // *The Journal of Economic History*. — 1994. — Vol. 54, No. 2. Papers Presented at the Fifty-Third Annual Meeting of the Economic History Association. — P. 249–270.
43. De Vries J. The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy 1500–1815 / J. de Vries, A. van der Woude. — Cambridge University Press, 1997. — 792 p.
44. Deka B. Markov chain algorithms: a template for building future robust low-power systems / B. Deka, A. Birklykke, H. Duwe, V. Mansinghka, R. Kumar // *Philos Trans A Math Phys Eng Sci*. — 2014. — Jun 28. — P. 372. DOI: 10.1098/rsta.2013.0277, 2018.
45. Dennison T. Micro-Perspectives on Living Standards in Nineteenth-Century Russia Steven / T. Dennison, S. Nafziger // *Research Papers in Economics*. — 2011. — June. — P. 8. — URL: https://core.ac.uk/display/6575338?utm_source=pdf&utm_medium=banner&utm_campaign=pdf-decoration-v1

46. Dennison T. Living Standards in Nineteenth-Century Russia / T. Dennison, S. Nafziger // *Journal of Interdisciplinary History*. — 2013. — Vol. 43, No. 3. — P. 397–441.
47. Disease in Two-speed Economies // *The Economic Journal*.— No. 126 (598). — P. 2219–2256.
48. Dittmar J. Media, markets and institutional change: evidence from the Protestant Reformation / J. Dittmar, S. Skipper // *CEP Discussion Papers*, CEPDP1367. Centre for Economic Performance, London School of Economics and Political Science. — London, UK, 2015.
49. Dong H. New Sources for Comparative Social Science: Historical Population Panel Data From East Asia / H. Dong, C. Campbell, S. Kurosu, W. Yang, J. Z. Lee // *Demography*. — 2015. — May. — P. 1–28.
50. Edwards R. A. Economic Growth: Song China and England / R. A. Edwards. — Tamkang University, 2015.
51. Ellis F. Peasant Economics. Farm households and agrarian development / F. Ellis. — Cambridge University Press, 1988.
52. Field D. The Polarization of Peasant Households in Prerevolutionary Russia: Zemstvo Censuses and Problem of Measurement / D. Field // *Research in Economic History Supplement*. — 1989. — No. 5. — P. 477–505.
53. First General Census of population in the Russian Empire in 1897. (Governorate Results). Vol. 1. — St. Petersburg, 1903–1905.
54. Florinsky M. T. Russia: A History and Interpretation. Vol. 2 / M. T. Florinsky. — New York, 1905.
55. Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History / R. Fogel. — Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964.
56. Fourie J. The Data Revolution in African Economic History / J. Fourie // *Journal of Interdisciplinary History*. — 2016. — No. 47 (2). — P. 1–20.
57. Galt R. E. The Moral Economy Is a Double-edged Sword: Explaining Farmers' Earnings and Self-exploitation in Community-Supported Agriculture / R. E. Galt // *Economic Geography*. — 2013. — No. 89 (4). — P. 341–365
58. Gatrell P. The Tsarist Economy 1850–1917 / P. Gatrell. — Chrysalis Books, 1986. — 304 p.
59. Gentzkow M. Ideological Segregation Online and Offline / M. Gentzkow, J. Shapiro // *The Quarterly Journal of Economics*. — 2011. — No. 126. — P. 1799–1839.
60. Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia 1861–1917 / A. Gerschenkron // *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. 6. P. II.— Cambridge: The University Press, 1965.

61. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective* / A. Gerschenkron. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962.
62. Giles J.A. Export-led Growth: A Survey of the Empirical Literature and Some Non-causality Results, Part I / J. A. Giles, C. L. Williams // *Journal of International Trade & Economic Development*. — 2000. — No. 9 (3). — P. 261–337.
63. Giles J. A. Export-led Growth: A Survey of the Empirical Literature and Some Non-causality Results, Part II / J.A. Giles, C. L. Williams // *Journal of International Trade & Economic Development*. — 2000. — No. 9 (4). — P. 445–470.
64. Gimpelson V. Misperceiving Inequality / V. Gimpelson, D. Treisman // *NBER Working Papers*. — 2015. — No. 21174. National Bureau of Economic Research.
65. Goldsmith R.W. *The Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913* / R. W. Goldsmith // *Economic Development and Cultural Change*. — 1961. — Vol. 9, No. 3. — April.
66. Goodwin B. *Tsarist Russia and the World Wheat Market* / B. Goodwin, T. Grennes // *Exploration in Economic History*. — 1998. — No. 35. — P. 405–430.
67. Gregg A. G. *Cliometrics, the Russian Empire, and the Soviet Union* / A. G. Gregg. Middlebury College. April 30, 2023. — 35 p. — URL: <https://ssrn.com/abstract=4433782> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4433782>
68. Gregory P. *Before command : an economic history of Russia from emancipation to the first five-year plan* / P. Gregory. — Princeton: Princeton University Press, 1994.
69. Gregory P. *Grain Marketings and Peasant Consumption, Russia, 1885–1913* / P. Gregory // *Explorations in Economic History*. — 1980. — Vol. 17, No. 2. — P. 135–164.
70. Haber S. Do Natural Resources Fuel Authoritarianism? A Reappraisal of the Resource Curse / S. Haber, V. Menaldo // *American Political Science Review*. — 2011. — February. — P. 1–26.
71. Harrison M. Chayanov and the Economics of the Russian Peasantry / M. Harrison // *Journal of Peasant Studies*. — 1975. — Vol. 2, No. 4. — P. 389–417.
72. Hausmann R. An alternative interpretation for the resource curse: theory and policy implications / R. Hausmann, R. Rigobon // *Fiscal Policy Formulation and Implementation in Oil Producing Countries*, ed. by Davis and others. — Washington: International Monetary Fund, 2003.
73. Hawthorn J. *Plausible Worlds: Possibility and Understanding in History and the Social Sciences* / J. Hawthorn. — Cambridge University Press, 1991.

74. Hoch S. Did Russia's Emancipated Serfs Really Pay Too Much for Too Little Land? Statistical Anomalies and Long-Tailed Distributions / S. Hoch // *Slavic Review*. — 2004. — No. 63.2. — P. 247–274.
75. Hoch S. On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia / S. Hoch // *Slavic Review*. — 1994. — Vol. 53, No. 1. — P. 41–75.
76. Holden S. Land degradation, drought and food security in a less-favoured area in the Ethiopian highlands: a bio-economic model with market imperfections / S. Holden, B. Shiferaw // *Agricultural Economics*. — 2004. — No. 30. — P. 31–49.
77. Isham J. The Varieties of Rentier Experience: How Natural Resource Endowments Affect the Political Economy of Economic Growth / J. Isham, L. Pritchett, M. Woolcock, G. Busby // *The World Bank Economic Review*. — 2005. Vol. 19, No. 2. — P. 141–174.
78. *Ital. degli Econ.* — 16 (3). — P. 500–507.
79. Luiten J. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914 / J. Luiten, van Zanden // *The Economic History Review*. — 1991. — Vol. XLIV, No. 2. — P. 215–239.
80. Johansen S. Estimation and hypothesis test of cointegrating vectors in Gaussian vector autoregressive models / S. Johansen // *Econometrica*. — 1991. — No. 59. — P. 1551–1580.
81. Johnson R. Family Life Cycles and Economic Stratification: a Case Study in Rural Russia / R. Johnson // *Journal of social history*. — 1997. — Spring. — P. 705–731.
82. King G. Ensuring the Data-Rich Future of the Social Sciences / G. King // *Science*. — 2011. — No. 331 (6018). — P. 719–721.
83. Kingston-Mann E. Peasant Communes and Economic Innovation: A Preliminary Inquiry / E. Kingston-Mann // *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921*. Eds. Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. — P. 23–51.
84. Koot G. The Little Divergence and the Birth of the first Modern Economy, or when and why did north western Europe become much richer than southern and eastern Europe. 2013 / G. Koot. — URL: <http://www1.umassd.edu/euro/resources/worldconomy/4.pdf>
85. Kopsidis M. Where is the backward Russian peasant? Evidence against the superiority of private farming, 1883–1913 / M. Kopsidis, K. Bruisch, D.W. Bromley // *Journal of Peasant Studies*. — 2015. — No. 42(2). — P. 425–447.

86. Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread* / S. Kuznets. — New Haven and London: Yale University Press, 1966.
87. *Land Property Statistics. Overall Data on 50 European Regions of Russia.* — St. Petersburg, 1905.
88. Lee H. Why use Markov-switching models in exchange rate prediction / H. Lee, S. Chen // *Economic Modelling*. — 2006. — No. 23. — P. 662–668.
89. Lindert P. Russian Inequality on the Eve of Revolution / P. Lindert, S. Nafziger // *The Journal of Economic History*. — 2014. — Vol. 74, No. 3. — P. 767–798.
90. Long J. Intergenerational Occupational Mobility in Great Britain and the United States Since 1850 / J. Long, J. Ferrie // *The American Economic Review*. — 2013. — No. 103 (4). — P. 1109–1137.
91. López R.A. Trade and Growth: Reconciling the Macroeconomic and Microeconomic Evidence / R.A. López // *Journal of Economic Surveys*. — 2005. — No. 19 (4). — P. 623–48.
92. Lowe H. *Differentiation in Russian Peasant Society: Causes and Trends, 1880–1905* / H. Lowe // *Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*/ ed. by R. Bartlett. — Palgrave Macmillan UK, 1990. — P. 165–195.
93. Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire (May 14, 2019) / A. Markevich. — 90 p. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2555273> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>
94. Markevich A. The Stolypin Reform and Agricultural Productivity in Late Imperial Russia / A. Markevich, P. Castañeda Dower // *European Review of Economic History*. — 2019. — No. 23(3). — P. 241–267.
95. Markevich A. *Russia's Home Front, 1914–1922: The Economy* / A. Markevich, M. Harrison // A chapter for multi-volumes project McDonald D., Steinberg J., and Heywood A. (Eds.) *Russia's Great War and Revolution, 1914–1922: the Centennial Reappraisal*. — Slavica, 2018.
96. Mathias P. *The Cambridge Economic History of Europe (The Cambridge Economic History of Europe)* / P. Mathias, M. Postan (Eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
97. Mehlum H. Institutions and the Resource Curse / H. Mehlum, K. Moene, R. Torvik // *Economic Journal*. — 2006. — Vol. 116. — January.
98. Mejia J. *Social Networks and Entrepreneurship. Evidence from a Historical Episode of Industrialization* / J. Mejia. — URL: <http://wehc2018.org/wp-content/uploads/2018/07/Mejia.pdf> (дата обращения: 18.08.2018).
99. Merl S. Socio-economic Differentiation of the peasantry / S. Merl. In: Davies R. W. (eds) *From Tsarism to the New Economic Policy. Studies in Soviet History and Society*. — London: Palgrave Macmillan, 1990.

100. Metzer J. Railroad Development and Market Integration: The Case of Tsarist Russia / J. Metzer // *The Journal of Economic History*. — 1974. — Vol. 34, No. 3. — P. 529–550
101. Michael R.T. The new theory of consumer behavior / R.T. Michael, G. S. Becker // *Swedish Journal of Economics*. — 1973. — Vol. 75, No. 4.
102. Milanovic B. Pre-industrial Inequality / B. Milanovic, P. Lindert, J. Williamson // *The Economic Journal*. — 2011. — Vol. 121, No. 551. — P. 255–272.
103. Mijatović B. The real urban wage in an agricultural economy without landless farmers: Serbia, 1862–1910 / B. Mijatović, B. Milanović // *Economic History Review*. — 2021. — Vol. 74, Issue 2. — P. 424–448.
104. Mironov B. The Russian Peasant Commune After the Reforms of the 1860s / B. Mironov // *Slavic Review*. — 1985. — No. 44.3. — P. 438–467.
105. Moon D. The Russian Peasantry, 1600–1903 / D. Moon. — London: Longman, 1999.
106. Nafziger S. Land Redistributions and the Russian Peasant Commune in the 19th Century / S. Nafziger. Mimeo. — Department of Economics, Yale University, 2005.
107. Nafziger S. Peasant Communes and Factor Markets in Late Nineteenth century Russia / S. Nafziger // *Explorations in Economic History*. — 2010. — No. 47(4). — P. 381–402.
108. North D.C. Markets and other systems in history: The challenge of Karl Polanyi / D. C. North // *Journal of European Economic History*. — 1977. — Vol. 6, No. 3. — P. 703–716.
109. Nunn N. The Potato's Contribution to Population and Urbanization: Evidence from a Historical Experiment / N. Nunn, N. Qian // *The Quarterly Journal of Economics*. — 2011. — No. 126. — P. 593–650.
110. Overton M. Agricultural Revolution in England 1500–1850 / M. Overton. — Cambridge, 2002. — 258 p.
111. Pallot J. Land Reform in Russia, 1906–1907 / J. Pallot. — Oxford: Clarendon Press, 1999.
112. Papyrakis E. The Resource Curse — What Have We Learned from Two Decades of Intensive Research: Introduction to the Special Issue / E. Papyrakis // *The Journal of Development Studies*. — 2017. — No. 53:2. — P. 175–185.
113. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century / T. Piketty. — Cambridge, MA: Belknap Press, 2014.
114. Pistori B. Exports, imports and growth New evidence on Italy: 1863–2004 / B. Pistori, A. Rinaldi // *Explorations in Economic History*. — 2012. — No. 49. — P. 241–254.

115. Plaggenborg S. Who paid for the industrialisation of tsarist Russia? / S. Plaggenborg // *Revolutionary Russia*. — 1990. — No. 3:2. — P. 183–210.
116. Polanyi K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity) / K. Polanyi. — N.-Y.: Academic Press, Inc, 1977.
117. Pomeranz K. China, Europe and Industrialization in Unmaking the West: “What-If” Scenarios that Rewrite World History / K. Pomeranz. Ed. Philip E. Tetlock, Richard Ned Lebow, and Geoffrey Parker. — University of Michigan Press, 2006.
118. Preliminary Results of 1916 Agricultural Census. Issue 1. European Russia. — St. Petersburg, 1916.
119. Ranson R. The Confederate States of America: What Might Have Been / R. Ranson. — New York: W. W. Norton, 2005.
120. Robinson G. T. Rural Russia under the Old Regime / G. T. Robinson. — Berkeley & L. A., Uni. of California press, 1972.
121. Ross M. Does Oil Hinder Democracy? / M. Ross // *World Politics*. — 2001. — Vol. 53, No. 3.
122. Rostow W. W. The Process of Economic Growth / W. W. Rostow. — Oxford, 1953.
123. Rozinskaya Peasants’ inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia / N. Rozinskaya, A. Sorokin, D. Artamonov // *Scand. Econ. Hist. Rev.* — 2021. — No. 69 (3). — P. 253–277.
124. Rozinskaya N. Impact of grain export on the Russian Empire’s industrial development in the late nineteenth and early twentieth centuries / N. Rozinskaya, A. Arkhina, D. Artamonov // *Scandinavian Economic History Review*. — 2024. — P. 1–20. — URL: <https://doi.org/10.1080/03585522.2024.2373759>
125. Rudra A. Non-maximising behaviour of farmers: crop selection / A. Rudra // *Economic and Political Weekly*. — 1983. — Oct. 1.
126. Ruggles S. The North Atlantic Population Project: Progress and Prospects / S. Ruggles, E. Roberts, S. Sarkar, M. Sobek // *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. — 2011. — No. 44 (1). — P. 1–6.
127. Ruggles S. Integrated Public Use Microdata Series: Version 6.0 [Machine-Readable Database] / S. Ruggles, K. Genadek, R. Goeken, J. Grover, M. Sobek. — Minneapolis, Minn.: University of Minnesota, 2015.
128. Sachs J. Sources of Slow Growth in African Economies / J. Sachs, A. Warner // *Journal of African Economies*. — 1997. — Vol. 6, No. 3.
129. Sala-i-Martin X. Addressing the natural resource curse: an illustration from Nigeria / X. Sala-i-Martin, A. Subramanian // *National Bureau of Economic Research Working Paper*. — Cambridge, Mass: NBER, 2003. No. 9804.

130. Sen A. K. Peasants and dualism with or without surplus labour / A. K. Sen // *Journal of Political Economy*. — 1966. — No. 74.
131. Shai S.-S. *Understanding Machine Learning: From Theory to Algorithms* / S.-S. Shai, B.-D. Shai. — Cambridge University Press, 2014.
132. Shanin T. *The Awkward class: Political sociology of peasantry in a developing society: Russia, 1910–1925* / T. Shanin. — Oxford, 1972.
133. Shin Y. *Modelling Asymmetric Cointegration and Dynamic Multipliers in a Nonlinear ARDL Framework* / Y. Shin, B. Yu, M. Greenwood-Nimmo. In: Sickles R., Horrace W. (eds) *Festschrift in Honor of Peter Schmidt*. — New York, NY: Springer, 2014.
134. Sifman R. Dynamics of the population of Russia for 1897–1914 / R. Sifman. In A. Vishnevskij, ed. *Marriage, birth rate, mortality in Russia and the USSR*. — M., 1977. — P. 62–82.
135. Simms J. The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View / J. Simms // *Slavic Review*. — 1977. — Vol. 36, No. 3. — P. 377–398.
136. Springer-Verlag, L. Inc. *Numerical Analysis for Statisticians*, 1999.
137. Squire J. *If It Had Happened Otherwise* / J. Squire. — Longmans, Green, 1931.
138. Suhara M. An Estimation of an Industrial Production Index for the Russian Empire: 1860–1913 (in Japanese) / M. Suhara // *Working Paper Series. Research Institute of Economic Science, College of Economics*. — Nihon University, 2005. No. 5-02.
139. Terence J. B. The landlord class, peasant differentiation, class struggle and the transition to capitalism: England, France and Prussia compared / J. B. Terence // *The Journal of Peasant Studies*. — 2009. — No. 36:1. — P. 33–54.
140. *The Agrarian History of Sweden, 4000 BC to AD 2000* / ed. by Janken Myrdal & Mats Morell; translations: Ch. Merton. — Lund: Nordic Academic Press, 2011. — 336 p. ISBN 9789185509560.
141. Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (from Sung China to the United States): Selected Counterfactuals / W. Thompson // *Journal of Globalization Studies*. — 2010. — Vol. 1, No. 1. — May. — P. 6–28.
142. Turchin P Seshat: The Global History Databank / P. Turchin, R. Brennan, T. Currie, K. Feeney, P. Francois, D. Hoyer, J. Manning et al. // *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*. — 2015. — No. 6 (1).
143. Van Bavel B. The Jump-Start of the Holland Economy during the Late-Medieval Crisis, 1350–1500 / B. Van Bavel, J. van Zanden // *The Economic History Review*. — 2004. — Vol. 57, No. 3. — P. 503–532.

144. Van Leeuwen B. The origins of 'modern economic growth? Holland between 1500 and 1800 (with an addendum on the years 1348–1500) / B. Van Leeuwen, J. L. van Zanden. 2009. — URL: <http://www.basvanleeuwen.net/bestanden/VanZandenVanLeeuwen21July2009Conference.pdf>
145. Van Leeuwen M. Guilds and middle-class welfare, 1550–1800: provisions for burial, sickness, oldage, and widowhood / M. Van Leeuwen // *Economic History Review*. — 2012. — No. 1. — P. 61–90.
146. Van Zanden L. The Changing Shape of Global Inequality 1820–2000; Exploring a New Dataset / J. Van Zanden, J. Baten, P. van Leeuwen // *Review of Income and Wealth Series*. — 2014. — No. 2.
147. Van Zanden J. Taking the measure of the early modern economy: Historical national accounts for Holland in 1510/14 / J. Van Zanden // *European Review of Economic History*. — 2002. — Vol. 6, No. 2. — P. 131–163.
148. Wagner J. Exports, Foreign Direct Investment, and Productivity: Evidence from German Firm Level Data / J. Wagner // *Applied Economics Letters*. — 2006. — No. 13. — P. 347–49.
149. Wagner J. Export Intensity and Plant Characteristics: What Can We Learn from Quantile Regression? / J. Wagner // *Review of World Economics*. — 2006. — No. 142 (1). — P. 195–203.
150. Wheatcroft St. G. Crisis and Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia / St. G. Wheatcroft // *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921* / Kingston-Mann E., Mixter T. (eds.). — Princeton, NJ, 1991.
151. Williams S. F. Liberal Reform in an Illiberal Regime. The Creation of Private Property in Russia, 1906–1915 / S. F. Williams. — Stanford: Hoover Institution Press, 2006.
152. Worobec C. D. The Post-Emancipation Russian peasant commune and the Stolypin reforms: Peasant attitudes, 1906–14 / C. D. Worobec // *Land commune and the Stolypin reforms: Peasant community in Russia: Communal forms in imperial and early soviet society* / Red. Roger Bartlett. — New York: St. Martine's press, 1990. — P. 219–236.
153. Worobec C. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period / C. Worobec. — DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1995.
154. Wright G. WHY ECONOMIES SLOW: The Myth of the Resource Curse / G. Wright, J. Czelusta // *Challenge*. — 2004. — No. 47:2. — P. 6–38.
155. Wrigley Edward Anthony, and Roger S. Schofield The Population History of England 1541–1871 / E. A. Wrigley, R. S. Schofield. — Cambridge University Press, 1989.

156. Yang J. The competing role of natural gas and oil as fossil fuel and the non-linear dynamics of resource curse in Russia / J. Yang, S. K. A. Rizvi, Z. Tan, M. Umar, M. A. Koondhar // *Resource Policy*. — 2021. — No. 72. — P. 102100.
157. Zhuravskaya E. New Russian Economic History (November 13, 2021) / E. Zhuravskaya, S. Guriev, A. Markevich // *Journal of Economic Literature*, forthcoming. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3962960> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3962960>

Электронное издание сетевого распространения.
22,5 печ. л. Опубликовано 22.10.2025.
Издательство «ЭФ МГУ имени М.В. Ломоносова»;
www.econ.msu.ru; +7 (495) 939-17-15

Розинская Н. А.

**Институциональные особенности
модернизации аграрного сектора в России
(вторая половина XIX — начало XX вв.)**

ISBN 978-5-907690-87-5

